

Князь Всеволодъ Николаевичъ ШАХОВСКОЙ

Б. Въ Должности Гофмейстера Двора Е. И. В.

Б. Министръ Торговли и Промышленности

„Sic transit
gloria mundi“

(Такъ проходитъ мiрская слава)

1893-1917 г.г.

ПАРИЖЪ

1952 г.

Князь Всеволодъ Николаевичъ ШАХОВСКОЙ

Б. Въ Должности Гофмейстера Двора Е. И. В.

Б. Министръ Торговли и Промышленности

„Sic transit
gloria mundi“

(Такъ проходитъ мiрская слава)

1893-1917 г.г.

ПАРИЖЪ

1952 г.

Tous droits de traduction et de reproduction réservés
pour tous pays.

Copyright 1952 by the author.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ выѣзда, или, вѣрнѣе, бѣгства, изъ Россіи 9 Апрѣля 1919 г., т. е. черезъ 18 мѣсяцевъ большевицкаго владычества, я, временно, поселился въ Даніи, гдѣ, по настоянію моей жены, на свободѣ и на свѣжую память, я сдѣлалъ записи и наброски моихъ воспоминаній. Въ дальнѣйшемъ, по переѣздѣ 20 мая 1920 г. во Францію, мнѣ удалось розыскать кое-какіе матеріалы и документы для подтвержденія и пополненія моихъ записей.

Многіе изъ сообщаемыхъ мною фактовъ уже извѣстны лицамъ интересующимся послѣдними годами Старой Царской Россіи, изъ обнародованныхъ разными авторами воспоминаній. Однако, къ сожалѣнію, я долженъ отмѣтить, что, зачастую, приходится констатировать въ нихъ либо неточность и искаженіе передаваемыхъ фактовъ, либо неправильное освѣщеніе ихъ, либо передачу явно ложныхъ слуховъ за истину.

Относясь до крайности серьезно къ точности передачи того, **чего я былъ свидѣтелемъ или участникомъ**, я счелъ своимъ священнымъ долгомъ излагать только то, **въ точности передачи чего, я не имѣю никакихъ сомнѣній**. Благодаря тому обстоятельству, что весь мой личный архивъ раздѣлилъ въ Россіи участь всего моего имущества, естественно, значительно сократились полнота и объемъ моихъ воспоминаній.

**

30 Августа 1944 г. произошла страшная для меня катастрофа. Американскими снарядами была убита моя горячо любимая жена*), съ которой я прожилъ сорокъ семь съ половиною лѣтъ. Она была моей моральной опорой, пережившей со мной и поддерживавшей меня все тяжкое время состоянія моего у власти. Затѣмъ она, спасая меня, прошла черезъ нѣсколько большевицкихъ тюремъ и допросовъ подъ револьверами, все при ужасныхъ условіяхъ.

При первой возможности, мы были вынуждены, съ глубокою скорбью, покинуть наше ОТЕЧЕСТВО.

Въ виду того, что всѣ мои записи были, какъ я указалъ въ началѣ предисловія, сдѣланы по настойчивому желанію моей жены, я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ обработать ихъ.

Закончивъ нынѣ эту работу, я посвящаю ее моей незабвенной подругѣ жизни КНЯГИНѢ АЛЕКСАНДРЪ МИХАИЛОВНѢ ШАХОВСКОЙ рожденной ОНУ.

*) Я былъ гяжело раненъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Я не могу начать изложеніе своихъ воспоминаній, не отдавъ дань Свѣтлой Памяти Императора Николая II.

Зная Его съ молодого возраста, прослуживъ въ разныхъ должностяхъ все время царствованія Государя, имѣя, какъ видно изъ дальнѣйшаго, неоднократные случаи близко соприкаться съ Нимъ, и, наконецъ, призванный быть, послѣдніе два года царствованія, однимъ изъ ближайшихъ Его сотрудниковъ, въ качествѣ министра, я считаю своимъ долгомъ дать о Немъ, хотя бы краткую, но правдивую характеристику.

Служилъ я вѣрно и нелицемѣрно, какъ повелѣваетъ присяга, и не только за страхъ и за совѣсть, какъ гласитъ статья 4-ая Основныхъ Законовъ, но и по личному влеченію къ этой удивительной и исключительной личности, которую я глубоко почиталъ.

Не оцѣнивали Его только лица, не имѣвшія съ Нимъ соприкосновенія, но всячески распространявшія о Немъ ложные слухи для возбужденія общественнаго мнѣнія и для преступныхъ революціонныхъ цѣлей.

Глубоко вѣрующій Христіанинъ, всѣмъ умомъ и сердцемъ любящій Россію, постоянно пекущійся о благополучіи Своего народа, прекрасный семьянинъ, безконечная доброта, удивительная чуткость, — вотъ главнѣйшія черты Императора Николая II. Если онъ не всегда довѣрялъ нѣкоторымъ лицамъ изъ Своего окруженія за ихъ чрезмѣрные лести и низкопоклонство, то къ народу Своему, солдату, матросу, рабочему, крестьянину, Онъ относился съ широкимъ покровительствомъ, искренней любовью и безконечной добротой.

За время царствованія Императора Николая II, Россія сдѣлала совершенно исключительные шаги въ своемъ развитіи. Достаточно вспомнить:

Введеніе въ 1897 г. золотого денежнаго обращенія, поставившаго Россію въ дѣловыхъ, финансовыхъ и коммерческихъ отношеніяхъ на равную съ Западомъ ногу.

Отдача **даромъ** богатѣйшихъ Кабинетскихъ*) земель Алтая подъ переселеніе крестьянъ.

Окончаніе постройки Сибирской желѣзной дороги.

Быстрое развитіе Сибири, постройка церквей, больницъ, школъ.

*) Кабинетскія земли составляли личную собственность царствующаго Монарха. Размѣръ земли Алтая представляетъ изъ себя двѣнадцать разъ Бельгію.

Огромное развитие всѣхъ отраслей промышленности.
Крестьянское землеустройство въ Европейской Россіи.
Развитіе крестьянской мелкой собственности. Выходъ изъ общины.

Постройка громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Развитіе торговыхъ операций съ границей (экспортъ).

Громадный шагъ въ развитіи народнаго образованія.

Добровольный отказъ отъ слова, находившагося въ первой статьѣ законовъ Россійской Имперіи: «неограниченный».

Созданіе Государственной Думы.

Введеніе въ Государственный Совѣтъ выборныхъ членовъ въ равномъ съ назначаемымъ Монархомъ числѣ.

Кромѣ всего этого — возбужденіе Государемъ Императоромъ Николаемъ II высоко гуманнаго начинанія — о созданіи Гаагской мирной конференціи.

Этотъ краткій перечень реформъ и начинаній Императора Николая II не можетъ оспариваться даже лицами самыхъ лѣвыхъ убѣжденій. Все это факты неоспоримые.

**

Бунтъ расквартированныхъ въ столицѣ призывныхъ, организованный социаль-революционерами, не могъ бы нанести серьезнаго удара, если бы къ нему не присоединилась и не возглавила бы его Государственная Дума во главѣ съ предсѣдателемъ ея Камергеромъ Двора Его Величества РОДЗЯНКОЙ. Этотъ преступный актъ показываетъ, въ какой мѣрѣ «народные избранники» не отдавали себѣ отчета о недопустимости организовывать революцію во время жестокой внѣшней войны.

Членъ Государственнаго Совѣта ГУЧКОВЪ, завѣдомо злѣйшій врагъ Государя, и членъ Государственной Думы ШУЛЬГИНЪ, взяли на себя преступное порученіе требовать отъ Государя отреченія отъ престола.

Начальникъ Штаба Государя генераль-адъютантъ АЛЕКСѢЕВЪ поручилъ, находившемуся при немъ чиновнику Министерства Ин. Д. Базили, составить проектъ акта отреченія (не принятый Государемъ) и разослать всѣмъ Главнокомандующимъ арміями телеграмму съ предложеніемъ рекомендовать по телеграфу Государю отречься отъ престола. Почти всѣ главнокомандующіе точно исполнили это предложеніе. А одинъ изъ нихъ, дядя Государя Императора, Намѣстникъ Кавказскій, Генераль-Адъютантъ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ даже по телеграфу «умолялъ колѣнопреклонно отречься». Главнокомандующій Сѣверо-Западнымъ фронтомъ генераль-адъютантъ РУЗСКІЙ принималъ лично дѣятельное участіе въ переговорахъ и грубыхъ требованіяхъ передъ Государемъ объ отреченіи.

Вотъ какъ себя показали и ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ВЫСШІЙ ВОЕННЫЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВЪ.

ЗАКЛАДКА ЛИБАВСКАГО ПОРТА.

12 августа 1893 года состоялась закладка Либавскаго военнаго порта, названнаго впоследствии портомъ Императора Александра III. Событіе это памятно въ исторіи отношеній Россіи съ Германіей; оно знаменовало укрѣпленіе новаго направленія русской внѣшней политики.

Церемонія закладки была обставлена весьма торжественно. На рейдѣ было сосредоточено много судовъ Балтійскаго флота. Наканунѣ прибылъ на Императорской яхтѣ «Полярная Звѣзда» Императоръ Александръ III съ Семейей.

Въ день закладки погода была чрезвычайно свѣжая, перешедшая къ вечеру въ штормъ. Это помѣшало «Полярной Звѣздѣ» продолжать послѣ закладки свой путь направляясь въ Копенгагенъ, гдѣ Царская Семья обычно проводила, въ видѣ отдыха, осенніе мѣсяцы. На слѣдующій день погода не стихла. По этой ли причинѣ или въ виду того, что было 13-е число, но отбытія Государя Императора не послѣдовало и весь флотъ остался на рейдѣ въ Либавѣ.

Послѣ завтрака, неожиданно для всѣхъ, на «Полярной Звѣздѣ» былъ поднятъ сигналъ о томъ, что Государь Императоръ назначаетъ парусную гонку для шлюпокъ, стоящихъ на рейдѣ судовъ. Въ гонкѣ, въ виду весьма свѣжей погоды, должны были принять участіе только крупныя парусныя суда, т. е. барказы и катера. Задача была дана: обойти въ указанномъ направленіи подъ парусами вокругъ эскадры и по выполненіи этого пройти створъ двухъ стоявшихъ на рейдѣ судовъ.

Въ гонкѣ принялъ участіе и я въ качествѣ старшины (рулевого) катера, съ крейсера «Память Азова». Въ это время я былъ гардемаринномъ и оканчивалъ свой цензъ для производства въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ первый офицерскій чинъ.

Управление шлюпкой подъ парусами всегда особенно занимало меня; это былъ почти единственный спортъ, который мнѣ нравился. Въ штормовую погоду назначенное состязаніе имѣло особенный интересъ и даже представляло нѣкоторую опасность; во время гонки, для выигрыша времени, приходится дѣлать болѣе рискованные повороты и брать болѣе крутые галсы, чѣмъ въ обычное время, когда потеря, осторожности ради, нѣсколькихъ минутъ не имѣетъ значенія. Въ категоріи катеровъ я пришелъ на конечный створъ съ призомъ.

Призовымъ шлюпкамъ было приказано приставать къ трапу «Полярной Звѣзды». Насъ выстроили во фронтъ на палубѣ. Всѣ мы имѣли далеко не смотровой видъ. Многіе были насквозь мокрые отъ разбивавшихся о шлюпку волнъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отъ чрезмѣрнаго крена шлюпки во время гонки.

Къ намъ вышла Императрица Марія Феодоровна съ дочерью Ксеніей и Ольгой Александровнами.

Когда меня представляли Императрицѣ, Ея Величество милостиво сказала мнѣ нѣсколько словъ и, наравнѣ съ другими нижними чинами, съ улыбкой дала мнѣ серебряный рубль, отчеканенный специально по случаю закладки Либавскаго порта.

Это было мое первое личное представленіе Государынѣ. Оно произвело на всю мою жизнь глубокое впечатлѣніе. Удивительная простота Императрицы, совершенно исключительная ласковость въ обращеніи, очаровательная улыбка, все это какъ-то особенно распадало къ Ней. Я сразу почувствовалъ благоговѣніе передъ Русскою Императрицей. Впослѣдствіи мнѣ пришлось многократно имѣть счастье не только представляться, но и видать подолго и близко Императрицу, особенно во время плаваній. Каждый разъ я испытывалъ то же чувство. И даже послѣдній разъ, когда я видѣлъ Ее, уже совершенно въ иныхъ условіяхъ, послѣ революціи, послѣ гибели Отечества и Царской Семьи, послѣ бѣгства изъ Россіи, въ тихой Даніи, въ виллѣ Нvidöre, въ Кламненборгѣ, все то же чувство благоговѣнія переживалъ я вновь передъ Императрицей, державшей себя съ исключительнымъ достоинствомъ и съ тою же привѣтливостью.

На слѣдующій день «Полярная Звѣзда» снялась съ якоря и Государь отбылъ изъ Либавы въ Копенгагенъ.

17 сентября того же года, т. е. черезъ мѣсяць послѣ закладки Либавскаго порта, фельдъегерь привезъ въ Копенгагенъ для Высочайшей подписи приказъ по флоту о производствѣ гардемаринъ въ мичманы. Подписавъ приказъ, Государь Императоръ, зная съ какимъ нетерпѣніемъ молодежь ожидаетъ производства, отправилъ телеграмму Управляющему Морскимъ Министерствомъ съ приказаніемъ произвести гардемаринъ въ мичманы, не ожидая возвращенія фельдъегеря. Всѣ мы, въ числѣ 51 мичмана, высоко оцѣнили столь тонкое вниманіе со стороны Монарха.

Г Л А В А II.

ГВАРДЕЙСКІЙ ЭКИПАЖЪ.

Я былъ зачисленъ въ 18-ый флотскій экипажъ, расквартированный на взморьѣ, на южной оконечности Васильевскаго острова въ Петербургѣ, въ такъ называемыхъ Дерябинскихъ казармахъ. Однако, начать тамъ службу я даже не успѣлъ: молодые мичманы получали обычно двухмѣсячный отпускъ, въ теченіе котораго, по распоряженію Генераль-Адмирала Великаго Князя Алексѣя Александровича, я былъ прикомандированъ къ Гвардейскому Экипажу. Августѣйшимъ шефомъ экипажа состояла Императрица Марія Феодоровна; командиромъ же былъ контръ-адмиралъ Неваховичъ. Въ Гвардейскомъ Экипажѣ и протекла вся моя, правда, кратковременная, служба во флотѣ.

Гвардейскій Экипажъ считался въ числѣ самыхъ нарядныхъ

частей гвардіи. Хотя онъ всецѣло состоялъ въ вѣдѣніи Морско-го вѣдомства, но на зимніе мѣсяцы, когда офицеры и команды возвращались изъ плаваний въ Петербургъ, его причисляли къ гвардейскому корпусу въ отношеніи несенія, наравнѣ съ гвардіей, строевой и караульной службы въ столицѣ. Въ этомъ онъ подчинялся командиру гвардейскаго корпуса.

Офицерскій составъ объединялся въ каютъ-компаніи и жилъ дружной семьей, свято соблюдая старыя традиціи. 6-го Декабря, — день Св. Николая Чудотворца, былъ экипажнымъ праздникомъ. День этотъ начинался парадомъ въ Михайловскомъ манежѣ, затѣмъ офицеры приглашались во Дворецъ къ Высочайшему завтраку. Послѣ завтрака устраивался «sercle», т. е. офицеры становились группой въ одномъ изъ залъ дворца, а Высочайшія Особы обходили ихъ и удостаивали разговорами. Вечеромъ бывалъ нарядный ужинъ въ каютъ-компаніи. Кромѣ того, въ зимнее время, почти ежемѣсячно, происходили обѣды, которые возглавлялись Генераль-Адмираломъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. На нихъ присутствовали многіе Великіе Князья, а иногда и Императоръ Николай II въ бытность Его Наслѣдникомъ. На этихъ обѣдахъ участвовали и прежніе, ушедшіе офицеры, которые обычно не порывали связи съ экипажемъ.

Какъ общее правило, служба морская и береговая исполнялись офицерами съ большою акуратностью, рвеніемъ и гордостью, къ чести той части, въ которой они служили.

Составъ нижнихъ чиновъ былъ первоклассный. При распредѣленіи новобранцевъ экипажъ обычно получалъ самыхъ отборныхъ рослыхъ и бравыхъ молодцовъ. Въ экипажѣ происходилъ новый отборъ великановъ и красавцевъ, зачислявшихся въ первую роту, носившую названіе роты Ея Величества. Строевая выправка и дисциплинированность были образцовыя. При обученіи обращалось серьезное вниманіе и на развитіе умственныхъ способностей.

Осенью 1894 г. обнаружилась тяжкая болѣзнь Императора Александра III. Доктора рекомендовали Ему ѣхать немедленно въ Крымъ, а оттуда отправиться еще южнѣе; намѣчался Корфу. Было рѣшено срочно отправить «Полярную Звѣзду» изъ Петербурга въ Черное Море.

Императрица вызвала къ себѣ командира яхты князя Я. И. Шаховского и первая лично объявила ему о предстоящемъ плаваніи, выражая крайнее сочувствіе, что ему, только что вернувшемуся изъ плаванія, приходится вновь, и, можетъ быть надолго, оставить семью. При этомъ Императрица дала ему распоряженіе, чтобы въ число офицеровъ яхты былъ зачисленъ и я. На возраженіе дяди о неудобствѣ для него имѣть меня въ числѣ подчиненныхъ, Императрица отвѣтила, что это Ея рѣшеніе и что Она рада, что на яхтѣ будетъ кто-нибудь изъ его близкихъ.

Мы собрались въ плаваніе съ исключительной быстротой. Въ каждомъ порту мы съ трепетомъ читали все ухудшавшіяся

извѣстія о состояніи здоровья Государя, но надежда насъ не покидала до самаго послѣдняго момента; намъ казалось, что именно мы принесемъ Ему исцѣленіе перевозкой въ теплый климатъ.

Памятный для всей Россіи день 20 Октября 1894 г., день кончины Царя Миротворца, засталъ насъ въ Бискайскомъ заливѣ. Выдержавъ жестокой штормъ, мы зашли въ Испанскій портъ Виго, гдѣ насъ ожидала телеграмма съ горестнымъ извѣстіемъ. Весь личный составъ яхты былъ глубоко потрясенъ. Всѣ близко знали Царя. Мы употребили громадныя усилія, чтобы не потерять ни одного дня и, какъ можно скорѣе, прибыть въ Черное море для перевозки Монарха въ цѣлебные края... Всѣ надежды и самая цѣль нашего плаванія — рухнули.

Послѣ отслуженной панихиды, офицеры и команда вышли на верхнюю палубу и съ глубокимъ подъемомъ, со слезами на глазахъ, принесли присягу на вѣрность Императору Николаю II и Наслѣднику Его, Цесаревичу и Великому Князю Георгію Александровичу.

Въ Виго мы провели нѣсколько дней, испрашивая указаній, должны ли мы идти дальше или намъ надлежитъ вернуться обратно. По полученіи распоряженій, мы вышли въ Севастополь съ заходомъ въ Картагены, Неаполь, Пирей. По прибытіи въ Севастополь мы приготовили яхту на зимовку, послѣ чего весь свободный составъ офицеровъ и команды былъ отправленъ въ Петербургъ въ экипажъ. За время послѣдняго плаванія къ 6-му Декабря я былъ переведенъ въ Гвардейскій экипажъ (до того времени я былъ «причисленнымъ»).

Не прошло мѣсяца со времени нашего возвращенія въ Петербургъ какъ мы получили новое распоряженіе: немедленно вернуться въ Севастополь на «Полярную Звѣзду» и идти въ Батумъ, гдѣ принять на бортъ Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича, проживавшаго постоянно, по болѣзни, въ Абасъ-Туманѣ. Доктора предписывали ему пребываніе, на нѣкоторое время, въ Алжирѣ.

Болѣзненный видъ Цесаревича насъ очень поразилъ. Кромѣ лицъ свиты, его сопровождалъ Великій Князь Николай Михайловичъ.

Во время пребыванія въ Алжирѣ, черезъ состоявшаго при Наслѣдникѣ, въ качествѣ старшаго чина свиты, Кап. I ранга Барона Э. А. Штакельберга, моего бывшаго командира по «Скобелеву», мнѣ было сдѣлано отъ Цесаревича предложеніе быть, по окончаніи плаванія, откомандированнымъ для состоянія при немъ въ Абасъ-Туманѣ. Конечно, такое предложеніе было крайне лестно для столь молодого офицера, но тѣмъ не менѣе я отклонилъ его.

Въ Алжирѣ мы встрѣтили Пасху 1895 года и затѣмъ, въ виду жаркаго мая, вышли въ обратный путь въ Батумъ, гдѣ Наслѣдникъ покинулъ яхту, трогательно простившись съ нами и предварительно вручивъ каждому офицеру свой портретъ, снятый въ Алжирѣ, съ подписью. Никому изъ насъ не было суждено увидать еще Наслѣдника Георгія Александровича.

Исполнивъ возложенное на насъ порученіе, мы направились опять вокругъ Европы для слѣдованія въ Кронштадтъ.

По заведенному еще при Александрѣ III обычаю, каждую осень Императрица Марія Феодоровна, отправлялась на «Полярной Звѣздѣ» въ Копенгагенъ, гдѣ проводила около двухъ мѣсяцевъ. Мы ожидали Ее тамъ и возвращались съ Нею къ самому закрытію навигаціи въ Кронштадтъ.

Въ 1896 году Государь съ Императрицею Александрою Феодоровною посѣтили Англию и Францію. Обѣ яхты, новая — «Штандартъ» и старая «Полярная Звѣзда» были призваны къ участию въ этомъ историческомъ событіи. Не желая обижать ни ту, ни другую яхту, Государь рѣшилъ сдѣлать часть перехода на «Штандартѣ», а другую на «Полярной Звѣздѣ». Къ тому времени, за назначеніемъ Князя Я. И. Шаховского командиромъ Гвардейскаго Экипажа, командованіе «Полярной Звѣздой» было ввѣрено капитану I ранга Барону Э. А. Штакельбергу. На насъ выпала честь перевозить Государя изъ Портсмута въ Шербургъ. Путешествіе было обставлено громадною торжественностью. 5-го Октября нов. ст. мы вышли изъ Портсмута, имѣя сзади, въ качествѣ конвоира, яхту «Штандартъ». Справа и слѣва отъ насъ, въ двѣ кильватерныя колонны, шель, провожая Государя Императора, величественный Британскій флотъ. Погода была чрезвычайно свѣжая, и несмотря на это флотъ отлично держалъ строй. На срединѣ Ламанша яхту встрѣтилъ, въ такомъ же построеніи, Французскій флотъ, салютовавшій, поднятому на «Полярной Звѣздѣ» Императорскому Штандарту. При этомъ салютѣ мы изъ двухъ колоннъ Британскаго флота перешли въ такія же колонны Французскаго флота. Британскій флотъ сдѣлалъ крутой поворотъ для слѣдованія въ обратный путь и произвелъ прощальный салютъ Императорскому Штандарту. Величіе этой торжественной и могущественной картины не поддается никакому описанію. Я увѣренъ, что у всѣхъ видѣвшихъ ее, она запомнилась на всю жизнь.

Какъ видно изъ изложеннаго, служба во флотѣ явно улыбалась мнѣ. Однако, я сознавалъ, что для дальнѣйшаго усовершенствованія, мнѣ предстояло сдѣлать нѣсколько длительныхъ плаваній. Между тѣмъ состояніе моего здоровья сильно затрудняло мои плаванія. Кромѣ того я рано женился и мечталъ о семейной жизни. Обстоятельства эти заставили меня придти къ заключенію, что, оставаясь во флотѣ, я сдѣлался бы «посредственнымъ морякомъ». Я принялъ поэтому рѣшеніе перейти на гражданскую службу, въ надеждѣ сдѣлаться «хорошимъ чиновникомъ».

Г Л А В А III.

ПЕРЕХОДЪ НА ГРАЖДАНСКУЮ СЛУЖБУ.

Въ Февралѣ 1898 г. я съ грустью покинулъ Гвардейскій Экипажъ и перешелъ въ министерство финансовъ. Я былъ назначенъ

чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ и откомандированъ для занятія должности столоначальника въ департаментѣ торговли и мануфактуръ. Въ составѣ этого департамента былъ только что образованъ особый отдѣлъ торговаго мореплаванія, гдѣ мнѣ пришлось работать. Во главѣ отдѣла стоялъ А. Е. Конкевичъ, извѣстный подъ псевдонимомъ А. Бѣломора, писатель морскихъ разсказовъ.

Я заинтересовался гражданской службой и быстро попалъ на хорошій счетъ у начальства. Года черезъ два, по выраженному Императрицей Маріей Феодоровной желанію, я былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера, что дало мнѣ право имѣть пріѣздъ ко двору, и тѣмъ самымъ представилась возможность остаться въ числѣ лицъ, лично извѣстныхъ Ихъ Величествамъ.

Въ 1902 году отдѣлъ торговаго мореплаванія сталъ довольно часто посѣщаться, состоявшимся въ распоряженіи Великаго Князя Александра Михайловича, Н. Н. Беклемишевымъ, бывшимъ въ то время еще лейтенантомъ. По непонятной для насъ причинѣ, онъ интересовался многими находившимися въ производствѣ вопросами, бралъ разныя справки, перезнакомился со всѣмъ нашимъ составомъ и, какъ-то разъ, таинственно сказалъ мнѣ: «будущее чревато событіями». Конечно, фразу эту было не легче понять, чѣмъ пророчество Пифіи. Однако, скоро появилась разгадка таинственныхъ словъ Беклемишева.

Въ первыхъ числахъ Ноября 1902 г. былъ опубликованъ Высочайшій Указъ объ образованіи Главнаго Управленія торговаго мореплаванія и портовъ, равнаго съ министерствами учрежденія. Въ это новое вѣдомство были включены, выдѣленные изъ министерства финансовъ — отдѣлъ торговаго мореплаванія и изъ министерства путей сообщенія — отдѣлъ торговыхъ портовъ. Цѣлью реформы было всемѣрное стремленіе содѣйствовать развитію нашего торговаго флота. Главнуправляющимъ былъ назначенъ Великій Князь Александръ Михайловичъ, находившійся въ то время въ Крыму въ своемъ имѣніи Ай-Тодоръ.

Черезъ нѣсколько дней по опубликованіи указа объ учрежденіи новаго вѣдомства, Конкевичъ получилъ телеграмму отъ Главнуправляющаго съ предложеніемъ командировать меня въ Ай-Тодоръ для исполненія обязанности секретаря Его Высочества.

Великій Князь принялъ меня чрезвычайно просто и мило. Онъ лично зналъ меня раньше по Гвардейскому Экипажу, гдѣ въ мое время онъ командовалъ ротой Ея Величества.

За нѣсколько дней до моего прибытія, въ Ай-Тодоръ произошло радостное семейное событіе — рожденіе Князя Ростислава Александровича, названнаго такъ въ честь броненосца «Ростиславъ», которымъ передъ этимъ командовалъ Великій Князь. Великая Княгиня была еще въ кровати.

Меня поселили вмѣстѣ со свитою въ особомъ флигелѣ, такъ

называемомъ свитскомъ домѣ. Мы завтракали, обѣдали и проводили вечера въ семейномъ кругу Великаго Князя.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего приѣзда Великая Княгиня перешла въ гостиную на кушетку, и я былъ позванъ къ ней послѣ завтрака. Я былъ пораженъ привѣтливостью Великой Княгини. Ей удивительно шли, перевязанныя голубой ленточкой волосы; она казалась еще моложе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Нельзя было повѣрить, что она мать шестого ребенка. По своему очарованію она напоминала мнѣ свою Августѣйшую Мать.

Въ этотъ приѣздъ я провелъ въ Ай-Тодорѣ около двухъ мѣсяцевъ. Черезъ два года мнѣ, по желанію Великаго Князя, пришлось провести тамъ еще одну осень.

Съ большою благодарностью я всегда вспоминаю Великую Княгиню и покойнаго Великаго Князя за ихъ постоянное ласковое и доброе ко мнѣ отношеніе. Работать подъ начальствомъ Великаго Князя было легко и пріятно. Онъ былъ человѣкомъ чрезвычайно доступнымъ и интереснымъ, большого ума и широкой инициативы.

Ай-Тодоръ непосредственно соприкасался съ Ливадіей, любимой осенней резиденціей Государя. Эти два имѣнія были соединены дорожкой, проложенной по парку Ай-Тодора и черезъ виноградникъ Ливадин. Семья Государя и семья Великаго Князя зачастую ходили по ней пѣшкомъ другъ къ другу. Дорожка эта называлась «горизонтальной».

По возвращеніи въ Петербургъ въ поѣздѣ Великаго Князя, я получилъ назначеніе чиновника особыхъ при немъ порученій, начальника отдѣленія его канцеляріи и замѣстителя управляющаго канцеляріей. Тогда же мнѣ пришлось впервые познакомиться съ сыгравшимъ впоследствии большую роль въ моей жизни, глубокочтимымъ мною, С. В. Рухловымъ. Онъ былъ въ это время назначенъ изъ статсъ-секретарей Государственнаго Совѣта — Товарищемъ Главноуправляющаго торговымъ мореплаваніемъ и портами. Мнѣ сразу пришлось много работать по непосредственнымъ указаніямъ Сергѣя Васильевича, а во время отъѣздовъ Великаго Князя, когда управляющій канцеляріей сопровождалъ его, я ежедневно бывалъ у Сергѣя Васильевича съ длительными докладами. Совмѣстная работа чрезвычайно сблизила насъ. Я былъ счастливъ, что мнѣ удавалось удовлетворять строгимъ служебнымъ требованіямъ такого опытнаго дѣятеля.

Благодаря отношеніямъ ко мнѣ Великаго Князя и Сергѣя Васильевича я сразу занялъ въ Главномъ Управленіи довольно видное по моему возрасту положеніе.

Во время Русско-Японской войны, послѣ гибели нашего флота въ Цусимѣ, былъ образованъ, подъ предѣдательствомъ Великаго Князя, Особый Комитетъ по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія. Я былъ единственнымъ изъ чиновъ Главнаго Управленія, который былъ, личнымъ рескриптомъ Ве-

ликаго Князя, привлеченъ, въ качествѣ члена, въ составъ этого комитета и принималъ въ немъ дѣятельное участіе.

Съ образованіемъ кабинета графа Витте, Великій Князь оставилъ постъ Главноуправляющаго. Молодое вѣдомство торговаго флота цѣликомъ вошло въ составъ, вновь образованнаго министерства торговли и промышленности. С. В. Рухловъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Первымъ министромъ торговли и промышленности былъ В. И. Тимирязевъ, который до того времени управлялъ въ министерствѣ финансовъ учрежденіями по части торговли и промышленности. Въ составъ новаго министерства переходили двѣ канцеляріи: одна — главнаго управленія, другая — учрежденій по части торговли и промышленности. Совершенно естественно, управленіе объединенной канцеляріей было ввѣрено лицу, которое стояло раньше во главѣ этой канцеляріи. Мнѣ предстояло войти въ ея составъ. Отношенія мои съ лицомъ, поставленнымъ во главѣ канцеляріи, съ давнихъ поръ были натянуты. Поэтому я опредѣленно рѣшилъ ни одного дня не быть подъ его начальствомъ.

Въ то время мнѣ было всего 31 годъ. Со свойственной этому возрасту живостью и съ присущей мнѣ тогда рѣшительностью, я тотчасъ же поѣхалъ, къ вновь назначенному Министру, и просилъ его дать мнѣ двухмѣсячный отпускъ для подысканія другой службы; при этомъ я прямо изложилъ причину моего рѣшенія.

До сихъ поръ я отношусь съ благодарностью къ тому, какъ принялъ это Василиій Ивановичъ. Спокойно и разсудительно онъ сказалъ, что, имѣя обо мнѣ самыя лучшія свѣдѣнія, онъ не хочетъ лишаться меня въ министерствѣ и спросилъ, какая другая должность устроила бы меня. Я указалъ, что есть возможность назначенія меня членомъ отъ министерства торговли и промышленности въ комитетъ управленія желѣзныхъ дорогъ, что не составитъ мнѣ ровно никакого повышенія. Министръ тотчасъ же согласился и далъ мнѣ это назначеніе. Спустя много времени, когда я уже самъ былъ назначенъ министромъ, я напомнилъ Василию Ивановичу этотъ эпизодъ и отмѣтилъ, какъ я ему благодаренъ за такой оборотъ дѣла; въ его власти было отвѣтить мнѣ совершенно иначе...

Комитетъ управленія желѣзныхъ дорогъ вѣдалъ хозяйствомъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Онъ состоялъ изъ престарѣлыхъ чиновъ министерства путей сообщенія. Кромѣ нихъ въ комитетъ входили члены отъ заинтересованныхъ вѣдомствъ. Представители министерства финансовъ и государственнаго контроля играли тамъ явно доминирующую роль. Это чрезвычайно поразило меня, такъ какъ свидѣтельствовало до какой степени министерство путей сообщенія выпустило изъ рукъ собственное хозяйство. Въ новой роли я явился связующимъ звеномъ между комитетомъ и органами министерства торговли и промышленности, главнымъ образомъ, горнымъ департаментомъ и отдѣломъ промышленности.

Вскорѣ началась частая смѣна министровъ торговли и про-

мысленности. Одинъ изъ временныхъ преемниковъ Тимирязева, М. М. Федоровъ, столь хорошо теперь извѣстный въ эмигрантской средѣ исключительной энергіей, кристальной честностью и глубокой преданностью дѣлу, которому онъ себя посвятилъ, сталъ давать мнѣ, сверхъ моихъ прямыхъ обязанностей, порученія по ревизіи мѣстныхъ портовыхъ управленій. Ревизіи мои обычно кончались серьезными переменами личнаго состава портовыхъ управленій. Мѣстные чины стали вскорѣ ихъ опасаться.

При одномъ изъ послѣдующихъ министровъ, И. П. Шиповѣ, я былъ назначенъ управляющимъ административной частью отдѣла торговыхъ портовъ, т. е. на должность равную вице-директору департамента. Назначеніе это вполне меня удовлетворяло и давало большое поле для почти самостоятельной работы.

Въ концѣ 1909 года Министромъ Торговли и Промышленности былъ назначенъ Сергѣй Ивановичъ Тимашевъ. Скоро послѣ этого я началъ опредѣленно задумываться объ оставленіи этого вѣдомства. Меня сильно тяготили отношенія съ новымъ министромъ, совершенно не умѣвшимъ разобратся въ искренности стремленій его сотрудника работать съ полнымъ интересомъ къ дѣлу, которое ему поручено. Въ качествѣ управляющаго административной частью отдѣла торговыхъ портовъ я ежедневно являлся къ нему, какъ и къ его предшественнику, на докладъ. Чрезвычайно нервный, нетерпѣливый, онъ не могъ спокойно сидѣть, слушая докладчика. Онъ все время вертѣлся, чуть не вылѣзая на спинку кресла.

Всѣ его рѣшенія по докладамъ были противоположны съ моими взглядами. Быть можетъ, былъ виноватъ въ этомъ я самъ, и объясняется это тѣмъ, что свой докладъ я никогда не ограничивалъ изложеніемъ существа дѣла и фактической стороной, но добавлялъ обычно заключеніемъ, какъ, съ точки зрѣнія интересовъ дѣла, я полагаю бы поступить. Мы явно не удовлетворяли другъ друга. Я чувствовалъ, что надо искать себѣ что-нибудь другое; наша взаимная непріязнь могла кончиться не ладно. Предо мною опредѣленно открывалась дорога къ частной пароходной дѣятельности, куда меня уже давно втягивали нѣсколько видныхъ дѣятелей Русскаго Общества Пароходства и Торговли, оцѣнившихъ мои шаги въ качествѣ сперва члена ревизіонной коммисіи, а затѣмъ члена совѣта Общ-ва. Наиболѣе настойчивымъ въ этомъ отношеніи былъ Предсѣдатель Правленія Анат. Ев. Молчановъ. Онъ хотѣлъ, чтобы, настоявъ на принятіи мною должности члена правленія, я засимъ согласился быть директоромъ распорядителемъ.

Этимъ дѣломъ я, дѣйствительно, интересовался, но я не рѣшался на этотъ шагъ. Мнѣ казалось, что промѣнять «идею» государственной службы на частную дѣятельность я всегда успѣю, въ случаѣ надобности, тѣмъ болѣе, что я все же для своихъ молодыхъ лѣтъ, занималъ сравнительно хорошее положеніе, и дальнѣйшее движеніе мнѣ не было закрыто.

ПЕРЕХОДЪ ВЪ М-ВО ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

29 января 1909 г. Министромъ путей сообщенія былъ назначенъ Сергій Васильевичъ Рухловъ, задавшійся цѣлью обновить и перестроить, порученное ему вѣдомство и достигшій черезъ нѣсколько лѣтъ серьезныхъ результатовъ, о которыхъ я упоминаю въ особой главѣ моихъ воспоминаній.

Въ Января 1910 г. Рухловъ рѣшилъ разстаться со своимъ директоромъ канцеляріи А. А. Палтовымъ. Взоры всѣхъ, знавшихъ мои прежнія близкія служебныя и добрыя личныя отношенія съ Сергѣемъ Васильевичемъ, обратились на меня. Однако, смѣна Директора канцеляріи состоялась, и замѣстителемъ Палтова былъ назначенъ Н. И. Туганъ-Барановскій. Но 13-го Февраля я былъ вызванъ къ министру путей сообщенія, который заявилъ мнѣ, что онъ желаетъ произвести полную реорганизацію управления внутреннихъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ, даетъ начальнику управления инженеру Н. И. Максимовичу новое назначеніе (членомъ Инженернаго совѣта), а меня приглашаетъ занять его мѣсто! Не могу скрыть, что если бы мнѣ была предложена должность директора канцеляріи, то это меня не удивило бы; но то, что предлагалъ мнѣ Сергій Васильевичъ, было абсолютной для меня неожиданностью. Предложеніе это было крайне лестное. Послѣ годового управления Министерствомъ Рухловъ могъ себѣ отдать отчетъ, какъ многосложна и отвѣтственна эта должность, и онъ останавливается на мнѣ! Должность эта по своему рангу стояла выше директора департамента. Она была какъ бы промежуточной между директоромъ д-та и товарищемъ министра; въ положеніи о ней сказано: «сверхъ правъ директора департамента, начальнику управления предоставляется» и далѣе идетъ перечень нѣкоторыхъ правъ, обычно принадлежавшихъ товарищу министра. Въ 35 лѣтъ получить такое высшее назначеніе было исключительной карьерой! Это заставило меня, конечно, оставить помыслы о переходѣ на частную службу и всецѣло направить всѣ свои силы на упорную, тяжелую, но благодарную работу. Я сознавалъ всѣ трудности предстоявшей мнѣ дѣятельности и не безъ страха шелъ на нее. Эти пять лѣтъ, пять тяжелыхъ лѣтъ, были наиболѣе созидательной и продуктивной работой въ моей жизни; они окончателно сформировали изъ меня административнаго работника.

При необъятныхъ размѣрахъ Россіи и сбиліи крупныхъ рѣкъ, значеніе водныхъ путей, дающихъ возможность перевозокъ массовыхъ грузовъ на дальнія разстоянія по дешевымъ тарифамъ, было совершенно исключительнымъ. Однако, со времени приступа въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія къ широкому желѣзнодорожному строительству, отпускъ крупныхъ кредитовъ на улучшение водныхъ и шоссейныхъ путей почти прекратился, и какъ водное, такъ и шоссейное хозяйство были заброшены.

Назначая меня начальникомъ упр. внутреннихъ водныхъ путей и шоссеиныхъ дорогъ, Сергѣй Васильевичъ желалъ сдвинуть это дѣло съ мертвой точки. Я всецѣло отдался дѣлу и увлекся имъ до такой степени, что оставилъ всѣ другіе интересы, посвятивъ себя цѣликомъ и исключительно служебной работѣ. Описанію моей пятилѣтней дѣятельности на этомъ поприщѣ посвящены нѣсколько послѣдующихъ главъ моихъ воспоминаній. Но здѣсь же я долженъ сказать, что, если мнѣ удалось кореннымъ образомъ перестроить вѣренное мнѣ учрежденіе и внушить довѣріе Государственной Думы къ новому направленію воднаго и шоссеинаго вѣдомства, то я обязанъ этимъ, прежде всего, незабвенному С. В. Рухлову.

Онъ видѣлъ мою работу и чувствовалъ мои подчасъ ючень тяжелыя переживанія. Онъ давалъ мнѣ принципиальныя указанія въ главныхъ штрихахъ, предоставляя мнѣ все остальное. Я твердо держался этихъ указаній, а онъ былъ увѣренъ, что я сдѣлаю все отъ меня зависящее для выполненія ихъ. Когда же мнѣ была нужна авторитетная, дѣловая поддержка, то Сергѣй Васильевичъ давалъ мнѣ ее цѣликомъ, какъ могъ дѣйствовать только твердый и сильный министръ Царскаго режима.

Въ чемъ же заключалась трудность предстоящей мнѣ дѣятельности? Громадное, рутинное вѣдомство, юдно изъ тѣхъ, которое не работало вовсе въ созидательномъ смыслѣ. Репутація его не отличалась отъ репутаціи стараго интендантства*). Серьезныя силы почти не шли въ ряды водныхъ и шоссеиныхъ инженеровъ, не желая портить себѣ репутацію. Прежніе начальники управленія, стремившіеся оздоровить это вѣдомство: Андреевскій, Столпаксъ, Иваницкій, всѣ юни не могли достигнуть сколько-нибудь ощутительныхъ результатовъ. Б. Е. Иваницкій, обладавшій несомнѣнной энергіей, долженъ былъ сложить оружіе. Старый инженерный составъ вполнѣ проникся убѣжденіемъ, что всякій начальникъ управленія не изъ инженеровъ не будетъ въ состояніи руководить этимъ дѣломъ. Поэтому меня встрѣтили нѣкоторые съ улыбкой, а другіе съ убѣжденіемъ, что скоро сунѣють убрать меня.

Итакъ, мнѣ предстояли задачи: оздоровить вѣдомство, создать кадръ новыхъ работниковъ и развить интенсивную дѣятельность по улучшенію нашихъ водныхъ богатствъ и шоссеиныхъ путей.

Достигъ ли я чего-нибудь? Одинъ изъ моихъ друзей сказалъ мнѣ, что мой большой недостатокъ заключается въ неумѣи себя рекламировать. Но я, безъ всякихъ рекламныхъ приѣмовъ, все же долженъ передъ самимъ собой подвести итоги моей пятилѣтней дѣятельности по министерству путей сообщенія.

Одной изъ немалыхъ трудностей моего положенія было то, что

*) Главный Интендантъ Генераль Шуваевъ, своей рѣшительностью и настойчивостью смогъ кореннымъ образомъ реформировать это учрежденіе и ввести въ интенданствѣ безупречную честность.

вѣдомство водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ состояло, вполне естественно, почти исключительно, изъ инженеровъ и, главнымъ образомъ, инженеровъ Путей Сообщенія. Совершенно понятно, что инженеры предпочитаютъ имѣть во главѣ вѣдомства инженера. При нормальныхъ условіяхъ оно и является вполне естественнымъ. Но въ томъ положеніи, въ которомъ находилось вѣдомство В. П. и Ш. Д., назначеніе во главѣ инженера П. С. было невысказано. Только совершенно постороннее лицо могло перевернуть наизнанку все, стряхнуть всю рутину, не считаться съ корпоративными соображеніями, ввести совершенно новую струю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не могъ упускать изъ вида, что все же безъ тѣснаго сотрудничества съ инженерами П. С. для меня никакая дѣятельность невозможна. Приходилось рушить старое зданіе осторожно; разрушать, разогнать легко, но вѣдь нужно не только не оставить руины, но и незамедлительно создавать новое, соотвѣтствующее и требованіямъ жизни, и моимъ понятіямъ.

Въ этомъ отношеніи мнѣ черезъ сравнительно короткій срокъ удалось подобрать себѣ изъ состава управленія весьма достойныхъ, честныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ, преимущественно изъ молодыхъ. Инженеръ пут. сообщ. Калининъ, всячески до меня затираемый и цѣлый рядъ другихъ инженеровъ, составили тотъ кадръ, на который я могъ спокойно полагаться.

Долженъ отмѣтить, что борьба моя съ такъ называемымъ «зеленымъ кантомъ», которая была необходима потому, что въ водныхъ путяхъ и шоссейныхъ дорогахъ свили себѣ гнѣздо, главнымъ образомъ, нежелательные элементы этого зеленого канта, привела меня къ убѣжденію, что инженеры пут. сообщ. представляютъ изъ себя весьма сильную, цѣнную и достойную корпорацію. Высокое техническое образованіе и традиціонная солидарность, столь рѣдкая въ русскихъ корпораціяхъ, придаютъ особое значеніе, для государства располагать такой силой. Къ чести ихъ я долженъ отмѣтить, что, хотя и не будучи въ состояніи бороться противъ тѣхъ злоупотребленій, которыя чинились въ водныхъ путяхъ, инженеры другихъ службъ и управленій всячески сторонились своихъ же товарищей, создавшихъ «зеленому канту» столь дурную репутацію. Могу указать даже конкретные примѣры, когда высшій составъ желѣзнодорожныхъ инженеровъ одного изъ большихъ центровъ явно не желалъ сходить съ высшимъ составомъ мѣстнаго округа путей сообщенія.

Такимъ образомъ, мнѣ предстояла серьезная борьба. Останавливаться на полумѣрахъ было нельзя. Очень большое число инженеровъ и техниковъ пришлось привлечь къ суду, еще больше уволить. Сколько слезъ, сколько угрозъ мнѣ пришлось видѣть. Каждый изъ виновныхъ доказывалъ идейность его службы, честность, недоразумѣніе въ данномъ дѣлѣ, наконецъ, семья, жена, дѣти... Одновременно съ симъ сыпались лжедоносы министру на меня, я же получалъ постоянно анонимныя письма съ угрозами, кто убѣждалъ убить, а кто побить. Атмосфера была тяжелая. Сколь-

ко бессонныхъ ночей пришлось пережить, когда шелъ на рѣшеніе погубить человѣка, отдавая его подъ судъ или увольняя его.

Въ то же время я долженъ былъ считаться съ невѣроятно низкими окладами содержанія **мѣстныхъ** чиновъ управленія.

Напримѣръ, шоссеинный инженеръ, начальникъ участка, прослужившій лѣтъ двадцать, не имѣя впереди ровно никакого движенія, получалъ какихъ-нибудь 100-150 руб. въ мѣсяць, тогда какъ его сверстники достигали на желѣзныхъ дорогахъ крупныхъ окладовъ. Ему оставалось или уйти, или пуститься на злоупотребленія, тѣмъ болѣе, что поле для злоупотребленій и на водныхъ путяхъ, и на шоссеинныхъ дорогахъ громадное. Черпая песокъ, рефулируемый въ ту же рѣку, можно, при желаніи, составить какую угодно отчетность, или, запасая щебенъ для шоссе, можно тоже достигнуть громадныхъ результатовъ. Эта щебенка имѣла удивительно притягательную силу и часто только она задерживала на мѣстѣ инженера, получавшаго кличку «щебеночнаго».

Мои стремленія улучшить условія службы мѣстныхъ чиновъ вполнѣ раздѣлилъ Сергѣй Васильевичъ. Послѣ серьезной борьбы съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ, ему удалось добиться ихъ согласія на внесеніе въ Государственную Думу представленія объ увеличеніи окладовъ. Представленіе это было одобрено и получило силу закона. Но, въ то же время, я получилъ въ административномъ порядкѣ право дѣлать нѣкоторыя отчисленія отъ строительныхъ кредитовъ для дальнѣйшаго улучшенія быта служащихъ.

Затѣмъ предстояло созданіе новаго кадра инженеровъ. Задача была тоже нелегкая. Всѣхъ молодыхъ инженеровъ обычно манила служба желѣзнодорожная. Пришлось обратиться къ ректорамъ нѣсколькихъ высшихъ инженерныхъ учебныхъ заведеній и политехниковъ съ просьбой рекомендовать, лучшимъ оканчивающимъ студентамъ, поступать въ Управленіе в. п. и ш. д. Съ своей стороны, я пообѣщалъ ректорамъ, что каждый, кто придетъ съ ихъ рекомендаціей, будетъ принятъ мною на службу, даже, если не было бы въ тотъ моментъ свободныхъ ваканцій.

Результаты скоро сказались. Почти во всѣхъ округахъ стоимость работъ значительно понизилась, а между тѣмъ цѣны на рабочія руки и на матеріалы неукоснительно шли вверхъ все послѣднее десятилѣтіе.

Такимъ образомъ, оздоровленіе вѣдомства и созданіе кадра новыхъ работниковъ шло параллельно. Въ концѣ концовъ, за мое пятилѣтнее управленіе, изъ десяти начальниковъ округовъ семь было новыхъ, а изъ инженернаго состава добрая половина была замѣнена.

На мѣсто начальниковъ округовъ я избиралъ, главнымъ образомъ, молодыхъ и энергичныхъ инженеровъ.

Я далекъ отъ мысли утверждать, что въ послѣдніе годы моего управленія не было на мѣстахъ никакихъ злоупотребленій,

но я вполне увѣренъ, что, могли быть лишь единичные случаи, а не правильно организованныя коллективныя злоупотребленія, которыя были прекращены.

Въ Апрѣлѣ 1912 года, въ общемъ собраніи Государственной Думы я давалъ объясненія по смѣтѣ на 1912 годъ. Послѣ нѣсколькихъ выступленій членовъ Думы, относительно злоупотребленій въ округахъ путей сообщеній, я, въ своей рѣчи съ трибуны заявилъ слѣдующее:

«Считаю необходимымъ напомнить, что приведенныя мною данныя, указывающія на значительное улучшеніе нашего хозяйства, конечно, подтверждаютъ то, что цѣлый рядъ лицъ трудится надъ улучшеніемъ порученнаго имъ дѣла. Я боюсь, что огульнымъ постояннымъ обвиненіемъ округовъ п. с. въ злоупотребленіяхъ, вы бичуете не только дѣйствительно виноватыхъ, но вы морально угнетаете и достойныхъ слугъ Отечества.

Я хотѣлъ бы слышать отъ Госуд. Думы не только слова порицанія, а хотѣлъ бы слышать слова поощренія и одобренія тѣмъ честнымъ труженникамъ, которыхъ не мало въ округахъ путей сообщенія».

Голоса въ центрѣ и справа: «браво», аплодисменты (точный текстъ стенограммы).

Помимо двухъ упомянутыхъ мною задачъ, предстояла третья — развитіе интенсивной дѣятельности и производство новыхъ работъ на водныхъ путяхъ. Здѣсь я натолкнулся на удивительное явленіе. Въ управленіи не оказалось подготовленныхъ проектовъ для производства работъ. Былъ разрѣшенный кредитъ на работы на рѣкѣ Окѣ и, давно внесенный и валявшійся въ Думѣ проектъ шлюзованія Сѣв. Донца, который при мнѣ Дума пропустила. Предстояла подготовка новыхъ проектовъ. Для этой цѣли мною создано, широко поставленное бюро техническихъ и экономическихъ изслѣдованій водныхъ путей и составленія проектовъ ихъ улучшенія и развитія. По этому вопросу имѣется специальное описаніе въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Съ чувствомъ искренняго удовлетворенія, черезъ нѣсколько времени, эту организацію и ея работы я демонстрировалъ своему Министру и членамъ законодательныхъ палатъ. Широта и планомерность постановки этого дѣла поражала тѣхъ, которые привыкли къ мелкой безсистемной работѣ управленія. Въ результатъ всего этого появилась цѣлая библіотека по техническимъ и экономическимъ изслѣдованіямъ.

Степень развитія дѣятельности управленія достаточно видна, если сравнить послѣдовательно пять смѣтъ управленія, по которымъ я работалъ. Принявъ смѣту около 25 милл. руб., я сдалъ смѣту почти въ 50 милл. руб. и это въ то время, когда такъ было трудно добиваться казенныхъ ассигнованій, когда о каждомъ увеличеніи смѣты приходилось выдерживать бой съ казначейскими хранителями государственнаго достоянія, которые по требованію

Министра финансовъ Коковцова старались запрягать вѣдомства въ старыя рамки, когда Гос. Дума держалась приблизительно той же политики и членъ Гос. Думы Герценвицъ, докладчикъ по смѣтѣ управленія, урѣзывалъ всякія, съ трудомъ полученныя въ вѣдомственныхъ комиссіяхъ, ассигнованія, чтобы доказать Думѣ полезность своей работы.

Я долженъ отдать справедливость, что въ указанное мною время тѣ думскіе круги, съ которыми мнѣ приходилось работать, оцѣнивали мои успѣхи и относились съ явнымъ поощреніемъ.

Доброжелательное отношеніе къ дѣятельности управленія выразилась между прочимъ тѣмъ, что строительство новыхъ шоссе стратегическаго значенія въ Западномъ краѣ, по думской инициативѣ, передано было изъ военнаго вѣдомства мнѣ.

Изъ этого краткаго и поверхностнаго очерка видно, что поставленныхъ мною трехъ задачъ оздоровленія вѣдомства, созданія кадра и развитія активной дѣятельности я, какъ-будто бы, достигъ, и въ свое время, при всей тяжести и нервности работы, я чувствовалъ несомнѣнное удовлетвореніе. Оно тѣмъ болѣе было пріятно, что при вступленіи въ должность я былъ встрѣченъ до крайности враждебно. Черезъ нѣсколько лѣтъ я несомнѣнно пользовался уваженіемъ среди многочисленнаго состава подчиненныхъ, въ чемъ я имѣлъ много случаевъ убѣдиться впоследствии, даже послѣ катастрофы революціи.

Въ доказательство справедливости изложенія вышеуказанной моей дѣятельности, я здѣсь же коснусь и того момента, когда, съ назначеніемъ меня управляющимъ министерствомъ торговли и промышленности, я прощался съ моими сослуживцами по управленію. Такъ не гостепріимно принятый при вступленіи моемъ въ должность, я былъ глубоко тронутъ сердечнымъ и искреннимъ прощаніемъ со мною бывшихъ моихъ, въ теченіе пяти лѣтъ, сослуживцевъ. Залъ Управленія едва вмѣщалъ всѣхъ пришедшихъ проститься со мной. Говорились рѣчи, подносились адреса. Трогательная подробность, что служащія женщины, участвуя въ общемъ отъ управленія адресъ, поднесли мнѣ свой отдѣльный трогательный адресъ, съ благодарностью за мое къ нимъ отношеніе и за улучшеніе ихъ служебныхъ условій. Адресъ этотъ онѣ сохраняли до послѣдняго момента въ секретѣ отъ другихъ служащихъ.

Въ рядѣ газетъ появились статьи съ одобрительными по моему адресу отзывами, а въ «Новомъ Времени» было прямо сказано: «Шаховской сдастъ исправленное вѣдомство».

Г Л А В А V.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПО УПРАВЛЕНІЮ ВН. ВОДН. ПУТ.

Междувѣдомственная комиссія проф. Тимонова.

Вскорѣ по вступленіи въ должность министра, С. В. Рухловъ, основываясь на высказанномъ Государственной Думой по-

желаніи о составленіи плана работъ по улучшенію водныхъ путей, образоваль для сей цѣли особую междувѣдомственную комиссію, назначивъ предсѣдателемъ ея профессора Института Инж. П. С. Всеволода Евгениевича Тимонова. Назначеніе это произвело большой переполохъ въ вѣдомствѣ водныхъ путей; оно было принято, какъ недовольство инженеромъ Максимовичемъ, бывшимъ въ то время начальникомъ управленія, и какъ рѣшеніе министра замѣнить его Тимоновымъ. Это такъ и было. Сергѣй Васильевичъ имѣлъ опредѣленные данныя считать, что при Максимовичѣ, одномъ изъ ветерановъ водныхъ инженеровъ, невозможно перестроить это вѣдомство на тѣхъ новыхъ началахъ, къ которымъ онъ стремился. Въ расчетъ его даже входило, что Максимовичъ обидится и уйдетъ самъ. Максимовичъ все это отлично зналъ, но, несмотря на распространившіеся слухи объ его уходѣ и проникновенію ихъ въ печать, вовсе не собирався уходить. Новую междувѣдомственную комиссію онъ неглижироваль и, конечно, самъ ее не посѣщаль.

Тѣмъ временемъ Тимоновъ до такой степени доказаль свою непригодность для занятія высокаго административнаго поста и такъ обнаружилъ свою совершенно исключительную безтактность, что, весьма скоро, министръ долженъ былъ оставить свою первоначальную мысль и, въ поискахъ другого кандидата, остановился на мнѣ, котораго онъ до тѣхъ поръ прочилъ себѣ въ директора Канцеляріи.

Обращаясь къ годовой дѣятельности междувѣдомственной комиссіи Тимонова, я долженъ отмѣтить, что ею была выработана примѣрная программа желательныхъ въ ближайшіе годы работъ. Материалами для этой цѣли служили тѣ данныя, которыя хранились на полкахъ управленія. Если не былъ выработанъ настоящій планъ улучшеній, то, во всякомъ случаѣ, созданъ перечень необходимыхъ работъ. Тимоновъ, усердно рекламируя себя, волей неволей рекламироваль и самую мысль объ улучшеніи существовавшихъ и постройкѣ новыхъ путей и тѣмъ пріучаль общественное мнѣніе и законодательныя учрежденія къ необходимости ассигнованій на водное строительство.

Я нѣсколько разъ побываль въ этой комиссіи и скоро вывелъ заключеніе объ абсолютной невозможности сохраненія ея безъ явнаго ущерба моей политикѣ, намѣреніямъ и престижу.

Я воспользоваль вскорѣ происшедшимъ въ засѣданіи между мною и Тимоновымъ конфликтомъ, который былъ основанъ, съ одной стороны, на совершенно исключительной безтактности по отношенію ко мнѣ въ присутствіи моихъ подчиненныхъ, Тимонова, а съ другой, на присущей мнѣ въ то время рѣшительности. Конфликтъ произошелъ въ субботу. Вечеромъ же мною лично былъ составленъ письменный докладъ Министру, воскресенье утромъ онъ былъ переписанъ и къ 2 часамъ дня, съ экстреннымъ курьеромъ, доставленъ Министру. Въ этомъ докладѣ я подробно излагаль сущность конфликта, указываль на ненормальность су-

ществованія междувѣдомственной комиссіи, не зависимой отъ Управленія, отмѣтилъ, что я лишень возможности твердо и планомерно проводить свои начинанія при ея наличіи, и заканчивалъ тѣмъ, что, съ моей точки зрѣнія, надлежитъ признать, что комиссія исполнила возложенную на нее задачу и подлежитъ нынѣ упраздненію. Не прошло и двухъ часовъ, какъ, съ экстреннымъ курьеромъ, докладъ мой былъ присланъ обратно съ резолюціей Министра о прекращеніи дѣятельности комиссіи и о слачѣ всѣхъ ея трудовъ и матеріаловъ въ Управленіе.

Начальники Округовъ П. С.

Въ вѣдѣніи моемъ и непосредственномъ подчиненіи были десять начальниковъ Округовъ. Эти лица по должности «Особы IV класса», по чину нѣкоторые Тайные Совѣтники, особенно болѣзненно приняли мое назначеніе. Я ихъ, конечно, понимаю и понималъ тогда. Съ одной стороны, старыя, заслуженныя лица должны подчиниться юному статскому совѣтнику, да еще изъ моряковъ, которые по Управленію вообще занимали лишь небольшія должности инспекторовъ судоходства; съ другой стороны, нѣкоторые изъ нихъ понимали, что начнется новая струя, которая должна ихъ смести, если они не сумѣютъ быстро ликвидировать меня.

По существовавшему съ давнихъ поръ обычаю, по пріѣздѣ въ Петербургъ, начальники Округовъ имѣли право являться къ Министру и дѣлать ему доклады. Начальникъ Управленія совершенно не зналъ, о чемъ его подчиненные докладывали. Къ начальнику Управленія просто приходилъ начальникъ Округа и заявлялъ: Министръ приказалъ то-то и то-то. На первыхъ же порахъ я понялъ, что это продолжаться не можетъ. Я доложилъ всю нецѣлесообразность такого порядка Сергѣю Васильевичу, объяснилъ, что для престижа на мѣстѣ въ провинціи, конечно, начальники Округовъ должны быть принимаемы Министромъ, но не иначе какъ въ присутствіи начальника Управленія, которому они предварительно докладываютъ все, что они хотятъ довести до свѣдѣнія Министра. Я предложилъ, чтобы пріѣзжающіе начальники округовъ являлись къ Министру, не отнимая у него лишняго времени, на моемъ ближайшемъ докладѣ. Такое положеніе сразу подняло мой престижъ и дало возможность взять дѣло въ свои руки. Конечно, и съ извѣстной долей справедливости, шагъ этотъ былъ объясненъ моей «властностью», но это было совершенно необходимо для введенія надлежащаго порядка въ распушенномъ вѣдомствѣ.

Бюро изысканій.

При детальномъ ознакомленіи съ дѣятельностью управленія, я особенно остановился на работѣ такъ называемыхъ изыскательныхъ партій, которыя съ наступленіемъ весенняго времени выѣзжали на назначенныя имъ рѣки для всякаго рода техническихъ изслѣдованій и возвращались осенью съ тѣмъ, чтобы, въ зимніе

мѣсяцы, обрабатывать полученныя ими данныя. Мнѣ сразу пришлось убѣдиться, что дѣло это было поставлено изъ рукъ вонъ плохо.

Не существовало никакихъ инструкцій, обязательныхъ къ руководству при изысканіяхъ. Начальникъ изысканій, т. е. молодой инженеръ, производилъ все по своему личному усмотрѣнію и зачастую упускалъ важное. Всѣ начальники изысканій подчинялись только непосредственно управляющему отдѣломъ водныхъ путей, который, конечно, былъ заваленъ другой работой и не могъ удѣлять много времени, чтобы детально ознакомиться съ работой изысканій.

Служебныхъ помѣщеній для изыскателей въ стѣнахъ управленія не было, за недостаткомъ свободнаго мѣста. Они либо ютились въ своихъ собственныхъ квартирахъ, либо нанимали гдѣ-нибудь комнаты или мелкія квартиры. Такимъ образомъ, работа ихъ ускользала отъ какого то ни было надзора и контроля. Признавъ это положеніе нетерпимымъ, я принялъ слѣдующія мѣры: 1. — Учредилъ въ управленіи особое Бюро изысканій (техническое) и назначилъ завѣдующимъ этимъ бюро наиболѣе опытнымъ и лучшаго изыскателя инж. Родевича. Всѣхъ изыскателей подчинилъ ему. 2. — Поручилъ Родевичу, подъ его предсѣдательствомъ, и съ участіемъ всѣхъ изыскателей, составить общую полную техническую программу работъ. 3. — Предложилъ состоявшему при Управленіи техническому совѣщанію обсудить программу, которую я и утвердилъ. 4. — За неимѣніемъ въ домѣ управленія свободнаго мѣста, распорядился о наймѣ для всѣхъ партій общей большой квартиры, а засимъ, по капитальной перестройкѣ дома управленія, перевелъ все бюро въ общее зданіе. Въ этомъ послѣднемъ помѣщеніи я и демонстрировалъ своему Министру и членамъ Государственной Думы успѣхи изыскательскихъ партій, о чемъ я уже упоминалъ выше. Каждый начальникъ изысканій долженъ былъ во время этой демонстраціи сдѣлать очень краткій докладъ.

Засимъ, считая, что никакой крупный кредитъ на новыя работы по воднымъ путямъ нельзя испрашивать, не приведя достаточныхъ данныхъ для сужденія о степени выгоды и цѣлесообразности работы, я рѣшилъ, параллельно съ техническими изысканіями, организовать экономическое обследованіе каждой проектируемой работы. Во главѣ этого дѣла я поставилъ профессора Всеволода Васильевича Никольскаго, подъ редакціей котораго было выпущено нѣсколько серьезныхъ трудовъ.

Дактилографистки.

Въ Управленіи служило значительное число женщинъ для переписки на машинкахъ. Въ то время стенографія имѣла еще малое распространеніе. Въ правительственныхъ учрежденіяхъ пользовались исключительно дактилографіей.

Служащіе вообще раздѣлялись въ то время на двѣ категоріи. Штатныя чины, т. е. находящіеся на штатныхъ должностяхъ, счи-

тались на государственной службѣ и имѣли права на пенсію. Не штатные считались служащими по вольному найму и не имѣли правъ на пенсію. Къ этой категоріи относились всѣ женщины. Въ каждомъ дѣлопроизводствѣ ихъ было отъ двухъ до пяти, въ общемъ около тридцати.

Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось констатировать крайне нежелательныя явленія. Работа была неправильна распределена, нѣкоторыя перегружены работой, а другія имѣли много свободного времени. Но самое скверное, что, по распушенности мужского персонала, творились совершенно непристойныя сцены, что, конечно, отражалось крайне тяжело на большей части вполнѣ приличныхъ дактилографисткахъ.

Я сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе. Всѣ дактилографистки изъемяются изъ дѣлопроизводствъ и сосредоточиваются въ одномъ, общемъ для всего Управленія, бюро. Во главѣ я поставилъ старшую по возрасту переписчицу. Переписочныя работы должны быть славаемы чиновниками завѣдующей бюро, которая распределѣяла всѣ работы между переписчицами. Сперва нѣкоторыя изъ нихъ были недовольны и прислали ко мнѣ депутацію съ просьбой поставить во главѣ ихъ мужчину, но я не уступилъ. Вскорѣ все прекрасно наладилось. Нравственность значительно поднялась, тѣмъ болѣе, что двухъ или трехъ не удовлетворительнаго поведенія я уволилъ.

Засимъ, зная, что женщины получали совершенно недопустимо нищенскіе оклады, я, постепенно, по мѣрѣ возможности, повысилъ ихъ настолько, что ко времени моего ухода ихъ оклады почти утроились. Независимо отъ всего этого, я сдѣлалъ черезъ завѣдующую бюро распоряженіе, что всѣмъ женщинамъ я даю право пропускать службу три дня въ мѣсяцъ. Учетъ этихъ пропусковъ должна вести завѣдующая бюро. Это распоряженіе произвело большое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что нигдѣ въ другихъ учрежденіяхъ такой гигиенической мѣры не практиковалось.

Черезъ нѣсколько времени я почувствовалъ, въ какой мѣрѣ всѣ безъ исключенія женщины были благодарны мнѣ за мои заботы о нихъ.

Пароходы для Сибири.

По смѣтѣ 1914 г. была ассигнована специальная сумма на приобрѣтеніе для Сибирскихъ рѣкъ четырехъ пароходовъ и двухъ баржей.

Постройка этихъ судовъ въ Россіи оказалась совершенно невозможной. На выполненіе заказа требовалось нѣсколько лѣтъ. Приходилось на одномъ изъ заводовъ изготовить всѣ части, перевезти ихъ по желѣзной дорогѣ на мѣсто назначенія и уже въ Сибири собирать ихъ, устроивъ для этого на берегахъ Оби и Енисея специальныя мастерскія. При такихъ условіяхъ, стоимость заказа достигала баснословной суммы.

Поэтому, пользуясь присутствіемъ въ Петербургѣ норвежца Jonas Lied, бывшего сотрудника извѣстнаго изслѣдователя Ледо-

витаго океана профессора Нансена, я рѣшилъ воспользоваться его опытомъ и энергіей. Г-нъ Лидъ, принявшій русское подданство, былъ организаторомъ плаваній въ устья Сибирскихъ рѣкъ черезъ Карское море.

Я поручилъ ему, совместно съ инженеромъ Поповымъ, начальникомъ Томскаго округа, приобрести въ Гамбургѣ готовые суда и доставить, вмѣстѣ съ его флотиліей, эти пароходы и баржи въ устья Оби и Енисея. Готовность ихъ къ отправкѣ изъ Германіи почти какъ разъ совпала съ объявленіемъ Германіей войны Россіи. Лидъ, съ его исключительной энергіей, успѣлъ за 16 часовъ до объявленія войны вывести всѣ суда изъ Гамбурга и съ огромными затрудненіями доставилъ ихъ въ мѣста назначенія. Главная опасность была въ возможности взрыва подводными лодками. За выполненіе этой весьма трудной и рискованной задачи, я выхлопоталъ ему званіе потомственного почетнаго гражданина, чѣмъ онъ очень гордился.

За полгода Германія знала о войнѣ.

По той же смѣтѣ на 1914 годъ я имѣлъ довольно крупное ассигнованіе на заказъ землечерпательныхъ снарядовъ. По принятому у насъ правилу, заказы эти производились исключительно въ Россіи на русскихъ заводахъ. Цѣны были высокія и, къ моему удивленію, несмотря на это, заводы жаловались на чрезвычайно ограниченную выгоду. Сроки сдачи были обычно свыше года. Въ числѣ подлежащихъ въ этомъ году заказовъ у меня было 6 или 8 мелкихъ снарядовъ для маленькихъ рѣкъ. Несмотря на однотипность ихъ, заводы заявили цѣну по 70 тыс. руб. каждая, со сдачей первыхъ двухъ черезъ годъ.

Имѣя срочную надобность въ такого рода снарядахъ, и считая указанную выше цѣну и срокъ чрезвычайно преувеличенными, я, съ разрѣшенія своего министра, и, съ согласія министра торг. и промышл. Тимашева, обратился въ Германію. Небольшой заводъ Восточной Пруссіи заинтересовался этимъ заказомъ, съ большимъ вниманіемъ изучилъ мое заданіе, и заявилъ цѣну около 20 тыс. за каждую, со сдачей первыхъ двухъ черезъ три мѣсяца, а слѣдующихъ по двѣ черезъ каждые два мѣсяца. Предложеніе это было одобрено, сынъ владѣльца работалъ у меня нѣсколько времени въ технической службѣ для окончательной выработки всѣхъ деталей. Было рѣшено, что мой представитель поѣдетъ на заводъ для окончательнаго установленія догсвора и для подписанія его. Все это происходило въ началѣ 1914 г.

Совершенно неожиданно я получаю отъ моего представителя инженера Кольбе телеграмму о томъ, что происходятъ какія-то затрудненія и, наконецъ, объ отказѣ завода.

Предполагая, что заводъ ошибся въ цѣнѣ или въ условіяхъ, я далъ Кольбе право измѣнить ихъ, переговоривъ съ заводоуправленіемъ. Все же заводъ категорически отказался.

По возвращеніи инж. Кольбе пояснилъ мнѣ, что владѣлецъ завода, специально ѣздивъ въ Берлинъ, и, вернувшись оттуда, подѣ

разными предложениями, сталъ отказываться отъ заказа. Затѣмъ онъ проговорился, что ему дали понять о несвоевременности принимать заказъ, вслѣдствіе ожидавшейся съ Россіей войны. Значитъ, соотвѣтствующія власти уже за полгода осторожно предупреждали своихъ промышленниковъ.

Все это было во всѣхъ подробностяхъ доложено С. В. Рухлову, который, несомнѣнно, подѣлился этими свѣдѣніями съ Совѣтомъ Министровъ.

Г Л А В А VI.

НОВЫЯ РАБОТЫ И РАЗРАБОТАННЫЕ ПРОЕКТЫ.

Ока.

Кредитъ на начало работъ по шлюзованію Оки былъ ассигнованъ до назначенія меня въ Управление водныхъ путей. Предстояла постройка двухъ плотинъ и двухъ шлюзовъ и прорытіе судоходнаго канала черезъ каменную гряду, залегающую въ рѣкѣ. Гряда эта называлась «Каменкой». По поводу этой послѣдней работы произошло нѣкоторое разногласіе. Инженеры Н. С. настаивали на производствѣ ея «за перемычками». Этотъ способъ состоялъ въ томъ, что небольшіе участки рѣки огораживались деревянными какъ бы ящиками, изъ которыхъ откачивалась вода и камень выламывался всухую. По этому поводу пришелъ ко мнѣ энергичный гражданскій инженеръ Зенгеръ, большой специалистъ по экскаваторной и землечерпательной технике, и предложилъ мнѣ другой способъ производства работы. Зная, что по моей смѣтѣ имѣются кредиты на заказъ землечерпательныхъ снарядовъ, онъ предложилъ мнѣ заказать одинъ изъ нихъ усиленнаго типа и снабженный черпаками его системы съ тремя сильными зубьями. Постройка и надзоръ возлагались на него. Я долженъ былъ предоставить ему эту землечерпалку на одинъ сезонъ, въ теченіе котораго онъ обязывался сдѣлать въ каменной грядѣ каналъ, въ соотвѣтствіи съ заданіемъ. По его словамъ, онъ изучилъ характеръ залегающаго пласта, который оказался слонстымъ и, слѣдовательно, возможный къ выламыванію сильной машиной. Я поручилъ состоявшему въ Управленіи техническому совѣщанію дать мнѣ заключеніе. Автора проекта не пригласили и проектъ отвергли. Дальнѣйшія разъясненія инженера Зенгера заставили меня усумниться въ правильности рѣшенія техническаго совѣщанія и я предложилъ пересмотрѣть дѣло съ приглашеніемъ автора проекта. Новое постановленіе техническаго совѣщанія было не ясное. Не отрицая возможности такого способа работъ, совѣщаніе всетаки осталось при мнѣніи, что работа за перемычками болѣе обезпечиваетъ исполненіе работы. Послѣ долгихъ и подробныхъ разъясненій Зенгера, я рѣшилъ согласиться на его предложеніе, тѣмъ болѣе, что стоимость работы обошлась бы, если не ошибаюсь, въ половину стоимости за перемычками.

Во время производства этой работы я посѣтилъ ее. При мнѣ

громадныя каменныя глыбы выламывались, поднимались снарядомъ и грузились на баржи.

Къ осени работа была закончена. Посланная мною для приѣмки комиссія состояла исключительно изъ инженеровъ путей сообщенія. Были сдѣланы всѣ промѣры. По акту комисіи оказалось, что каналъ не только соотвѣтствуетъ заданію, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже превышаетъ заданіе.

По окончаніи работъ инженеръ Зенгеръ поднесъ мнѣ маленькій **серебряный** жетонъ — модель его черпака, съ объясненіемъ, что онъ нарочно, зная мою щепетильность, заказалъ серебряный, а не золотой жетонъ.

За это время мы настолько сошлись съ В. В. Зенгеръ, что мы, до его кончины въ августѣ 1950 года, были въ самыхъ дружескихъ и искреннихъ отношеніяхъ.

Остальныя работы на Окѣ, т. е. постройка двухъ плотинъ и двухъ шлюзовъ, были поручены мною талантливому инженеру профессору Н. П. Пузыревскому.

Сѣверный Донецъ.

Рѣка эта, притокъ Дона въ нижнемъ его теченіи, имѣла весьма существенное значеніе для обслуживания Донецкаго угольнаго района.

Шлюзованіе ея было начато и закончено при мнѣ. Начальникомъ работъ я избралъ прекраснаго инженера Левандовскаго.

Шексна.

Судоходство по Шекснѣ, составляющей первое, считая отъ Волги, звено Маринскаго воднаго пути, зачастую затруднялось недостаточной глубиной этой рѣки. Такъ произошло въ 1912 году, когда было особо сухое лѣто. Явленіе это чрезвычайно тяжело отражалось и на торговыя экспортныя операціи, и на обезпеченіе столицы необходимыми товарами, а именно хлѣбомъ, нефтью, углемъ, лѣсными матеріалами и древеснымъ топливомъ.

Единственнымъ выходомъ на будущее изъ этого положенія было дополнительное шлюзованіе Шексны. Какъ судовладѣльцы, такъ и отправители грузовъ усердно на этомъ настаивали.

Срочно я поручилъ одному изъ опытныхъ инженеровъ составить необходимый проектъ, одобренный Инженернымъ Советомъ и съ разрѣшенія Совѣта Министровъ онъ былъ внесенъ въ Государственную Думу, которая тоже изъявила свое согласіе. Въ ближайшую смѣту была внесена соотвѣтствующая сумма, и затѣмъ приступлено къ работамъ подъ начальствомъ инженера Валуева.

Нижнее теченіе Дона.

Нижнее теченіе Дона отъ Калача до устья представляло весьма серьезное препятствіе для судоходства. Оно особенно должно было отразиться послѣ шлюзованія Сѣвернаго Донца. Поэтому я послѣ производства изысканій, составленія надлежащаго прсек-

та и проведенія черезъ всѣ необходимыя инстанціи, приступилъ къ осуществленію шлюзованія Нижняго теченія Дона.

Изложивъ выше главнѣйшія гидротехническія работы, которыя были произведены или начаты во время моего пятилѣтняго пребыванія Начальникомъ Управленія, я перечислю тѣ главнѣйшіе проекты, которые были разработаны за тотъ же періодъ.

Незнакомство широкихъ круговъ съ работами на водныхъ и шоссейныхъ путяхъ, побудило меня приступить въ 1913 г. къ изданію журнала «Водные Пути и Шоссейныя Дороги». Журналъ этотъ, нарядно изданный, разсылался, главнымъ образомъ, членамъ Думы и Государственнаго Совѣта.

Днѣпровскіе пороги.

Осуществленію проекта шлюзованія Днѣпровскихъ пороговъ я придавалъ исключительно важное значеніе.

У меня не было ни малѣйшихъ сомнѣній въ томъ, что работа эта должна считаться самой перво-очередной. Экономическая цѣлесообразность ея очевидна. Съ точки зрѣнія движенія грузового потока совершенно недопустимо оставленіе рѣки Днѣпра, раздѣленной порогами на два не сообщающіеся участка. Нельзя упускать изъ вида, что Днѣпръ протекаетъ по богатѣйшимъ промышленнымъ и земледѣльческимъ районамъ. Если же принять во вниманіе, что при улучшеніи судоходныхъ условий, необходимо использовать силу паденія воды, получить такъ называемый «бѣлый уголь» и электрифицировать весь промышленный районъ, то высоко-государственное значеніе этого предпріятія становится во всемъ своемъ объемѣ. Можно сказать, что съ осуществленіемъ этой задачи получился бы громаднѣйшій экономическій переворотъ. Моей мечтой было приступить къ осуществленію этой грандіозной исторической задачи: «изъ варяговъ въ греки», какъ говорилось въ старину.

Составленіе технического проекта было поручено весьма опытнымъ и дѣльнымъ инженерамъ Юргевичу, бывшему въ то время Начальникомъ Кіевскаго Округа П. С. и инженеру Розову. Къ этому вопросу они подошли осторожно. По ихъ проекту порожистая часть была раздѣлена на четыре бьефа съ четырьмя подпорными плотинами, изъ нихъ двѣ давали возможность съ вытодой использовать силу паденія воды.

Къ такому рѣшенію они пришли потому, что при устройствѣ плотинъ для искусственнаго подпора, приходилось сильно считаться съ колоссальными затопленіями городовъ, селеній и весьма цѣнныхъ прибрежныхъ земель. Высота подпора, а, слѣдовательно, и площадь затопленія были подробно обслѣдованы, нанесены на карты и тотчасъ встрѣтили сильныя возраженія не только со стороны высоковліятельныхъ прибрежныхъ помѣщиковъ, но и со стороны общественныхъ и городскихъ учреждений.

Поставленная на очередь работа чрезвычайно заинтересова-

ла частныхъ предпринимателей. Двѣ иностранныя группы, одна американская, другая французская, возбудили усиленные ходатайства какъ лично, такъ и черезъ дипломатическихъ представителей, о передачѣ имъ концессій на эти работы. Американская группа выставила въ качествѣ технического консультанта профессора политехническаго института инженера Путей Сообщенія Б. А. Бахметьева, впоследствии посла временнаго правительства въ Вашингтонѣ.

Профессоръ Бахметьевъ составилъ съ необычайной быстротой новый грандіозный и крайне эффектный проектъ. Главное вниманіе имъ было обращено на полное использование силы паденія, для чего весь подпоръ онъ сосредоточилъ не на четырехъ плотинахъ, какъ въ «казенномъ» проектѣ, а на двухъ.

Съ точки зрѣнія выгоды эксплуатаціи новый проектъ совершенно побивалъ тотъ, который былъ составленъ инженерами Юргевичемъ и Розовымъ, и который тѣмъ временемъ былъ мною внесенъ въ Инженерный Совѣтъ и одобренъ имъ.

Но проектъ Бахметьева, какъ кабинетный, не основанный на изысканіяхъ, не предусматривалъ одной стороны. Было совершенно неизвѣстно, каковы же будутъ при немъ затопленія прибрежныхъ городовъ, поселеній и земель. А затопленія получались феноменальныя, образовывались вмѣсто плодородныхъ земель цѣлыя искусственныя, внутреннія озера, громадныя болота и это въ то время, когда Главное Управление Земледѣлія такъ изучало вопросъ объ осушеніи естественныхъ болотъ нашего государства. Ясно, что при всей эффектности и кажущейся выгоде, — проектъ Бахметьева былъ практически въ то время не осуществимъ. Несмотря на это реклама проекта была проведена Бахметьевымъ со свойственною ему талантливостью и энергіей.

Предстояла громадная работа. Во-первыхъ, — надо было отпарировать выступленія иностранныхъ концессионеровъ, а, во-вторыхъ, нужно было ослабить то неблагоприятное впечатлѣніе, которое получалось при сравненіи двухъ проектовъ; надо было убѣдить заинтересованныхъ лицъ, что одинъ проектъ осуществимъ, а другой — фантастиченъ.

Въ отношеніи невозможности передачи этого предпріятія иностраннымъ концессионерамъ, мы вполне были солидарны съ С. В. Рухловымъ. Онъ твердо стоялъ на томъ, что, такую грандіозную государственную задачу, нельзя передавать въ иностранныя руки, и что само Государство должно владѣть столь мощнымъ импульсомъ, какъ ключемъ къ судоходству по Днѣпру и снабженіемъ электрической энергіей громаднаго промышленнаго района, находящагося въ близкомъ сосѣдствѣ съ центральными державами. Между тѣмъ иностранцы не дремали, вліяли на прессу и вмѣшивали своихъ дипломатическихъ представителей.

Французская группа соискателей командировала въ Россію виднаго финансиста *M-r Goïn*, нынѣ покойнаго, женатаго на подругѣ дѣтства моей жены. Они были приглашены къ намъ на

завтракъ, послѣ котораго М-г Goin завелъ со мною разговоръ на тему о передачѣ его группѣ концессіи на Днѣпровскіе пороги. Я въ весьма любезной формѣ, но вполне твердо и прямо сказалъ ему, что Русское Правительство не склонно пойти на такое предложеніе и въ частности, пока С. В. Рухловъ состоитъ Министромъ, а я Начальникомъ Управления, я не рекомендую ему даже продолжать хлопоты; онѣ будутъ абсолютно безцѣльны. Послѣ меня онъ рѣшилъ побывать у С. В. Рухлова, но получивъ и отъ него аналогичный отвѣтъ, оставилъ хлопоты. На этомъ выступленіи французы остановились. Американцы же, несмотря на аналогичныя имъ съ моей стороны и со стороны Министра заявленія, не хотѣли отказаться отъ своей мысли, и, со свойственною американцамъ настойчивостью, поддержанные Бахметьевымъ, продолжали вести это дѣло вплоть до самой войны.

Когда представленіе Министра П. С. въ законодательныя учрежденія было заготовлено, и потребовалось разрѣшеніе Совѣта Министровъ на внесеніе его въ законодательныя установленія, то С. В. Рухлову пришлось вынести весьма сильный натискъ М-ва Финансовъ, не желавшаго предрѣшать столь крупнаго ассигнованія. Только сугубая настойчивость и твердость Сергѣя Васильевича могла побороть возраженія и противодѣйствіе финансоваго вѣдомства.

Наконецъ, дѣло назначается къ слушанію въ Думской комиссіи. И тамъ Бахметьевъ сумѣлъ подготовить почву, переговоривъ съ кѣмъ надо и многимъ разославъ свой проектъ. Благодаря этому, нѣкоторые изъ членовъ комиссіи заявили, что имъ трудно разсматривать вопросъ, по которому столь категорически возражаетъ другой составитель проекта Бахметьевъ. Имъ хотѣлось бы пригласить и его для объясненій, но, онъ является постороннимъ лицомъ, для приглашенія каковыхъ въ засѣданіе комиссіи требовались особо сложныя формальности. Тогда я заявилъ Предсѣдателю Комиссіи Н. Л. Маркову I-му, что я просилъ бы его отложить разсмотрѣніе представленія М-ва П. С. и назначить для этого засѣданіе черезъ нѣсколько дней, а въ промежуткѣ я приглашаю членовъ комиссіи и другихъ, интересующихся Днѣпровскими порогами, членовъ Государственной Думы, въ Управление водныхъ путей, гдѣ я организую сообщеніе по проектамъ Днѣпровскихъ пороговъ и приглашу проф. Бахметьева для личнаго доклада его проекта. Предложеніе это встрѣтило большое сочувствіе среди депутатовъ всѣхъ платформъ.

Прямо изъ засѣданія я отправился къ министру, чтобы доложить ему о сдѣланномъ мною предложеніи въ комиссіи, не испросивъ предварительно его разрѣшенія. Я опасался его неудовольствія. Оказалось какъ разъ обратное. Онъ всецѣло одобрилъ мой шагъ.

Сообщеніе было обставлено очень торжественно. Всѣ члены думской комиссіи и многіе другіе члены Думы, пріѣхали по моему приглашенію. Первый докладъ былъ сдѣланъ, съ подробнымъ

объясненіемъ, снабженнымъ чертежами и цифровыми данными, инженеромъ Розовымъ, составителемъ проекта. Второй — блестящій докладъ былъ сдѣланъ профессоромъ Бахметьевымъ, рисуящимъ богатыя перспективы, въ случаѣ осуществленія его проекта.

До открытія преній былъ сдѣланъ перерывъ, во время котораго многіе члены думской комиссіи приходили ко мнѣ въ кабинетъ, чтобы поздравить меня въ виду безспорнаго съ ихъ стороны принятія Министерскаго проекта, какъ реальнаго, а не фантастичнаго.

Въ ближайшемъ же засѣданіи Думской комиссіи представленіе Министерства было одобрено и внесено въ Общее собраніе Думы, гдѣ получено одобреніе даже съ высказаннымъ пожеланіемъ, о скорѣйшемъ приступѣ къ работамъ. Далѣе дѣло было передано въ Государственный Совѣтъ. Весенняя сессія должна была окончиться въ ближайшіе дни и въ Государственномъ Совѣтѣ рѣшили, по серьезности вопроса, невозможнымъ пропускать его въ числѣ «вермишели» и отложили его на осень.

Мѣсяца черезъ полтора была объявлена война!

**

Какъ извѣстно, Совѣтское Правительство, придавая высокое государственное значеніе вопросу о Днѣпровскихъ порогахъ, осуществило его. Окончательный проектъ «Днѣпростроя» былъ выработанъ профессоромъ Александровымъ.

Закладка состоялась въ день десятилѣтія октябрьской революціи, 8 Ноября 1927 г. Открытіе 10 Октября 1932 г.

Къ осуществленію постройки въ качествѣ консультантовъ были привлечены, въ дополненіе совѣтскимъ, нѣмецкіе и американскіе консультанты.

Для полученія гидроэлектрической силы феноменальной мощности, совѣтскимъ строителямъ пришлось естественно затопить немовѣрныя количества земель и выселить прибрежное населеніе.

Трансъ-Уральскій водный путь.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ водныхъ путей, намѣченныхъ комиссіей Тимонова, былъ Трансъ-Уральскій водный путь съ цѣлью соединенія бассейна рѣки Волги, черезъ Каму и Чусовую съ бассейномъ Сибирскихъ водныхъ путей, т. е. сперва съ Обью, а затѣмъ намѣчалось и соединеніе Оби съ Енисеемъ глубоководнымъ путемъ.

Лично я не считалъ никогда эти двѣ задачи своевременными, подлежащими осуществленію въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ. Не достаточно доказать техническую осуществимость проекта. Рѣшаясь затрачивать сотни милліоновъ рублей, надо быть увѣреннымъ, что затрата эта оправдывается экономически. Несмотря на крупный трудъ по этому предмету, составленный по моему порученію, профессоромъ Всеволодомъ Васильевичемъ Ни-

кольскимъ, у меня всегда были самыя серьезныя сомнѣнія о степени цѣлесообразности въ тотъ моментъ этого воднаго пути. Главной цѣлью его являлось бы доставка сибирскаго хлѣба на Волгу, а оттуда по Мариинской системѣ въ Петербургскій портъ для экспорта его за границу. Но вѣдь достаточно указать лишь на то, что, благодаря суровости климата, водный путь этотъ оказался бы судоходенъ лишь всего пять мѣсяцевъ въ году и совершенно очевидно, что урожай сибирскаго зерна не могъ поспѣть въ томъ же году для экспорта. Караваны съ зерномъ должны были бы гдѣ-то зимовать въ пути, что вызывало бы, сверхъ стоимости провоза, крупныя расходы по обезпеченію зимняго храненія не только каравановъ, какъ подвижнаго состава, но и самаго груза, столь легко подвергающагося порчѣ.

Несмотря на такую очевидную для меня ясность вопроса, отказываться отъ производства поверхностныхъ обслѣдованій или даже замедлять ихъ ходъ, я не считалъ себя вправѣ, хотя бы уже потому, что проектомъ этимъ заинтересовался С. В. Рухловъ, вскорѣ по вступленіи во главу вѣдомства, вѣроятно, подъ вліяніемъ Тимонова, къ которому онъ первое время очень благоволилъ. Увѣренъ, что Сергѣй Васильевичъ, болѣе подробно ознакомившись съ этимъ вопросомъ, исключилъ бы его изъ числа очередныхъ задачъ.

Волго-Донской каналъ.

Въ числѣ грандіозныхъ разработанныхъ проектовъ созданія новыхъ водныхъ путей, слѣдуетъ упомянуть особо о Волго-Донскомъ каналѣ. Идея постройки этого воднаго соединенія между двумя крупнѣйшими рѣками, сближающимися между собою на разстояніе, не достигающее 100 верстъ, крайне соблазнительна и возникла еще при Петрѣ Великомъ. Она настолько заинтересовала Великаго преобразователя Россіи, что онъ приказалъ даже приступить къ ея осуществленію. Слѣды начатыхъ работъ сохранились и по сейчасъ. Затѣмъ въ 19 вѣкѣ инженеры, особенно французскіе, были очень заняты этимъ вопросомъ, причемъ французскій инженеръ Леонъ Дрю (1884 г.) составилъ обстоятельный проектъ этого сооруженія съ цѣлью полученія концессіи на его осуществленіе. Русское Правительство не согласилось на передачу концессіи иностранцамъ, осуществленіе же за казенный счетъ было невозможно за неимѣніемъ средствъ. Такимъ образомъ, дѣло это было положено подъ сукно, но время отъ времени о немъ заговаривала печать.

Въ 1910 году по моему распоряженію былъ составленъ новый проектъ на основаніи новѣйшихъ изысканій, а затѣмъ въ 1912 г. изысканія эти провѣрены и проектъ вновь переработанъ инженеромъ Пузыревскимъ. Согласно этого проекта, каналъ начинается отъ Станціи Калача, идетъ по долинѣ рѣчки Карповки и затѣмъ впадаетъ въ Волгу. Длина канала 93 версты 199 саж. Шлюзы расположены въ двѣ параллельныя линіи: шлюзы первой линіи намѣчались къ постройкѣ для судовъ вмѣстимостью въ

10.000 Т., а второй для 4.000 Т. Каналь состоитъ изъ шести бьефовъ. Переходъ судна съ Волги въ Донъ опредѣлялся срокомъ въ 32-36 часовъ. Стоимость сооруженія (примѣрная) опредѣлялась въ 135 милл. зол. рублей. Суда съ уровня Волги у Сарепты должны подниматься на 252 фута до водораздѣльнаго бьефа, затѣмъ спускаться на 108 футь для достиженія уровня Дона у Калача. Продолжительность навигаціи канала опредѣляется 250 днями. Соединеніе рѣкъ Волги и Дона слѣдуетъ разсматривать, какъ соединеніе Каспійскаго моря съ Чернымъ. Въ случаѣ осуществленія его оказалось бы возможнымъ, безъ перегрузки, доставлять до морскихъ портовъ экспортные грузы изъ Баку, Туркестана, Персіи, бассейна Волги и доставлять на Уралъ уголь изъ столь богатаго Донецкаго Бассейна.

Несмотря на эти большія перспективы, я считалъ, что пока ставить этотъ проектъ на очередь преждевременно; другія кричащія нужды еще не получили удовлетворенія, и прежде всего Днѣпръ.

Волховскіе пороги.

Волховскіе пороги, расположенные приблизительно въ 100 километрахъ отъ столицы, представляли весьма большой интересъ. Шлюзование ихъ не только дѣлало возможнымъ судоходство по Волхову, протекающему въ весьма высокихъ берегахъ, но, главное, давало большую энергическую силу, которою можно было снабжать Петербургъ. Никакихъ проектовъ по этому поводу составлено не было. Я рѣшилъ сдѣлать всѣ необходимыя изысканія и составить надлежащіе проекты. При выборѣ лица, которому можно было бы поручить эту работу, я руководствовался тѣмъ, чтобы, привлекаемый мною инженеръ, былъ не только хорошимъ гидротехникомъ, но въ то же время былъ бы и специалистомъ по электрификаціи. Таквымъ оказался инженеръ Графтію. Нѣкоторые изъ моихъ сотрудниковъ предупреждали меня, что инженеръ этотъ, будучи, дѣйствительно, выдающимся, имѣетъ тотъ недостатокъ, что онъ въ политическомъ отношеніи крайне лѣваго направленія. Это меня нисколько не смутило; я вообще въ дѣловыхъ отношеніяхъ не интересовался политической платформой моихъ сотрудниковъ.

Инженеръ Графтію сдѣлалъ всѣ необходимыя изысканія, составилъ прекрасный проектъ, но, къ сожалѣнію, наступила война, и уже получить кредиты на новую работу было невозможно.

Когда большевики вступили во власть и до извѣстной степени окрѣпли, то, по распоряженію Ленина, вопросъ о доставкѣ электрической энергіи съ Волховскихъ пороговъ сталъ на первую очередь. Начальникомъ работъ былъ назначенъ составитель проекта инженеръ Графтію. Станція была открыта и дала электрическую энергію Петрограду 19 Декабря 1926 г.

ПОЪЗДКА ГОСУДАРЯ ВЪ КІЕВЪ И ЧЕРНИГОВЪ.

Послѣ проведенія (по 87 статьѣ осн. зак.) закона о введеніи земства въ Западномъ краѣ, П. А. Столыпинъ хотѣлъ придать открытію земства особо торжественную обстановку и просить Государя совершить лично съ Семьею поѣздку въ Кіевъ и Черниговъ. Къ этому случаю было приурочено открытіе памятника Императору Александру II въ Кіевѣ, какое и было официально поводомъ поѣздки.

Ранней весной 1911 года ко мнѣ пріѣхалъ въ служебный кабинетъ Флагъ Капитанъ Е. И. В. Адмиралъ К. Д. Ниловъ и сообщилъ мнѣ, что Государю Императору угодно совершить переходъ изъ Кіева въ Черниговъ и обратно по рѣкѣ Деснѣ на пароходѣ М-ва П. С., и просилъ меня снабдить его необходимыми данными по сему предмету.

Здѣсь я долженъ пояснить, что всякое передвиженіе Государя по морскимъ и вообще воднымъ путямъ происходило подъ высшимъ начальствомъ, состоящаго при Государѣ Адмирала, именуемаго Флагъ Капитаномъ Его Величества, который и является во всемъ ствѣтственнымъ. Поэтому всѣ мои мѣропріятія по подготовкѣ путешествія должны были, естественно, находиться подъ наблюденіемъ К. Д. Нилова, съ которымъ насъ связывали давнишнія добрыя отношенія со временъ моей службы въ Гвардейскомъ Экипажѣ.

Сообщивъ лично К. Д. Нилову всѣ необходимыя свѣдѣнія о судоходныхъ условіяхъ по Деснѣ и о имѣвшемся тамъ скудномъ судовомъ казенномъ составѣ, я предложилъ ему совмѣстную со мною поѣздку въ Кіевъ для этой цѣли, на что онъ тотчасъ же согласился.

Немедленно я доложилъ обо всемъ этомъ М-ру П. С. С. В. Рухлову, получилъ отъ него полное одобреніе и картъ-бланшъ для всякихъ мѣропріятій по подготовкѣ Высочайшаго путешествія, назначеннаго на конецъ августа и начало сентября. 15-го Апрѣля вмѣстѣ съ К. Д. Ниловымъ я выѣхалъ въ Кіевъ, куда своевременно мною были даны всѣ распоряженія.

Судоходство по Деснѣ нельзя назвать сколько-нибудь значительнымъ. Рѣка весьма мелководная, крайне песчаная, чрезвычайно извилистая, съ массою перекатовъ, т. е. песчаныхъ отмелей. Поддержаніе глубины на лѣтніе мѣсяцы дѣлалось при посредствѣ слабаго землечерпательнаго каравана. Со спадомъ воды, судоходство изъ-за мелководья совершенно замирало и даже прекращалось. Судовой составъ Кіевского округа былъ бѣдный. Лучшимъ на Днѣпрѣ пароходомъ считался «Головачевъ» (названный такъ въ честь одного изъ первыхъ инспекторовъ судоходства). Для меня представлялось совершенно не яснымъ, какъ, на такомъ маленькомъ, скверномъ пароходикѣ возможно устроить съ честью переходъ Государя Императора. Не малымъ

затрудненіємъ было и то, что все это совпало съ полнымъ перестроеніемъ мною самого Кіевскаго округа. Смѣна личнаго состава производилась столь усиленная, что ко времени нашего приѣзда туда, была уже почти половина новыхъ лицъ, которыя, естественно, не могли еще войти въ курсъ дѣла.

Ко времени нашего приѣзда въ Кіевъ я стянулъ туда для осмотра почти всѣ пароходы округа, и мы распредѣлили ихъ назначеніе. Поневолю для Государя Императора пришлось остановиться на «Головачевѣ», на которомъ мы и рѣшили въ тотъ же день отправиться въ Черниговъ для ознакомленія съ путемъ.

За время перехода по Деснѣ я отдалъ себѣ отчетъ, какъ много надо сдѣлать для приспособленія парохода и для поддержанія и огражденія пути, чтобы съ честью выполнить, поставленную мнѣ задачу.

Адмиралъ Нилсъвъ, убѣдившись изъ разговоровъ со мною и изъ моихъ распоряженій, насколько серьезно я отношусь къ своей работѣ вообще и къ этому дѣлу въ частности, сообщилъ мнѣ, что онъ доложитъ Государю о полной возможности выполнить волю Его Величества. При этомъ онъ ясно далъ мнѣ понять, что въ мои распоряженія вмѣшиваться не будетъ и все оставляетъ на мою отвѣтственность.

Путешествіе по Деснѣ было окончательно назначено на первыя числа сентября. Мнѣ оставалось всего четыре мѣсяца на подготовку, что очень не много, если принять во вниманіе серьезность работъ по перестройкѣ парохода и по подготовленію фарватера рѣки, на которой въ осеннее время прекращается судоходство. Кромѣ внутренней и наружной работы по приведенію «Головачева» въ достойный для перехода видъ, необходимо было сдѣлать переборку всей машины съ замѣною всѣхъ изношенныхъ частей, пробу котловъ и пр., дабы онъ былъ въ той степени безопасности, въ которой содержатся яхты, предназначенныя для передвиженія Его Величества.

Наконецъ настали сроки торжествъ.

29-го Августа Ихъ Величества съ семействомъ прибыли въ Кіевъ. Я не буду описывать пребываніе Ихъ тамъ, это не входитъ въ мою задачу, скажу только, что согласно выработанной программѣ, всѣ дни съ 29-го Авг. по 6-е Сент. были цѣликомъ заполнены всевозможными торжествами: Посѣщеніе соборовъ и храмовъ, монастырей и Кіево-Печерской Лавры, крестные ходы, освященіе памятника Императору Александру II, парадъ, приемы и представленія должностныхъ лицъ, депутацій, новыхъ выборныхъ земскихъ учрежденій, посѣщеніе ряда учебныхъ заведеній, маневры, приемы различными учрежденіями, Городскимъ Управленіемъ, Купеческимъ собраніемъ, иллюминаціи, смотры потѣшныхъ, бѣга лошадей на призы въ честь Его Величества, парадный спектакль, смотръ войскъ, поѣздка въ Овручъ, посѣщеніе музеевъ, поѣздка Государя Императора въ Черниговъ, и, наконецъ, по возвращеніи изъ Чернигова, отбытіе Царской Семьи

изъ Кіева 6-го Сент. въ 11 ч. утра. — Вотъ перечень всего, что было намѣчено для восьмидневнаго пребыванія. Лично меня, кромѣ поѣздки въ Черниговъ, касались всѣ выѣзды Государя Императора изъ Кіева на автомобилѣ, т. к. переѣзды эти совершались по казеннымъ шоссе, которыя къ этимъ торжествамъ были приведены мною въ отличное состояніе.

Какъ извѣстно, Кіевскія торжества омрачились 1-го Сент. ужаснымъ злодѣяніемъ — убійствомъ, во время театральнаго антракта, Пресѣдателя Сов. М-ровъ П. А. Столыпина. Лично я при этомъ не присутствовалъ; за время пребыванія въ Кіевѣ я былъ очень утомленъ всѣми подготовленіями и поѣздками, а на слѣдующій день утромъ долженъ былъ выѣхать заблаговременно на шоссе, гдѣ Государь проѣзжалъ на маневры. Я остался въ гостиницѣ и легъ спать, жена же моя отправилась на спектакль съ семействомъ инспектора судоходства округа Головина. Я былъ разбуженъ, вернувшимися Головинымъ съ женой, которые рассказали мнѣ о происшедшемъ ужасѣ.

Первымъ дѣломъ я отправился на телеграфъ и послалъ телеграмму съ изложеніемъ случившагося, находившемуся въ служебной поѣздѣ по Амурской ж. д., Министру П. С. С. В. Рухлову, освѣдомить котораго я считалъ своей обязанностью, какъ старшій въ Кіевѣ представитель М-ва П. С.

Наконецъ, 4-го Сент. Государь Императоръ отбылъ на нашемъ пароходѣ въ Черниговъ. «Головачева» нельзя было узнать. Изъ захудалаго пароходика образовалась маленькая, изящная царская яхточка. Первый разъ въ исторіи М-ва П. С. на окружномъ пароходѣ былъ поднятъ Императорскій Штандартъ. Государь осматрѣлъ подробно пароходъ, выразилъ мнѣ полное удовлетвореніе своимъ помѣщеніемъ и сказалъ мнѣ, что я самъ плавалъ на Императорскихъ яхтахъ и я знаю, что онъ не уступаетъ по удобству маленькимъ яхточкамъ. Садясь за обѣдъ, Государь искалъ, куда положить фуражку и, не найдя обычныхъ вѣшалокъ, какъ на военныхъ судахъ, обратился ко мнѣ, сказалъ шутя: **«Шаховской, а про фуражки вы забыли».**

Несмотря на всѣ принятыя мѣры, пришлось очень опасаться за достаточную глубину. Мною было поставлено на расчистку перекаатовъ нѣсколько землечерпательныхъ каравановъ, но вода убывала съ неимоверною быстротой, благодаря наступленію сентября, когда обычно все судоходство по Деснѣ останавливалось. Тѣмъ не менѣе все обошлось благополучно, и пароходы прошли, не касаясь дна, но все же такая низкая вода отразилась на скорости хода, и пароходы прибыли въ Черниговъ вмѣсто назначенныхъ 2-хъ часовъ дня, въ 3½ часа. Государь оставался въ Черниговѣ до 6½ ч. дня, послѣ чего вновь прибылъ на «Головачева» для обратнаго слѣдованія въ Кіевъ.

Не могу не отмѣтить, что всѣ газеты, описывая пребываніе Государя въ Кіевѣ и Черниговѣ, писали: «Неописуемый былъ восторгъ народа и войскъ, видѣвшихъ своего Царя. Государь ви-

дѣль глубокую любовь народа. Колокольный звонъ, гимнъ музыка, народное ура, провожали, удалявшійся по Деснѣ Царскій пароходъ». И это не выдумывали ни корреспонденты, ни редакторы. Все это такъ и было. Какъ присутствовавшій при всемъ этомъ, скажу, что не было достаточныхъ словъ, которыя могли бы описать общій энтузіазмъ, повторившійся въ 1913 г. на Волгѣ, еще съ неимоვნю большей силой.

На слѣдующій день, т. е. 6-го Сент. въ 8 3/4 утра показалась въ виду Кіева Царская флотилія, во главѣ съ «Головачевымъ» подъ Императорскимъ Штандартомъ. Батареи съ берега Днѣпра салютовали Штандарту Его Величества 31-мъ выстрѣломъ. Государь Императоръ благодарилъ всѣхъ насъ, сопровождавшихъ Его лицъ. Въ 9 ч. мы подошли къ пристани. Первымъ на пароходъ вошелъ М-ръ Императорскаго Двора графъ Фредериксъ и, держа руку подъ козырекъ, доложилъ Государю о кончинѣ Столыпина. Съ парохода Государь проѣхалъ прямо въ лечебницу бр. Маковскихъ, гдѣ находился прахъ Столыпина и остался тамъ на панихиду, а въ 11 ч. того же дня вся Царская Семья отбыла въ Севастополь.

По поводу всего этого, съ отъѣздомъ Государя, въ Кіевѣ было много сужденій. Говорили о томъ, что Государь не прервалъ торжество, несмотря на смертельное раненіе Предсѣдателя Совѣта Министровъ, а послѣ его кончины сразу, какъ было въ расписаніи, въ назначенный часъ, уѣхалъ изъ Кіева, не оставшись на погребеніе. Все это комментировалось самымъ различнымъ образомъ. Мало кто отдавалъ себѣ отчетъ, что, измѣнивъ планъ пребыванія, Государь совершенно нарушилъ бы планъ всѣхъ распоряженій по охранѣ, что являлось весьма сложной задачей, а своимъ присутвіемъ на похоронахъ, подвергъ бы и себя, и всю Семью серьезной опасности, такъ какъ могли произойти всевозможныя террористическія выступленія въ это время, особенно въ виду царившей страшной растерянности полиціи, вызванной убійствомъ Столыпина и тѣхъ громкихъ, и надо сказать справедливыхъ, обвиненій, которыя сыпались на полицію вообще и въ частности на генерала Курлова, которому была поручена вся охрана.

Лично меня особенно поразила та паника, которая охватила въ Кіевѣ всѣ еврейскіе слои. Убійца Столыпина былъ еврей Багровъ, и мѣстное еврейское населеніе ожидало, что неизбѣженъ еврейскій погромъ. Еврейскіе магазины закрылись, евреи прятались и не выходили на улицу и даже послали еврейскую депутацію, къ исполнявшему обязанность Предсѣдателя Сов. М-въ В. Н. Коковцову, съ просьбою принять мѣры къ предотвращенію погромовъ. Къ счастью, никакихъ погромовъ не было.

6-го Дек. 1911 г. за мои труды по путешествію Его Величества я былъ пожалованъ изъ званія камергера въ должность Гофмейстера, что явилось для меня цѣннымъ знакомъ Монаршей оцѣнки моихъ трудовъ.

300-ЛѢТІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

Празднованію въ 1913 году трехсолѣтія царствованія Дома Романовыхъ придавалось правящими кругами очень большое значеніе. Считалось крайне желательнымъ поставить эти празднованія, какъ можно шире, чтобы онѣ проникли во всю народную толщу. Выработка программы и руководство торжествами было поручено Статсъ-Секретарю Булыгину. Праздненства были распределены на двѣ очереди. Первая происходила въ февралѣ въ Петербургѣ и другихъ центрахъ, а вторая, имѣвшая цѣлью посѣщеніе Государемъ и Царской Семейей Волги, колыбели Дома Романовыхъ, была назначена на средину мая.

Я не буду останавливаться на самыхъ праздненствахъ. Описаніе ихъ не входитъ въ мою задачу, но все же нельзя обойти ихъ молчаніемъ, не сказавъ, хотя бы вскользь, что обставлены онѣ были чрезвычайно торжественно и настроеніе, принимавшихъ въ нихъ участіе, было весьма приподнятое и глубоко патриотичное. Мнѣ пришлось на моемъ вѣку видѣть много парадовъ, торжествъ, выходовъ, придворныхъ баловъ, неописуемый блескъ нашего Двора, и все же торжества 300-лѣтія оставили на меня глубокое впечатлѣніе, которое не изгладится за всю жизнь.

Въ осуществленіи второй части, т. е. майской программы, мнѣ пришлось принять близкое участіе. Опять съ адмираломъ К. Д. Ниловымъ и его старшимъ флагъ-офицеромъ Н. В. Саблинымъ мы отправились, на этотъ разъ на Волгу, для распределенія всѣхъ необходимыхъ подготовительныхъ работъ. Задача была поставлена гораздо грандіознѣе, чѣмъ на Деснѣ. Путешествіе должно было длиться трое сутокъ и Государя сопровождала Императрица со всѣмъ Семействомъ. Кромѣ того, для поѣздки на Волгу было назначено много лицъ свиты. Зато на Волгѣ имѣлись казенные служебные пароходы, гораздо болѣе подходящіе для этой цѣли, чѣмъ на Деснѣ.

Два парохода «Межень» и «Стрежень» могли быть хорошо передѣланы и приспособлены для поѣздки. Послѣ тщательнаго осмотра, мы пришли къ заключенію, что «Межень» лучше подходит для Царской Семьи. Все же мы рѣшили передѣлывать цѣликомъ оба парохода, во-первыхъ, въ виду возможности поѣздки Императрицы Маріи Феодоровны для принятія участія въ торжествахъ, а, во-вторыхъ, въ послѣдній моментъ почему-либо могла произойти надобность смѣнить пароходъ Государя. Тутъ я долженъ пояснить, что именно означаютъ эти два названія «Межень» и «Стрежень». Выраженія эти мѣстныя, Волжскія, и ко мнѣ зачастую обращались съ вопросомъ, что значатъ эти непонятныя слова. На Волгѣ обычно называютъ половодье, разливъ рѣки — меженными водами или меженью. А та струя теченія, которая бываетъ по срединѣ рѣки, опять таки по мѣстной терминологіи, называется стрежнемъ.

Программа Царскаго путешествія по Волгѣ была: Нижній Новгородъ, Кострома, Ярославль. Мы посѣтили всѣ эти пункты и намѣтили, въ общихъ чертахъ, необходимыя работы, такъ, на-примѣръ, своевременная обстановка пути знаками, перестройка капитальная двухъ пароходовъ, полный ремонтъ другихъ, постройка подходящихъ нарядныхъ причаловъ и пристаней и проч.

Мнѣ предстояло окончательно разработать всю часть программы, касающуюся меня, и немедленно приступить къ ея выполнению. На подготовку путешествія Государя я имѣлъ въ своемъ распоряженіи десять мѣсяцевъ, что дало мнѣ возможность выполнить намѣченную программу. Два парохода «Межень» и «Стрежень» были просто не узнаваемы; это были настоящія царскія яхточки, произведшія отличное впечатлѣніе на всю Царскую Семью.

Въ самый разгаръ моихъ приготовленій я узналъ, что Предсѣдатель правленія парох. о-ва «Самолеть» Я. В. Ратьковъ-Рожновъ, черезъ придворныя связи, старается доказать, что казенные пароходы слишкомъ малы и не приспособлены для столь высокихъ путешественниковъ, какъ Государь со всей Семьей. По мнѣнію Ратькова-Рожнова, путешествіе необходимо совершить на извѣстныхъ своимъ удобствами и размѣрами волжскихъ пассажирскихъ пароходахъ. При этомъ Ратьковъ-Рожновъ указывалъ, что Об-во «Самолеть», предсѣдателемъ и главнымъ акціонеромъ котораго онъ состоялъ, строить новый пароходъ, самаго лучшаго типа, который будетъ готовъ какъ разъ ко времени путешествія. Пароходу этому придаетъ особую роскошную отдѣлку и предполагается его назвать «Царь Михаилъ Феодоровичъ». Ратьковъ-Рожновъ предлагалъ этотъ пароходъ для путешествія Государя. Мысль эта очень понравилась нѣкоторымъ придворнымъ кругамъ. Дѣло въ томъ, что на казенномъ пароходѣ было достаточно мѣста для размѣщенія Царской Семьи, а изъ свиты возможно было помѣстить, кромѣ Флагъ-Капитана только Министра Двора (котораго замѣшалъ во время перехода Кн. Кочубей) и дежурнаго флигель-адъютанта. Даже гофмейстерина Нарышкина и нѣкоторыя ближайшія лица свиты имѣли помѣщенія на «Стрежнѣ». Остальные же должны были слѣдовать по желѣзной дорогѣ. Поэтому, недовольные этимъ положеніемъ старались склонить Государя принять предложеніе Ратькова-Рожнова. Однако, они упустили изъ вида, что и Государь, и Императрица чрезвычайно были рады имѣть близъ себя, хотя бы на короткій срокъ, какъ можно меньше свиты.

Такимъ образомъ, предложеніе Ратькова-Рожнова было отклонено, но было рѣшено использовать одинъ изъ его пароходовъ подъ столовую для параднаго завтрака въ Костромѣ и для размѣщенія Великихъ Князей и нѣкоторыхъ чиновъ свиты.

Само собою разумѣется, что мнѣ пришлось нѣсколько разъ за эти десять мѣсяцевъ ѣздить въ Нижній Новгородъ, въ Кострому, и въ Ярославль, чтобы имѣть личный надзоръ за ходомъ работъ и приготовленій.

16-го Мая Ихъ Величества съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими Княжнами Ольгой, Татьяной, Маріей, Анастасіей Николаевнами, отбыли изъ Царскаго Села.

Торжества начались во Владимірѣ и Суздаль, и утромъ 18-го Мая Царскій поѣздъ прибылъ въ Нижній Новгородъ. Настроеніе массъ вездѣ было совершенно исключительно восторженное. Вездѣ праздничное убранство, бюсты Царя Михаила Феодоровича и Государя Императора, трогательныя надписи «Боже, Царя Храни». «Такое-то земство привѣтствуетъ своего Государя». «Царствуй на многіе годы», «такое-то земство своему Государю бьетъ челомъ» и т. д.

По окончаніи Нижегородскихъ торжествъ Государь и Царская Семья прибыли на пароходную пристань, гдѣ находились волжскіе судовладельцы съ семействами и подносили хлѣбъ-соль, иконы, цвѣты.

При колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, крикахъ толпы, гудковъ и сиренъ, пароходъ «Межень», подъ Императорскимъ Штандартомъ отошелъ медленно отъ пристани и направился въ Кострому. Съ берега толпа пѣла гимнь и затѣмъ Волжскую пѣсню: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» (хотя въ данномъ случаѣ путешествіе было вверхъ, а не внизъ). Сзади насъ конвоировалъ «Стрежень» и два нашихъ парохода, на одномъ изъ которыхъ находились Предсѣдатель Совѣта М-ровъ В. Н. Коковцовъ, М-ръ П. С. Рухловъ и М-ръ Вн. Дѣль Маклаковъ.

Опять таки нельзя найти словъ, чтобы описать тотъ патріотическій, горячій, искренній подъемъ, который охватилъ всѣхъ присутствующихъ, безъ разбора званій, положеній, классовъ. Народъ сливался въ одномъ чувствѣ: «Обожанія Монарха».

Согласно распisanія мы прибыли вечеромъ на слѣдующій день въ Кострому, гдѣ простояли ночь у берега. Мною, по соглашенію съ адмираломъ Ниловымъ, былъ устроенъ нарядный причалъ съ разбитымъ на берегу садикомъ. Утромъ мы подошли къ самой Костромѣ.

Послѣ пріема всѣхъ депутацій, Ихъ Величества проѣхали въ монастыри, повторяя то, что сдѣлалъ триста лѣтъ назадъ первый Царь Дома Романовыхъ.

Засимъ ночь мы простояли на якорѣ въ самой рѣкѣ недалеко отъ Ярославля и подошли къ нему въ назначенный часъ.

Какъ въ Костромѣ, такъ и въ Ярославлѣ были феноменальныя торжества.

Путешествіе Царской Семьи по Волгѣ вызвало удивительный патріотическій подъемъ среди приволжскаго населенія. Народъ густыми массами стекался на берегъ, проводилъ ночь подъ открытымъ небомъ; съ приближеніемъ Царскаго парохода несмолкаемое ура и національный гимнь неслись по пути. Толпы лѣзли въ воду, чтобы приблизиться къ пароходу. Какъ было Государю не вѣрить въ глубокую преданность русскаго народа?

Все время нахождения Государя на пароходѣ «Межень» Онъ

былъ въ отличномъ настроеніи и продолжительно находился на мостикѣ парохода, рассматривая берега Волги.

Императрица, будучи крайне усталой, принимала участіе лишь въ нѣкоторыхъ торжествахъ, но не присутствовала на парадныхъ завтракахъ, обѣдахъ и балахъ.

Вечеромъ Государь и Царская Семья отбыли по желѣзной дорогѣ.

За нѣсколько часовъ до отбытія Государя, замѣщавшій Министра Двора Князь Кочубей пришелъ лично ко мнѣ, находившемуся все время на Царскомъ пароходѣ, въ каюту и вручилъ, пожалованный Государемъ Императоромъ, большой настольный портретъ Его Величества съ собственноручной подписью и помѣткой датъ плаванія на «Межени» 18-21 Мая 1913 г. Рама была превосходная, корельской березы съ художественными серебряными украшеніями работы Фаберже*). Мнѣ даже передали, что рама была выбрана самимъ Государемъ изъ нѣсколькихъ, представленныхъ Ему.

Я былъ въ полномъ восторгѣ. Никакой чинъ, никакая звѣзда, не дали бы мнѣ такого исключительнаго удовлетворенія. Это была не обычная служебная награда, а совершенно личная милость Государя. Такіе портреты жаловались лишь самымъ высшимъ сановникамъ. Уходившіе министры Кривошеинъ и Рухловъ, получили ихъ послѣ многихъ лѣтъ пребыванія въ должности Министровъ.

Когда, выходя съ «Межени», Государь прощался со мною, я уллучилъ минуту, чтобы выразить мою глубокую признательность.

Г Л А В А IX.

ШОССЕЙНЫЯ ДОРОГИ.

Для болѣе правильнаго распредѣленія работъ и обезпеченія большаго вниманія къ шоссейнымъ дорогамъ, я раздѣлилъ отдѣлъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ на два. Во главѣ перваго я поставилъ достойнѣйшаго инженера И. П. Калинина, съ которымъ я состою въ дружбѣ и по сей день, а во главѣ втораго, — инженера Витте, болѣе специализировавшагося въ шоссейной области.

Значительная часть казенныхъ шоссейныхъ дорогъ, задолго до меня, была передана въ завѣдываніе и содержаніе земствъ, которымъ выдавалась на это субсидія. На Управленіи лежалъ надзоръ за точнымъ исполненіемъ земствами соглашеній съ Правительствомъ.

Тѣмъ не менѣе въ непосредственномъ вѣдѣніи М-ва П. С. оставалась значительная часть дорогъ. На первомъ планѣ, конечно, были стратегическія дороги западнаго края, крымскія шоссе и нѣкоторыя прилегающія къ столицѣ.

Скоро я понялъ, что поддержаніе надлежащаго состоянія дорогъ невозможно безъ серьезнаго оборудованія ихъ механиче-

*) Фаберже — ювелиръ — главный поставщикъ Двора.

скими современными приспособлениями, которыхъ было чрезвычайно мало. Кроме того, надо было дать инженерамъ — начальникамъ участковъ современный способъ передвиженій взаи́мнѣ лошадей и велосипедовъ.

Настоявъ на значительномъ усиленіи кредитовъ по смѣтѣ на этотъ предметъ, я объявилъ, что постараюсь, постепенно, обезпечить каждаго начальника участка легкимъ шестисильнымъ автомобилемъ съ тѣмъ, чтобы не учреждалось особыхъ должностей шоферовъ. Управлять — долженъ самъ инженеръ, содержать и легкія починки — долженъ производить имѣющійся при каждомъ каткѣ механикъ. Инженерамъ очень понравилось получить автомобиль, но управленіе имъ было не по вкусу. Въ то время казалось унижительнымъ для инженера исполнять роль шофера.

Приблизительно за полтора года до войны я посѣтилъ Варшавскій Округъ, главнымъ образомъ, для объѣзда стратегическихъ шоссеиныхъ дорогъ съ инспекторомъ отъ Управленія, который былъ для меня необходимъ въ виду моего незнакомства съ техническими вопросами.

На руль автомобиля начальника участка сидѣлъ шоферъ. Я спросилъ инженера, умѣеть-ли онъ управлять машиной и получилъ отрицательный отвѣтъ. Тогда я распорядился, чтобы шоферъ сѣлъ на заднее сидѣніе, самъ сѣлъ на его мѣсто, посадилъ инженера рядомъ съ собой и объѣхалъ весь участокъ, управляя лично. На слѣдующемъ участкѣ повторилось тоже. Ни одному инженеру я не сдѣлалъ замѣчанія, но послѣ этого инженеры поняли, что управленіе автомобилемъ не умаляетъ ихъ достоинства.

Помимо стратегическихъ шоссе приходилось также производить крупныя работы въ Крыму. Какъ извѣстно, Крымъ представлялъ изъ себя не только туристическій центръ, но и постоянное осеннее пребываніе Царской Семьи и многихъ Великихъ Князей.

Здѣсь я долженъ пояснить, что назначеніе меня начальникомъ управленія совпало съ началомъ развитія автомобильнаго движенія и переходомъ на этотъ способъ передвиженія Государя и Великихъ Князей. Автомобили Государя развивали очень большія по тому времени скорости. Крымскія шоссе вовсе не были приспособлены для этого. Мнѣ пришлось ихъ почти цѣликомъ перестраивать. Переѣзды подлежала не только шоссеиная кора; приходилось почти заново строить ихъ, мѣняя во многихъ мѣстахъ даже трассировку въ виду слишкомъ крутыхъ виражей, сооружая новые мосты взаи́мнѣ старыхъ узкихъ и горбатыхъ.

Каждый разъ, по возвращеніи изъ Крыма, Государь высказывалъ С. В. Рухлову полное удовлетвореніе состояніемъ этихъ шоссе, что Сергѣй Васильевичъ неукоснительно передавалъ мнѣ.

Осенью 1913 г. я объѣзжалъ крымскія шоссе. Во время проѣзда черезъ Ялту, я получилъ приглашеніе въ Ливадію въ чудный новый дворецъ къ Высочайшему завтраку. Императрица, по болѣзни, завтракала отдѣльно. Во время завтрака я сидѣлъ рядомъ

съ милѣйшей фрейлиной Императрицы графиней Гендриковой, такъ трагически раздѣлившей участь Царской Семьи въ Екатеринбургѣ.

На слѣдующій день я былъ приглашенъ къ завтраку въ Ай-Тодоръ къ Великому Князю Александру Михайловичу. Мнѣ было очень пріятно попасть опять въ семью Великаго Князя и Великой Княгини Ксеніи Александровны, у которыхъ я прожилъ двѣ осени.

Во время завтрака Великій Князь, обращаясь ко мнѣ, къ большому моему удивленію, назвалъ меня «*Monsieur le Ministre*». Зная, что Великій Князь любилъ подтрунивать надъ собесѣдникомъ, я сказалъ ему, что я чрезвычайно далекъ отъ такого поста. «Давайте держать пари», отвѣтилъ мнѣ Великій Князь, «что не дальше, какъ въ теченіе года, вы будете какимъ-нибудь министромъ». Весь этотъ разговоръ я принялъ, какъ шутку.

Уже потомъ, когда, черезъ полтора года послѣ этого, состоялось мое назначеніе, я понялъ, что, очевидно, Государь спрашивалъ по этому поводу мнѣніе Великаго Князя, близко меня знавшаго, и подъ непосредственнымъ начальствомъ котораго я раньше служилъ. Не сомнѣваюсь, что отзывъ Великаго Князя укрѣпилъ намѣреніе Государя.

Уѣхавъ изъ Крыма, я погрузился въ обычную напряженную работу. Съ объявленіемъ войны работы у меня еще прибавилось. Мнѣ пришлось организовывать ремонтъ шоссеиныхъ дорогъ въ тылу войскъ на занятыхъ въ Галиціи территорияхъ. Съ этою цѣлью я часто ѣздилъ на фронтъ, гдѣ имѣлъ сношенія съ высшимъ команднымъ составомъ.

Г Л А В А X.

ВОЙНА. ПОѢЗДКИ НА ФРОНТЪ.

Въ началѣ іюля 1914 г. я предпринялъ осмотръ Кіевскаго округа, спустился на дубѣ*) черезъ Днѣпровскіе пороги, посетилъ Херсонъ, Николаевъ, Одессу, проѣхалъ Днѣстръ и, закончивъ эту служебную поѣздку, отправился въ Евпаторію, гдѣ хотѣлъ отдохнуть двѣ-три недѣли. Когда я выѣзжалъ изъ Петербурга не было никакихъ признаковъ близкой войны. Во время моего пребыванія въ Херсонѣ, Николаевѣ и Одессѣ быстро начали собираться грозовыя тучи. Объ Австрійскомъ ультиматумѣ Сербіи я узналъ во время поѣздки, послѣдніе дни которой на Днѣстрѣ уже были въ столь наэлектризованой атмосферѣ, что мы даже прислушались, не слышно-ли близъ границы выстрѣловъ. И всетаки никому не вѣрилось, что этотъ острый конфликтъ не обойдется безъ міровыхъ потрясеній. Въ Евпаторіи мнѣ удалось пробыть всего дней пять. Быстро получались одно за другимъ громовыя извѣстія сперва о мобилизаціи, затѣмъ объ объявленіи войны. Евпаторія мгновенно опустѣла. Всѣ кинулись въ Симферополь, откуда

*) Дубъ — мѣстное названіе большого гребного катера.

выбраться по недѣлямъ было невозможно; пассажирскіе поѣзда были уже отмѣнены, кромѣ одной пары почтовыхъ, и введено воинское мобилизаціонное расписание. Изъ Евпаторіи бѣжали всѣ, кто по служебнымъ дѣламъ, кто изъ страха о возможности бомбардировки Евпаторіи турецкимъ флотомъ. Благодаря зеленой подкладкѣ моего пальто, я съ женой попалъ въ поѣздъ въ Симферополь въ первый же день. Мѣсть никакихъ не было, все переполнено, мы до самаго Петербурга просидѣли въ корридорѣ на чемоданахъ. Въ дорогѣ мы узнали уже о назначеніи Великаго Князя Николая Николаевича верховнымъ главнокомандующимъ. Никто не вѣрилъ въ длительность войны. Ее считали на мѣсяцы, о годахъ никто не заикался даже.

Первые два — три мѣсяца войны Управленіе мое прямого касательства къ работѣ на фронтѣ не имѣло. Согласно положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, всѣ мѣстные чины гражданскихъ вѣдомствъ въ районѣ военныхъ дѣйствій подчиняются военному начальству. Въ частности мѣстные водные и шоссеиные чины были подчинены отдѣлу путей сообщенія, который имѣлъ надъ собой Главнаго Начальника Заготовленій. Соотвѣтственно этому Виленскій и Варшавскій округа вошли въ районъ С.-З. фронта, а Кіевскій и часть Варшавскаго въ Ю.-З. фронтъ. Очень скоро мнѣ пришлось убѣдиться, что безъ участія центральнаго Управленія дѣло идти на мѣстѣ не могло.

Это я доложилъ министру и просилъ его, не признаеть-ли онъ правильнымъ, испросить у Верховнаго Главнокомандующаго разрѣшеніе мнѣ поѣздокъ на фронтъ для возможнаго съ моей стороны содѣйствія военнымъ властямъ. Согласіе Ставки послѣдовало, и я предпринялъ рядъ такихъ поѣздокъ. Сперва я ознакомился съ Юго-Зап. фронтомъ и началъ съ того, что побывалъ въ Брестѣ у генераловъ Павскаго и Кривошеина. Трудно себѣ представить тотъ хаосъ, который оказался у нихъ. Ни тотъ, ни другой не имѣли никакого представленія ни о дѣлѣ, ни о своихъ задачахъ. Генераль Павскій по крайней мѣрѣ и не совался; онъ сдалъ все генералу Кривошеину и занимался чисто показной стороной, принимая военные рапорты отъ подчиненныхъ ему лицъ. Кривошеинъ, наоборотъ, хотѣлъ всецѣло забрать дѣло въ свои руки, не давалъ абсолютно работать начальникамъ округовъ, вмѣшивался во все, путалъ все, а когда пріѣхалъ я, что разыгрывалъ особо важную персону, доказывая, что права его равносильны министерскимъ. Я не могъ себѣ представить, чтобы не молодой генераль, профессоръ и инженеръ могъ держать себя столь необстоятельно.

Изъ Бреста я проѣхалъ въ Холмъ, гдѣ посѣтилъ генерала Иванова и генерала Алексѣева, а оттуда отправился во Львовъ и побывалъ передъ осажденнымъ Перемишлемъ. Никогда не забуду того тяжелаго чувства, которое я испыталъ во Львовѣ въ Управленіи водныхъ путей. Какое ужасное чувство хозяйничать въ томъ, что вамъ не принадлежитъ! И тутъ я съ грустью поду-

маль; а вдругъ роли перемѣнятся, и нѣмцы будутъ хозяйничать въ Варшавѣ въ округѣ!.. Долго этого ждать не пришлось, скоро наши успѣхи были сметены. Невольно вспоминается полная трагизма, фраза Государя во Львовѣ: «Да здравствуетъ великая, единая и недѣлимая Русь!..» Все это составляетъ теперь только область ужасно трагическихъ воспоминаній.

Вернувшись въ Петроградъ, я подалъ своему министру Рухлову записку съ описаніемъ того, что представляетъ изъ себя генераль Кривошеинъ. Въ томъ же духѣ давали о немъ характеристики и желѣзнодорожные дѣятели, но не такъ рѣшительно и не письменно. Въ результатѣ мою записку С. В. Рухловъ показалъ въ Ставкѣ, и Кривошеина скоро убрали. Конечно, мои сотрудники по воднымъ и шосейнымъ путямъ поняли мою роль въ увольненіи Кривошеина.

Тѣмъ не менѣе во время моихъ поѣздокъ мнѣ многое удалось наладить, многое организовать. Одной изъ принятыхъ мною мѣръ была слѣдующая.

Военныя власти возлагали на округа П. С. задачи, то по экстренному приведенію въ порядокъ старыхъ шоссе, то по перестройкѣ земскихъ участковъ, то по прокладкѣ новыхъ грунтовыхъ дорогъ. Обычный составъ справиться съ этимъ дѣломъ не могъ. Его приходилось бросать изъ стороны въ сторону; снимая съ одного участка на другой, ухудшали первый. Кромѣ того, получить должное количество рабочихъ, лошадей, телѣгъ представляло серьезныя затрудненія. Я предложилъ военному начальству организовать въ Петроградѣ вполнѣ готовые отряды для экстренныхъ работъ. Такіе отряды, въ количествѣ свыше двадцати, были сформированы мною въ Петроградѣ и высланы на театръ военныхъ дѣйствій. Каждый изъ нихъ былъ подъ руководствомъ инженера, состоялъ изъ нѣсколькихъ техниковъ, счетоводовъ, рабочихъ, грузового автомобиля, лошадей, телѣгъ, походной кухни и полного снаряженія. Мѣра эта оказалась чрезвычайно полезной и быстро привилась на фронтѣ.

Между прочимъ, въ одну изъ моихъ поѣздокъ, мнѣ пришлось видѣть наше полное отступленіе изъ Ново-Александріи; трудно себѣ представить болѣе тяжелую картину. Я ѣхалъ изъ Люблина на автомобиль. Расчитывалъ приѣхать къ опредѣленному часу — вмѣсто этого задержался въ пути раза въ три дольше. Оказалось, что нашимъ войскамъ былъ данъ приказъ оставить Ново-Александрію. Они широкой лентой отступали по шоссе, загораживая путь, дѣлая почти невозможнымъ движеніе автомобиля въ противоположную сторону. Войска двигаясь по дорогѣ, занимаетъ не только самую полосу шоссе и обочины, но даже прилегающія къ нему поля. И что было самое скверное, это отсутствіе планомѣрности. Отступленіе началось, а изъ Люблина продолжаютъ посылать обозы по направленію къ Ново-Александріи. Такимъ образомъ, встрѣтились два теченія, одно отступающихъ войскъ, другое движущіеся имъ навстрѣчу обозы; все это сталкивается, ру-

гается, кричить... Хаосъ полный. Одновременно пробираются обозы бѣженцевъ. Дѣти, старики, скарбъ, все везется, но уже не по шоссе, а вдоль полями. Трудно себѣ представить стчянные лица бѣженцевъ, идущихъ и плетущихся неизвѣстно куда, оставившихъ все свое... Картина полного разоренія. Кое какъ я добрался до Ново-Александрин. Туда ожидали генерала Кривошеина. Уѣзжая, я встрѣтилъ его и онъ предложилъ мнѣ ѣхать по желѣзной дороге, а не по шоссе, гдѣ уже пробраться, въ особенности ночью, въ автомобиль было почти невысмыслимо. Я съохотно этимъ воспользовался. Тогда онъ призываетъ начальника станціи и спрашиваетъ, сколько на станціи имѣется паровозовъ. Оказалось три. Онъ даетъ распоряженіе одинъ дать ему, одинъ мнѣ и одинъ для санитарнаго поѣзда. Услышавъ это, я, конечно, отказался отъ отдѣльнаго паровоза, считая, что брать его въ такой моментъ недопустимо и сказалъ, что буду ждать Кривошеина и поѣду вмѣстѣ съ нимъ, съ тѣмъ, чтобы къ поѣзду былъ прищѣпленъ вагонъ для моего автомобиля. Въ этотъ моментъ происходитъ неожиданность. Начальникъ станціи не понравился Кривошеину, и онъ тутъ-же, не долго думая, въ моментъ отступленія, смѣняетъ его и тутъ-же назначаетъ другого!

Кривошеина пришлось ожидать долго. Вмѣсто полутора часовъ онъ отсутствовалъ часовъ шесть.

Наступала ночь. Тѣсный грязный вокзалъ, одна комнатка со служебнымъ санитарнымъ персоналомъ, гдѣ приходили врачи и сестры погрѣться и выпить чаю; на улицѣ же проливной дождь, на платформахъ глубокія лужи. Въ приготовленный санитарный поѣздъ перевозили мѣстный плазаретъ съ тяжело ранеными. Медицинскій персоналъ въ работѣ. И вотъ тутъ меня поразило одно явленіе. Настроеніе ужасно тяжелое, подавленное, какъ всегда при отступленіи. Темная холодная дождливая ночь. Каждую минуту ожидается начало бомбардировки, и ночью предполагается вступленіе нѣмцевъ. Вокругъ стоны и жалобы раненыхъ. Адъ форменный. И несмотря на это процвѣтаетъ «флиртъ». Сестрицы въ легкихъ туфляхъ шлепаютъ по грязи и флиртуютъ съ офицерами. Меня это поразило. Кажется никаксе ухаживанье не полѣзетъ въ голову въ такой обстановкѣ, и тѣмъ не менѣе среди всего этого находятся любители и поцѣловать замерзшую ручку сестрицы и согрѣть ее, какъ бы для предстоящей работы...

Какая ужасная картина страны, гдѣ побывали наступающія и отступающія войска! Мнѣ пришлось видѣть въ такомъ положеніи Галицію. Разгромъ, выжженные города и станціи, разрушенные мосты, снесенныя цѣлыя поселенія и деревни. Обездоленное населеніе ютится подъ свалившейся крышей въ холодѣ, сырости и голодѣ. Врѣзалась мнѣ особенно въ память трагическая картина. Сожженная деревня. Надъ однимъ изъ пепелищъ стоитъ большая семья и старики и взрослые и дѣти. Всѣ стоятъ безъ шапокъ, пучура головы, смотрятъ на пепелище и не произносятъ ни слова. Стоятъ, стоятъ долго, видна трагедія въ душѣ каждого изъ нихъ

— стоять и не шевелятся, какъ будто замерли.. Да, сколько горя, ужасовъ, скорби и униженія принесла война! Кто могъ подумать, что она будетъ причиною полной гибели нашего Государства?!...

Г Л А В А XI.

ВЫЗОВЪ ВЪ ЦАРСКОЕ СЕЛО.

На 16 января 1915 г. былъ назначенъ мой очередной отъѣздъ на фронтъ черезъ Варшаву, поѣздомъ въ 1 ч. дня. Въ этотъ день рано утромъ я былъ разбуженъ звонкомъ телефона. Оказалось, что меня вызывалъ С. В. Рухловъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что ночью имъ была получена записка отъ Государя съ повелѣнiемъ, чтобы я прiѣхалъ къ Его Величеству въ Царское Село къ 2 часамъ дня. «Я не знаю, зачѣмъ васъ вызываетъ Государь, но это не дурной признакъ», сказалъ мнѣ Сергiй Васильевичъ.

Сдѣлавъ по телефону всѣ распоряженiя объ отъѣздѣ назначенной поѣздки, я отправился къ министру, чтобы лично переговорить съ нимъ относительно вызова въ Царское Село. «Такъ поступаетъ Государь, когда онъ назначаетъ лицъ на посты министровъ или генераль-губернаторовъ. Теперь «шатаются два министра: Тимашевъ и Маклаковъ», былъ отвѣтъ министра на мои вопросы. Засимъ Сергiй Васильевичъ высказалъ мнѣ рядъ самыхъ искреннихъ пожеланiй и просилъ, чтобы по возвращенiи я немедленно заѣхалъ къ нему.

Трудно себѣ представить, съ какимъ волненiемъ я прiѣхалъ въ назначенное время во Дворецъ, въ маломъ придворномъ мундирѣ.

Ровно въ 2 часа отворилась дверь, и я вошелъ въ кабинетъ къ Государю, который стоялъ недалеко отъ входа. Его Величество былъ чрезвычайно внимателенъ, прiвѣтливъ, даже ласковъ и сказалъ мнѣ, что Онъ «рѣшилъ поручить мнѣ Министерство Торговли и Промышленности». Услышавъ эти слова, я смутился. Поблагодаривъ за столь высокое довѣрiе, я счелъ долгомъ доложить, что я боюсь взяться за такое отвѣтственное и трудное дѣло. Я отмѣтилъ, что изъ предметовъ вѣдѣнiя этого министерства я хорошо знакомъ лишь съ частью ихъ, а именно съ портовымъ дѣломъ и съ торговымъ мореплаванiемъ. Цѣлый рядъ другихъ отраслей: промышленность, торговля, горное вѣдомство являются для меня почти новою областью. Тогда Государь перешелъ къ письменному столу и посадилъ меня. Я продолжалъ указывать на недостаточную подготовленность мою и на особыя трудности, связанныя съ управленiемъ министерствомъ въ военное время, при полномъ нестроенiи этого вѣдомства и при ненормально сложившихся отношенiяхъ между министерствомъ и промышленными кругами. На все это Государь отвѣтилъ мнѣ, что Онъ хорошо знаетъ, какъ я справился съ водными путями, тоже новою для меня областью, и увѣренъ, что я справляюсь и съ министерствомъ. Что касается до военного времени, то именно при этихъ

условіяхъ я не имѣю права уклоняться отъ назначенія. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Государь сказалъ, что онъ уже нѣсколько времени тому назадъ хотѣлъ назначить меня, но И. Л. Горемыкинъ, не знавшій меня, просилъ дать ему время, чтобы навести необходимыя справки. Полученные Горемыкинымъ отзывы оказались такими, что онъ вполне присоединяется къ выбору Государя*).

Далѣе Государь указалъ мнѣ, чтобы я незамедлительно съѣздить къ Горемыкину, а затѣмъ, чтобы я побывалъ у Кривошеина, который, конечно, не откажетъ мнѣ въ помощи. Здѣсь же Его Величество ютѣтилъ, что, по преклонности лѣтъ Ивана Логгиновича Горемыкина, онъ смотритъ на Александра Васильевича Кривошеина, какъ на фактическаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Вернувшись въ Петроградъ я тотчасъ же поѣхалъ къ С. В. Рухлову. Онъ былъ очень доволенъ моимъ назначеніемъ, высказалъ сожалѣніе, что разстается со мною, какъ со своимъ сотрудникомъ и выразилъ желаніе, чтобы я зашелъ къ нему еще разъ для переговоровъ о моемъ преемникѣ по Управленію. Сейчасъ же обсуждать этого вопроса онъ не могъ, у него нѣсколько человѣкъ ожидали доклада.

Вечеромъ я отправился на Моховую на квартиру Предсѣдателя Совѣта Министровъ, котораго я видѣлъ впервые. Меня поразилъ и его преклонный возрастъ и его удивительное спокойствіе, которое скорѣе походило на индеферентизмъ. Съ перваго раза было трудно себѣ представить, сколько у этого старца силы воли и мудрости, скрывавшихся подъ этимъ видимымъ индеферентизмомъ.

На слѣдующій день утромъ я оправился къ С. В. Рухлову, для разговоровъ о моемъ преемникѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я увидалъ, не смотря на ранній часъ, въ его приемной, выходящаго изъ министерскаго кабинета, директора Московскаго Инженернаго Училища, профессора Николая Дмитриевича Тяпкина. Оказывается онъ былъ экстренно вызванъ изъ Москвы.

Сергѣй Васильевичъ сказалъ мнѣ, что онъ рѣшилъ назначить Тяпкина на мое мѣсто тѣмъ болѣе, что я самъ уже давно готовлю его въ свои преемники. Къ назначенію этому я отнесся очень сдержанно и пояснилъ, что я хорошаго мнѣнія о Николаѣ Дмитриевичѣ, часто, съ разрѣшенія Министра, привлекалъ его къ работѣ Управленія въ области водныхъ путей, какъ спеціалиста гидротехники, но что я никогда не подготовлялъ его въ свои преемники. И дѣйствительно, я очень цѣнилъ Н. Д. Тяпкина; онъ былъ постороннимъ лицомъ для Управленія и въ качествѣ не дурнаго гидротехника могъ зачастую дѣлать цѣнныя для меня техническія экспертизы. Однако, я всегда считалъ его слишкомъ мелочнымъ человѣкомъ, не

*) Не подлежитъ сомнѣнію, что справки обо мнѣ Горемыкинъ наводилъ у моего прямого начальника С. В. Рухлова.

имѣвшимъ ни достаточной административной опытности, ни широкихъ взглядовъ для того, чтобы управлять столь сложной машиной. Къ тому же, умѣя работать лично, онъ отнюдь не могъ направить дѣло такъ, чтобы работа шла во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему отдѣлахъ и приходила къ нему въ готовомъ видѣ. Онъ все считалъ нужнымъ продѣлывать самъ. А тотъ, кто берется такъ за дѣло, является самымъ вѣрнымъ тормазомъ во всякомъ широкомъ, требующемъ живой струи, дѣлѣ.

Въ тотъ же день 17-го февраля, въ 5 часовъ вечера, мнѣ былъ привезенъ Высочайшій указъ о назначеніи меня Управляющимъ Министерствомъ Торговли и Промышленности, а на слѣдующее утро весь Петроградъ прочелъ о пожалованіи С. И. Тимашеву званія статсъ секретаря Его Величества съ увольненіемъ, по прошенію, отъ должности министра и о назначеніи меня на его мѣсто.

Однимъ изъ первыхъ ко мнѣ позвонилъ мой бывший начальникъ по выходѣ моемъ изъ флота — А. Е. Конкевичъ, извѣстный хорошо публикѣ подъ псевдонимомъ Бѣломора, по его весьма интереснымъ морскихъ разсказамъ.

Конкевичъ былъ давно въ хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ С. Ю. Витте и часто видался съ нимъ. Сердечно поздравивъ меня съ назначеніемъ, Конкевичъ сказалъ, что ему только что звонилъ по телефону Сергѣй Юльевичъ, который, зная мои добрыя отношенія съ Конкевичемъ, и что я когда-то началъ гражданскую службу у него въ отдѣлѣ, спросилъ его мнѣніе, не пріѣду ли я къ нему. Конкевичъ сказалъ мнѣ, что Витте очень хочетъ познакомиться со мной, готовъ бы самъ пріѣхать ко мнѣ, но что считалъ бы болѣе удобнымъ, если бы я первый сдѣлалъ ему визитъ. Я отвѣтилъ, что, конечно, я имѣю въ виду непременно быть у графа Витте.

Въ этотъ же день предстояли визиты къ министрамъ. Первымъ дѣломъ, я, въ соотвѣтствіи съ волей Государя Императора, отправился къ Александру Васильевичу Кривошеину въ его служебный кабинетъ на Маріинской площади въ бывшемъ зданіи Министерства Государственныхъ Имуществъ. Александръ Васильевичъ приторно-привѣтливо принялъ меня. Когда я передалъ ему слова Государя о немъ, то восторгу его не было предѣла. Разстались мы очень хорошо.

Подъ вечеръ, уже около 7 часовъ, я пріѣхалъ къ графу Витте въ его особнякъ на Каменно-Островскомъ проспектѣ. Мнѣ особенно было интересно познакомиться съ нимъ. Я всегда считалъ его совершенно исключительнымъ человекомъ по его уму, характеру и государственному опыту. Я и сейчасъ считаю его самымъ виднымъ и крупнымъ русскимъ государственнымъ дѣятелемъ за все время, что я себя помню. Я далекъ отъ мысли, чтобы оправдывать или одобрять всѣ его поступки и шаги; каждый человекъ имѣетъ свои слабыя стороны, каждый дѣлаетъ въ жизни ошибки. Его политика въ качествѣ перваго Предсѣдателя Совѣта Министровъ была опредѣленной ошибкой. За Витте я не могъ не признавать его

исключительныхъ заслугъ по управленію Министерствомъ Финансовъ, которое онъ поставилъ на удивительную высоту, по оздоровленію нашего кредита за границей со времени введенія имъ золотого денежнаго обращенія, наконецъ, развѣ не громадная его заслуга заключеніе почетнаго мира съ японцами послѣ проигранной войны? Все это заставляло меня радоваться утреннему разговору съ Конкевичемъ, тѣмъ болѣе, что не будь этого разговора, я не могъ быть увѣренъ, какъ меня приметъ этотъ маститый савонникъ, опредѣленно будировавшій въ то время правительство.

Пріемъ былъ мнѣ оказанъ самый радушный. Графъ въ этотъ день былъ нездоровъ и простуженъ, онъ жаловался, что у него уже давно какой-то ужасный насморкъ, что не помѣшало ему на прощаніе меня поцѣловать. Въ разговорѣ онъ усиленно восхвалялъ мнѣ знанія и способности управляющаго отдѣломъ промышленности Литвинова-Фалинскаго, рекомендуя обратить на него особое вниманіе, иначе говоря, явно рекомендуя мнѣ его въ товарищи. Какъ я потомъ опредѣленно узналъ, Витте усердно проводилъ его на мѣсто Тимашева. Конечно, я сознавалъ, что Витте былъ со мною не искрененъ, но все же я почувствовалъ, что, если бы я культивировалъ мои отношенія съ нимъ, то, несомнѣнно, онъ не отказалъ бы въ его содѣйствіи мнѣ въ крупныхъ вопросахъ торгово-промышленной политики. А для меня получить такого наставника было бы чрезвычайно цѣнно.

Когда я уѣхалъ отъ него, мысль эта настойчиво роилась въ моей головѣ, и я рѣшилъ постараться завязать съ нимъ отношенія. Осуществить этого мнѣ не удалось; то нездоровье, на которое онъ мнѣ жаловался, было началомъ болѣзни, черезъ десять дней унесшей его въ могилу. Въмѣсто дальнѣйшаго знакомства мнѣ пришлось быть 2 марта на его похоронахъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Вечеромъ мнѣ предстояла разборка громаднаго количества всякаго рода письменныхъ и телеграфныхъ поздравленій. Въ числѣ ихъ была телеграмма изъ Крыма отъ моего бывшаго начальника Великаго Князя Александра Михайловича, со словами: «Кто былъ правъ»? Этимъ снѣ напоминалъ мнѣ, что въ Айтодорѣ полтора года тому назадъ онъ назвалъ меня «Monsieur le Ministre». Очевидно, уже тогда Государь говорилъ съ нимъ по поводу меня, зная, что я былъ въ свое время въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ Великаго Князя по Главному Управленію Торговаго Мореплаванія. Еще черезъ день я былъ принятъ, по моему ходатайству, Государемъ Императоромъ для представленія по случаю назначенія.

Никогда не забуду этого дня. Государь меня просто обласкалъ. Я сказалъ ему, что глубоко тронутый тѣмъ исключительнымъ довѣріемъ, которое Его Величеству было угодно сказать мнѣ назначеніемъ на столь высокій и отвѣтственный постъ, я приложу всѣ свои усилія, чтобы оправдать довѣріе Монарха. Сказалъ я это просто и искренно. Государь, будучи исключительно чуткимъ человекомъ, обнялъ и поцѣловалъ меня. Я и сейчасъ не могу описать

того чувства, которое я испыталъ. Особа Государя была столь высока въ моихъ глазахъ, что я не могъ себѣ представить, чтобы онъ оказалъ мнѣ столь высокое вниманіе. Я растерялся, слезы брызнули у меня изъ глазъ и я поцѣловалъ ему руку*).

Тотчасъ по возвращеніи въ Петроградъ я послалъ Его Величеству краткій всеподданиѣйшій докладъ: Сего числа по Высочайшему Вашему Импарторскаго Величества повеленію я вступилъ въ Управление Министерствомъ Торговли и Промышленности.

Черезъ нѣсколько часовъ докладъ вернулся съ Высочайшей резолюціей «Богъ въ помощь»!

ГЛАВА XII.

МИНИСТЕРСТВО ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Раньше чѣмъ приступить къ изложенію своихъ воспоминаній за время состоянія въ должности Министра Торговли и Промышленности, я хочу дать краткія свѣдѣнія объ этомъ вѣдомствѣ и о моихъ предшественникахъ.

До 1905 года органы, вѣдающіе дѣлами торговли и промышленности, были сосредоточены, главнымъ образомъ, въ Министерствѣ Финансовъ, въ учрежденіяхъ по части торговли и промышленности, во главѣ коихъ стоялъ особый товарищъ министра. Учрежденія эти состояли изъ отдѣловъ: торговли, промышленности, учебнаго и особой канцеляріи.

Горный Департаментъ былъ въ вѣдѣніи Главнаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ, а дѣла торговаго флота и торговыхъ портовъ составляли особое, пользовавшееся правами министерства, Главное Управленіе Торговаго Мореплаванія и Портовъ, во главѣ коего стоялъ Великій Князь Александръ Михайловичъ.

Въ 1905 г., одновременно со сформированіемъ кабинета Витте, было образовано Министерство Торговли и Промышленности со включеніемъ въ него всѣхъ вышеупомянутыхъ учреждений и, кромѣ того, департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ съ тарифнымъ комитетомъ. Мысль передачи этихъ двухъ послѣднихъ учреждений изъ Министерства Финансовъ въ вѣдѣніе вновь учрежденнаго Министерства Торговли и Промышленности была совершенно правильная. Всякому извѣстно, какое громадное значеніе въ экономической жизни страны имѣютъ желѣзныя дороги и установленіе тарифовъ на перевозки грузовъ и пассажировъ. Однако, бывшій въ то время Директоръ Департамента Желѣзнодорожныхъ дѣлъ Гіацинговъ, онъ же предсѣдатель тарифнаго ко-

*) Я глубоко увѣренъ, что, если мои воспоминанія будутъ прочитаны поклонниками Гучкова, Милюкова, и дѣвѣ ихъ стоящими, то они отнесутся съ пренебреженіемъ къ моему жесту. Но истинные монархисты оцѣнятъ искренность моего порыва въ такой торжественный и трогательный моментъ. Подумайте, если православный человѣкъ цѣлуетъ руку зачастую недостойному іерею, то какъ же вѣрнопопданный, обласканный Царемъ, не поцѣлуетъ руку Миропомазанника Божія.

митета, сознавая преимущество остаться въ министерствѣ финансовъ, которое, конечно, имѣло больше силы и вліянія, чѣмъ новое неустроенное вѣдомство, и пользуясь большимъ вліяніемъ на Графа С. Ю. Витте, очень скоро добился, что ж. д. департаментъ и тарифный комитетъ были Высочайшимъ указомъ переведены обратно въ Министерство финансовъ.

Созданное новое вѣдомство оказалось безъ всякаго о немъ положенія, безъ всякихъ штатовъ, склееннымъ изъ частей трехъ вѣдомствъ. Все это впоследствии крайне пагубно отразилось на его дѣятельности. А между тѣмъ надлежащая постановка и быстрое оформление этого вѣдомства вызывалось крайнею необходимостью для разрѣшенія, остро стоявшихъ, вопросовъ законодательнаго и административнаго характера.

Весьма труднымъ оказался также вопросъ о выборѣ лица для возглавленія новаго министерства. Наиболее компетентнымъ лицомъ въ отношеніи торговли и промышленности былъ первый министръ Василій Ивановичъ Тимирязевъ, который до тѣхъ поръ руководилъ этими областями въ министерствѣ финансовъ въ качествѣ товарища министра. Но другія отрасли, вошедшія въ компетенцію новаго вѣдомства, а именно горное дѣло, торговое мореплаваніе и порты, были ему совершенно чужды. Однако, признавая за нимъ недюжинныя способности, большой бюрократическій опытъ и широкія связи, я считаю, что онъ хорошо справился бы со всѣми предметами вѣдѣнія новаго министерства. Къ сожалѣнію Василій Ивановичъ, проведя значительный срокъ за границей, чрезмерно увлекся политикой, заразился парламентаризмомъ, и, если официально не принадлежалъ къ кадетамъ, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно имъ сочувствовалъ. Крімъ того, въ Государственной Думѣ онъ далъ весьма неудачныя объясненія по поводу отдачи въ аренду нефтяного участка въ неуставленномъ законѣмъ порядкѣ. Эти два обстоятельства заставили Графа Витте разстаться съ нимъ.

По оставленіи министерскаго поста Василій Ивановичъ занялся банковской и частной промышленной дѣятельностью. Онъ былъ избранъ предсѣдателемъ правленія Русскаго для внѣшней торговли банка и въ нѣсколько другихъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій. Въ томъ же году куріей отъ Москвы онъ былъ избранъ въ члены реформированнаго Государственнаго Совѣта.

Постъ министра торговли и промышленности не былъ сразу замѣщенъ послѣ ухода Тимирязева. Временное управление министерствомъ было поручено сперва товарищу министра М. М. Федорову, а затѣмъ кратковременно горному инженеру Штофу.

Наконецъ, въ июль 1906 г. Министерствъ Торговли и Промышленности, уже въ кабинетѣ Столыпина, былъ назначенъ бывшій Государственный Контролеръ Шталмейстеръ Философовъ; распространяться о немъ я не намѣренъ; во время его управления министерствомъ не было проведено не только серьезныхъ мѣропріятій, но даже не разработаны проекты положенія и штатовъ

вѣдомства, равно какъ не сдвинуть ни одинъ изъ крупныхъ вопросовъ законодательнаго характера. Пробывъ въ этой должности полтора года, Философовъ умеръ послѣ краткой болѣзни. Временное управленіе министерствомъ было поручено товарищу министра Остроградскому, а затѣмъ былъ назначенъ министромъ И. П. Шиповъ, бывший директоръ канцеляріи Витте въ бытность сего послѣдняго министромъ финансовъ, получившій въ кабинетѣ Витте постъ министра финансовъ.

Но уже въ началѣ января 1909 г. Шиповъ былъ уволенъ и на его мѣсто назначенъ вновь В. И. Тимирязевъ. Однако и второе пребываніе Василя Ивановича въ этой должности не было длительнымъ, и въ октябрѣ того же года онъ былъ замѣненъ С. И. Тимашевымъ, который оставался въ этой должности до 18 февраля 1915 года, т. е. въ теченіе 5½ лѣтъ.

Принимая во вниманіе, что онъ былъ раньше моимъ начальникомъ, а затѣмъ предшественникомъ по министерству торговли и промышленности, мнѣ приходится въ моихъ воспоминаніяхъ довольно часто упоминать о немъ, и даже одну изъ главъ я исключительно посвятилъ ему.

Перечисливъ своихъ предшественниковъ, я считаю долгомъ дать отвѣтъ читателямъ на вопросъ о томъ: былъ ли я подготовленъ къ занятію поста Министра Торговли и Промышленности?

Отвѣтъ, конечно, не колеблясь, я долженъ дать отрицательный.

Когда Государь вызвалъ меня для объявленія, что Онъ поручаетъ мнѣ Министерство Торговли и Промышленности, я тотчасъ же заявилъ, что считаю себя не подготовленнымъ къ этой дѣятельности, такъ какъ только отдѣльныя отрасли этого вѣдомства хорошо мнѣ извѣстны, остальные же являются для меня почти новыми.

Какъ я уже изложилъ выше, Государь къ этому отнесся спокойно и рѣшенія своего не измѣнилъ.

Перечисляя въ началѣ этой главы своихъ предшественниковъ я отмѣчалъ, что изъ нихъ всѣхъ только одинъ В. И. Тимирязевъ былъ въ курсѣ вопросовъ торговли и промышленности; къ частямъ горной, мореплаванія и портсвъ онъ не былъ подготовленъ. Прочіе мои предшественники были абсолютно чужды почти всѣмъ предметамъ вѣдѣнія этого министерства и имѣли къ этому подготовку, которая едва ли превышала мою.

Зная, что полагаться, особенно на первыхъ порахъ, на своихъ сотрудниковъ я не могъ, я рѣшилъ привлечь къ моей предстоящей работѣ какъ можно больше постороннихъ лицъ по различнымъ специальностямъ, дабы я могъ консультировать съ ними по важнымъ вопросамъ.

Мнѣ удалось заручиться согласіемъ ряда весьма цѣнныхъ сотрудниковъ, которые охотно отвѣтили на мой призывъ. Укажу нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Б. А. Каменка — руководитель цѣлаго ряда крупныхъ про-

мышленныхъ предлїятїи, зависѣвшихъ отъ Азовско-Донскаго банка, въ которомъ онъ былъ предсѣвателемъ правленїя.

Э. Л. Нобель — глава нефтепромышленной фирмы, хорошо знающей свою отрасль.

Профессоръ Богдановичъ — по горнопромышленности.

Профессоръ П. Б. Струве — по социальнымъ вопросамъ.

Н. П. Ланговой — большой авторитетъ въ вопросахъ торговли и промышленности, авторъ рабочаго законодательства. Скоро я вѣзять его въ товарищи министра, и т. д.

Я не говорю, что я обычно принималъ ихъ совѣты, но они освѣщали мнѣ всесторонне поставленные мною вопросы, а я принималъ то рѣшенїе, которое мнѣ казалось наиболѣе соотвѣтствующимъ моимъ взглядамъ.

По вопросамъ торговаго мореплаванїя и портоваго дѣла мнѣ совѣтниковъ никакихъ не требовалось. Обѣ эти отрасли мнѣ были отлично извѣстны.

По учебному дѣлу я тоже не нуждался въ постороннихъ совѣтникахъ; управляющей учебнымъ отдѣломъ профессоръ Лагорїо былъ на высотѣ положенїя и, съ большою любовью и знанїемъ, онъ руководилъ этой крупной отраслью, имѣя въ своемъ вѣдѣнїи около 950 учебныхъ заведенїи высшихъ среднихъ и низшихъ.

Разногласїи съ нимъ у насъ никогда не было.

Г Л А В А XIII.

СОВѢТЪ МИНИСТРОВЪ.

Составъ Совѣта Министровъ.

Я пробылъ на посту министра ровно два года: съ 18 февраля 1915 г. по день революцїи, 27 февраля 1917 г.

Эти два года я не могу охарактеризовать иначе, какъ словомъ «кошмаръ». Оппозицїя всѣхъ слоевъ на почвѣ крайне либеральныхъ, а засимъ революціонныхъ идей, всеобщее недовольство Правительствомъ, созданное злостной пропагандой, сознанїе невозможности твердой и опредѣленной политики, нѣкоторые нелады въ составѣ Совѣта Министровъ, — все это мѣшало продуктивной работѣ.

Постоянная смѣна министровъ въ это время достигла своего апогея. За два года мнѣ пришлось видѣть по четыре и даже по шести смѣны министровъ на одномъ креслѣ.

Вотъ списокъ моихъ коллегъ по кабинету.

Предсѣдатели: Горемыкинъ, Штюрманъ, Треповъ, Кн. Голицынъ.
Мин. Вн. Д.: Маклаковъ, Кн. Щербатовъ, А. Н. Хвостовъ, Штюрманъ, А. А. Хвостовъ, Протопоповъ.

Мин. Пут. Сообщ.: Рухлевъ, Треповъ, Войновскїи-Кригеръ.

Мин. Ин. Дѣлъ: Сазоновъ, Штюрманъ, Покровскїи.

Воен. М-ръ: Сухомлиновъ, Поливановъ, Шуваевъ, Бѣляевъ.

Мин. Юст.: Щегловцовъ, А. А. Хвостовъ, Макаровъ, Добровольскїи.

Оберъ-Прок. Св. С.: Саблеръ, Самаринъ, Волжинъ, Раевъ.

Мин. Нар. Просв.: Гр. Игнатьевъ, Кульчицкій.

Гос. Контр.: Харитоновъ, Покровскій, Θεодосьевъ.

Мин. Земл.: Кривошеинъ, Наумовъ, Гр. Бобринскій, Риттихъ.

Морск. М-ръ: Григоровичъ.

Мин. Ф-совъ: Баркъ.

Мин. Т. и Пр.: Кн. Шаховской.

Итакъ: 4 Предсѣдателя, 4 Воен. м-ра, 4 м-ра Юстиціи, 4 Оберъ Прок., 4 м-ра Земледѣлія и 6 министровъ Вн. Дѣлъ! (См. приложение).

Такимъ образомъ, за эти два года наиболѣе постоянными министрами оказались: Григоровичъ, Баркъ, я и Графъ Игнатьевъ. Этотъ послѣдній все же, за два мѣсяца до революціи, оставилъ свой постъ. Наружно мы всѣ четверо были, сравнительно, въ добрыхъ отношеніяхъ, но тѣмъ не менѣе, у меня были нѣсколько разъ значительныя размолвки и съ Григоровичемъ и съ Баркомъ на чисто дѣловой почвѣ. Онѣ, какъ будто, не вліяли на наши личныя отношенія.

Полагаю необходимымъ, для ясности чтенія дальнѣйшихъ главъ, привести нѣкоторыя, самыя краткія свѣдѣнія о Предсѣдателяхъ Совѣта Министровъ.

Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ представлялъ изъ себя несомнѣнно умнаго, скажу даже мудраго, государственнаго дѣятеля. Къ сожалѣнію, въ виду его весьма преклоннаго возраста, онъ недостаточно реагировалъ на происходившій, подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ и злостной пропаганды, быстрый процессъ полѣвнѣнія общественнаго мнѣнія.

До тѣхъ поръ, пока между нимъ и А. В. Кривошеинымъ было тѣсное сотрудничество, извѣстная программа и послѣдовательность существовала. Одинъ дополнялъ другого. Но Александръ Васильевичъ не обладалъ достаточной устойчивостью во взглядахъ и зачастую слишкомъ круто ихъ мѣнялъ, подъ вліяніемъ-ли лѣваго крыла Думы или подъ напоромъ на него московскихъ, главнымъ образомъ промышленныхъ, тузовъ, къ которымъ онъ зачастую ѣздилъ за освѣдомленіемъ. Были случаи, когда Кривошеинъ въ засѣданіи Совѣта Министровъ горячо и настойчиво проводилъ свою точку зрѣнія, а на слѣдующее засѣданіе, побывавъ въ промежуткѣ въ Морозовскомъ особнякѣ, отъ своего мнѣнія отказывался и занималъ противоположную позицію.

Такимъ образомъ коалиція Горемыкинъ — Кривошеинъ колебалась уже въ іюль 1915 г. и совершенно распалась въ августъ того же года. Въ октябрѣ 1915 г. Кривошеинъ оставилъ свой постъ, и естественно должна была послѣдовать и смѣна Предсѣдателя.

Въ январѣ 1916 г. И. Л. Горемыкинъ былъ замѣщенъ Б. В. Штюрмеромъ.

Выборъ этотъ оказался неудачнымъ. Б. В. Штюрмеръ опредѣленной программы дѣйствій не имѣлъ и весьма скоро всецѣло

подпалъ подъ вліяніе рѣшительнаго, упернаго и рѣзкаго А. Ф. Трепова, который зачастую руководилъ засѣданіями Совѣта Министровъ, не стѣсняясь присутствіемъ Предсѣдателя, и старался, вопреки намѣреніямъ Совѣта Министровъ, держаться слишкомъ правой программы. Все удачное онъ приписывалъ себѣ, а неудачное Штюмеру.

Стоило Трепову въ ноябрѣ 1916 г. получить постъ Предсѣдателя, какъ онъ тотчасъ же отказался отъ своихъ убѣжденій и, въ самое утро опубликованія указа о его назначеніи, отправился къ Родзянкѣ чинить отношенія. выдавъ ему извѣстныя обѣщанія, которыхъ выполнитъ не смогъ. Родзянко же съ своей стороны не далъ ему никакихъ обѣщаній.

Вообще, его поведеніе надо формулировать фразой: Треповъ при Штюмерѣ и Треповъ-премьеръ — два разныхъ лица.

На своемъ посту онъ провелъ 45 дней и былъ замѣненъ членомъ Гос. Совѣта Княземъ Голицынымъ. О семъ послѣднемъ я ничего сказать опредѣленнаго не могу; онъ оставался Предсѣдателемъ всего два мѣсяца, т. е. до дня революціи.

Возвращаясь къ приведенному мною выше перечню тѣхъ лицъ, которыя занимали министерскіе посты за время пребыванія моего въ Совѣтъ Министровъ, я долженъ, не колеблясь, отмѣтить, что многіе изъ нихъ, скажу даже большинство, представляли изъ себя не только глубоко преданныхъ своему дѣлу, но и исключительно даровитыхъ и первоклассныхъ государственныхъ дѣятелей.

Несмотря на обнаруживавшіяся иногда расхожденія во взглядахъ по политическимъ вопросамъ, всѣ Предсѣдатели и всѣ министры, входившіе за время моего пребыванія въ Совѣтъ, были глубоко преданные Монарху и Россіи, кромѣ одного, который возбуждалъ сомнѣніе въ преданности Монарху. Я не хочу называть его фамилію, но я увѣренъ, что читающій мои воспоминанія, самъ усмотритъ изъ моихъ описаній того, про котораго я, имѣя основанія, высказываю сомнѣнія.

Равнымъ образомъ, безусловно, всѣ лица поименованныя мною въ вышеприведенномъ спискѣ, были людьми безусловно честными.

Недостатки Положенія о Совѣтъ Министровъ.

Въ Положеніи о Совѣтъ Министровъ содержались нѣкоторые недостатки, котрые сильно вліяли на правильность хода государственнаго управленія.

Серьезнымъ недостаткомъ являлось то обстоятельство, что Предсѣдатель Совѣта Министровъ не былъ «главою» правительства. Онъ былъ только Предсѣдателемъ и ни одинъ министръ отъ него не зависѣлъ. Такимъ образомъ никогда не было, чтобы Правительство было въ полномъ смыслѣ слова «объединеннымъ», и каждый министръ могъ болѣе или менѣе вести свою политику во ввѣренномъ ему вѣдомствѣ.

По этому поводу при выработкѣ проекта положенія о Совѣ-

тъ Министровъ въ комисіи графа Сольскаго были рѣзкія разногласія. Они подробно изложены въ воспоминаніяхъ графа В. Н. Коковцова. Единственный членъ совѣщанія, предназначенный въ то время къ занятію поста Предсѣдателя Совѣта Министровъ — графъ Витте, опредѣленно высказывалъ убѣжденіе, согласно которому министры должны были явно сознавать свою зависимость отъ Предсѣдателя. По мысли гр. Витте министры не должны были имѣть личныхъ докладовъ Государю, а дѣлать ихъ въ присутствіи Предсѣдателя, или по предварительномъ одобреніи Предсѣдателемъ. Главнымъ оппонентомъ по этому пункту выступалъ бывший въ то время Министромъ Финансовъ В. Н. Коковцовъ, къ которому присоединились прочіе члены, считавшіе, что министры должны пользоваться полною свободою своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ. Въ своихъ мемуарахъ гр. Коковцовъ особенно гордится тѣмъ, что ему, несмотря на рѣзкости и даже грубый способъ выраженій Витте, удалось отстоять эту точку зрѣнія.

Съ своей стороны, пробывъ членомъ Совѣта Министровъ два года, я всецѣло раздѣляю взглядъ графа Витте и считаю его чисто государственнымъ.

Вторымъ недостаткомъ была статья 16 Учрежденія Совѣта Министровъ, буквально гласящая слѣдующее: «Дѣла, относящіяся до вѣдомства Императорскаго Двора и Удѣловъ, Государственной обороны и внѣшней политики вносятся въ Совѣтъ Министровъ, когда послѣдуетъ на то Высочайшее повелѣніе или когда начальники подлежащихъ вѣдомствъ признаютъ сіе необходимымъ, или же когда дѣла касаются другихъ вѣдомствъ».

Такимъ образомъ, дѣла внѣшней политики были изъяты изъ компетенціи Совѣта Министровъ.

Если положеніе это во время войны было нестерпимо для членовъ Совѣта Министровъ, то оно должно было быть абсолютно не допустимымъ для Предсѣдателя Совѣта Министровъ, который постолько посвящался во внѣшнюю политику, поскольку соблагодразудится Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ дневникѣ французскаго посла Палеолога записано слѣдующее заявленіе Сазонова по опубликованіи назначенія Штюрмера Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ: «Les affaires diplomatiques ne sont jamais délibérées par le Conseil des ministres et le Président du Conseil les ignore totalement» *).

Мое crédo.

До вступленія въ должность министра я былъ далекъ отъ какой бы то ни было «политической» дѣятельности. Вся моя служба прошла въ чисто «дѣловой» работѣ. Совершенно естественно, что по моимъ убѣжденіямъ я не могъ быть на другой платформѣ, какъ на Монархической.

Съ изданіемъ указа 17 октября 1915 г. и за симъ дарованія странѣ выборныхъ законодательныхъ установленій и конститу-

*) M. Paleologue. La Russie des Tzars, vol. II, page 169.

цій, я опредѣленно усвоилъ себѣ преимущества новаго строя при **надлежащемъ** составѣ и **нормальной** дѣятельности законодательныхъ палатъ.

За пятилѣтнюю мою работу по М-ву П. С. мнѣ пришлось имѣть близкое общеніе съ членами различнаго направленія, третьей и отчасти четвертой Государственной Думы, въ частности, съ многими членами партіи народной свободы (к. д.). Дѣятельность эта ограничивалась **исключительно** вопросами о надлежащей постановкѣ и упорядоченіи ввѣренной мнѣ крупной отрасли государственнаго хозяйства, которой они интересовались не по политическимъ, а по чисто дѣловымъ соображеніямъ. Многіе изъ нихъ помогали мнѣ больше въ движеніи, въ комиссіяхъ и въ общемъ собраніи Думы, вносимыхъ мною дѣлъ, чѣмъ члены другихъ, правѣ стоящихъ партій, напримѣръ, октябристы и даже націоналисты, которые зачастую боялись «скомпрометировать» себя близостью съ чинами, входившими въ составъ правительственныхъ органовъ. Добрыя мои отношенія сохранились съ нѣкоторыми кадетами и послѣ назначенія меня министромъ.

Войдя въ составъ Совѣта Министровъ, и отдавая себѣ ясный отчетъ о создавшемся политическомъ положеніи, я опредѣленно усвоилъ себѣ необходимость, во-первыхъ, чтобы власть, подъ влияніемъ событій, сама постепенно эволюировала и что самая правильная политика заключалась «въ лѣвыхъ реформахъ правыми руками», но, конечно, лѣвыхъ умѣренныхъ, по выраженію Столыпина «спускаться на легкомъ тормазѣ». По моей личной дѣятельности это касалось, главнымъ образомъ, рабочаго вопроса и до извѣстной степени еврейства. Въ вопросахъ же, касающихся другихъ вѣдомствъ, я обычно баллотировалъ съ тѣми, которые были сторонниками осторожныхъ либеральныхъ реформъ. Во-вторыхъ, я никогда не склонялся ни на какую уступку въ смыслѣ того, что называлось «кабинетомъ общественнаго довѣрія», т. е. такого министерства, которое зависѣло бы и смѣнялось и вѣтому Думы. Наконецъ, въ третьихъ, въ виду быстрого, прогрессирувавшаго съ каждымъ днемъ, революціоннаго движенія, я признавалъ необходимой усиленную и организованную борьбу съ революціоннымъ движеніемъ.

Конституція.

Въ этой же главѣ я считаю необходимымъ дать самую краткія поясненія того слова, которое я употребляю выше: «конституція».

Къ крайнему сожалѣнію, я долженъ отмѣтить, что кадетская партія и лѣвѣе ихъ стоящія, считали, наперекоръ здравому смыслу, что у насъ не было конституціи и даже называли ее лжеконституціей. Заграницей, даже послѣ опубликованія въ 1906 г. новыхъ «основныхъ законовъ», во многихъ кругахъ считалось, что Россія управляется **неограниченнымъ** Монархомъ. Даже аккредитованные иностранные послы, г. Морисъ Палеологъ и сэръ Джорджъ Бьюканенъ, не потрудились хорошенько ознакомиться

съ новыми основными законами. Оба они въ своихъ мемуарахъ держатся того взгляда, что Государь остался неограниченнымъ, и тѣмъ самымъ вводятъ въ заблужденіе публику, читающую съ до-вѣріемъ ихъ мемуары. Такъ, напр., сэръ Дж. Бьюканенъ пишетъ: «L'Empereur de toutes les Russie était un autocrate dont le moindre désir faisait loi»...

То же выраженіе «autocrate» встрѣчается неоднократно у Палеолога.

Между тѣмъ, достаточно указать на то, что, до опубликова-нія новыхъ основныхъ законовъ, первая статья Законовъ Россій-ской Имперіи гласила: «Государь Императоръ есть Монархъ Са-модержавный и **неограниченный**. Повиноваться же Его Верховной власти не только за страхъ, но и за совѣсть Самъ Богъ повелѣ-ваетъ».

Въ новыхъ Основныхъ Законахъ, слово «неограниченный» исключено.

Засимъ, статья 7-ая новыхъ Основныхъ Законовъ гласитъ: Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть **въ единеніи** съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Ду-мой.

Ст. 9-ая: Государь Императоръ утверждаетъ законы, и безъ Его утвержденія никакой законъ не можетъ имѣть своего совер-шенія.

Ст. 84-ая: Имперія Россійская управляется на твердомъ осно-ваніи законовъ, изданныхъ въ установленномъ порядкѣ.

Ст. 86-ая: Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственного Совѣта и Государственной Ду-мы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора.

Приведенныя выше статьи означаютъ **точно и ясно ограни-ченіе** власти Монарха и тѣмъ самымъ составляютъ несомнѣнную Конституцію.

Другого толкованія быть не могло, и оно никогда сомнѣнія не вызывало. Такимъ образомъ, оставшееся въ статьѣ 4-ой (за-мѣнившей старую статью 1-ую) слово Самодержавная власть яв-ляется лишь «титоломъ». Слово самодержавіе въ существѣ ану-лировано приведенными выше статьями, 7, 9, 84 и 86.

Вопросъ этотъ подробно и обстоятельно разобранъ В. А. Маклаковымъ, отличнымъ юристомъ, бывшимъ виднымъ и талант-ливымъ членомъ партіи народной свободы, и затѣмъ, въ бѣжен-ствѣ, порвавшимъ съ ней. Онъ опубликовалъ большой трудъ подъ заглавіемъ: «Власть и Общественность на закатѣ Старой Россіи», гдѣ онъ ясно и опредѣленно доказываетъ, что **новые основные законы дали намъ конституцію**.

Г Л А В А XIV.

МОЙ ПРЕДМЪСТНИКЪ С. И. ТИМАСHEВЪ.

Мнѣ очень трудно приступать къ этой главѣ моихъ воспо-минаній. Я боюсь, что читатель можетъ счесть мои отзывы о С. И.

Тимашевъ пристрастными и основанными на моихъ неладахъ съ нимъ въ то время, когда въ теченіе полугода, я состоялъ подъ его начальствомъ. Конечно, отношеніе его ко мнѣ черезъ пять лѣтъ послѣ оставленія мною министерства торговли и промышленности, когда я, къ его удивленію, былъ призванъ замѣстить его, не могло уллучшиться.

Прежде всего, я безусловно отдаю ему справедливость въ томъ, что онъ былъ безусловно честный человѣкъ, съ богатой эрудиціей, хорошиій юристъ, прошедшій кромѣ Императорскаго Лицея, юридическій факультетъ въ Германіи, но я не могу признать въ немъ сколько-нибудь удачнаго организатора и администратора, а тѣмъ болѣе опредѣленно отрицаю въ немъ умѣнье разбираться въ людяхъ и подбирать себѣ сотрудниковъ.

Вступивъ въ управленіе вѣдомствомъ, я нашелъ его въ столь же неорганизованномъ видѣ, какъ пять лѣтъ тому назадъ, когда я его оставлялъ, т. е. склееннымъ изъ разныхъ частей безъ органической связи. Никакихъ серьезныхъ законодательныхъ реформъ, въ порученной вѣдомству области, проведено не было. Никакой созидательной работы не замѣчалось. Съ каждымъ годомъ престижъ вѣдомства падалъ. Пресса усиленно осуждала его бездѣйствіе. Достаточно указать, что газетныя статьи по этому поводу помѣщались подъ заголовками вродѣ: «Самоупражняющееся вѣдомство». Съ уходомъ же С. И. Тимашева въ газетахъ писали: «Всобще принято говорить о тяжеломъ наслѣдіи. Но наслѣдіе Тимашева было, дѣйствительно, не легкое».

А между тѣмъ, за этотъ же промежутокъ времени А. В. Кривошеинъ и С. В. Рухловъ провели по своимъ министерствамъ много реформъ и подняли значительно авторитетъ своихъ вѣдомствъ выполненіемъ ряда созидательныхъ работъ.

Въ оцѣнкѣ Сергѣя Ивановича Тимашева я расхожусь съ той оцѣнкой, которую ему далъ столь почтенный сановникъ, какъ графъ В. Н. Коковцовъ, въ газетѣ «Возрожденіе» отъ 27 янв. 1930 г. Хотя значительная часть этой статьи наполнена восхваленіемъ, съ присущимъ ему самовлюбленіемъ, самого автора, но все же и по адресу Сергѣя Ивановича перепало нѣсколько одобрительныхъ словъ. Правда, одна приведенная сторона дѣятельности Тимашева въ бытность его управляющимъ Государственнымъ Банкомъ, заключавшаяся въ борьбѣ съ бывшимъ въ то время Министромъ Финансовъ И. П. Шиповымъ за сохраненіе золотого денежнаго обращенія, заслуживаетъ самой высокой похвалы и не можетъ не быть отмѣчена, какъ большая заслуга передъ государствомъ. Но и тутъ бѣлой нитью проскальзываетъ указаніе, что главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи былъ графъ Владиміръ Николаевичъ Коковцовъ, сумѣвшій два раза подрядъ добиться крупныхъ займовъ въ Парижѣ для спасенія золотого обращенія.

Главнымъ же образомъ, чѣмъ былъ разстроганъ гр. Коковцовъ это телеграммой, которую онъ, будучи Министромъ Финансовъ, и находясь въ длительной служебной поѣздѣ, получилъ

отъ Тимашева, когда ему былъ предложенъ Столыпинымъ постъ Министра Т. и П. Въ телеграммѣ этой онъ объщалъ, что «въ своей новой работѣ я всегда буду Вашимъ искреннимъ другомъ. Отъ меня Вы не встрѣтите никогда никакой непріятности...»

Послѣ опубликованія этой статьи становится яснымъ, почему С. И. Тимашевъ шелъ такъ легко на умаленіе своего вѣдомства, на сокращеніе всякихъ кредитовъ и на совершенно невозможную урѣзку проекта штатовъ ввѣреннаго ему министерства. Все это, — чтобы не дѣлать «непріятностей» Министру Финансовъ. Быть можетъ, это и есть одна изъ причинъ, благодаря которой онъ такъ мало чего достигъ за долгій срокъ управленія министерствомъ, въ столь благопріятное мирное время. Но вполне понятно, что при такомъ отношеніи у графа Коковцова осталось радужное о немъ воспоминаніе.

Для примѣра дѣятельности М-ва Т. и П. за время управленія имъ Тимашевымъ, я приведу лишь нѣсколько примѣровъ.

Въ 1911 году были внесены въ законодательныя учрежденія проекты положенія и штатовъ Министерства. Они, въ сущности, только должны были узаконить положеніе министерства въ тотъ моментъ, вмѣсто того, чтобы дать молодому вѣдомству возможность расширить свою дѣятельность въ соотвѣтствіи съ широкимъ полемъ, открывавшимся предъ нимъ для развитія отечественной торговли и промышленности. Красной нитью въ этомъ объемистомъ произведеніи проходило стремленіе угодить Министру Финансовъ испрошеніемъ минимальныхъ кредитовъ. На Думскихъ полкахъ проектъ этотъ, къ счастью, провалялся цѣлыхъ четыре года и не получилъ движенія. Со вступленіемъ моимъ въ управленіе министерствомъ я употребилъ всѣ усилія, чтобы онъ никогда не увидѣлъ свѣта. Выработать новое положеніе было невозможно во время войны, а если бы было утверждено внесенное, то оно только стѣснило бы мои дѣйствія.

На постройку дома для помѣщенія новаго министерства были ассигнованы кредиты. При отысканіи соотвѣтствующаго участка для постройки остановились на небольшомъ участкѣ въ дикомъ углу Васильевскаго Острова, за зданіемъ таможеннаго департамента, оказавшимся не нужнымъ Министерству Финансовъ. Какъ извѣстно, всѣ Министерства были расположены въ центральныхъ частяхъ города, и это имѣетъ свои основанія, чтобы дать возможность легкаго къ нимъ доступа. Самый проектъ былъ, конечно, согласованъ съ размѣромъ не прямоугольнаго участка и съ сокращенными до нельзя штатами министерства. Зато ему постарались придать какую-то стильность. Фасадъ былъ украшенъ громадными выступающими колоннами, отнимающими свѣтъ отъ оконъ, и съ грандіознымъ входомъ. Треть площади помѣщенія отводилась подъ корридоры. Квартира министра, по площади большая, была расположена въ третьемъ этажѣ и построена по плану «итальянскихъ особняковъ» вокругъ маленькаго дворика. Забыли только, что итальянцы прячутся отъ солнца, а

петербуржцы его искали. Ни одной крупной компании, могущей быть приемной, не было. Мне пришлось снять три стѣны, чтобы сдѣлать одну гостиную и одну залу. И для такой квартиры имѣлось лишь двѣ клѣтушки для прислуги.

Постройка производилась чрезвычайно медленно под руководством строительной комиссии и архитектора, а въ моментъ назначенія меня даже приостановлена подъ предлогомъ невозможности полученія матеріаловъ. Я смѣнилъ архитектора, выхлопоталъ полученіе матеріала и постройку удалось закончить, но помещеній въ домѣ оказалось такъ мало, что больше трети вѣдомства пришлось оставить на прежнихъ мѣстахъ.

Личный составъ министерства въ значительномъ большинствѣ представлялъ удивительную картину распущенности и недисциплинированности. Старшіе чины постоянно совѣщались у секретаря Министра въ премной относительно биржевой игры. И въ этомъ отношеніи мнѣ пришлось принять рѣшительныя мѣры, которыя, конечно, не особенно понравились чинамъ распущеннаго вѣдомства.

На чрезвычайно отвѣтственныхъ провинціальныхъ постахъ держали совершенно не подходящихъ лицъ, одинъ изъ нихъ былъ опредѣленно ненормальнымъ, чтобы не сказать душевно больнымъ. Другой больше заботился о своемъ карманѣ, чѣмъ о важномъ постѣ, имъ занимаемомъ.

Нѣсколько привлеченныхъ Тимашевымъ со стороны лицъ оказались столь неудачными, что мнѣ пришлось избѣгать приема нѣкоторыхъ изъ нихъ съ докладами, прося ихъ прямыхъ начальниковъ брать доклады на себя.

Построенная на Кавказскихъ Минеральныхъ водахъ грязелечебница, является образцомъ безхозяйственности и дороговизны.

Особо выдѣляется рѣшеніе Министра Торговли и Промышленности по слѣдующему дѣлу. Съ объявленіемъ войны Совѣтъ Министровъ, по представленію Министра Финансовъ, далъ указанія вѣдомствамъ о необходимости сокращенія кредитовъ, ассигнованныхъ по ихъ смѣтамъ. Тимашевъ буквально принялъ это постановленіе къ исполненію. Онъ немедленно командировалъ на Уралъ специальную комиссію для установленія подлежащихъ сокращенію кредитовъ, ассигнованныхъ на расширеніе казенныхъ горныхъ заводовъ.

Во время войны, когда военное снабженіе было въ ужасномъ видѣ, когда всѣ изобрѣтали способы, чтобы усилить производство орудій, снарядовъ, снабженія, Министръ Торговли и Промышленности сокращаетъ ассигнованія именно на этотъ предметъ!

Первымъ моимъ дѣломъ было посылка комиссіи специалистовъ подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра Коновалова для исчисленія, на мѣстѣ нахождения заводовъ, новыхъ ассигнованій, необходимыхъ для расширенія заводовъ. Въ особо спѣшномъ порядкѣ я провелъ вопросъ черезъ Совѣтъ Министровъ объ ассигнованіи крупныхъ суммъ изъ военнаго фонда.

Такихъ примѣровъ я могъ бы привести много.

Наконецъ, и это самое главное, мнѣ пришлось узнать, что голосъ С. И. Тимашева не имѣлъ почти никакого вѣса въ Совѣтѣ Министровъ.

Насколько мнѣ извѣстно, Государь Императоръ рѣшилъ смѣнить Сергѣя Ивановича послѣ того, какъ выяснилась его роль въ дѣлѣ проведенія въ Думскихъ комиссіяхъ и въ Думѣ вопроса о возобновленіи обязательныхъ отношеній Правительства съ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли (Р. О. П. и Т.) относительно срочныхъ рейсовъ на Ближнемъ Востока.

Дѣло въ томъ, что, въ виду окончанія срока договора, послѣ тщательнаго обсужденія въ министерствѣ, былъ выработанъ новый проектъ соглашения и представленъ на одобреніе законодательныхъ палатъ. Дума его не одобрила и нашла нужнымъ объявить конкурсъ. Рѣшеніе это абсурдное. Въ нашемъ торговомъ флотѣ были только два крупныхъ предпріятія Р. О. П. и Т. и Добровольный Флотъ. Первое являлось частнымъ предпріятіемъ, состоявшимъ подъ тщательнымъ надзоромъ, введенныхъ въ составъ Правленія, представителей трехъ министерствъ. Главной его задачей было совершеніе срочныхъ рейсовъ изъ Одессы въ порты Ближняго Востока. Второе же предпріятіе Д. Ф., основанное въ 1878 г. на частныхъ пожертвованіяхъ, и засимъ переданное вполнѣ въ казенную эксплуатацію, имѣло задачей регулярныя сообщенія Чернаго Моря съ Дальнимъ Востокомъ.

Ясно, что съ объявленіемъ конкурса въ немъ могли принять участіе только эти два предпріятія, причемъ Добровольный Флотъ могъ заявить только условія, сильно превосходящія условія Р. О. П. и Т., такъ какъ ему пришлось бы затратить громадныя суммы на постройку новыхъ пароходовъ и на необходимыя оборудованія. Добровольному Флоту было дано указаніе участвовать въ конкурсѣ, на которомъ, конечно, предложеніе Р. О. П. и Т. оказалось много выгоднѣе.

Несмотря на важность этого вопроса, Сергѣй Ивановичъ лично не принималъ сколько-нибудь дѣятельнаго участія въ проведеніи вопроса въ Государственной Думѣ и поручилъ это второстепеннымъ чинамъ, которые не имѣли достаточнаго авторитета. Кромѣ того въ такого рода случаяхъ необходимы были личные переговоры Министра съ наиболѣе вліятельными членами Думы, для подготовки благоприятной почвы, какъ это обычно дѣлали министры по наиболѣе важнымъ дѣламъ.

Между тѣмъ Государь, зная чрезвычайную важность этого вопроса, интересовался и слѣдилъ за различными стадіями прохожденія дѣла въ Думѣ.

По моему глубокому убѣжденію, индеферентное отношеніе Министра къ этому дѣлу и составило послѣднюю каплю, которая переполнила чашу терпѣнія Государя. Можно считать, что съ этого момента смѣна Министра Торговли и Промышленности была предрѣшена.

ПОЊЗДКА ВЪ ХАРЬКОВЪ И ДОНЕЦКІЙ БАССЕЙНЪ.

Въ моментъ назначенія меня на министерскій постъ наиболѣе тревожнымъ вопросомъ было снабженіе заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и страны углемъ. На первыхъ же порахъ я рѣшилъ лично ъхать въ Харьковъ и въ Донецкій бассейнъ для ознакомленія. Меня должны были сопровождать Управляющій отдѣломъ промышленности В. П. Литвиновъ-Фалинскій и директоръ горнаго департамента В. И. Арондаренко. Отъѣздъ мой я назначилъ на 3-е марта.

Наканунѣ, 2-го марта были похороны С. Ю. Витте въ Александро-Невской Лаврѣ. При выходѣ изъ храма ко мнѣ подошелъ Литвиновъ-Фалинскій и сказалъ, что ночью онъ получилъ телеграмму изъ Ставки, какъ я потомъ узналъ отъ князя Орлова, съ вызовомъ его туда. При этомъ Литвиновъ спросилъ меня, какъ онъ долженъ поступить, такъ какъ на завтра назначенъ мой отъѣздъ въ Харьковъ. Конечно, я ему отвѣтилъ, что разъ его вызываютъ въ Ставку, то о поѣздкѣ его со мною и рѣчи быть не можетъ и что я обойдусь безъ него. Литвиновъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ выѣдетъ сегодня же и поспѣетъ, проѣхавъ прямо изъ Ставки, догнать меня въ Харьковѣ. Я согласился.

Конечно, вызовъ подвѣдомственного мнѣ лица помимо меня до крайности меня удивилъ, и я тотчасъ же понялъ недоброе, зная, что, по какимъ-то соображеніямъ, кн. Орловъ покровительствовалъ Литвинову.

Въ Харьковѣ Литвинова не оказалось, и онъ пріѣхалъ только въ концѣ второго дня, когда я уже выѣзжалъ на югъ. Держалъ онъ себя со мною до крайности странно и таинственно. Про Ставку ни слова мнѣ не разсказалъ, а только пояснялъ, что онъ опоздалъ въ Харьковъ, потому что ему пришлось вернуться въ Петроградъ «по дѣламъ».

Пребываніе мое въ Харьковѣ совпало съ паденіемъ Перемышля. На улицахъ были громадныя манифестаціи, толпы народа, патріотически настроенныя, подходили неоднократно къ помѣщенію съѣзда, гдѣ у насъ были засѣданія. Мнѣ приходилось выходить на балконъ, кричать ура и провозглашать здравіе Государю Императору и Верховному Главнокомандующему. Такое важное въ ходѣ войны событіе несомнѣнно повліяло на настроеніе горно-промышленниковъ. Какъ самыя засѣданія, такъ и послѣдовавшая затѣмъ поѣздка на рудники были при нѣскольکو повышенномъ настроеніи, вызванномъ успѣхомъ войны.

Во время объѣзда Донецкаго бассейна я потерялъ цѣлый день. Вызвано это было тѣмъ, что я получилъ отъ Принца Александра Петровича Ольденбургскаго телеграмму, что онъ тоже ѣдетъ въ Донецкій бассейнъ для санитарнаго осмотра по дорогѣ на Кавказъ и просить меня встрѣтиться въ опредѣленномъ мѣстѣ.

Принцъ произвелъ на меня впечатлѣніе совершенно сумасшед-

шаго человека. Съ большимъ трудомъ къ вечеру я вырвался ютъ него.

Неожиданно для меня, на одной изъ шахтъ я получилъ телеграмму отъ жены: «возвращайся немедленно». Телеграмма эта была послана по наущенію моего товарища, который, конечно, поступилъ бы гораздо болѣе правильно, если бы, не прибѣгая къ посредству жены, послалъ бы мнѣ по службѣ обстоятельную шифрованную телеграмму. Вслѣдъ засимъ была получена вторая длинная шифрованная телеграмма отъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ; шифръ былъ не нашего вѣдомства, а какого-то другого. Наконецъ, мы узнали, что это былъ шифръ министерства внутреннихъ дѣлъ, который мы тотчасъ же получили отъ одного изъ сопровождавшихъ меня атамановъ. Телеграмма, была, приблизительно, слѣдующаго содержанія: «Великій Князь Главнокомандующій выразилъ желаніе телеграммой на мое имя, чтобы въ составѣ министерства торговли и промышленности была учреждена новая должность третьяго товарища спеціально до вопросамъ снабженія. Товарищу этому должны быть предоставлены особыя права самостоятельности въ вопросахъ, касающихся снабженія и участіе въ Совѣтѣ Министровъ. Обсужденіе этого вопроса въ Совѣтѣ Министровъ отложено до Вашего возвращенія».

Теперь становилось все ясно. И слова Витте о томъ, что онъ рекомендуетъ мнѣ обратить особое вниманіе на Литвинова-Фалинскаго, и вызовъ его въ Ставку, и его видъ заговорщика по приѣздѣ въ Харьковъ. — Я немедленно отвѣтилъ Горемыкину, что оканчиваю свою поѣздку и въ пятницу буду въ Совѣтѣ Министровъ. Изъ Харькова я говорилъ по телефону по прямому проводу съ С. В. Рухловымъ, который мнѣ отвѣтилъ, что принципиально рѣшеніе слѣдуетъ считать состоявшимся, что же касается лица для замѣщенія этой должности, то вопросъ остается открытымъ.

Тотчасъ по возвращеніи въ Петроградъ я послалъ всеподданнѣйшую записку съ просьбой о приѣмѣ. Приѣмъ былъ назначенъ немедленно. До доклада я побывалъ у Горемыкина и рассказалъ, что я уже испросилъ всеподданнѣйшій докладъ, и что я буду проситься объ увольненіи меня, если предложенная Верховнымъ Главнокомандующимъ комбинація не будетъ отмѣнена. И. Л. Горемыкинъ былъ весьма удовлетворенъ мною, видя такую рѣшимость.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ я изложилъ положеніе и пояснилъ, что нельзя въ министерствѣ, безъ вѣдома министра, создавать новое министерство съ особыми правами. При настоящихъ условіяхъ, когда ясно неудовольствіе Верховнаго Главнокомандующаго назначеніемъ меня, наиболѣе правильнымъ было бы освобожденіе меня и назначеніе министромъ Литвинова-Фалинскаго.

Государь принялъ все это чрезвычайно добро и сердечно. Онъ сказалъ, что на предложенную Верховнымъ Главнокоман-

дующимъ комбинацію Онъ не согласенъ, что меня смѣнить не намѣренъ и что Литвинова-Фалинскаго надо уволить. Я выразишь крайнее сомнѣніе, указавъ на то, что мое положеніе будетъ весьма тяжелымъ. Великій Князь, конечно, направитъ на меня свои немилости. Но Государь отвѣтилъ, что Онъ дастъ мнѣ порученіе лично отправиться въ Ставку, доложить дѣло Великому Князю съ указаніемъ на волю Его Величества.

Вечеромъ того же дня былъ утвержденъ мой всеподданнѣйшій докладъ о причисленіи Литвинова-Фалинскаго къ Министерству, что я на слѣдующій день и доложилъ Совѣту Министровъ. Эффектъ былъ феноменальный. Горемыкинъ, Рухловъ, Кривсшеинъ, всѣ были довольны моимъ шагомъ.

Жизнь многому меня научила. Многое, что я сдѣлалъ, я, вѣроятно, теперь не повторилъ бы, но этотъ мой поступкъ, если бы обстоятельства повторились, я непременно повторилъ бы съ тою же увѣренностью въ правильности моего шага. Однако, шагъ этотъ мнѣ обошелся дорого: мое положеніе въ средѣ общественности значительно ухудшилось.

Фигура Литвинова-Фалинскаго была хорошо извѣстна громадному большинству промышленныхъ дѣятелей, но было достаточно, чтобы министръ ненавистнаго правительства уволить чиновника со службы за интриги, чтобы уволенный нашель, въ пикъ этому правительству, обезпеченіе въ промышленныхъ сферахъ съ крупными окладами и горячій пріютъ въ общественныхъ организаціяхъ. Родзянко, Протополовъ, Гучковъ, Авдаковъ всѣ сразу подружились съ Литвиновымъ. Родзянко взялъ его немедленно подъ свое особое покровительство и долго возилъ съ нимъ, выставляя его какъ генія, борца за правду. Ставка вся тоже сдѣлалась враждебной мнѣ вмѣстѣ съ ея вдохновителемъ кн. Орловымъ, личнымъ другомъ Верховнаго Главнокомандующаго.

Вотъ въ какой атмосферѣ мнѣ пришлось начинать работать!

Предстояла поѣздка въ Ставку. Она сошла благополучно. Великій Князь выслушалъ мой докладъ, отнесся какъ-будто равнодушно, но затанлъ ко мнѣ непріязненное чувство. Затѣмъ я былъ приглашенъ къ завтраку въ вагонъ-столовой, находившейся между вагономъ Великаго Князя и вагономъ Начальника Штаба генерала Янушкевича. Тутъ меня больше всего поразила та печальная роль, которую игралъ при Великомъ Князѣ его Начальникъ Штаба. Его интересы, его поведеніе — все сводилось къ роли гофмаршала, а не начальника штаба. Ясно, что настоящимъ начальникомъ былъ его товарищъ Генераль Даниловъ, по прозвищу «черный» въ отличіе отъ другого, по прозвищу «рыжій».

Г Л А В А XVI.

ГЛАВНЫЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КОМИТЕТЪ.

Въ мартѣ 1915 г. Совѣтъ Министровъ разсматривалъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакова о необходимости

упорядоченія всего продовольственнаго дѣла путемъ сосредоточенія его въ одномъ вѣдомствѣ. Для этого предполагалось образовать при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особое междувѣдомственное совѣщаніе съ предоставленіемъ ему весьма широкихъ полномочій. До того времени заботы о продовольствіи мирнаго населенія лежали на министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и осуществлялись завѣдующимъ продовольственнымъ дѣломъ Н. П. Муратовымъ, снабженіе же арміи продовольствіемъ и фуражемъ было съ начала войны возложено на главное управленіе земледѣлія и землеустройства въ лицѣ начальника переселенческаго управленія Г. В. Глинка, человека чрезвычайно серьезнаго и дѣльнаго. Для этого пришлось создать цѣлую сѣть мѣстныхъ главноуполномоченныхъ и уполномоченныхъ въ общемъ довольно высокаго калибра. Главный контингентъ этихъ уполномоченныхъ состоялъ изъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ. По ихъ требованію, на основаніи закона 17 февраля 1915 г., были введены повсемѣстно запрещенія вывоза за предѣлы губерній (и зачастую даже уѣздовъ) хлѣбныхъ и фуражныхъ грузовъ. Мѣра эта, значительно упрощая работу уполномоченныхъ по обезпеченію арміи, вносила невѣроятную дезорганизацию какъ въ хлѣбную торговлю, такъ и въ снабженіе продовольствіемъ городовъ. Кромѣ того, въ виду недостаточной согласованности мѣропріятій, появились постоянныя тренія между вѣдомствами. Такъ заготовители грузовъ, т. е. органы министерства внутреннихъ дѣлъ и главнаго управленія земледѣлія, обвиняли министерство путей сообщенія въ неподачѣ подъ грузы вагоновъ, а министерство путей сообщенія постоянно указывало, что поданные въ назначенные пункты вагоны, не нагружались за отсутствіемъ грузовъ.

При такихъ условіяхъ созданіе органа, который регулировалъ бы и разрѣшалъ всѣ вопросы, связанные со сложнымъ дѣломъ продовольствія, являлся, дѣйствительно, назрѣвшей необходимостью. Но надо принять во вниманіе, что настроеніе большинства членовъ совѣта министровъ къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ было столь отрицательнымъ, что всѣ его представленія обычно встрѣчались крайне недоброжелательно. Въ данномъ случаѣ всѣми сознавалась необходимость объединенія въ однѣхъ рукахъ продовольственнаго дѣла, но всячески изыскивались мотивы противъ постановки во главѣ его министра внутреннихъ дѣлъ. Нѣкоторые члены совѣта указывали, что вопросы хлѣбной торговли сосредоточены въ министерствѣ торговли и промышленности и что, ютъ несогласованныхъ и зачастую неправильныхъ распоряженій властей, страдаетъ хлѣбная торговля, почему наиболѣе правильнымъ казалось бы поручить объединеніе управляющему министерствомъ торговли. Такое рѣшеніе многими считалось тѣмъ болѣе правильнымъ, что въ виду особо близкихъ, личныхъ моихъ отношеній съ С. В. Рухловымъ, мнѣ лучше, чѣмъ кому-нибудь другому удастся согласовать интересы вѣдомствъ съ дѣятельностью министерства путей сообщенія.

Услышавъ это предложеніе, я, вопреки принятому обычно стремленію всякаго вѣдомства расширить свою компетенцію за счетъ другихъ, обратился къ Совѣту Министровъ съ настойчивой просьбой освободить меня ютъ этого. Дѣйствительно, я былъ новымъ лицомъ въ Совѣтъ Министровъ, на мнѣ лежало большое и неустроенное вѣдомство, мнѣ необходимо было какъ можно скорѣе войти въ курсъ дѣла. Я считалъ невозможнымъ брать на себя въ данный моментъ новое столь отвѣтственное дѣло. Особыхъ возраженій на мои доводы не послѣдовало и было рѣшено формулировать въ журналѣ, что предсѣдательствованіе въ предположенномъ къ учрежденію главномъ продовольственномъ комитетѣ должно быть возложено на лицо, по усмотрѣнію Его Императорскаго Величества. Я искренне былъ увѣренъ, что чаша сія минувала меня, и предполагалъ, что дѣло будетъ поручено А. В. Кривощенну, что было, конечно, гораздо цѣлесообразнѣе.

И. Л. Горемыкинъ лично представилъ журналъ Государю Императору и доложилъ, что Совѣтъ Министровъ при обсужденіи вопроса останавливался на мнѣ, какъ на лицѣ, коему слѣдовало бы поручить предсѣдательствованіе во вновь созданномъ органѣ. Не знаю, упомянулъ ли онъ при этомъ о моихъ возраженіяхъ, вѣроятно нѣтъ, но въ результатѣ послѣдовала Высочайшая резолюція съ порученіемъ этого дѣла мнѣ.

Мнѣ оставалось только одно — безпрекословно подчиниться Высочайшему повелѣнію, но тутъ же долженъ сказать, что главный продовольственный комитетъ испортилъ мнѣ много крови. Засѣданія его я открылъ 1 апрѣля прочтеніемъ письма Предсѣдателя Совѣта Министровъ съ сообщеніемъ Высочайшаго повелѣнія о возложеніи на меня предсѣдательства и изложеніемъ предоставленныхъ мнѣ лично широкихъ полномочій.

Съ перваго же засѣданія вскрылись глубокія вѣдомственныя тренія. Муратовъ выступалъ противъ Глинки, Глинка противъ Муратова, оба они вмѣстѣ противъ министерства путей сообщенія. Охотиѣ другихъ шель на соглашенія главный интендантъ генераль Шуваевъ, съ которымъ я и раньше имѣлъ добрыя служебныя отношенія. Достигнуть соглашеній въ засѣданіяхъ было, при такихъ условіяхъ, крайне трудно, не только потому что интресы вѣдомствъ зачастую расходились, но и потому, что Глинка, можетъ быть, и правильно, считалъ, что вѣдомство замедлѣлія стояло болѣе въ курсѣ продовольственнаго вопроса, чѣмъ министерство торговли и уже имѣло свою налаженную организацію. Муратовъ же, помимо личнаго неудовольствія, очевидно, получилъ соотвѣтствующія инструкціи отъ Н. А. Маклакова не быть особенно покладистымъ, разъ дѣло ушло изъ его рукъ.

Тѣмъ не менѣе, мнѣ все же удалось кое-какъ наладить отношенія и предпринять нѣкоторыя серьезныя мѣры для улучшенія дѣла.

Но существу въ то время не наблюдалось никакого недостатка хлѣба. Да оно и понятно. Россія — хлѣбородная страна —

обычно экспортировала свой хлѣбъ на западно-европейскіе рынки. Съ начала войны всякій экспортъ прекратился, и всѣ излишки оставались въ странѣ.

Тѣмъ не менѣе требовались срочныя распоряженія. Благодаря запрещенію вывоза продовольственныхъ и фуражныхъ грузовъ изъ предѣловъ губерній, чрезвычайно остро стоялъ вопросъ относительно снабженія хлѣбомъ городовъ, обмѣненія полей яровыми, а равно, и это особенно, снабженія Финляндіи хлѣбомъ, которое было совершенно нарушено. Рядомъ срочно принятыхъ мѣръ всѣ эти вопросы быстро получили благоприятное разрѣшеніе, и по моимъ настояніямъ, были отправлены серіи груженныхъ поѣздовъ съ сѣмяннымъ овсомъ въ мѣстности, гдѣ его не было, а равно съ продовольствіемъ для Финляндіи и городовъ.

Съ образованіемъ главнаго продовольственнаго комитета ко мнѣ направились со всѣхъ концовъ Россіи ходатайства объ отменѣннѣй запрещеній вывоза хлѣбныхъ грузовъ внутри Имперіи. Въ этомъ смыслѣ дѣлались постановленія биржевыхъ комитетовъ, създа биржевыхъ комитетовъ и сельскаго хозяйства. Ко мнѣ являлись многочисленныя депутаціи отъ хлѣбныхъ торговцевъ, мукомоловъ, судовладѣльцевъ и городскихъ управленій.

Дѣйствительно, положеніе было чрезвычайно остро. Въ хлѣбородныхъ губерніяхъ избытки хлѣба были громадныя. Но цѣлый рядъ губерній, жившихъ на привозномъ хлѣбѣ, не могли получить его. Засимъ, какъ извѣстно, обычно, готовое къ отправкѣ зерно, которое направлялось не по желѣзнымъ дорогамъ, а по воднымъ путямъ, подвозилось за зимніе мѣсяцы гужомъ къ ближайшимъ рѣчнымъ нагрузочнымъ пунктамъ. Съ наступленіемъ весенняго половодья зерно это быстро погружалось на суда для немедленной перевозки. Всякое запозданіе грозило либо подмочкой зерна, благодаря разливу рѣки, либо невозможностью его вывезти. вслѣдствіе спада весеннихъ водъ, такъ какъ въ верховьяхъ рѣкъ судоходство зачастую возможно только ранней весной. Далѣе, при отсутствіи надлежащихъ зернохранилищъ какъ на пристаняхъ, такъ и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ частныхъ складахъ, зерно могло быть влажное. Хранить его до наступленія теплаго времени было невозможно, такъ какъ оно все могло погибнуть. Кромѣ того, въ числѣ хлѣбныхъ грузовъ, тоже запрещенныхъ къ вывозу, было много продуктовъ низкаго качества, вполне годнаго къ употребленію населеніемъ, но не удовлетворявшаго высокимъ техническимъ требованіямъ, предъявляемымъ при закупкахъ для арміи. И все это зависело отъ отменны, изданныхъ на основаніи закона 17 февраля 1915 г., правилъ о запрещеніи вывоза. Необходимость отмены сознавалась ясно. До учрежденія главнаго продовольственнаго комитета все это зависело отъ главнаго управленія земледѣлія, которое не рѣшалось на эту мѣру въ виду рѣзкаго противодѣйствія главноуполномоченныхъ по закупкѣ хлѣба для арміи.

Я поставилъ этотъ вопросъ во всей полнотѣ въ главномъ

продовольственнымъ комитетѣ и по обсужденіи его сдѣлать рядъ телеграфныхъ сношеній съ высшими представителями военной власти. Дней черезъ десять послѣ открытія дѣйствій главнаго продовольственнаго комитета уже была отправлена во всѣ концы Россіи моя циркулярная телеграмма съ моимъ распоряженіемъ, отмѣняющимъ всѣ запреты.

Конечно, я очень хорошо сознавалъ, что если вслѣдъ за этимъ произойдетъ малѣйшее замѣшательство въ снабженіи арміи, то вся отвѣтственность ляжетъ всецѣло на меня и порадуется очень многихъ. Но я настолько былъ увѣренъ въ правильности этой мѣры, что, не колеблясь, взялъ на себя всю тяжесть отвѣтственности.

Распоряженіе мое пришло во время — наступала весна и хлѣботорговцы, и судовладельцы воспользовались половодьемъ. Положеніе было спасено, а поставка въ армію не пострадала ни на іоту.

Страшные протесты послѣдовали только со стороны уполномоченныхъ главнаго управленія земледѣлія. Наиболѣе настойчивый и вліятельный изъ нихъ, членъ государственнаго совѣта Гербель, дѣйствовавшій въ самомъ хлѣбородномъ районѣ, засыпалъ всѣхъ, кого могъ, жалобами на меня и пріѣхалъ самъ въ Петроградъ, надѣясь добиться отмѣны моихъ распоряженій. Но это ему не удалось. Интересная подробность, которая характеризуетъ образъ дѣйствій А. В. Кривошенна. До образованія главнаго продовольственнаго комитета онъ могъ сдѣлать такое же распоряженіе, какъ сдѣлалъ я, но онъ не рѣшался. Раньше, чѣмъ разослать свою телеграмму, я, изъ корректности, заѣхалъ къ нему, имѣлъ съ нимъ по этому поводу частную, продолжительную бесѣду, предупреждая его о моемъ намѣреніи. Я не только не получилъ никакого возраженія, но даже онъ находилъ мое рѣшеніе правильнымъ. Когда же Гербель пріѣхалъ къ нему съ жалобами на меня и протестами, угрожая, что откажется отъ обязанностей главноуполномоченнаго, то Александръ Васильевичъ всецѣло свалилъ все на мое упорство и сдѣлалъ видъ, что поддерживаетъ Гербеля.

Предстояло далѣе такъ или иначе упорядочить мясной вопросъ. Главной и самой существенной стороны вопроса намъ касаться сразу было нельзя, о немъ рѣчь будетъ впереди. Поэтому пришлось взяться за частности, имѣющія тѣмъ не менѣе весьма важное значеніе; въ числѣ принятыхъ мною мѣръ, могу привести распоряженіе о замѣнѣ, поскольку возможно, перевозки живого скота перевозкой его въ битомъ видѣ. Для этого потребовалось оборудованіе боенъ въ мѣстахъ отправки скота, устройство для этой цѣли холодильниковъ и т. д. О степени серьезности этого вопроса можно судить потому, что перевозка мяса въ живомъ скотѣ обходится вдвое дороже и требуетъ въ **четыре** раза больше вагоновъ, чѣмъ перевозка такого же количества битаго скота. При загруженности нашей желѣзнодорожной сѣти и при недостаткѣ вагоновъ, нельзя было не обратить на это серьезнаго вниманія.

Теперь обращусь къ коренному вопросу о мясномъ довольствіи.

Дѣло въ томъ, что въ Россіи никогда не было избытка скота. Потребленіе мяса было значительнымъ только въ городахъ. Три города — Петроградъ, Москва и Варшава — потребляли 60% всего перевозимаго скота по сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Съ объявленіемъ войны армія предъявила громадныя требованія на мясо. Нужно сказать, что вообще нормы довольствія солдата были такъ велики, что, въ раіонахъ расположенія войскъ, солдаты постоянно продавали мѣстному населенію свои излишки хлѣба, мяса, сахара. Многое даже выбрасывалось. Достаточно сказать, что солдату давали 1½ фунта мяса въ день. Но оригинальнѣе всего то, что военныя власти страго соблюдали международную конвенцію, согласно которой военно-плѣннымъ полагается такой же паекъ, какъ строевому солдату. Такимъ образомъ, русскихъ плѣнныхъ нѣмцы морили голодомъ, а мы нѣмецкихъ и австрійскихъ плѣнныхъ откармливали на убой, а въ это время плѣнныхъ уже было свыше милліона человѣкъ.

Возбужденіе подобныхъ вопросовъ въ главномъ продовольственномъ комитетѣ было невозможно. Ставка болѣзненно оградяла свои права и считала, что вопросы эти доступны только ей, что гражданскія власти не имѣютъ права вмѣшиваться въ нихъ, а обязаны только слѣпо исполнять наряды.

Тогда я въ секретномъ засѣданіи Совѣта Министровъ возбуждалъ вопросъ о кормленіи военноплѣнныхъ. Съ карандашомъ въ рукахъ я просилъ министровъ подсчитать, сколько головъ скота сѣдаютъ военноплѣнные. 1.000.000 плѣнныхъ, по 1½ фунта въ день, составляетъ 4.000 головъ въ день или 120.000 головъ въ мѣсяць. Вѣдь это форменное разореніе мяснаго хозяйства страны, у которой никогда не было мяснаго избытка! Съ объявленіемъ войны произошло небывалое явленіе: сразу число фдоковъ мяса, да притомъ въ такомъ чрезмѣрномъ на каждого фдока количествѣ, увеличилось на нѣсколько милліоновъ (въ это время подъ ружьемъ, считая новобранцевъ, было нѣсколько милліоновъ солдатъ). До поступленія же въ войска громадная масса этого народа никогда мясомъ не питалась.

Впечатлѣніе въ Совѣтѣ Министровъ было сильное. Черезъ нѣсколько времени военное министерство уменьшило паекъ военноплѣнныхъ до ¼ фунта въ день.

Нѣсколько разъ въ средѣ Главнаго продовольственнаго комитета подымался вопросъ, не слѣдуетъ ли выработать правила довольствія населенія по карточкамъ. Однако, въ то время, при изобиліи у насъ хлѣба, мѣра эта казалась абсолютно излишней.

По поводу моей дѣятельности, въ качествѣ предсѣдателя Главнаго продовольственнаго комитета, совѣтскій изслѣдователь Бухшпанъ*), описывая мѣропріятія особаго совѣщанія по про-

*) Проф. Бухшпанъ. Военно-хозяйственная политика. Москва, Гос. Изд. 1929 г., стр. 390.

довольствію, созданнаго на основаніи закона 17 августа 1915 г. и трактуя о хлѣбной монополіи, пишетъ: «вопрос этотъ (хлѣбная монополія) эпизодически возникалъ съ разныхъ сторонъ. Въ 1915 г. еще министръ торговли Шаховской ходилъ вокругъ мысли о передачѣ въ руки государства всего хлѣбнаго экспорта».

Не знаю откуда могъ вывести такое заключеніе профессоръ Бухшпанъ, такъ какъ оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Дѣло обстояло совершенно иначе. Лѣтомъ 1915 г. ко мнѣ обратился А. В. Кривошеинъ съ письмомъ, въ которомъ онъ излагалъ, что нѣкоторыми лицами выставляется вопросъ о желательности введенія хлѣбной монополіи.

Сособщая объ этомъ, Главноуправляющій земледѣлія и землеустройства упомянулъ тѣ доводы, которые были приведены ему сторонниками этой мѣры. Въ длинномъ и подробно мотивированномъ ствѣтѣ я, въ качествѣ Министра торговли и Предсѣдателя главнаго продовольственнаго комитета, категорически высказался противъ монополизациі этой отрасли торговли, будучи опредѣленнымъ противникомъ сосредоточенія въ рукахъ государства столь сложнаго хозяйства.

Въ заключеніе этой главы слѣдуетъ отмѣтить, что дѣятельность Главнаго продовольственнаго комитета началась въ моментъ явной оппозиціи Ставки всему Правительству. Очень скоро обнаружилось и неудовольствіе думскихъ круговъ тѣмъ, что продовольственное дѣло находится въ рукахъ Министра торговли, а не Главноуправляющаго земледѣліемъ. Наконецъ, въ виду предстоявшаго созыва законодательныхъ учрежденій было рѣшено приступить къ оформленію полтженія о всѣхъ народившихся совѣщаніяхъ: военнаго, топливнаго и продовольственнаго, съ каковою цѣлью былъ выработанъ новый законопроектъ. Поэтому пришлось, по возможности, не расширять дѣятельность Главнаго продовольственнаго комитета, и въ августѣ 1915 г. передать все это дѣло Главному управленію земледѣлія, мнѣ же замѣнивъ этого занятая Особымъ совѣщаніемъ по топливу, что гораздо болѣе соотвѣтствовало роли Министра торговли и промышленности.

ГЛАВА XVII

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ МИНИСТРЪ.

Паденіе С. И. Тимашева чувствовалось давно. Кандидатовъ на его постъ было нѣсколько. Сухомлиновъ и Витте усиленно проводили Литвинова-Фалинскаго. Промышленныя сферы мечтали выдвинуть министра изъ числа промышленниковъ и подумывали объ Авлаковѣ. Купечество, главнымъ образомъ, москвичи, желали видѣть кого-либо изъ именитаго купечества.

Далѣе. Не прошло еще двухъ недѣль со времени моего назначенія, какъ, въ самый разгаръ Литвиновскихъ интригъ, при сильной поддержкѣ Великаго Князя Николая Николаевича, Вер-

ховнаго Главнокомандующаго, Литвиновъ чуть не сдѣлался фактическимъ министромъ при наличіи меня — номинальнаго. Происходитъ катастрофа — увольненіе Литвинова, о чемъ подробно изложено въ другомъ мѣстѣ. Быстро образуется агитаціонная компанія, и Литвиновъ, Родзянко, Янушкевичъ, всѣ подъ флагомъ Вел. Кн. Николая Николаевича, со всѣми бывшими кандидатами на министерскій постъ, всѣми силами работаютъ противъ меня.

Слѣдующее мое выступленіе оказалось не по вкусу промышленникамъ. Побывавъ въ Донецкомъ Бассейнѣ, я очень интересовался бытомъ рабочихъ, заработной платой, жилищнымъ вопросомъ и вздорожаніемъ жизни. Въ то время промышленники усиленно кричали о тѣхъ прибавкахъ, которыя они дѣлаютъ рабочимъ. Между тѣмъ я на мѣстѣ воочию убѣдился, что крикъ ихъ былъ гораздо болѣе громкій, чѣмъ слѣдовало. На многихъ рудникахъ жилищный вопросъ былъ въ ужасномъ видѣ; положительно приходилось содрагаться при видѣ, въ какой конурѣ ютились большія семьи. Прибавки тоже далеко не компенсировали вздорожанія жизни и не могли, во многихъ случаяхъ, удовлетворить элементарныхъ жизненныхъ потребностей. Конечно, я не могу сказать того же про всѣ рудники; были и такіе, гдѣ хозяева прилагали всѣ силы къ надлежащей постановкѣ этого вопроса. Въ воздухѣ даже носились предположенія о забастовкахъ.

Въ концѣ марта я получилъ приглашеніе принять участіе въ засѣданіи экономическаго совѣщанія Государственнаго Совѣта. Передъ тѣмъ въ этомъ же совѣщаніи выступали Рухловъ и Кривошеинъ по вопросамъ своихъ вѣдомствъ. Такимъ образомъ, ясно, что Правительство считалось съ этимъ только что народившимся новымъ органомъ, новой говорильней, которую члены Государственнаго Совѣта устроили для удовлетворенія насущной потребности болтать языкомъ, при невозможности дѣлать это за закрытіемъ сессіи Государственнаго Совѣта.

Послѣ ряда выступленій по модному въ то время угольному вопросу, предсѣдатель совѣщанія, Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ, просилъ меня высказаться. Я поставилъ ему вопросъ: могутъ ли я считать, что всѣ мои сужденія не выйдутъ за предѣлы этого зала и не попадутъ въ прессу. Ермоловъ заявилъ мнѣ, что въ самомъ началѣ онъ объявилъ засѣданіе закрытымъ, но, въ виду моего вопроса, онъ вновь подтверждаетъ это и проситъ присутствующихъ членовъ Государственнаго Совѣта имѣть въ виду, что никакія сообщенія прессѣ не допустимы.

Тогда я привелъ главнѣйшія цифровыя данныя, изложилъ, что видѣлъ въ Донецкомъ Бассейнѣ и упомянулъ, что, съ моей точки зрѣнія, промышленникамъ необходимо шире пойти на улучшеніе быта рабочихъ. Я отмѣтилъ, что прибавки часто не соответствуютъ коэффициенту вздорожанія жизни. На эту тему завязался споръ. Филиппъ Антоновичъ Ивановъ, членъ Гос. Сов. отъ промышленности, усиленно доказывалъ, что увеличеніе заработ-

ной платы вредно и влечет за собою уменьшение выработки. Между прочимъ, я долженъ отмѣтить здѣсь, что можно считать доказаннымъ, что чѣмъ больше поднимается благосостояніе рабочаго, тѣмъ больше его продуктивность уменьшается. Сильно нуждающійся рабочій, которому не хватаетъ на пропитаніе своей семьи, работаетъ выше своихъ силъ, чтобы выработать тотъ минимумъ, который можетъ дать ему и семьѣ возможность существованія. Обеспеченный рабочій не станетъ надрывать, чтобы непосильнымъ трудомъ зарабатывать излишки сверхъ того, что ему необходимо для приличнаго существованія.

Какъ бы это ни было вѣрно, все же нельзя выводить слѣдствіе, что надо держать несчастнаго и полуголоднаго рабочаго, чтобы онъ тужился, надрывался и губилъ свое здоровье непосильнымъ трудомъ. Ясно, что на благоустроенныхъ шахтахъ забота о рабочемъ должна составлять одну изъ важнѣйшихъ сторонъ эксплуатаціи предприятия.

Многіе члены Государственнаго Совѣта усиленно порицали взгляды промышленниковъ.

На слѣдующій день въ «Новомъ Времени» появляется отчетъ о засѣданіи экономическаго совѣщанія, причемъ мои объясненія оказались значительно искаженными. Объясненія мои съ Ермоловымъ, бывшимъ въ близкихъ отношеніяхъ съ «Новымъ Временемъ», никакого результата не дали, и только въ слѣдующемъ номерѣ была помѣщена фраза о томъ, что сужденія были переданы не вполне точно.

Это выступленіе мое, а тѣмъ болѣе нововременскій отчетъ страшно раздражилъ промышленниковъ. Стали появляться въ провинціальныхъ газетахъ замѣтки подъ заголовкомъ — «министръ-демагогъ». Даже возможность забастовки стали приписывать моимъ выступленіямъ въ Донецкомъ Бассейнѣ о неудовлетворительномъ положеніи рабочаго, что было сущою ложью, такъ какъ ни одного выступленія передъ рабочими за всю поездку я не сдѣлалъ. Я даже получилъ отъ товарища министра вн. дѣлъ Джунковскаго письмо, въ которомъ, въ качествѣ причины возможныхъ забастовокъ (не въ Донецкомъ Бассейнѣ), онъ указываетъ на слухи о моихъ выступленіяхъ. Вотъ вторая причина моей непопулярности.

Далѣе Москва. Чего она желала? поклона отъ меня въ поясъ. Было принято, чтобы министры финансовъ и торговли и промышленности ѣздили на поклонъ толстосумамъ Первопрестольной. Когда-то въ Москву ѣздилъ Витте, затѣмъ Коковцовъ; тогда это считалось за честь Москвѣ. Ихъ преемники Тимирязевъ, Шиповъ, Тимашевъ ѣздили не для того, чтобы оказать честь Москвѣ, а для того, чтобы понижее поклониться и получить побольше благорасположенія толстосумовъ. Передъ ними излагалась программа благихъ начинаній и какъ бы приносилась присяга на вѣрность имъ. А они выслушивали, никому ни на грошъ не вѣрили и... кормили обѣдами.

Я этого пелеринажа не сдѣлалъ. Во-первыхъ, я считалъ не подходящимъ во время войны устраивать торжества, во-вторыхъ, я считалъ несвоевременнымъ излагать программы и, наконецъ, я просто не хотѣлъ кланяться толстосумамъ и заискивать.

Кстати сказать, Горемыкину очень понравился мой образъ дѣйствій и съ Литвиновымъ, и съ Москвой.

Затѣмъ мои постоянныя выступленія въ Совѣтъ Министровъ по поводу революціонной работы Военно-промышленныхъ комитетовъ, конемъ я посвятилъ особую главу, все это не только углубляло мою непопулярность, но и создавало открытую борьбу со мною, главнымъ образомъ, лѣвыхъ элементовъ.

Наконецъ, не маловажное значеніе имѣло мое весьма отрицательное отношеніе къ сотрудникамъ газетъ. Они всячески старались попасть къ высшимъ представителямъ власти, чтобы получить интервью и имѣть возможность поднять въ редакціяхъ свои фонды тѣмъ, что были приняты министромъ и получили тѣ или другія свѣдѣнія. Не желая терять времени на праздные разговоры съ этими назойливыми и беззастѣнчивыми посѣтителями, я всегда черезъ своего секретаря отсылалъ ихъ къ тому изъ моихъ сотрудниковъ, котораго касались вопросы, интересовавшіе журналистовъ. Этимъ я, конечно, не могъ создать для себя то, что называется, «хорошую прессу». Сознаю свою ошибку.

ГЛАВА XVIII.

ЗЕМСКІЙ И ГОРОДСКОЙ СОЮЗЫ.

Въ бытность Государя въ Москвѣ по случаю торжественнаго объявленія войны, Земскіе и Городскіе дѣятели обратились къ Его Величеству съ просьбою о разрѣшеніи имъ дѣятельности для помощи раненымъ и больнымъ воинамъ и получили Его согласіе.

Во главѣ Земскаго союза всталъ князь Львовъ, съ которымъ такъ хорошо познакомилась Россія во времена временнаго правительства, во главѣ Городскаго союза — Московскій Городской голова Челноковъ.

Никакого устава, статута или правилъ дѣятельности этихъ новообразованій не существовало. Все бралось явочнымъ и захватнымъ порядкомъ.

Наравнѣ съ, дѣйствительно, чрезвычайно полезной и энергично организованной работой по эвакуаціи больныхъ и раненыхъ съ фронта, а также подготовкѣ и снабженію фронта медицинскимъ матеріаломъ, дѣятельность Союзовъ съ первыхъ шаговъ была направлена къ дискредитированію Правительства и правительственныхъ органовъ. Работая **исключительно** на казенныя деньги, весьма широко отпускаемыя имъ Совѣтомъ Министровъ, организаціи эти не были связаны никакими штатами, правилами и формальностями. Это значительно облегчало ихъ работу, онѣ могли свободно дѣйствовать, не считаясь ни съ какими счетными и смѣтными бюрократическими узаконеніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ такая свобода дѣйствій и безконтрольнаго распоряженія

казенными средствами представляла собою громадную опасность. Первые шаги въ отношеніи вздорожанія жизни несомнѣнно были вызваны свободно дѣятельностью этихъ учреждений. Вопросы оплаты труда по опредѣленнымъ нормамъ у нихъ не существовало. Платили столько, сколько спрашивали предлагающіе трудъ.

Прежде всего это отразилось на низшемъ персоналѣ. Конторщики, переписчики, счетчики стали получать въ Союзахъ въ три-четыре раза больше, чѣмъ въ правительственныхъ учрежденияхъ. Постепенно это отразилось и на всѣхъ отрасляхъ труда и, такимъ образомъ, значительно удорожались услуги Союзовъ.

Личный составъ былъ весь сугубо прогрессивнаго направленія, особенно съ автоматическимъ вливаніемъ въ Союзы всего такъ называемаго земскаго третьяго элемента. Его платформа была всѣмъ извѣстна, — они поголовно были социалисты-революціонеры. Этотъ земскій третій элементъ, сдерживаемый обычно съ одной стороны правительственной администраціей, а съ другой — благоразумными умѣренными элементами высшихъ земскихъ дѣятелей, вдругъ вышелъ изъ подъ всякаго надзора и получилъ право широкой дѣятельности не только въ тылу, но и на самомъ фронтѣ, до передовыхъ позицій включительно. Это облегчалось тѣмъ, что Союзы пользовались самымъ широкимъ образомъ правомъ давать своимъ служащимъ командировки на фронтъ, то съ санитарными отрядами, то для сдачи заготовленнаго имущества, то съ подарками. Ихъ дѣятели пробирались всюду: въ передовые отряды и въ тылъ, къ рядовому солдату и къ Верховному Главнокомандующему и всякому они умѣло объясняли безсиліе Правительства, будто бы ничего не дѣлающаго для облегченія участи войска и рекламировали ярко свою работу, умалчивая, конечно, что они работаютъ исключительно на казенныя средства, широко ассигнуемая имъ Правительствомъ. Этимъ путемъ они чрезвычайно умѣло вливали революціонный ядъ во всѣ слои арміи. На высшій генеральскій и офицерскіе составы стали вліять кадетскіе дѣятели союзовъ, а на составъ низшій — тотъ самый земскій третій элементъ, т. е. социалисты-революціонеры, котораго всегда такъ опасалось Правительство. Это особенно обнаружилось ярко послѣ неудачъ въ Восточной Пруссіи, когда, съ гибелью нашихъ лучшихъ воинскихъ частей значительно уменьшились офицерскіе кадры; ихъ во многихъ случаяхъ замѣнили прапорщики, въ большинствѣ принадлежавшіе къ платформѣ социаль-революціонеровъ.

Пріѣзжающіе на фронтъ дѣввые дѣятели находили тамъ чрезвычайно благоприятную почву: во-первыхъ, благодаря большому призывамъ въ войска, они сразу находили въ рядахъ арміи своего же брата, а, во-вторыхъ, въ войскахъ уже было неудовольство Правительствомъ, которое, въ ихъ глазахъ, являлось единственнымъ виновникомъ всѣхъ неудачъ и всѣхъ недостатковъ снабженія.

Начиная съ Верховнаго Главнокомандующаго, пользовавша-

гося всякимъ случаемъ лягнуть Правительство, каждый фронтонный генераль видѣлъ свое спасеніе въ лѣвыхъ дѣятеляхъ Союзовъ.

Съ самага начала дѣятельности Союзовъ, руководители ихъ возбуждали настойчивыя ходатайства объ утвержденіи положенія о нихъ. Съ этой цѣлью они неоднократно обращались в М-во Вн. Д., но движенія этотъ вопросъ не получалъ. Бывшій въ то время М-ръ Н. А. Маклаковъ твердо рѣшилъ оставлять всѣ эти ходатайства безъ движенія, считая эти организаціи вредными для страны. Едва ли его точка зрѣнія была правильной, такъ какъ официальное «положеніе» могло бы дать возможность Правительству нѣсколько поставить въ рамки свободу дѣйствій Союзовъ.

Повидимому, руководители Союзовъ скоро поняли преимущество ихъ положенія безъ установленной регламентаціи и при послѣдующихъ министрахъ вн. д. они, кажется, даже не настаивали на утвержденіи ихъ положенія.

ГЛАВА XIX.

А. Д. ПРОТОПОВЪ.

При назначеніи меня министромъ мы съ Александромъ Дмитріевичемъ Протопоповымъ почти не были знакомы; мы встрѣчались съ нимъ въ думскихъ кулуарахъ, здоровались, онъ зналъ, что я Шаховской, я зналъ, что онъ Протопоповъ. Происходило это потому, что по моей дѣятельности по воднымъ путямъ мнѣ приходилось работать не съ тѣми думскими комиссіями, гдѣ засѣдалъ Протопоповъ; онъ же состоялъ тамъ предсѣдателемъ комиссіи торговли и промышленности.

Разразившійся вскорѣ по моемъ назначеніи инцидентъ съ Литвиновымъ-Фалинскимъ, чрезвычайно быстро создалъ мнѣ въ Думѣ нежелательную славу. Дѣйствуя черезъ Родзянко, Протопопова и черезъ рядъ другихъ членовъ Думы, Литвиновъ всячески стремился скомпрометировать меня. Поэтому, съ самага начала моей дѣятельности, Протопоповъ оказался на сторонѣ оппозиціонно ко мнѣ настроенныхъ думцевъ.

Мѣсяца черезъ три, при встрѣчѣ со мною, Протопоповъ выразилъ желаніе поближе со мною познакомиться. Я былъ радъ этому случаю, потому, что быть не въ ладахъ съ предсѣдателемъ той думской комиссіи, черезъ которую должны были проходить почти всѣ мои законопроекты, было крайне нежелательно для дѣла.

Вскорѣ онъ пріѣхалъ ко мнѣ часовъ въ 9 вечера, какъ я ему назначилъ. Послѣ получасового разговора мы поневолѣ натолкнулись на фамилію Литвинова. Тогда я рассказалъ ему во всѣхъ подробностяхъ инцидентъ и роль Литвинова въ министерствѣ вообще и по отношенію ко мнѣ въ частности. Засимъ я перешелъ на свои взгляды, и на намѣчаемую мною дѣятельность.

Подъ конецъ Протопоповъ совершенно растаялъ. Онъ буквально кинулся мнѣ на шею, просилъ прощенія, что такъ меня

не понималъ, увѣрялъ, что мы будемъ работать съ нимъ рука объ руку и т. д. Длилось это почти до трехъ часовъ ночи, когда, наконецъ, онъ уѣхалъ, прося смотрѣть на него, какъ на друга.

Съ тѣхъ поръ онъ ко мнѣ зачастилъ. Тема разговоровъ была почти одна и та же. Сперва онъ перебиралъ моихъ сотрудниковъ и доказывалъ, что у меня нѣтъ ни одного подходящаго товарища министра и что мнѣ некого взять, въ чемъ онъ былъ, кстати сказать, совершенно правъ. Послѣ маленькой паузы онъ рассказывалъ, какой у него громадный цензъ въ торгово-промышленной области, какъ всѣ вопросы моего вѣдомства близки его сердцу, какія у насъ съ нимъ чудныя отношенія и какъ онъ для меня на все готовъ. А въ этомъ я, конечно, чувствовалъ, что на эту удочку мнѣ нельзя идти. Я дѣлалъ видъ, что не понимаю его ясныхъ намековъ.

Видя, что со мною ничего не удастся, онъ началъ искать путей для воздѣйствій на меня. Сперва онъ попробовалъ путь черезъ мою жену и уговаривалъ ее быть его «союзницей», но вскорѣ понялъ, что и этотъ путь ни къ чему не приведетъ. Тогда онъ рѣшилъ дѣйствовать черезъ А. В. Кривошенна. Этотъ послѣдній самъ не заговорилъ со мною о немъ, но разъ на поставленный мною вопросъ, какъ онъ смотритъ на Протопопова, Александръ Васильевичъ разсыпался въ самыхъ горячихъ похвалахъ, отмѣтилъ его хорошее положеніе въ Думѣ, въ качествѣ товарища предсѣдателя Думы, познанія въ торгово-промышленныхъ областяхъ, и спросилъ, не думаю ли я пригласить его, какъ вполне подходящее лицо, къ себѣ въ товарищи. Игра ясная и со стороны Кривошенна, и со стороны Протопопова.

Такъ длилось довольно долго, до конца сентября. Протопоповъ не оставлялъ меня своимъ надзоромъ, бывалъ у меня уже не только для праздныхъ разговоровъ, но и по дѣламъ шерстяного комитета, организованнаго мною по соглашенію съ Главнымъ Интендантомъ Генераломъ Шуваевымъ, который просилъ меня назначить предсѣдателемъ этого комитета Протопопова. Равнымъ образомъ я его провелъ въ предсѣдатели дровяной секціи Осотопа.

Совершенно для меня неожиданно онъ исчезаетъ. У меня пересталъ бывать, а въ засѣданія Особаго Совѣщанія по топливу пріѣзжаетъ послѣ открытія засѣданія и уѣзжаетъ до конца засѣданія, съ очевидной цѣлью не встрѣчаться со мной.

Въ то время на политическомъ горизонтѣ появилась новая звѣзда, которая потухла, не взойдя — это графъ Татищевъ, московскій банковскій дѣятель. Весь Петроградъ говорилъ, что ему предложенъ постъ министра торговли и промышленности. Мои ближайшіе сотрудники Прилежаевъ и Сибилевъ не скрывали отъ меня, что Протопоповъ дѣлился съ ними своими новостями. Вопросъ о назначеніи Татищева, по его словамъ, настолько рѣшенъ, что Татищевъ уже пригласилъ его, Протопопова, къ себѣ въ товарищи и что все это должно состояться въ ближайшіе дни.

Это было въ 20-хъ числахъ ноября 1915 г. Я какъ разъ ѣхалъ въ Царское Село со всеподданнѣйшимъ докладомъ.

Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ слуховъ, цѣлаго ряда намековъ и телефонныхъ разговоровъ съ лицами, зондировавшими, насколько циркулировавшіе слухи вѣрны, я считалъ, что ѣду съ послѣднимъ докладомъ.

Видя, что на докладѣ Государь ничего мнѣ не сказалъ, и зная, что это Его обычный пріемъ былъ не говорить министру, что Онъ рѣшилъ его смѣнить, я самъ заговорилъ на эту тему.

Я просилъ Государя освободить меня отъ Министерства и изложилъ Ему невозможность продуктивно работать, чувствуя непрочность своего положенія. На вопросъ Государя я пояснилъ, что весь Петроградъ говоритъ объ этомъ открыто, считая часы моего существованія. При этомъ я упомянулъ фамилію Татищева.

Государь категорически опровергъ, просилъ меня работать, не считаясь съ городскими слухами, и увѣрилъ, что, если пойдетъ вопросъ о замѣнѣ меня, то я узнаю объ этомъ прежде всего отъ самого Государя.

Нервы мои въ то время были страшно натянуты и я ждалъ настолько своего освобожденія, что послѣ доклада я телефоновалъ женѣ съ вокзала, упавшимъ голосомъ: «je reste». Въ отвѣтъ получилъ глубокій скорбный вздохъ. Вотъ какъ весело было въ то время занимать министерскій постъ.

Такимъ образомъ, планы Протопопова вновь провалились. Надо было со мною чинить отношенія. Съ этой цѣлью онъ позвонилъ ко мнѣ по телефону, прося разрѣшенія пріѣхать. Я хотѣлъ назначить ему время дня черезъ два, но онъ запротестовалъ. Нѣтъ, говоритъ Протопоповъ, непременно сегодня и даже не сегодня, а сейчасъ. Ничего не оставалось какъ согласиться.

Черезъ ½ часа входитъ Протопоповъ, останавливается предо мною и говоритъ: «Князь, Вы считаете меня за подлеца, я таковымъ никогда не былъ. Я всегда былъ и буду Вашимъ другомъ. Но войдите въ мое положеніе». Съ одной стороны, онъ другъ со мной, съ другой — онъ дружилъ съ Татищевымъ еще по кавалерійскому училищу, гдѣ они были товарищами. Татищевъ ставилъ его въ курсъ своихъ дѣлъ. Положеніе было крайне ложное, но онъ всегда былъ и будетъ моимъ другомъ. При этомъ онъ кинулся мнѣ на шею и цѣловалъ.

Тѣмъ временемъ у него создавался уже другой планъ. Не попавъ ни на одинъ министерскій постъ, Татищевъ повелъ усиленную интригу въ Царскомъ Селѣ противъ Барка и подалъ записку о мѣрахъ къ поправленію русскихъ финансовъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ декабрѣ 1915 г., Протопоповъ уже пересталъ интересоваться второстепеннымъ постомъ и рѣшилъ прямо шагнуть въ министры, что ему и удалось меньше, чѣмъ черезъ годъ, но попалъ не на тотъ постъ, который онъ давно облюбовалъ.

Въ концѣ іюня 1916 г. Протопоповъ вернулся изъ поѣздки въ Англію, Францію и Италію, куда онъ ѣздилъ въ качествѣ представителя между-парламентской делегаціи.

22 іюля, въ день тезоименитства Императрицы Маріи Теодоровны, въ самый разгаръ его политическихъ интригъ, послѣ того, какъ онъ уже былъ принятъ въ Царскомъ Селѣ Государемъ Императоромъ для доклада о его разговорѣ съ агентомъ Люціуса въ Стокгольмѣ, Протопоповъ выразилъ мнѣ свое желаніе повидать меня. Зная, что его визиты обычно затягиваются далеко за полночь, и, будучи чрезвычайно утомленъ, я хотѣлъ свидѣться съ нимъ такимъ образомъ, чтобы не зависѣть отъ него, а имѣть возможность освободиться, когда я захочу. Поэтому я предложилъ ему не сидѣть въ душныхъ комнатахъ, а проѣхать въ автомобилѣ по островамъ.

Въ 9 ч. вечера онъ заѣхалъ за мной. Темой разговора была, главнымъ образомъ, его заграничная поѣздка, причемъ въ деталяхъ была рассказана вся Стокгольмская исторія. По его словамъ, инициатива встрѣчи была не его, а съ германской стороны. Назначена она была въ частномъ домѣ, при свидѣтелѣ членѣ Государственнаго Совѣта.

Люціусъ, германскій посланникъ, самъ не пріѣхалъ, а послалъ своего перваго секретаря, подъ видомъ, что, садясь въ экипажъ, повредилъ себѣ ногу.

Не знаю, такъ ли передавалъ Протопоповъ, какъ это было на самомъ дѣлѣ, но, рассказывая, онъ часто справлялся въ своей записной книжкѣ, гдѣ, по его словамъ, онъ сейчасъ же записалъ разговоръ. Во всякомъ случаѣ, изъ его рассказа я не могъ вынести предположеній о какомъ бы то ни было сепаратномъ мирѣ; наоборотъ, по его словамъ, вопросъ шель исключительно объ общемъ мирѣ, причемъ Протопоповъ выяснялъ особливо интересующія Россію стороны, напр., очищеніе занятыхъ нѣмцами губерній.

По словамъ Протопопова, разговоры эти въ подробностяхъ извѣстны Штюмеру и Сазонову, а этотъ послѣдній устроилъ ему Высочайшую аудіенцію. Этого дѣлать онъ мнѣ не могъ, такъ какъ зналъ, что я въ каждый моментъ могъ провѣрить.

Повидимому, на Государя онъ произвелъ очень благопріятное впечатлѣніе. Во-первыхъ, — аттестація Сазонова была несомнѣнно въ пользу Протопопова, а во-вторыхъ, я долженъ отдать справедливость, весь рассказъ Протопопова былъ, дѣйствительно, интересный.

Если вѣрить ему, Государь былъ удивленъ нѣкоторыми вещами изъ доклада Протопопова и даже спросилъ его, откуда онъ зналъ такіе мелкіе факты новѣйшей исторіи.

Во время этой поѣздки Протопоповъ, тронутый его будто бы чрезмѣрной любовью ко мнѣ и, умалчивая, конечно, о тѣхъ интригахъ противъ меня, которыя онъ велъ въ это время у Штюмера, просилъ меня не отказать принять то, что онъ мнѣ дастъ. И съ этими словами вытащилъ изъ кармана маленькій образокъ изъ часовни Спасителя, будто бы принесенный его дочерью. Мнѣ оставалось только принять это благословеніе. Затѣмъ мы про-

должали наши разговоры въ ресторанѣ Фелисьена, куда заѣхали выпить чаю. Въ 11 час. вечера, по военному положенію, рестораны закрывались и я предложилъ довести моего собесѣдника домой и на этомъ разстаться. Не тутъ то было. По его словамъ, мы только что начали наши разговоры, и онъ настойчиво желалъ продолжить ихъ. Боясь, что это будетъ у меня дома до неопредѣленныхъ часовъ, я предложилъ заѣхать къ нему. Онъ вручилъ мнѣ свой портретъ съ трогательной надписью. Между прочимъ, я замѣтилъ у него на почетномъ мѣстѣ портретъ Гучкова съ не менѣе трогательной надписью, чѣмъ сдѣлалъ мнѣ Протопоповъ, но онъ тутъ же далъ весьма нелестную аттестацію о Гучковѣ, назвавъ его «великимъ разрушителемъ». Я вскорѣ уѣхалъ съ очень тяжелымъ чувствомъ отъ всего этого свиданія.

**
*

Въ срединѣ сентября 1916 г., если не ошибаюсь, 15-го въ 1 ч. дня, Протопоповъ вызвалъ меня по телефону и сказалъ, что онъ хочетъ сообщить мнѣ первому большой секретъ, касающійся его лично, но, что онъ стѣсняется сдѣлать это по телефону. Я тотчасъ же понялъ въ чемъ дѣло и спросилъ его, на какой улицѣ онъ будетъ жить, и получилъ отвѣтъ: «на Фонтанкѣ». Ясно, что онъ получаетъ М-во внутреннихъ дѣлъ. Мнѣ пришлось по телефону же его поздравить.

Чась спустя было засѣданіе Совѣта Министровъ въ кабинетѣ Штюмерера въ М-вѣ Ин. Дѣлъ. А. А. Хвостовъ, бывший въ то время Министромъ вн. дѣлъ, сидѣлъ въ противоположномъ отъ меня концѣ комнаты. Я наблюдалъ за нимъ и поражался его спокойствіемъ. Ничѣмъ онъ не проявлялъ естественной въ такой моментъ озабоченности. Такъ было до самаго конца засѣданія.

Оказывается, какъ мнѣ потомъ говорилъ самъ Александръ Алексѣевичъ, онъ въ тотъ день ничего не подозрѣвалъ. Штюмереръ, давно уже ведшій противъ него интригу, не счелъ нужнымъ предупредить Хвостова, что преемникъ ему уже выбранъ. Мотивомъ увольненія онъ выставлялъ Государю — расшатанное здоровье Хвостова, не позволяющее ему оставаться дольше на посту Министра внутреннихъ дѣлъ, что совершенно не соответствовало дѣйствительности. Въ приказѣ объ увольненіи его сказано «по прошенію».

Узнавъ объ этомъ, Александръ Алексѣевичъ написалъ Государю трогательное и прекрасное письмо съ выраженіемъ вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ, благодарилъ за все съ увѣреніемъ, что онъ не боленъ и никогда не просилъ объ освобожденіи отъ занимаемаго имъ поста. Письмо это было имъ прочтено мнѣ.

Возвращаюсь къ Протопопову.

Лично я, имѣвшій почти въ теченіе полутора года постоянное сношеніе съ Протопоповымъ на чисто дѣловой почвѣ, и удивившійся въ полной непригодности его къ серьезной работѣ, былъ крайне удивленъ этимъ назначеніемъ на важнѣйшій постъ того времени. Конечно, въ этомъ отношеніи, значительную роль

сыграть Штюмеръ, желавшій, почему-то, отдѣлаться отъ А. А. Хвостова одного изъ самыхъ цѣнныхъ министровъ. Но совершенно непонятно, почему назначеніе Протопопова вызвало такое негодование во всѣхъ слояхъ и въ Государственной Думѣ, въ особенности.

Саратовскій губернскій предводитель дворянства, членъ третьей и четвертой Думы, въ этой послѣдней товарищъ предсѣдателя, предсѣдатель одной изъ важнѣйшихъ комиссій Думы, предсѣдатель (по выбору) парламентской делегаціи для поѣздки въ союзныя страны — вотъ общественный цензъ Протопопова. Неужели, дѣлая всѣ эти избранія на указанные выше видные и отвѣтственные посты, всѣ избиратели — общественные дѣятели такъ ошибались, не винили себя, и все больше возвеличивали Протопопова. А стоило Государю избрать его, какъ вся Россія возстала противъ него!

Я не могу не вспомнить, какъ А. В. Кривошеинъ высоко цѣнилъ Протопопова и усердно рекомендовалъ мнѣ его въ товарищи. Родзянко, сталкивая меня, доказывалъ Государю, что вполне готовымъ министромъ является его товарищъ Протопоповъ (это мнѣ извѣстно изъ устъ Государя). Сазоновъ, испрашивавшій Государя о приѣмѣ предсѣдателя междупарламентской делегаціи, послѣ его возвращенія, далъ о немъ наилучшую аттестацію. Англійскій Король въ личномъ письмѣ Государю далъ о немъ восторженный отзывъ!

Общественная молва считала, что Протопоповъ является ставленникомъ Распутина. Да можно ли это считать вѣрнымъ, разъ его рекомендовали: Родзянко, Сазоновъ, Англійскій Король и на самаго Государя онъ произвелъ отличное впечатлѣніе? Если Распутинъ прибавилъ и свой голосъ за Протопопова, то все же, послѣ всѣхъ перечисленныхъ рекомендацій, нельзя было считать его «ставленникомъ Распутина».

ГЛАВА XX.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

Съ самаго начала этой главы я долженъ предупредить читателя, что я не намѣренъ ни давать описанія и характеристики Императрицы Александры Феодоровны, ни доказывать или отрицать Ея вліяніе на Императора Николая II. Тема эта слишкомъ сложная и потребовала бы весьма серьезнаго и безпристрастнаго историка. Время для этого еще не наступило. Я не вижу даже, кто могъ бы изъ нашего поколѣнія сдѣлать это. У всѣхъ, если такъ можно выразиться, слишкомъ «партійный взглядъ». Скажу только, что роль Ея безсовѣстно искажали дѣятели революціи всѣхъ круговъ, которые по сей день, вмѣсто сознанія своей грубой политической ошибки, считаютъ себя героями.

Достаточно указать на то, что и въ Россіи и у союзниковъ усиленно распространялись слухи о тайныхъ сношеніяхъ Импе-

ратрицы съ Императоромъ Вильгельмомъ и о Ея стремленіи привести къ сепаратному миру. Не только крайніе лѣвые, но и лидеры кадетской партіи, и нѣкоторые считавшіе себя «правыми», не стѣснялись распространять гнусный анекдотъ о существованіи прямого провода для разговоровъ съ Вильгельмомъ...

Стоить вспомнить, какъ Временное Правительство схватилось за выясненіе этой стороны дѣятельности Императрицы, какъ пристрасно былъ подобранъ составъ Верховной слѣдственной комиссіи для разслѣдованія «преступленій» Государя и Государыни и какое послѣдовало въ этихъ кругахъ разочарованіе, когда, даже пристрастная Верховная слѣдственная комиссія должна была оставить окончательно всякую надежду найти что-либо подобное.

Цѣль настоящей главы моихъ воспоминаній заключается лишь въ возможно точномъ изложеніи моихъ посѣщеній Императрицы за время двухлѣтняго пребыванія моего Министромъ торговли и промышленности.

Этихъ посѣщеній было три. Кромѣ нихъ я, конечно, имѣлъ неоднократно случаи видѣть Императрицу и разговаривать съ Ней, но не въ отдѣльныхъ длительныхъ аудіенціяхъ, а при различныхъ приемахъ, напр., въ Ставкѣ въ Могилевѣ во время завтраковъ послѣ Всеподданныйшихъ докладовъ.

Будучи назначенъ 18 февраля 1915 г. Управляющимъ Министерствомъ торговли и промышленности, я сразу настолько погрузился въ дѣла и такъ былъ захваченъ вихремъ событій, что только въ концѣ мая, т. е. уже значительно послѣ состоявшагося 6 мая утвержденія меня министромъ, я, наконецъ, обратился къ секретарю Императрицы графу Апраксину съ письменной просьбой исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе представиться Ея Величеству по случаю назначенія.

Конечно, такое запозданіе съ представленіемъ Императрицѣ, хотя и произошло не по моей винѣ, а въ силу чрезвычайныхъ обстоятельствъ, все же могло быть истолковано, какъ некорректное, и я даже опасался, что не сразу буду принятъ. Однако, на слѣдующій же день я получилъ увѣдомленіе, что буду принятъ Ея Величествомъ 26 мая въ Царскомъ Селѣ, т. е. безъ всякаго промедленія.

По прежней моей дѣятельности и службѣ, я имѣлъ неоднократно случаи представляться и бесѣдовать съ Императрицей, которая хорошо помнила меня особенно по путешествію въ маѣ 1913 года по Волгѣ на пароходѣ «Межень», гдѣ я неотлучно находился. Въ этотъ разъ я нашелъ Ее сильно измѣнившейся и значительно исхудавшей. Кромѣ того, костюмъ сестры милосердія, съ косынкой на головѣ, настолько мѣнялъ Ее, что, если бы я не входилъ въ Ея кабинетъ, то я не узналъ бы Ее. Чувствовалась озабоченная сосредоточенность, лицо было даже строгое.

Разговоръ вертѣлся, главнымъ образомъ, вокругъ войны. Императрица высказала твердую увѣренность, что война будетъ трудная и длительная. Хотя аудіенція была довольно продолжитель-

ная, но по характеру болѣе или менѣе безразличная; подъ конецъ въ кабинетѣ настолько стемнѣло, что съ трудомъ можно было видѣть другъ друга. Очевидно, безъ звонка никто не смѣлъ дать свѣтъ.

Второе мое посѣщеніе Императрицы было 20 сентября 1916 года, черезъ 16 мѣсяцевъ послѣ перваго. Оно, какъ и послѣдующее, носило чисто дѣловой характеръ. Въ опубликованныхъ письмахъ Императрицы къ Государю оба они нашли видное мѣсто.

Вотъ чѣмъ было вызвано посѣщеніе 20-го сентября.

Во время моихъ многократныхъ поѣздокъ въ Ставку со всеподданнѣйшими докладами, я имѣлъ каждый разъ дѣловые разговоры съ начальникомъ штаба Государя генераломъ Алексѣевымъ. Я вынесъ совершенно твердое убѣжденіе, что, съ каждой новой встрѣчей съ Алексѣевымъ, онъ все больше и больше удалялся отъ Правительства. Для меня уже не подлежало сомнѣнію, что Государь имѣетъ въ Ставкѣ начальника штаба, которымъ, въ политическомъ отношеніи, руководили Гучковъ и Родзянко. Я считалъ своимъ священнымъ долгомъ, долгомъ вѣрноподданнаго и члена Правительства, такъ или иначе довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя.

Но какъ это сдѣлать? Во-первыхъ, у меня не было въ рукахъ фактовъ; было только чутье, основанное на цѣломъ рядѣ осторожныхъ репликъ или недомолвокъ Алексѣева; во-вторыхъ, если бы даже я получилъ фактическое подтвержденіе моего убѣжденія, то вѣдь не могъ же я на своемъ докладѣ по дѣламъ вѣдомства торговли и промышленности перейти на изложеніе моихъ взглядовъ по поводу невѣрности Начальника Штаба! Вѣдь Государь могъ попросту встать и прекратить этотъ разговоръ.

И вотъ, совершенно неожиданно, у меня въ рукахъ оказались документы, вполне подтверждающіе мое убѣжденіе. Ко мнѣ пріѣхалъ генералъ Свѣнторжецкій, котораго я назначилъ председателемъ правленія электрическаго общества 86 года и испросилъ соизволеніе Государя о назначеніи его Членомъ Совѣта Министра. Онъ передалъ мнѣ копии двухъ писемъ Гучкова къ Алексѣеву. По характеру писемъ не оставалось никакого сомнѣнія, что онѣ не были единичными, а составляли лишь звено изъ серіи освѣдомленій.

Къ счастью, въ одномъ изъ этихъ писемъ былъ затронутъ и я*). Гучковъ описывалъ, совершенно ложно, о томъ, какъ-будто я противодѣйствовалъ стремленіямъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія увеличивать выпускъ заводами столь необходимыхъ для арміи снарядовъ крупныхъ калибровъ. Эпизодъ этотъ изложенъ мною въ соответствующемъ мѣстѣ настоящихъ воспоминаній. Его надо считать гнусной клеветой. Обвиненіе меня въ такомъ поступкѣ, если бы оно было правильнымъ, составляло бы явное преступленіе высокаго должностнаго лица. Совершенно

*) Копіи этихъ писемъ имѣются у меня.

наоборотъ; я указывалъ на явно негодныя средства, которыя примѣняются для достиженія улучшенія снабженія арміи крупными снарядами.

Прочитавъ эти письма, я рѣшилъ, не теряя времени, энергично реагировать. Я немедленно отправился въ Царское Село къ А. А. Вырубовой, съ которой мнѣ пришлось разговаривать впервые, и просилъ ее срочно довести до свѣдѣнія Императрицы мое усердное ходатайство принять меня, такъ какъ, имѣя въ рукахъ копіи писемъ Гучкова Алексѣеву, доказывающихъ его противуправительственную дѣятельность, я хочу доложить все дѣло лично Ея Величеству. Избралъ я обращеніе къ Вырубовой потому, что это былъ самый быстрый способъ получить срочную аудіенцію безъ оглашенія о ней. И, дѣйствительно, едва я успѣлъ вернуться домой, какъ получилъ сообщеніе Вырубовой по телефону о назначенномъ мнѣ на слѣдующій же день приемѣ.

Зная, что всякій выѣздъ министра въ Царское Село немедленно попадаетъ въ газеты, я отправился туда не по желѣзной дорогѣ, а въ своемъ автомобилѣ.

Съ первыхъ словъ Императрицы я почувствовалъ внимательное ко мнѣ отношеніе, что значительно ободрило меня. По мѣрѣ моего разказа, приемъ обратился въ высокомилостивый. Я изложилъ совершенно откровенно все, что у меня было на душѣ, что я не считаю себя въ правѣ докладывать Государю про Его Начальникѣ Штаба, но что вѣрноподданнѣйшій долгъ требуетъ, чтобы я довелъ до свѣдѣнія Монарха о крайней сомнительности въ вѣрности Ему генерала Алексѣева. Поэтому, получивъ нынѣ документальныя свѣдѣнія о томъ, что правительственная дѣятельность освѣщается ему неправильно и завѣдомо искажается Гучковымъ, который, по моему глубокому убѣжденію, дѣйствуетъ заодно съ Поливановымъ и Родзянко, я рѣшилъ безпосрочно обратиться къ Ея Величеству по этому, съ моей точки зрѣнія, крайне важному вопросу. При этомъ я выразилъ увѣренность, что Императрица найдетъ нужнымъ сообщить эти данныя Государю, такъ какъ названныя лица являются злѣйшими врагами Престола.

Въ подтвержденіе правильности того, что я высказалъ, я прочиталъ выдержки изъ длиннаго посланія Гучкова, наполненнаго ложными слухами, которые онъ выдавалъ за факты.

Мой докладъ произвелъ на Императрицу глубокое впечатленіе. Она сказала мнѣ, что находится въ ежедневной перепискѣ съ Государемъ, что въ ближайшемъ же письмѣ напишетъ Ему и просила дать ей для пересылки Государю копію одного изъ писемъ. Я обѣщалъ на слѣдующій же день прислать ее, что и исполнилъ.

Засимъ Императрица, по собственной инициативѣ, перешла на другіе вопросы, касающіеся моей дѣятельности, а именно объ обезпеченіи Петрограда топливомъ, и о степени использованія водныхъ путей для подвоза дровъ и продовольствія. Далѣе разговоръ перешелъ какъ-то на Протопопова, который за нѣсколько

дней до этого был назначен Управляющим Министерством Внутренних Дѣлъ, и только что представлялся въ этотъ самый день Императрицѣ. Давно зная его и полную непригодность не только для этого министерства, но ни для какой бы то ни было отвѣтственной и систематической работы, я позволилъ себѣ очень холодно отозваться о немъ. Не помню точно, въ какихъ выраженіяхъ, но смыслъ былъ такой, что ничего хорошаго я не ожидаю.

Видно, это было чрезвычайно непріятно Императрицѣ. Она быстро отвѣтила мнѣ, что онъ очень умный, преданный человѣкъ, что она очень его цѣнитъ и сразу перевела разговоръ на другія темы. Между прочимъ Она меня спросила, почему крестьяне такъ неохотно продаютъ зерно для продовольствія арміи и населенія. Мое объясненіе, повидимому, Ее удовлетворило; оно иѣликомъ приведено въ письмѣ Государю, хотя и своими словами, но, по существу, довольно точно.

Я дѣлаю здѣсь выписку изъ писемъ Государю: «Я спросила его (Шаховского), какъ обстоитъ дѣло съ хлѣбомъ. Онъ отвѣтилъ, что крестьяне въ мирное время спѣшили продавать его, боясь, чтобы цѣны не упали, теперь же они знаютъ, что если выждать, то цѣны возрастутъ, а они не гонятся за деньгами, такъ какъ у нихъ ихъ достаточно».

Но дальше Императрица высказала по этому же поводу смѣлую и чисто государственную точку зрѣнія, которую я не могу не отмѣтить, а именно, о необходимости организациі правительственной пропаганды. Это слово не было употреблено, но смыслъ былъ ясенъ. Дѣйствительно, у насъ ровно ничего не дѣлалось для борьбы со злостной пропагандой, которая проникала во всѣ слои и воспринималась на вѣру безъ всякаго авторитетнаго опроверженія со стороны правительственной власти.

Въ результатъ моего доклада и всѣхъ разговоровъ было ясно, что маленькое неудовольствіе за Протопопова было мимолетнымъ, и то же высоко-милостивое отношеніе оставалось до конца, причемъ мнѣ даже было дано разрѣшеніе, когда понадобится, пріѣзжать къ Ея Величеству.

Я уѣхалъ изъ Царскаго Села съ чувствомъ полного удовлетворенія, видя цѣль моей поѣздки достигнутой и имѣя сознание честно исполненнаго гражданскаго долга.

Всѣ подробности моего доклада и моихъ разговоровъ нашли себѣ мѣсто въ трехъ письмахъ Императрицы: отъ 20, 21 и 22 сентября. Первое до приѣма, очевидно, со словъ Вырубовой, которая передавала мою просьбу о приѣмѣ, а два послѣдующія уже послѣ приѣма.

Здѣсь я долженъ дать поясненіе одной фразы въ письмѣ отъ 22-го сентября. Она чрезвычайно для меня интересна, потому что открыла мнѣ то, о чемъ я могъ только значительно позже догадываться и явилась слѣдствіемъ моего не особенно одобрительнаго отзыва о Протопоповѣ. Императрица пишетъ, что, по словамъ Распутина, я надѣялся быть назначеннымъ министромъ

внутреннихъ дѣлъ, а потому, заключаетъ Императрица, я «нѣ- сколько настроенъ противъ Протопопова».

Очевидно, Государь былъ тоже пораженъ сообщеннымъ Ему свѣдѣніемъ. Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 23 сентября имѣется та- кая фраза: «Подумай, Ш. хотѣлъ быть на этомъ мѣстѣ».

Теперь я считаю необходимымъ пояснить, откуда могла ро- диться такая нелѣпая сплетня со стороны Распутина.

Съ самыхъ первыхъ дней назначенія меня на министерскій постъ, Протопоповъ всѣми силами стремился попасть ко мнѣ въ товарищи, съ явной цѣлью затѣмъ спихнуть меня и занять мое мѣсто. Я очень скоро понялъ эту игру и очень быстро оцѣнилъ его непригодность для какой бы то ни было работы. Объ этомъ въ другомъ мѣстѣ моихъ воспоминаній есть довольно полное объ- ясненіе. Тогда Протопоповъ началъ компанію противъ меня и училъ Распутина, что меня надо перевести на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, а его назначить на мое мѣсто, объясняя, что это является и моимъ желаніемъ. Распутинъ, который, вѣроятно, до извѣстной степени приложилъ руку къ проведенію Протопопова на министерскій постъ, будучи чрезвычайно ловкимъ и хитрымъ, не захотѣлъ осложнять комбинацію и рассказалъ объ этомъ, моемъ будто бы, желаніи уже послѣ того, какъ Протопоповъ получилъ министерскій портфель.

Сомнѣваюсь, чтобы кто-либо изъ министровъ того времени могъ захотѣть занять этотъ постъ. А если принять во вниманіе, что я уже давно тяготился быть въ составѣ Правительства, и если учесть мою страшную усталость и состояніе здоровья, то я думаю, что всякому будетъ понятенъ первоисточникъ передан- ныхъ Императрицѣ слуховъ о моемъ якобы желаніи быть мини- стромъ внутреннихъ дѣлъ. Никто иной, кромѣ Протопопова, не могъ пустить черезъ Распутина этотъ слухъ.

Мое третье посѣщеніе Императрицы было 31 октября, т. е. немного болѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ второго.

На этотъ разъ оно было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что съ каждымъ днемъ работа въ Совѣтѣ Министровъ станови- лась все труднѣе и труднѣе. Предсѣдатель — Штюмеръ уже потерялъ всякій авторитетъ, и, въ сущности, его никто не при- знавалъ. Треповъ всячески старался анулировать его и забрать въ свои руки предсѣдательство. Съ нимъ очень не удачно про- бовалъ конкурировать Протопоповъ, не имѣя никого уже боль- ше въ Совѣтѣ Министровъ, кто его поддерживалъ бы. Выходи- ло, что Треповъ и Протопоповъ оба стремятся замѣнить уже фак- тически сошедшаго со сцены предсѣдателя и, каждый изъ нихъ, считалъ себя его преемникомъ. Положеніе становилось нестер- пимымъ. И вотъ я вновь рѣшился тревожить Императрицу, из- ложилъ Ей все положеніе и заявилъ Ей, что для меня не подле- житъ сомнѣнію, что Штюмеръ въ ближайшемъ будущемъ будетъ вынужденъ покинуть свой постъ, тѣмъ болѣе, что онъ состоитъ одновременно и Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ поясненіе существовавшаго положенія въ Совѣтъ Министровъ, я привелъ печальный и крайне характерный эпизодъ, происшедшій въ ближайшіе дни.

Засѣданіе Совѣта назначено, по болѣзни Штюрмера, у него на квартирѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Министры еще не всѣ въ сборѣ, Штюрмеръ лежитъ съ высоко поднятой ногой. Треповъ сообщаетъ, полученную имъ изъ Архангельска телеграмму, о взрывѣ. Григоровичъ опровергаетъ. Треповъ въ доказательство вынимаетъ телеграмму и читаетъ. Григоровичъ вскипаетъ и раздраженно спрашиваетъ, кто могъ такія секретныя вещи военнаго значенія телеграфировать Трепову. Этотъ послѣдній еще болѣе раздраженно отвѣчаетъ, что начальникъ станціи Архангельска, находящійся въ его вѣдѣніи, обязанъ сообщать своему Министру такія свѣдѣнія. Происходитъ рѣзкій разговоръ. Одинъ доказываетъ, что такъ должно быть, другой, — что онъ запретить мѣстнымъ агентамъ сообщать военныя свѣдѣнія. Тогда Треповъ возвышаетъ голосъ и положительно кричитъ: «Это чортъ знаетъ что такое! Это нахальство! Чортъ знаетъ что такое!» Общее смятеніе. Предсѣдатель безмолвствуетъ. Григоровичъ притихъ.

Помимо nepозволительной формы этого инцидента, какая ненормальность и какая грусть, что Морской Министръ находитъ нужнымъ скрывать отъ Совѣта Министровъ военныя свѣдѣнія.

Видимо, Императрица съ неодобреніемъ слушала мой докладъ. Когда же я нелестно отозвался о Протопоповѣ, то это Ей тоже сильно не понравилось. Она стала опредѣленно хвалить Штюрмера и Протопопова, упомянула даже, что сегодня она принимала Протопопова, что онъ дѣльный и вѣрный человекъ и т. д.

Когда аудіенція кончилась, Императрица сухо со мною простилась.

Въ своемъ письмѣ къ Государю Она опять описала свои разговоры со мною, менѣе подробно, чѣмъ въ предыдущемъ, но обратила большое вниманіе на инцидентъ Трепова-Григоровича, порицая Трепова. Между прочимъ, въ письмѣ есть такая фраза: «**Я не соглашалась съ Шаховскимъ, онъ противъ Протопопова**», и въ скобкахъ «*jalousie de métier*». Это выраженіе, конечно, надо сопоставить съ письмомъ отъ 22 сент., въ которомъ Она сообщаетъ о будто бы моемъ желаніи быть министромъ Ви. Дѣлъ.

Возвращаясь съ этой аудіенціи по Пулковскому шоссе въ моемъ автомобилѣ и обдумывая создавшееся положеніе, я былъ совершенно увѣренъ, что, при первомъ пріѣздѣ Государя изъ Ставки, я буду уволенъ съ министерскаго поста.

Мысль эта нисколько меня не пугала; наоборотъ, я давно просился освободить меня отъ непосильнаго бремени, а теперь работа становилась нестерпимой при царившемъ въ то время въ Совѣтѣ Министровъ пестроеніи.

Двѣ недѣли спустя я былъ чрезвычайно пораженъ; во-первыхъ, я не былъ, вопреки моему ожиданію, смѣщенъ, а во-вто-

рыхъ, и это главное, въ Ставкѣ за завтракомъ, послѣ моего всеподданнѣйшаго доклада, Императрица, нанскось отъ Которой я сидѣлъ, неоднократно обращалась ко мнѣ съ улыбками и явно старалась обласкать меня, повидимому, желая загладить неприятное впечатлѣніе отъ предыдущей аудіенціи. Къ этому времени Штюмеръ былъ уже уволенъ... Это былъ послѣдній разъ, когда я видѣлъ несчастную и многострадальную Государыню, къ которой у меня, несмотря на извѣстныя мнѣ ошибки въ Ея взглядахъ и направленіи, сохранились по гробъ моей жизни, самыя чистыя чувства высокаго почитанія.

Разъ я сослался на тѣ письма Императрицы, которыя касаются меня, то я не могу обойти молчаніемъ письмо отъ 16 сентября 1916 г. Утверждаю категорически, что оно не имѣетъ ничего общаго съ моей женой, княгиней Александрой Михайловной Шаховской, рожденной Ону. Между тѣмъ беззастѣнчивый кадетскій переводчикъ В. Д. Набоковъ, безъ всякой провѣрки, вѣроятно, руководствуясь тѣмъ, что въ письмахъ зачастую упоминался я, пояснилъ, что рѣчь шла о ней. Долженъ напомнить, что въ 1905 г., Набоковъ, бывшій камеръ-юнкеръ, былъ лишень этого званія за открытую принадлежность къ кадетской партіи въ качествѣ активнаго въ ней дѣятеля. Въ бѣжествѣ онъ отличился тѣмъ, что во время покушенія на Милюкова онъ всталъ между стрѣлявшимъ и Милюковымъ. Самъ былъ убитъ, но своею грудью спасъ вреднѣйшаго политическаго дѣятеля Царской Россіи.

Въ упомянутомъ выше письмѣ Императрица сообщала Государю, что пріѣхалъ очень интересный молодой американскій врачъ, спеціалистъ по тонкимъ хирургическимъ приемамъ. **«Красный Крестъ имъ не воспользовался»**, пишетъ Императрица, **«а мы (т. е. лазаретъ Ея Величества) приняли его съ восторгомъ»**. Далѣе имѣется слѣдующая фраза: **«навѣрно, княгиня Шаховская въ него влюбится»**.

Переводчикъ отъ себя дѣлаетъ выноску: «жена м-ра т. и пр.».

Насколько эта выноска фантастична видно уже изъ того, что рѣчь несомнѣнно шла о той княгинѣ Шаховской, которая работала въ лазаретѣ Императрицы. Моя жена не только тамъ не работала, но никогда тамъ не была.

Въ совѣтскомъ изданіи этихъ писемъ было поступлено осторожно, чѣмъ въ кадетскомъ. Въ немъ пояснено: «княгиня Шаховская. **Вѣроятно** Марія Анатольевна, урожденная кн. Куракина».

Итакъ, изъ изложеннаго видно, что рѣчь вовсе не шла о моей женѣ. Лично я полагаю, что и не о той кн. Шаховской, которую упоминають съ совѣтскомъ изданіи, а о третьей, которую я называть не хочу, не имѣя къ тому безспорныхъ данныхъ.

*

**

Въ заключеніе этой главы я долженъ откровенно сознаться, что я глубоко польщенъ тѣмъ, что моя фамилія упоминается въ письмахъ Императрицы и Государя 34 раза и во многихъ случаяхъ съ удивительной добротой и доброжелательствомъ.

ЗАСЪДАНІЕ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ ВЪ БАРАНОВИЧАХЪ.

Когда въ февралѣ 1917 г. я вступилъ въ Совѣтъ Министровъ, ярко обрисовывалась скрытая, а временами и открытая борьба большинства, во-первыхъ, съ Сухомлиновымъ, которому никто не довѣрялъ, а во-вторыхъ, съ Маклаковымъ и Щегловитовымъ. Эти двое своими крайними убѣжденіями представляли постоянную оппозицію Совѣту. Къ нимъ иногда примыкалъ Саблеръ, державшійся обычно въ сторонѣ.

Въ концѣ мая эта борьба значительно обострилась. Какъ-то въ маѣ 1915 г. я позвонилъ по телефону къ секретарю Предсѣдателя Совѣта Министровъ, чтобы узнать, могу ли я пріѣхать къ Предсѣдателю. Мнѣ отвѣтили, что Предсѣдатель занятъ, у него идетъ совѣщаніе нѣкоторыхъ министровъ. Какъ потомъ оказалось, это было конспиративное засѣданіе, въ которомъ участвовали Кривошеинъ, Рухловъ, Сазоновъ и Баркъ. Искали замѣстителя Маклакову. Кривошеинъ провелъ кандидатуру князя Н. Б. Шербатова, бывш. главноуправляющаго Государственнымъ Коннозаводствомъ, бывш. Губернскаго Предводителя Дворянства, а засимъ члена Государственнаго Совѣта по избранію, сидяшаго не на правыхъ скамьяхъ.

Время это совпало также со значительнымъ ухудшеніемъ положенія Сухомлинова. Сперва его обвиняли въ томъ, что Россія не была готова къ войнѣ, вопреки его заявленіямъ о готовности, потомъ отсутствіе снаряженія нѣликомъ легло на его голову, далѣе стали говорить о будто бы его нечистоплотности въ дѣлахъ о военныхъ заказахъ, наконецъ, дошли даже до обвиненія его въ измѣнѣ. Все это создавало совершенно невозможное настроеніе во всѣхъ слояхъ.

Здѣсь я долженъ сказать, что, при всемъ моемъ недоувѣрїи къ нему, потому что онъ зачастую сообщалъ невѣрныя свѣдѣнія, я ни на одну минуту не допускалъ и не допускаю мысли ни о его взяточничествѣ, ни, тѣмъ болѣе, обвиненія въ измѣнѣ, но признаю въ немъ несомнѣнное большое легкомысліе. Во всякомъ случаѣ, какъ и весь составъ Совѣта Министровъ, я считалъ его далеко не подходящимъ къ роли Военнаго Министра въ военное время.

Такимъ образомъ, смѣна вышеупомянутыхъ двухъ министровъ, т. е. Маклакова и Сухомлинова, считалось неизбѣжной.

За это энергично взялся А. В. Кривошеинъ. Онъ отправился въ Ставку въ Барановичи къ Великому Князю Николаю Николаевичу и договорился съ нимъ о совмѣстныхъ стараніяхъ доказать Государю необходимость замѣны этихъ двухъ лицъ. На слѣдующій день ожидался пріѣздъ въ Ставку Государя.

Дня черезъ два, во время засѣданія Совѣта Министровъ, фельдъегерь привезъ генералу Сухомлинову пакетъ отъ Государя. Въ немъ было собственноручное очень ласковое письмо, въ которомъ Его Величество благодарилъ Сухомлинова за службу,

говорилъ, что исторія разсудить, но что для общаго блага нужна его смѣна. Прочитавъ это письмо, Сухомлиновъ нѣсколько минутъ спустя, передалъ его черезъ столъ для прочтенія графу Игнатьеву, съ которымъ онъ былъ не въ дурныхъ отношеніяхъ. Засѣданіе уже кончалось; выходя, онъ сказалъ нѣкоторымъ членамъ Совѣта, что онъ больше не министръ. Вечеромъ въ тотъ же день мы узнали, что генераль Поливановъ былъ вызванъ въ Ставку. Всѣмъ было ясно, для чего. Еще спустя сутки, И. Л. Горемыкинъ получилъ изъ Ставки телеграмму съ вызовомъ его самого, графа Фредерикса, Хаританова, Барка и меня. Щегловитовъ былъ въ поѣздкѣ въ Архангельскъ и былъ нежелателенъ для присутствія тамъ, Саблера не позвали и, вѣроятно, чтобы не оставлять его въ одиночествѣ, не вызвали гр. Игнатьева, считая, что онъ не касается военныхъ вопросовъ и снабженій.

Предстояло засѣданіе Совѣта Министровъ впервые въ Ставкѣ подъ предсѣдательствомъ Государя Императора.

Мы прибыли въ Барановичи днемъ. Тамъ уже находились вновь назначенные Управляющіе Министерствами генераль Поливановъ и князь Н. Б. Щербатовъ.

Кривошеинъ, окрыленный успѣхомъ своихъ шаговъ, рѣшилъ покончить и съ вопросами о Щегловитовѣ и о Саблерѣ, очевидно, имъ раньше была уже приготовлена почва и въ Ставкѣ. Тотчасъ по нашемъ прибытіи было созвано въ вагонѣ краткое совѣщаніе, въ которомъ Александръ Васильевичъ Кривошеинъ поднималъ вопросъ о замѣстителяхъ двухъ министерскихъ постовъ. Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ сказалъ, что его кандидатъ на постъ Министра Юстиціи Александръ Алексѣевичъ Хвостовъ. Кривошеинъ же высказывался за назначеніе сенатора Милютина (либерала), а на постъ Оберъ-Прокурора Синода — Самарина, указывая на то, что этотъ послѣдній пользуется большимъ уваженіемъ и авторитетомъ въ Москвѣ. Остальные министры своихъ мнѣній не высказывали.

Вскорѣ Горемыкинъ отправился на всеподданнѣйшій докладъ и, по возвращеніи, объявилъ намъ, что онъ сказалъ Государю, что онъ можетъ рекомендовать только того, кого онъ хорошо знаетъ — Хвостова и упомянулъ, что «министры хотятъ» Милютина и Самарина. Государь остановился на Хвостовѣ, а о Самаринѣ вопросъ былъ рѣшенъ лишь черезъ нѣсколько дней.

Здѣсь же я долженъ отмѣтить, что выборъ Горемыкинымъ Хвостова надо считать чрезвычайно удачнымъ. Объ этомъ достойномъ лицѣ я скажу въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

На слѣдующій день состоялось засѣданіе Совѣта Министровъ на открытомъ воздухѣ подъ навѣсомъ, съ участіемъ Великаго Князя Николая Николаевича и генерала Янушкевича.

Къ этому же дню былъ вызванъ князь Юсуповъ графъ Сумароковъ Эльстонъ, генераль губернаторъ и главнокомандующій войсками Москвы, для доклада о бывшихъ въ маѣ безпорядкахъ и погромахъ подъ лозунгомъ борьбы съ нѣменкимъ засиліемъ.

Князь Юсуповъ говорилъ около получаса совершенно безсвязно и безтолково. Никто изъ насъ ровно ничего не понималъ. Видимо, и Государь, и Великій Князь не особенно остались довольны докладчикомъ, котораго скоро отпустили.

Предстоялъ коренной вопросъ: о единеніи Ставки съ Правительствомъ. Благія пожеланія были высказаны, но, повидимому, результаты на практикѣ оказались весьма малыми. Такъ, напримѣръ, я напому о скоропалительномъ, черезъ короткій срокъ, рѣшеніи Великаго Князя выселить изъ всей территоріи военныхъ дѣйствій всѣхъ евреевъ для избѣжанія шпіонажа. Никакого сношенія или обсужденія съ Правительствомъ по этому поводу не было. На Министра Путей Сѣобщенія легла тягчайшая задача перевозки милліоновъ семей евреевъ въ ущербъ плановѣрной работѣ желѣзнодорожнаго состава для снабженія углемъ и всѣми необходимыми матеріалами для работы заводовъ на оборону. На Министра же Вн. Дѣлъ легла не менѣе тяжелая задача о размѣщеніи этихъ евреевъ въ глубокомъ тылу.

Третьимъ былъ поставленъ вопросъ о новомъ немедленномъ призывѣ подъ знамена ратниковъ ополченія 2-го разряда, которому Правительство не сочувствовало въ виду недостаточности снаряженія и необходимыхъ полевыхъ работъ. Государю удалось уговорить Великаго Князя отказаться отъ этой мысли до осени.

Наконецъ, было рѣшено, что Государь Императоръ дастъ рескриптъ на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ съ призывомъ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ родины къ дружной работѣ для нуждъ арміи и съ рѣшеніемъ возобновить работы Государственнаго Совѣта и Государственной Думы не позднѣе августа 1915 г.

На этомъ Государь закончилъ засѣданіе, а Вел. Князь и Министры остались для выслушиванія проекта рескрипта на имя И. Л. Горемыкина. Проектъ этотъ составленъ Кривошеиномъ и Поливановымъ совмѣстно. Вотъ его полный текстъ:

Иванъ Логгиновичъ,

Со всѣхъ концовъ родной земли доходятъ до Меня обращенія, свидѣтельствующія о горячемъ стремленіи русскихъ людей приложить свои силы къ дѣлу снабженія арміи. Въ этомъ единодушій народномъ Я почерпаю непоколебимую увѣренность въ свѣтлѣмъ будущемъ.

Затянувшаяся война требуетъ все новаго напряженія. Но въ одолѣніи возрастающихъ трудностей и въ неизбѣжныхъ превратностяхъ военного счастья крѣпнеть и закаляется въ нашихъ сердцахъ рѣшимость вести борьбу до полнаго, съ Божіей помощью, торжества русскаго оружія. Врагъ долженъ быть сломленъ. До того не можетъ быть мира.

Съ твердой вѣрой въ неизсякаемыя силы Россіи, я ожидаю отъ Правительства и общественныхъ учреждений, отъ русской промышленности и отъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ родины, безъ различія взглядовъ и положеній, сплоченной

дружной работы для нужд доблестной нашей армии. На этой, единой отнынѣ, всенародной задачѣ должны быть сосредоточены всѣ помыслы объединенной и неодолимой въ своемъ единствѣ Россіи.

Образовавъ по вопросамъ снабженія особое совѣщаніе съ участіемъ членовъ законодательныхъ учреждений и представителей промышленности, Я признаю необходимымъ приблизить и время созыва законодательныхъ учреждений, дабы выслушать голосъ земли русской. Предрѣшивъ поэтому возобновленіе занятій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы не позднѣе августа сего года, Я поручаю Совѣту Министровъ разработать по моимъ указаніямъ законопроекты, вызванные потребностями военного времени.

«НИКОЛАЙ».

14 іюня 1915 г.

ГЛАВА XXII.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМИТЕТЫ.

Торгово-Промышленный съѣздъ.

Въ Петроградѣ существовало нѣсколько торгово-промышленныхъ объединеній, изъ которыхъ два пользовались особымъ вліяніемъ. Это были: совѣтъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли, предсѣдателемъ котораго состоялъ членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ Н. С. Авдаковъ и совѣтъ съѣздовъ представителей биржевой торговли и сельскаго хозяйства, имѣвшій предсѣдателемъ члена Государственнаго Совѣта по выборамъ В. И. Тимирязева, дважды занимавшаго постъ министра торговли и промышленности. Первый изъ этихъ съѣздовъ объединялъ, главнымъ образомъ, интересы угольной, металлургической и нефтяной промышленности, почему въ немъ доминировали Харьковскіе и Бакинскіе дѣятели, второй же имѣлъ преобладающее вліяніе Москвы. Обѣ эти организациі состояли въ вѣдѣніи Министерства Торговли и Промышленности. По своей постановкѣ и вліянію Авдаковскіе съѣзды стояли на первомъ мѣстѣ.

Въ маѣ 1915 г. я принялъ по ихъ ходатайству Н. С. Авдакова и его товарища по совѣту съѣздовъ Э. Л. Нобеля виднаго нефтепромышленника, главу фирмы Бр. Нобель.

Цѣлью ихъ посѣщенія было испросить разрѣшеніе на созывъ съѣзда въ ближайшее время. Я отвѣтилъ, что, хотя рѣшеніе этого вопроса входитъ въ права Министра Торговли и Промышленности, но, въ виду военного времени, я не считаю возможнымъ дать имъ тотъ или иной отвѣтъ безъ обмѣна мнѣній въ Совѣтъ Министровъ; при этомъ я обѣщаль отнестись доброжелательно къ ихъ ходатайству.

Черезъ нѣсколько дней я пригласилъ ихъ къ себѣ и сообщилъ о рѣшеніи Правительства разрѣшить созывъ съѣзда при условіи, что онъ будетъ носить чисто дѣловой характеръ и не повлечетъ за собой какихъ бы то ни было политическихъ выступ-

лений и постановлений, столь модныхъ въ то время. Условіе это было тотчасъ же принято и съѣздъ назначенъ на 26 мая.

Въ довоенное время открытіе этихъ съѣздовъ носило торжественный характеръ и зачастую посѣщалось министрами финансовъ и торговли и промышленности. П. Л. Баркъ заявилъ мнѣ, что онъ присутствовать не будетъ. Самъ я, будучи вполне увѣренъ, что безъ рѣзкихъ политическихъ выступлений на съѣздѣ не обойдется, тоже не былъ расположенъ присутствовать на открытіи его. Рѣшеніе мое по этому поводу чрезвычайно упростилось, такъ какъ наканунѣ я получилъ извѣщеніе, что Императрица Александра Феодоровна въ тотъ же самый день назначила мнѣ представленіе Ея Величеству въ Царскомъ Селѣ. Представленіе это было первымъ со времени назначенія меня на министерскій постъ. Фактически попасть и на съѣздъ, и въ Царское Село я не могъ. Поэтому я поручилъ своему товарищу привѣтствовать съѣздъ отъ моего имени и передать мое сожалѣніе о невозможности присутствовать лично.

Всякіе съѣзды принято было начинать съ постановленія: просить подлежащаго министра, въ данномъ случаѣ торговли и промышленности, повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшія чувства собравшихся. На этотъ разъ, вѣроятно, въ виду оппозиціоннаго настроенія къ Правительству, мнѣ были переданы черезъ моего товарища двѣ телеграммы за подписью Авдакова, предсѣдателя съѣзда съ просьбою отправить одну Государю Императору, а другую — Верховному Главнокомандующему.

Мною это было исполнено, причемъ телеграммы эти цѣликомъ съ подписями Авдакова я включилъ въ текстъ моей препроводительной телеграммы. Черезъ сутки я получилъ телеграмму отъ Государя: «поручаю Вамъ передать представителямъ промышленности и торговли...» и т. д. и отъ Великаго Князя Николая Николаевича: «прошу Васъ передать д. с. с. Авдакову и представителямъ...».

Такимъ образомъ, явная попытка Авдакова получить отвѣтъ Государя и Верховнаго Главнокомандующаго непосредственно, миновавъ министра, не удалась и какъ Государь, такъ и Великій Князь не пожелали нарушить принятаго этикета.

На съѣздѣ въ первую очередь былъ заслушанъ докладъ Литвинова-Фалинскаго подъ громкимъ названіемъ «Война и Промышленность». Задолго до съѣзда докладъ этотъ усердно рекламировался. Оказался онъ чрезвычайно сумбурнымъ, но онъ собралъ много публики вслѣдствіе того, что авторъ его былъ враждебенъ Министру Торговли и Промышленности, — члену Правительства. Повидимому, умысленно пренія и постановленія были отложены до слѣдующаго засѣданія, назначеннаго вечеромъ того же дня. На этомъ засѣданіи предсѣдательствовалъ уже не Авдаковъ, а одинъ изъ товарищей — членъ государственной думы А. И. Коноваловъ. Ясно, что его выставили для предсѣдательства по-

тому, что членъ государственной думы могъ и не считаться съ условіемъ постановленнымъ при разрѣшеніи сѣзда, условіемъ, на которое изъявили согласіе и Авлаковъ, и Нобель.

А. И. Коноваловъ (будущій первый министръ торговли и промышленности временнаго правительства) не замедлилъ провести резолюцію съ требованіемъ «немедленнаго созыва законодательныхъ учреждений», что, конечно, было заранѣе условлено.

На слѣдующій день рано утромъ, по дорогѣ на сѣздъ, ко мнѣ заѣхалъ Э. Л. Нобель, который былъ всегда со мною въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ, и зачастую бывалъ у меня въ качествѣ негласнаго посланника отъ промышленныхъ круговъ. Онъ усердно просилъ меня все же посѣтить сѣздъ и придавалъ моему пріѣзду очень бодьшее тактическое значеніе въ смыслѣ дальнѣйшаго направленія его работъ. Не знаю, пріѣзжалъ ли онъ на этотъ разъ по собственной инициативѣ или былъ подосланъ другими. Послѣ нѣкотораго колебанія я согласился, сказавъ, что заѣду экспромптомъ въ теченіе дня въ часы засѣданій.

Каково же было мое удивленіе, когда по моемъ пріѣздѣ туда я никакого засѣданія не засталъ, а попалъ въ царившее тамъ полное смятеніе. Не поднимаясь въ залъ, я послалъ за Нобелемъ. Онъ вышелъ ко мнѣ съ не менѣе смущеннымъ лицомъ, чѣмъ у нѣкоторыхъ другихъ членовъ сѣзда, которыхъ мнѣ пришлось видѣть при входѣ. Нобель пояснилъ мнѣ, что только что произошло совершенно непредвидѣнное обстоятельство. Вернувшійся съ фронта московскій промышленникъ П. П. Рябушинскій произнесъ громовую рѣчь, произведшую весьма сильное впечатлѣніе на всю аудиторію. Въ виду общаго возбужденія засѣданіе было закрыто. Я счелъ благоразумнымъ немедленно уѣхать.

Какъ мнѣ потомъ доложили подвѣдомственные мнѣ чины, бывшіе на сѣздѣ, рѣчь Рябушинскаго была крайне рѣзка, истерична и, подъ прикрытіемъ горячаго патріотизма, сводилась къ требованію, чтобы промышленники взяли дѣло снабженія арміи въ свои руки. Не обошлось безъ рѣзкихъ выпадовъ противъ Правительства, съ восклицаніемъ: «нужно призвать такихъ людей, которыхъ вѣрили бы».

Послѣ перерыва сѣздъ избралъ комиссію по выработкѣ резолюціи. Надо отдать справедливость, что членъ Государственной Думы (В. В. Жуковскій, входившій въ составъ сѣзда, какъ польскій промышленникъ и принадлежавшій въ Думѣ къ польскому колу, произнесъ по этому поводу вполне благоразумную и сдержаную рѣчь, призывая къ спокойствію.

Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ его рѣчи: «Наши задачи чисто дѣловыя. Мы должны помочь обще-національной работѣ. Не словами, а на дѣлѣ, промышленный классъ долженъ доказать, что онъ не только можетъ, но и умѣетъ работать, что онъ готовъ отдать всѣ силы и знанія Правительству, въ этотъ отвѣтственный моментъ, переживаемый нашей родиной»... «Не на вражду, не на митинговыя резолюціи, не на протесты, а на серьезный дѣ-

ловой шагъ, который долженъ доказать политическую зрѣлость торгово-промышленнаго класса, должна звать та резолюція, которая будетъ представлена Вашему вниманію».

Въ слѣдующее засѣданіе 29 мая на съѣздъ объявился Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко въ сопровожденіи ряда другихъ членовъ Думы. Въ это время онъ считалъ своимъ долгомъ появляться всюду, гдѣ чувствовалась атмосфера, пропитанная противуправительственными тенденціями. Съѣздъ устроилъ ему грандіозную овацію. Не обошлось безъ его обычной митинговой рѣчи, все же на этотъ разъ сравнительно сдержаннаго характера. Онъ призывалъ всѣхъ къ единенію для помощи арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрялъ, что въ средѣ членовъ Думы нѣтъ никакихъ партійныхъ раздоровъ, что въ этотъ моментъ совершенно не соответствовало дѣйствительности.

Послѣ этого, и какъ слѣдствіе выступленія Рябушинскаго, была внесена подготовленная комиссіей резолюція. Участіе Жуковскаго въ ея составленіи значительно смягчило ея тонъ. Она была принята единогласно.

Я не счелъ интереснымъ приводить имѣющійся у меня полный текстъ принятаго съѣздомъ постановленія. Оно является какъ бы основною грамотою, на которой зиждилась вся дальнѣйшая дѣятельность Военно-промышленныхъ комитетовъ, сыгравшихъ подъ руководствомъ Гучкова, Коновалова и многихъ другихъ, столь гибельную роль въ развитіи революціоннаго движенія въ нашемъ отечествѣ.

Самый текстъ постановленія производитъ крайне странное впечатлѣніе не только своими длиннотами, но и своей редакціонной необработанностью. Онъ, видимо, составлялся впопыхахъ, включались различныя фразы по требованію отдѣльныхъ членовъ редакціонной комиссіи, въ немъ масса повтореній и нагроможденій; но нельзя не признать, что въ немъ выставленъ и патріотическій порывъ, который, подъ вліяніемъ упомянутаго выступленія Жуковскаго, затушевалъ рѣзкость противуправительственнаго выступленія Рябушинскаго. Въ немъ даже нашло мѣсто упоминаніе о желаніи заслужить одобреніе «Державнаго Хозяина», но дальше, очевидно, уступая болѣе лѣвымъ тенденціямъ, включено постановленіе объ «особой делегаціи», которая должна повергнуть «вѣрноподданнѣйшія чувства». Это послѣднее выраженіе ярко доказывало, что подъ видомъ вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ пойдетъ требованіе объ отвѣтственномъ Правительствѣ.

Организація Военно-промышленныхъ Комитетовъ.

Тотчасъ послѣ этого началось лихорадочное формированіе по всей Россіи областныхъ, губернскихъ и даже уѣздныхъ военно-промышленныхъ комитетовъ. Въ Петроградѣ были учреждены Центральныи и областной военно-пр. к-ты, во главѣ перваго сталъ на первыхъ порахъ тотъ же Авдаковъ, членами же комитета, въ видѣ основнаго ядра, вошли члены Совѣта съѣздовъ представи-

телей промышленности и торговли съ привлеченіемъ многихъ профессоровъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній.

Въ одно изъ первыхъ засѣданій центральнаго военно-пр. к-та были приглашены князь Г. Е. Львовъ, — главноуполномоченный всероссійскаго земскаго Союза и М. В. Челноковъ, — главноуполномоченный всероссійскаго союза городовъ. Цѣлью ихъ приглашенія было согласовать дѣятельность всѣхъ этихъ трехъ организаций, причемъ явная тенденція центральнаго военно-промышленнаго комитета была стать во главѣ всѣхъ общественныхъ организаций. Стремленіе это особенно ярко выразилось въ Москвѣ, гдѣ въ Московскомъ военно-пр. к-тѣ былъ избранъ предсѣдателемъ промышленникъ П. П. Рябушинскій, а кн. Львовъ и М. В. Челноковъ, т. е. оба предсѣдателя земскаго и городского союзовъ, оказались товарищами предсѣдателя областного Московскаго комитета.

Далѣе, желая возможно шире охватить кругъ своего вліянія, Центр. военно-пр. к-тъ рѣшилъ пригласить въ свой составъ членовъ особаго совѣщанія при военномъ министрѣ, въ коемъ участвовали Предсѣдатель и четыре члена Государственной Думы.

Пропаганда дѣятельности военно-пр. комитетовъ велась чрезвычайно интенсивно. Во всѣхъ газетахъ печатались сообщенія о кипучей дѣятельности этихъ новыхъ образований, еще ничѣмъ, кромѣ словонизверженій, не успѣвшихъ себя зарекомендовать. Наконецъ, на первыхъ страницахъ газетъ печатались, за подписью Авдакова, крупныя объявленія о томъ, что центр. военно-пр. к-тъ при совѣтѣ съѣздовъ представителей промышленности и торговли «обращается ко всѣмъ предпріятіямъ, техническимъ обществамъ и организациямъ съ призывомъ къ совмѣстной работѣ». При этомъ пояснялось, что задачи комитета состоятъ «въ организациі русской промышленности для снабженія арміи и флота всѣми необходимыми боевыми снабженіями и довольствіемъ».

Такимъ образомъ, доступъ въ центр. военно-пр. к-тъ, а за симъ и во всю организацию снабженія арміи, и даже въ засѣданіи особаго Совѣщанія по оборонѣ, бывшаго подъ предсѣдательствомъ военнаго министра, былъ самымъ широкимъ образомъ открытъ всѣмъ, кому угодно, вплоть до самыхъ подозрительныхъ личностей.

Скоро послѣдовала организациа особаго «президіума» центр. военно-пр. к-та, въ который были приглашены А. И. Гучковъ, какъ явный врагъ режима и Правительства, и В. П. Литвиновъ-Фалинскій, какъ оппозиціонный дѣятель Министерства Торговли и Промышленности, состоявшій подъ особымъ покровительствомъ предсѣдателя Государственной Думы. Этотъ послѣдній зачастую посѣщаль засѣданія центр. военно-пр. комитета, гдѣ произносилъ рѣчи и срываль бурныя оваціи революціонно-настроенной интеллигенціи.

Центральный военно-пр. к-тъ образоваль въ своемъ составѣ рядъ секцій по всевозможнымъ отраслямъ, число которыхъ все

время увеличивалось. Такъ, появились секціи: механическая, химическая, по снаряженію арміи, вещевая, продовольственная, санитарная, рабочая, по изобрѣтеніямъ, автомобильная, авіаціонная, перевозокъ, угольная, нефтяная, торфяная и лѣсная, мобилизаціонная, крупныхъ снарядовъ, станковъ и проч.

Въ началѣ отношеніе большинства Правительственной власти было вполнѣ сочувственное къ этому новому общественному порыву, который, какъ будто, обрисовывался исключительно съ точки зрѣнія патріотической. Очень немногіе изъ состава Правительства, къ которымъ, съ самыхъ первыхъ шаговъ комитетсвѣ, принадлежалъ я, усматривали въ этомъ новомъ направленіи весьма опасные признаки и предвидѣли чисто оппозиціонную политическую опасность, такъ какъ дѣло захватывалось явно оппозиціонными и даже революціонными кругами, стоявшими много лѣтъ существовавшихъ уже общественныхъ организацій — земской и городской. Кромѣ того, я опредѣленно былъ убѣжденъ въ преобладаніи чисто наживныхъ интересовъ нѣкоторыхъ промышленныхъ и хищническихъ круговъ. Оба эти опасенія скоро вполнѣ оправдались, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Подтвержденіе благопріятнаго отношенія Верховной Власти и Правительства къ новой организаціи явно видно изъ изложеннаго въ главѣ XXI рескрипта Его Величества на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ отъ 14 іюня 1915 года.

Тѣмъ временемъ мѣстные комитеты, не имѣя никакихъ правилъ и инструкцій, дѣйствовали всѣ вразбродъ и входили между собою въ рѣзкія разногласія по многимъ вопросамъ, въ особенности относительно установленія районовъ своихъ дѣйствій. Поэтому въ центр. военно-пр. к-тѣ сперва была высказана мысль о необходимости объѣздовъ членами центр. военно-пром. к-товъ для инструктированія мѣстныхъ органовъ, но имъ это показалось недостаточнымъ, и было рѣшено созывать періодическіе съѣзды представителей комитетовъ. По этому вопросу оказалось трудно согласовать бывшія въ то время теченія; Московскіе промышленники настаивали на съѣздахъ въ Первопрестольной Москвѣ, а другая часть промышленниковъ, во главѣ съ Харьковскими горнопромышленниками, отстаивала столицу Петроградъ. Въ концѣ концовъ послѣдніе имѣли перевѣсъ, и первый съѣздъ былъ назначенъ на 25 іюля въ Петроградѣ.

За двухмѣсячное существованіе центр. военно-пр. к-та выяснилось большое недовольство членовъ к-та Предсѣдателемъ Н. С. Авдаковымъ. Дѣйствительно, онъ совершенно не подходилъ для руководства тѣмъ кипящимъ котломъ, который представляла изъ себя вся новая организація. Къ тому же здоровье его было чрезвычайно подорвано*).

Въ концѣ концовъ Авдакова уговорили отказаться и вмѣсто него на первомъ съѣздѣ военно-пр. к-товъ единогласно избрали

*) Авдаковъ умеръ въ сентябрѣ того же года.

заранѣ приготовленнаго преемника А. И. Гучкова, а товарищемъ его А. И. Коновалова. Слѣдуетъ при этомъ принять во вниманіе, что никогда за свою жизнь Гучковъ не занимался созидательной работой, а специализировался исключительно на политическихъ интригахъ. Но надо отдать справедливость, что едва ли возможно было найти болѣе подходящаго дѣятеля для объединенія революціонизировавшейся интеллигенціи. Такимъ образомъ, дѣловая сторона дѣятельности комитетовъ всецѣло легла на А. И. Коновалова, который въ то же время не уступалъ А. И. Гучкову въ приданіи яркой политической окраски всему новому образованію. Съ устраненіемъ Авдакова разрѣшался и другой назрѣвшій вопросъ о полномъ отдѣленіи военно-пр. к-товъ отъ совѣта сѣздовъ промышленности и торговли, такъ какъ до сихъ поръ унія осуществлялась лишь въ лицѣ общаго предсѣдателя.

Гучковъ заранѣ подготовилъ проектъ положенія о военно-пр. к-тахъ, на томъ же сѣздѣ, который избралъ его предсѣдателемъ, получилъ его одобреніе и рѣшилъ провести это положеніе для утвержденія Правительствомъ. Благодаря его близости къ Кривошеину, наиболѣе вліятельному въ то время члену Правительства, это ему блестяще удалось.

При письмѣ на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина, Гучковъ препроводилъ проектъ положенія съ просьбою утвердить его. Подготовленный Кривошеинымъ, Горемыкинъ назначилъ его къ рассмотрѣнію въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта Министровъ 4 августа 1915 г. на Елагиномъ Островѣ и пригласилъ на засѣданіе самаго Гучкова. Все тутъ было ненормально: во-первыхъ, — направленіе вопроса непосредственно предсѣдателю, во-вторыхъ, назначеніе дѣла къ слушанію въ Совѣтѣ безъ прадварительнаго обсужденія подлежащими министрами (военнымъ, внутреннимъ дѣлъ и торговли и промышленности), наконецъ, приглашеніе въ засѣданіе Гучкова, посторонняго правительству лица. Срочность была проявлена исключительная: подлежавшій слушанію проектъ былъ разосланъ членамъ Совѣта въ самый день слушанія дѣла. Ясно, что Кривошеинъ оказалъ сильное воздѣйствіе на Горемыкина, который не проявлялъ никогда симпатій къ Гучкову и всей его дѣятельности.

Совѣтъ Министровъ внесъ нѣсколько второстепенныхъ поправокъ въ положеніе и съ этого дня военно-пр. к-ты стали законными органами, надѣлавшими много заботъ Правительству и сыгравшими первѣйшую роль въ подготовкѣ революціоннаго движенія.

Такимъ образомъ, избранный 25 іюля предсѣдателемъ, Гучковъ сумѣлъ уже 4 августа получить утвержденное положеніе военно-пр. к-товъ и тѣмъ на много опередить своихъ старшихъ собратьевъ земскій и городской союзы, которые за годъ дѣйствій не могли добиться этого.

Если Гучковъ сумѣлъ такъ удачно для себя использовать его

близкія отношенія съ Кривошеинымъ, то онъ еще больше извлекъ изъ его тѣсной дружбы съ Поливановымъ. Въ моментъ избранія Гучкова Предсѣдателемъ центральнаго военно-пр. к-та Поливановъ состоялъ предсѣдателемъ, Высочайше утвержденнаго 17 мая 1915 г. Совѣщанія по снабженію арміи, которое черезъ три мѣсяца послѣ этого было преобразовано, на основаніи закона 17 августа 1915 г., въ Особое Совѣщаніе по оборонѣ.

Тутъ начинается, или, вѣрнѣе, возобновляется, самое тѣсное сотрудничество Поливанова съ Гучковымъ.

Отъ дѣятелей военно-пр. к-товъ военное министерство не имѣетъ больше никакихъ секретовъ въ смыслѣ снабженія. Члены военно-пр. к-та получаютъ свободный доступъ въ управленіе Военнаго Министерства, занимающіяся заказами и заготовками. Работа Ос. Сов. по оборонѣ стала скоро сливаться съ военно-пр. к-тами. Начальники отдѣльныхъ частей, видя, что попасть въ милость министра можно только черезъ общественныхъ дѣятелей начали всячески передъ ними занискивать.

Особо въ этомъ отношеніи выдѣлился Начальникъ Канцелярїи Воен. Министерства ген. Лукомскій, скоро получившій назначеніе Помощника Воен. Министра. Не меньшую изворотливость проявилъ начальникъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія ген. Маниковскій.

Финансы и дѣятельность военно-промышленныхъ комитетовъ.

Для надлежащаго освѣщенія дѣятельности военно-пр. к-товъ слѣдуетъ прежде всего остановиться на тѣхъ финансовыхъ средствахъ, которыми располагали эти учрежденія.

Если не считать сравнительно незначительнаго на первыхъ порахъ взноса изъ средствъ совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли, составившаго всего 160 тыс. рублей, всѣ остальные крупныя поступленія въ кассу военно-пр. к-товъ были сдѣланы исключительно изъ казны. Прежде всего имъ было ассигновано 300 тыс. руб., а засимъ имъ было предоставлено отчисленіе въ 1% со всѣхъ казенныхъ военныхъ заказовъ, размѣщенныхъ при томъ или иномъ участіи военно-пр. к-товъ. А такъ какъ всѣ этого рода заказы были на громадныя суммы, измѣряемыя многими милліонами рублей, то этотъ 1% составлялъ крупныя суммы, достигавшія нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Наконецъ, у военно-пр. к-товъ былъ еще одинъ источникъ дохода. Они организовали коллективные заказы промышленныхъ предпріятій работающихъ на оборону различныхъ предметовъ, на примѣръ, станковъ. На эти заказы к-ты начисляли весьма существенную мажоранцію въ свою пользу, доходившую до 20%, по тѣмъ соображеніямъ, что если бы предпріятія дѣлали эти заказы врозь, то ихъ стоимость была бы много выше. Такъ это или не такъ, провѣрить трудно, но фактъ тотъ, что многія предпріятія усиленно уклонялись отъ этихъ коллективныхъ заказовъ, предпочитая ихъ дѣлахъ непосредственно.

Изъ изложеннаго видно, что военно-пр. к-ты имѣли въ сво-

емь **безконтрольномъ** распоряженіи весьма крупныя суммы. Расходование ихъ было чрезвычайно широкое на содержаніе цѣлаго ряда органовъ, учреждаемыхъ съ явною цѣлью конкурентованія съ Правительствомъ. Достаточно указать на то, что на второй годъ дѣятельности пришлось возбуждать вопросъ объ увеличеніи одного процентнаго отчисленія на военные заказы.

Переходя къ самой дѣятельности к-товъ, на первое мѣсто слѣдуетъ отнести организацію широкой и безсовѣстной рекламы. Прежде всего на разные лады пропагандировалась фраза: «Правительство не сумѣло, — взяли все въ руки мы». Для достиженія широкой рекламы въ опредѣленные дни и часы устраивались собесѣдованія руководителей центр. военно-пр. к-та съ представителями прессы. Впрочемъ собесѣдованія эти кончились довольно скандально, такъ какъ журналисты, столь жадные обычно на всякія сенсаціонныя новости, просто перестали ихъ посѣщать и являющимся для собесѣдованій очереднымъ ораторамъ не передъ кѣмъ было дѣлать своихъ сообщеній.

Вотъ другіе примѣры методовъ рекламы.

Военное министерство отправляло на фронтъ снаряды заготовленные главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ. Центр. военно-пр. к-тъ предложилъ, что онъ закажетъ для нихъ ящики и упакуетъ. На всѣхъ ящикахъ была поставлена крупная надпись: военно-пр. к-ты. Очевидно, что получая эти снаряды на фронтѣ, и командный составъ и солдаты рѣшали, что вся эта партія есть уже результатъ работы общественности.

Во многихъ случаяхъ въ ящики вкладывались объявленія отъ военно-пр. к-товъ: «Снарядовъ не жалѣть». Опять въ представленіи фронта это было результатъ дѣятельности общественности, такъ какъ до сего времени снаряды экономили, а съ приходомъ къ дѣлу общественниковъ ихъ можно не жалѣть. Авторы этихъ листовокъ не постѣснялись даже использовать столь ненавистную для нихъ фразу приказа С.-Петербургскаго генераль-губернатора Трепова во время укрощенія беспорядковъ 1905 г. «патроновъ не жалѣть». *).

Реальная дѣятельность центр. военно-пр. к-та вылилась главнымъ образомъ въ распредѣленіи заказовъ между заводами, т. е. между старыми поставщиками военного вѣдомства. Иначе говоря, онъ являлся посредникомъ между властью и заводомъ. Казалось бы, что для чисто посреднической дѣятельности не требовалось учрежденія столь громоздкой и дорого стоящей организаціи. Результатъ же получался весьма печальный, а именно постоянное, непрерывное удорожаніе всѣхъ заказовъ не только вслѣдствіе естественнаго во время войны удорожанія производства, но и искусственное взвинчиваніе цѣнъ. Сильная общественная организація своимъ вліяніемъ могла легче проводить въ во-

*) Кстати сказать, эта фраза была въ приказѣ для публики, а войскамъ и полиціи были даны строгія указанія примѣнять оружіе только въ исключительно трудныхъ случаяхъ. Въ результатѣ патроны въ ходъ не пошли.

енномъ вѣдомствѣ чрезмѣрныя цѣны, чѣмъ то могли сдѣлать непосредственно заводы. Кромѣ того за эти «услуги» военное вѣдомство уплачивало имъ 1% съ суммы заказа.

Искусственное вздорожаніе стоимости военныхъ заказовъ, конечно, въ значительной степени отражалось на все растущей дороговизнѣ жизни.

Тутъ, мнѣ кажется, уместно отмѣтить, что цѣлый рядъ заказовъ былъ выданъ съ явнымъ преувеличеніемъ возможной производительности заводовъ. Разъ заводу не ставилось суровыхъ карательныхъ мѣръ за несвоевременное исполненіе заказа, а въ то же время ему выдавался въ счетъ заказа при подписаніи договора авансъ на дополнительное оборудованіе, доходившій до 75% стоимости заказа, то получался полный интересъ для завода искусственно забрать возможно большій заказъ, зачастую зная, что его выполнить нельзя. Были даже случаи, когда операціи такого рода производились въ надеждѣ, что война скоро, до наступленіе сроковъ сдачи, кончится, и тогда возможно будетъ воспользоваться авансомъ, не исполняя поставки.

Извѣстны случаи, когда центр. военно-пр. к-тъ проводилъ въ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ крупныя заказы тѣмъ лицамъ или объединеніямъ, которыя не имѣли вовсе завода, обѣщались его выстроить и на постройку и оборудованіе получали громадные авансы. Въ другомъ мѣстѣ моихъ замѣтокъ я излагаю случаи, когда такой заводъ предполагалось строить на казенные авансы со скрытой цѣлью погубить находившійся въ томъ же городѣ казенный заводъ, такъ какъ этотъ послѣдній прекрасно исполнялъ военные заказы по цѣнамъ во много разъ меньшимъ, чѣмъ частныя заводы. Не является ли этотъ фактъ яркимъ доказательствомъ, насколько у нѣкоторыхъ промышленниковъ наживныя интересы играли роль въ этого рода дѣлахъ.

Наконецъ, необходимо пояснить, чѣмъ было вызвано постоянное и неудержимое увеличеніе числа секцій центр. военно-пр. к-товъ. Дѣло объяснялось просто стремленіемъ руководителей захватить въ свои руки всѣ экономическіе рычаги. Съ этой цѣлью дѣятели комитета усердно пропагандировали среди своихъ послѣдователей, что совершенно лишнее обращаться по тѣмъ или инымъ дѣламъ въ соотвѣтствующее министерство. Обо всемъ надо идти въ надлежащую секцію военно-пром. к-та, который лучше пойдетъ навстрѣчу всякому ходатайству, чѣмъ правительственные органы. Иначе говоря, преслѣдовалась опредѣленная цѣль — дискредитированія власти.

Примѣрно, черезъ девять или десять мѣсяцевъ послѣ образованія этой сверхъ общественной организаціи, когда Правительство отдало себѣ отчетъ о крайне сомнительной ея полезности для военнаго снабженія, Совѣтъ Министровъ поручилъ Государственному Контролеру сдѣлать обслѣдованіе того, что реально достигнуто комитетами. Картина оказалась потрясающей: заказовъ роздано много, процентъ исполненія ихъ ничтожный.

Это обслѣдованіе нисколько не смутило руководителей комитетовъ. Они тотчасъ же стали доказывать неблагопріятность условий, при которыхъ они работали, противодѣйствіе правительственныхъ органовъ и пристрастность сдѣланныхъ подсчетовъ. Въ общемъ чрезвычайно ловко замяли и затушевали дальнѣйшей рекламой.

Дѣятельность за границей.

Когда выяснилось, что многіе предметы, необходимые намъ для снабженія, совершенно невозможно получить ни отъ отечественной промышленности, ни отъ нашихъ союзниковъ, было рѣшено обратиться за ними въ Америку и воспользоваться гигантскими промышленными силами этой страны. Особенно остро чувствовался у насъ недостатокъ станковъ для расширенія существующихъ и оборудованія новыхъ заводовъ, работающихъ на оборону, главнымъ образомъ, для изготовленія снарядовъ крупныхъ калибровъ. Наша промышленность не была вовсе оборудована для производства такихъ станковъ; въ мирное время мы получали ихъ либо изъ Германіи, либо изъ Англій. Со времени объявленія войны англійскіе спеціальныя заводы были настолько загружены, что рѣшеніе дать заказы въ Америку было вполне логичнымъ.

Особое Совѣщаніе по оборонѣ возложило на центр. военно-пром. к-тъ эту миссію, чѣмъ въ сущности значительно расширилась компетенція этой общественной организаціи, которая была создана исключительно для работы въ предѣлахъ Имперіи.

Центр. военно-пром. к-тъ немедленно командировалъ въ Америку свою делегачію, состоящую изъ спеціалистовъ, большинство которыхъ находилось на государственной службѣ, и которые могли съ успѣхомъ выполнять то же порученіе не отъ общественной организаціи, а отъ своего же правительства. Во главѣ делегачіи былъ поставленъ инженеръ путей сообщенія, профессоръ Б. А. Бахметьевъ, о которомъ я уже упоминалъ выше, какъ о техническомъ представителѣ американскихъ капиталистовъ по неудавшимся хлопотамъ о предоставленіи имъ концессіи на использование Днѣпровскихъ пороговъ.

Б. А. Бахметьевъ представляетъ изъ себя весьма талантливаго дѣятеля, съ большою инициативою. Во время войны, когда общественныя организаціи пріобрѣли значительную силу и вліянію, онъ, выражаясь языкомъ москвичей, вступилъ въ ряды «гучковскихъ молодцовъ».

Въ этой роли онъ и получилъ отвѣтственное порученіе отъ центр. военно-пром. к-та возглавить делегачію, командированную въ Америку.

Свою миссію онъ понялъ въ очень широкомъ смыслѣ и, по пріѣздѣ въ Соединенные Штаты, занялся не только размѣщеніемъ военныхъ заказовъ, но вошелъ въ переговоры съ финансовыми кругами о предоставленіи Россіи займа. Порученіе на это онъ равно никакого не имѣлъ; финансовые вопросы отнюдь не входили въ вѣдѣніе ни военно-пром. к-товъ, ни даже особаго совѣщанія

по оборонѣ. Вопросы эти обсуждались и объединялись въ періодическихъ совѣщаніяхъ трехъ министровъ финансовъ союзныхъ странъ. Искать кредитовъ въ Америкѣ, помимо ихъ соглашенія, было немыслимо тѣмъ болѣе, что всѣ финансовыя переговоры съ Америкой лежали на Англии.

Въ длинныхъ письмахъ-донесеніяхъ на имя Гучкова Бахметьевъ подробно рассказывалъ о своихъ самыхъ невѣроятныхъ успѣхахъ и о тѣхъ широкихъ возможностяхъ, которыя будто бы подготовлены имъ для операций по заключенію займовъ. Письма эти я лично читалъ въ копіяхъ, которыя Гучковъ сообщалъ министру финансовъ и распространялъ среди своихъ единомышленниковъ. Нѣкоторыя сообщаемыя имъ свѣдѣнія были тщательно и крайне осторожно проверены правительствомъ и оказывались по меньшей мѣрѣ не точными, а между тѣмъ они производили глубокое впечатлѣніе на общественность.

Ясно, что такого рода дѣятельность делегатовъ не могла оказать другого вліянія, какъ ухудшеніе кредитоспособности Россіи въ глазахъ Америки и даже союзниковъ. Рядъ неудобныхъ шаговъ Бахметьевской делегации, неглижировавшей совершенно наличность нашего дипломатическаго представительства, заставилъ Россійскаго посла въ Вашингтонѣ Ю. П. Бахметева конфиденціально обратить вниманіе М-ва иностранныхъ дѣлъ на неудобство выступленій представителей русской общественности. Между тѣмъ, въ кругахъ, близкихъ Гучкову, дѣятельность Б. А. Бахметьева вызывала столь большое удовлетвореніе и, скажу даже, создавала ему такой ореолъ, что послѣ революціи, когда посоль Ю. П. Бахметевъ подалъ въ отставку, временнымъ правительствомъ онъ былъ назначенъ на этотъ высокій постъ.

Организовавъ свое собственное представительство въ Соединенныхъ Штатахъ, центр. военно-пром. к-тъ для дальнѣйшаго подъема своего престижа рѣшилъ настоять на томъ, чтобы и въ Англию были посланы его делегаты.

Дѣло военныхъ заказовъ и закупокъ въ Англии, послѣ неудачныхъ опытовъ Рутковскаго, о которомъ я пишу въ другомъ мѣстѣ, было поручено совѣщанію изъ командированныхъ туда представителей вѣдомствъ, подъ предсѣдательствомъ генерала Гермоніуса. Этотъ послѣдній вполне удачно справился со своей нелегкой задачей, осложненной немовѣрной путаницей, внесенной его предшественникомъ Рутковскимъ.

Когда дѣло было вполне налажено правительствомъ, центр. военно-пром. к-тъ во главѣ съ Гучковымъ началъ всячески интриговать противъ лондонской правительственной организаціи на томъ основаніи, что въ ней не представленъ «общественный элементъ». Переговоры Гучкова на эту тему съ Правительствомъ не удалось, благодаря моему сопротивленію. Тогда было рѣшено идти другимъ путемъ. Гучковъ провелъ въ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ постановленіе о посылкѣ въ Лондонъ представителей отъ военно-пром. к-та, и дѣло это поступило въ Совѣтъ Мини-

стровъ, гдѣ оно трижды разсматривалось съ постоянной поддержкой военнаго министра. Каждый разъ я самымъ рѣшительнымъ образомъ возражалъ и доказывалъ: 1) что положеніе о военно-пром. к-тахъ предусматриваетъ работу этой организаціи лишь внутри Россіи; 2) что опытъ посланки представителей общественности въ Америку далъ самые отрицательные результаты; 3) что въ Англіи дѣло вполне удовлетворительно налажено генераломъ Гермоніусомъ; 4) что включеніе общественниковъ въ существующую организацію внесетъ несомнѣнно въ нее нелады и затруднитъ и безъ того нелегкую задачу генерала Гермоніуса и 5) что, наконецъ, общественные элементы, а въ особенности военно-пром. к-ты, ведутъ явную борьбу съ Правительствомъ и расширеніе этой борьбы за границей, на глазахъ у союзниковъ, совершенно недопустимо.

Мои постоянные доводы имѣли на этотъ разъ полный успѣхъ. Даже присяжный адвокатъ общественниковъ, министръ народнаго просвѣщенія гр. П. Н. Игнатьевъ, и тотъ не находилъ возможнымъ поддерживать настоянія военнаго вѣдомства, т. е. генерала Поливанова.

Конечно, всѣмъ стало извѣстно, что дѣло это провалено мною, и это явилось новымъ поводомъ для борьбы Думскихъ и общественныхъ круговъ съ неугоднымъ имъ министромъ торговли и промышленности.

Рабочая секція.

Съ образованіемъ по закону 17 августа 1915 г. Особаго Совѣщанія по оборонѣ, центр. военно-пром. к-ту было предоставлено четыре мѣста въ этомъ совѣщаніи. Центр. к-тъ рѣшилъ одно изъ этихъ мѣстъ сохранить для представителя отъ рабочихъ, когда таковые будутъ выбраны.

Какъ разъ въ это время происходила срочная подготовка къ организаціи повсемѣстныхъ выборовъ отъ рабочихъ въ центр. военно-пром. к-ты.

Была намѣчена слѣдующая схема. Въ выборахъ участвуютъ рабочіе всѣхъ фабрикъ и заводовъ съ числомъ не менѣе 500. На каждомъ заводѣ избираются выборщики по одному на каждую тысячу рабочихъ. Заводы имѣющіе отъ 500 до 1.000 рабочихъ, избираютъ одного выборщика. Порядокъ выборовъ, разработанный въ центр. военно-пром. к-тѣ, получилъ одобреніе управляющаго м-вомъ внутр. дѣлъ князя Щербатова.

Въ Петроградѣ предстояли выборы 10 рабочихъ въ центр. военно-пром. к-тъ и 6 въ окружной.

Центр. военно-пром. к-тъ по этому случаю обратился къ рабочимъ съ воззваніемъ, въ которомъ указывалось, что дѣло національной обороны стало дѣломъ всенароднымъ, что всѣ промышленныя и общественныя силы страны приступили къ усиленной работѣ во главѣ съ центр. военно-пром. к-мъ и что, участвуя въ трудахъ центр. военно-пром. к-та, представители рабочихъ будутъ содѣйствовать великому и святому дѣлу помощи

нашей арміи. Они помогут наилучшему выясненію условій повышения производительности заводскаго труда и будутъ содѣйствовать болѣе успѣшной работѣ на оборону страны.

Далеко не вездѣ выборы проходили гладко. Во многихъ мѣстахъ заявлялись модныя требованія — о созывѣ обще-рабочаго съѣзда. Въ Петербургѣ серьезную обструкцію оказали выборщики большевики, которые заявили о принципиальномъ несогласіи работать съ буржуазіей и въ концѣ концовъ покинули залъ, гдѣ производились выборы. Ихъ оказалось около 50 человекъ изъ 170 участниковъ.

Наконецъ, въ первыхъ числахъ декабря 1915 г. въ засѣданіи центр. военно-пром. к-та впервые появились представители рабочихъ. Гучковъ, подъ шумные аплодисменты собранія, привѣтствовалъ появленіе новыхъ членовъ. Товарищъ Гвоздевъ, въ отвѣтномъ словѣ, ставъ на чисто политическую платформу, предъявилъ цѣлый рядъ требованій рабочихъ.

Вслѣдъ за симъ десять избранныхъ въ составъ центр. военно-пром. к-та рабочихъ образовали, подъ предсѣдательствомъ Гвоздева, особую рабочую секцію. Это тотъ самый Гвоздевъ, который послѣ революціи, при сформированіи второго временнаго правительства былъ привлеченъ на постъ министра земледѣлія!

Новая секція быстро приступила къ активной дѣятельности, конечно, исключительно политическаго характера. Она поставила себѣ задачей всѣми мѣрами усилить и безъ того широкую пропаганду въ рабочей средѣ и прежде всего эмансипировалась и помѣстилась въ особую квартиру.

Въ январѣ 1916 г. въ числѣ трудовъ военно-пром. к-та появился журналъ засѣданія рабочей секціи, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ А. И. Гучкова. Въ немъ впервые официально излагалось *crédo* рабочей группы. Къ сожалѣнію, несмотря на тщательные розыски, я не могъ найти его въ Парижѣ, чтобы включить въ настоящую главу моихъ воспоминаній, но сущность его была мною записана еще въ Даніи, тотчасъ по выѣздѣ изъ Россіи въ 1919 году. Въ журналѣ говорилось о происходящей империалистической и капиталистической войнѣ, о вредѣ царизма, о необходимости мира безъ аннексій и контрибуцій и о правѣ самоопредѣленія народностей.

По существу, это являлось настоящей прокламаціей. Разница была лишь только внѣшняя. Обычно прокламаціи печатались въ подпольныхъ типографіяхъ; видъ ихъ всегда бывалъ такой, что даже хорошо грамотный человекъ съ трудомъ разбирался въ нихъ, а для малограмотной массы онѣ даже не представляли серьезной опасности. Распространялись эти листовки въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ всякими нелегальными путями, ихъ подбирали, а читая, припрятывали. Упомянутый же выше журналъ былъ тщательно отпечатанъ отличнымъ шрифтомъ на бѣлой бумагѣ и былъ официально разосланъ въ большихъ количе-

ствахъ по всей Россіи. Онъ тѣмъ болѣе пріобрѣталъ особое значеніе, что подъ этимъ журналомъ стояла подпись не только товарища Гвоздева, но и А. И. Гучкова, предсѣдателя центр. военно-пром. к-та, лидера сктябристовъ, бывшаго предсѣдателя Государственной Думы. И все это дѣлалось руководителями центр. военно-пром. к-та на казенныя деньги, поступавшія въ кассу комитета въ видѣ отчисленій съ военныхъ заказовъ.

Въ ближайшее засѣданіе Совѣта Министровъ, въ началѣ февраля, я доложилъ въ секретной части засѣданія, весь этотъ вопросъ. Съ моей точки зрѣнія, документъ этотъ давалъ Правительству полную возможность, особенно по обстоятельствамъ военного времени, принятія крутыхъ репрессивныхъ мѣръ ко всей рабочей секціи военно-пром. к-та въ смыслѣ немедленнаго ея закрѣпленія и привлеченій къ законной отвѣтственности всѣхъ причастныхъ къ этому дѣлу лицъ съ Гучковымъ и Гвоздевымъ во главѣ. Сообщеніемъ моимъ остался крайне недоволенъ бывший въ то время Управляющій М-вомъ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ. Повидимому, онъ счелъ мое выступленіе вмѣшательствомъ въ его компетенцію. Онъ пояснилъ, что доложенный мною Совѣту Министровъ журналъ ему извѣстенъ и былъ подвергнутъ имъ всестороннему обсужденію. За рабочей секціей онъ имѣетъ тщательный негласный надзоръ и находитъ, что торопиться съ принятіемъ какихъ-либо мѣръ не слѣдуетъ, пока это преступное дѣяніе не возымѣетъ серьезныхъ послѣдствій, а тогда явится возможность примѣненія болѣе суровыхъ статей закона.

На этомъ я не остановился и доложилъ Государю Императору все, что я изложилъ въ Совѣтъ Министровъ. Я представилъ эту прокламацію Его Величеству, подчеркнувъ цвѣтнымъ карандашемъ наиболѣе рѣзкія мѣста, прося лично прочитатъ ихъ. Государь слѣлалъ это при мнѣ, но особаго впечатлѣнія на Него докладъ мой не произвелъ. Вѣроятно, А. Н. Хвостовъ предупредилъ мой докладъ и успѣлъ до меня придать всему этому свою окраску, объяснивъ, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, указавъ, конечно, что вопросъ этотъ входитъ въ его непосредственную компетенцію.

Вышеупомянутая резолюція рабочей секціи пріобрѣла особое значеніе по обстоятельствамъ, изложеннымъ ниже.

Циммервальдовская конференція.

Между 5 и 7 сентября 1915 г., т. е. за три мѣсяца до засѣданія рабочей секціи военно-пром. к-та, въ мѣстечкѣ Циммервальдъ въ Швейцаріи (близъ Берна) состоялась такъ называемая Циммервальдовская конференція депутатовъ с.-д. партіи. Въ ней приняли участіе 38 депутатовъ изъ 11 странъ. Депутаты Англии не прибыли, ссылаясь на паспортныя затрудненія. Депута-

тами же русских соц.-демократовъ заявили себя проживавшіе въ Швейцаріи русскіе эмигранты Ленинъ, Зиновьевъ, Троцкій, Радекъ и др.

Главнымъ пунктомъ обсуждения конференціи былъ вопросъ объ отношеніи мірового пролетаріата къ такъ называемой империалистической войнѣ. При этомъ устанавливалось, что социалисты воюющихъ странъ, входившіе во второй рабочей интернаціональ, съ объявленіемъ войны чрезвычайно легко отказались отъ своихъ принциповъ и программъ. Выражаясь ихъ языкомъ, опортунизмъ принялъ форму социаль-шовинизма, социаль-патріотизма и оборончества. На конференціи громадное большинство участниковъ стояло на лозунгѣ оборончества. Наиболее же лѣвая группа изъ 8 депутатовъ, которою руководилъ Ленинъ и въ которую входили вышеупомянутые русскіе большевики (кажется, кромѣ Троцкаго, который стоялъ за оборончество), рѣзко порицали какъ самый 2-ой интернаціональ, такъ и какое бы то ни было содѣйствіе пролетаріата въ войнѣ буржуазнымъ правительствамъ, заявивъ себя приверженцами пораженческой платформы. Какъ бываетъ всегда въ такого рода собраніяхъ, были приняты мѣры къ выработкѣ компромиснаго постановленія, которое и было облечено въ форму манифеста. Хотя стремленіе Ленинцевъ были значительно смягчены, все же въ манифестѣ оказались вполне опредѣленные указанія на империалистическій характеръ войны, осуждался принципъ защиты отечества и требовалась борьба за миръ.

Конечно, распространеніе этого манифеста въ Россіи представляло серьезныя затрудненія, но совершенно ясно, что вожаки секціи военно-пр. к-та были о немъ освѣдомлены и выработанное ими постановленіе секціи было составлено въ соотвѣтствіи съ Циммервальдовскимъ манифестомъ, усугубленнымъ тенденціей такъ называемой лѣвой циммервальдовской группы (Ленинцевъ).

Такимъ образомъ ясно, что въ Швейцаріи существовала какая-то организація для освѣдомленія рабочихъ въ Россіи. Ясно такъ же, что товарищъ Гвоздевъ былъ обо всемъ освѣдомленъ и что онъ велъ свою пропаганду, которая, конечно, велась за счетъ казеннаго русскаго сундука.

Примѣрно, во второй половинѣ 1916 г. А. И. Гучковъ понималъ, что его планы захватить въ свои руки рабочее движеніе черезъ рабочую секцію и использовать ее въ своихъ цѣляхъ не достигли результатовъ. Это ясно видно изъ письма, которое онъ адресовалъ въ секцію передъ своимъ отъѣздомъ осенью 1916 г. на Кавказъ и изъ отвѣта, который ему дала секція. На совѣты Гучкова объ умѣренности секція прямо отвѣтила ему, что ей не по дорогѣ съ его буржуазнымъ направленіемъ.

Вожаки рабочей группы центр. военно-пром. к-та благополучно работали въ томъ же направленіи весь 1916 г. Только въ февралѣ 1917 г., когда уже стало яснымъ, что многія забастовки

на заводахъ устраивались при ихъ активномъ участіи, нѣсколько изъ нихъ было арестовано Протопоповымъ, но было уже поздно.

Заключеніе главы.

Въ моихъ воспоминаніяхъ я неоднократно отмѣчалъ вредную съ государственной точки зрѣнія дѣятельность во время войны Государственной Думы и большинства общественныхъ учреждений. Меня абсолютно нельзя причислить къ противникамъ нормальной и закономѣрной дѣятельности этихъ учреждений. Да и странно было бы не признавать ту высокополезную для развитія государственной мощи дѣятельность, которою себя зарекомендовали земскія учрежденія, городскія самоуправленія, биржевые комитеты, многія спеціальныя торгово-промышленныя объединенія и, наконецъ, сама Государственная Дума.

По прежней моей дѣятельности, особенно по воднымъ путямъ, мнѣ приходилось весьма тѣсно работать съ думскими комиссіями и съ общественными организаціями. Работа эта шла чрезвычайно гладко, на чисто дѣловой почвѣ, безъ всякой примѣси политики. Я привыкъ высоко цѣнить отношеніе къ дѣлу и ко мнѣ лично представителей законодательныхъ и общественныхъ учреждений, всегда вносившихъ живую струю въ обсуждаемые вопросы и не разъ отмѣчавшихъ тотъ интересъ и любовь къ дѣлу, которые всегда одушевляли меня.

Но въ то время, къ которому относится та часть моихъ воспоминаній, гдѣ я излагаю видѣнное во время состоянія моего на министерскомъ посту, произошли явленія, кореннымъ образомъ измѣнившія общественныя настроенія и стремленія. Тяжелыя испытанія, которыя постигли русскую армію, серьезныя неудачи на фронтѣ, вынужденныя отступленія подъ напоромъ сильнѣйшаго врага, кровопролитные бои, глубоко отразились на настроеніи всей Россіи. Такимъ образомъ, бывший въ первые мѣсяцы войны подъемъ энергій смѣнился апатіей и даже уныніемъ. Этимъ моментомъ быстро восплзвались недовольные существовавшимъ строемъ элементы. Сперва они осторожно подняли головы, а затѣмъ уже самой безсовѣстной пропагандой стали возбуждать умы населенія и арміи, указывая, что виною всѣхъ неудачъ является правительство, режимъ и династія. Пропаганда эта велась всюду, вплоть до трибуны Гос. Думы, которою депутаты чрезвычайно широко пользовались. Ясно, что цѣлью ставилось использование благопріятнаго момента для достиженія давнишнихъ стремленій политическаго характера, нисколько не считаясь съ опасностью внутренней борьбы во время тяжелой внѣшней войны.

Начало дѣятельности военно-пром. к-товъ совпало съ тѣмъ моментомъ, когда живыя силы страны уже стали не просто «общественностью», а «революціонною общественностью».

Повторяю: я никогда не былъ противникомъ «общественности», но я былъ заклятымъ врагомъ «революціонной общественности», которая въ послѣдніе годы, къ глубокому прискорбію, закабаляла почти всю общественность.

Съ этой революціонной общественностью я считалъ своимъ долгомъ, священнымъ долгомъ, долгомъ разума, долгомъ совѣсти, долгомъ присяги бороться всѣми силами, что я и выполнилъ до конца въ бытность мою въ Царскомъ Правительствѣ.

Правильность моихъ убѣжденій, которыя я не только не скрывалъ въ Совѣтѣ Министровъ, но высказывалъ при всякомъ удобномъ случаѣ, относительно пагубнаго направленія дѣятельности военно-пром. к-товъ, получаетъ полное подтвержденіе въ трудѣ совѣтскаго изслѣдователя профессора Бухшпана.

Говоря о періодѣ, наступившемъ со времени изданія закона 17 авг. 1915 г. объ особыхъ совѣщаніяхъ, профессоръ Бухшпанъ выражается такъ*):

«Естественно, что оперируя большими суммами, поставляя для нуждъ своей организаціи средства передвиженія, санитарные и лечебные матеріалы, бѣлье, одежду и т. п., Земскій и Городскіе союзы подошли къ созданію большого хозяйственнаго аппарата, располагающаго на фронтѣ и на мѣстахъ всѣми элементами для созданія организаціи не только помогающей, но и конкурирующей съ правительствомъ».

Далѣе, касаясь специально военно-пром. к-товъ онъ излагаетъ**):

«Военно-Пром. К-ты сдѣлались вскорѣ такъ же, какъ и Земскій и Городской Союзы центромъ общественной борьбы съ правительствомъ. Борьба эта облегчалась тѣмъ, что комитеты располагали сътѣю мѣстныхъ организацій, имѣли представителей въ комиссіяхъ правительства, полуообщественныхъ органахъ, особыхъ совѣщаніяхъ и комитетахъ, гдѣ на основѣ практической борьбы за власть проводили, по указаніямъ Москвы и Петрограда, опредѣленные принципы».

Аналогичное подтвержденіе моихъ взглядовъ далъ и П. Н. Милуковъ, когда онъ, въ показаніяхъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи временнаго правительства, заявилъ: «къ концу 1916 г. уже полностью сложилась вся обстановка открытой и при томъ вполне легальной борьбы съ Правительствомъ».

ГЛАВА XXIII.

ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОКЪ.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ ударовъ Царскому режиму было образованіе въ Государственной Думѣ прогрессивнаго блока.

До этого времени организованнымъ большинствомъ въ Думѣ не было. По каждому отдѣльному вопросу объединялись для голосованія фракціи, и такимъ образомъ Правительство всегда могло рассчитывать на голосованіе октябристовъ и всѣхъ правѣе сидящихъ, зачастую по нѣкоторымъ вопросамъ и кадетскіе голоса могли присоединиться.

*) Проф. Бухшпанъ. Военно-Хоз. Политика.

***) То же, стр. 302.

Съ созывомъ Думы въ іюль 1915 г. въ думской средѣ сразу былъ поставленъ вопросъ о необходимости образованія блока для совмѣстныхъ по всѣмъ вопросамъ дѣйствій. Принимая во вниманіе оппозиціонное настроеніе общественности, отъ такой блокировки нельзя было ожидать ничего другого, кромѣ дальнѣйшаго полѣвнїя. Серьезныя затрудненія представляла выработка общей программы, которая была бы принята возможно большимъ числомъ фракцій. Какъ бы оппозиціонны не были общественныя мнѣнія, все же цѣлый рядъ политическихъ вопросовъ разсматривался различно кадетами и октябристами, а тѣмъ болѣе націоналистами. Достаточно, на примѣръ, назвать еврейскій вопросъ, чтобы никогда не достигнуть соглашенія. Поэтому по ряду вопросовъ программу пришлось вырабатывать лишь въ общихъ выраженїяхъ, чтобы каждая фракція могла толковать по своему.

Такая программа, въ видѣ соглашенія между фракціями, подписана предсѣдателями слѣдующихъ фракцій: прогрессивной группы націоналистовъ, центра, земцевъ-октябристовъ, группы союза 17 октября и фракціи народной свободы (к. д.).

Такимъ образомъ, подавляющее большинство Государственной Думы, за исключеніемъ праваго и лѣваго крыльевъ, рѣшили дѣйствовать сообща. Предсѣдателемъ блока былъ избранъ С. И. Шидловскій.

Среди членовъ Государственнаго Совѣта присоединились къ программѣ блока: группа центра, съ примыкающимъ къ нимъ кружкомъ безпартійнаго объединенія, и академическая группа.

Совѣтъ Министровъ, получивъ программу прогрессивнаго блока, обсудилъ вопросъ о создавшемся положенїи, и, видя неясность многихъ пунктовъ программы, рѣшилъ, по предложенію А. В. Кривошеина, поручить четверемъ министрамъ войти въ переговоры съ представителями прогрессивнаго блока для болѣе яснаго ознакомленія съ деталями программы. Такими министрами были намѣчены: П. А. Харитоновъ, А. А. Хвостовъ, кн. Н. Б. Щербатовъ и я. Несмотря на всѣ настоянія, А. В. Кривошеинъ отъ участія въ этомъ совѣщанїи уклонился, а между тѣмъ онъ несомнѣнно зналъ этотъ вопросъ лучше всѣхъ другихъ; ясно, что думцы, по крайней мѣрѣ, его держали въ курсѣ хода вопроса, если его участіе не сказалось болѣе серьезно.

Въ послѣднихъ числахъ сентября 1915 г. мы собрались на квартирѣ у П. А. Харитонова, который предсѣдательствовалъ на этомъ собранїи. Со стороны думцевъ были П. Н. Милюковъ, П. Н. Крупенскій, Ефремовъ, Шульгинъ и кто-то еще, не помню.

Милюковъ заявилъ съ самаго начала, что основное требованіе прогрессивнаго блока заключается въ созданїи объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны.

Принимая во вниманіе, что присутствующіе министры не имѣютъ полномочій для обсужденія этого вопроса, П. А. Харитоновъ согласился, чтобы объ этомъ было доведено до свѣдѣнія Государя Императора.

Послѣдующія сужденія о дальнѣйшихъ пунктахъ программы никакихъ разъясненій не дали. Да и дать ихъ было нельзя. Члены Думы держали себя весьма сдержанно, и каждый изъ нихъ боялся, какъ бы не выступило наружу, что всякая фракція понимаетъ пунктъ программы иначе, чѣмъ другая, такъ какъ платформы ихъ разныя. Такъ, было ясно, что Ефремовъ понималъ программу иначе, чѣмъ Шульгинъ, а толкованіе Шульгина могло вызвать возраженія Ефремова. Такимъ образомъ, засѣданіе прошло чрезвычайно натянуто, и я вынесъ впечатлѣніе, которое записалъ и высказалъ въ Совѣтъ Министровъ, что для того, чтобы разбить блокъ, нужно, чтобы Правительство внесло какой-нибудь законопроектъ по одному изъ острыхъ вопросовъ. Все равно, въ какомъ направленіи разработать вопросъ; это была бы костыль, на которой перессорились бы фракціи, входящія въ блокъ. Черезъ годъ было уже поздно это дѣлать. Сдвигъ влѣво былъ такъ силенъ, что если бы наиболѣе правые элементы откололись отъ блока, то ихъ съ избыткомъ замѣнили бы въ блокѣ голоса лѣвыхъ фракцій, которыя могли бы присоединиться къ блоку, благодаря уходу правыхъ голосовъ, а, слѣдовательно, блокъ еще болѣе полѣвѣлъ бы.

Разбирая дѣятельность отдѣльныхъ фракцій въ Государственной Думѣ со времени образованія прогрессивнаго блока, я долженъ отмѣтить, что всѣ входящія въ составъ блока партіи чрезвычайно быстро передѣлались въ кадеть, не выходя изъ своей фракціи. Наиболѣе яркими кадетами сдѣлались отколовшіеся націоналисты. Я даже въ глаза говорилъ Демченко, видному прежде націоналисту, члену Думы отъ Кіева, что онъ и его единомышленники ничѣмъ не отличаются отъ кадеть. Что касается октябристовъ, то они просто оставили въ сторонѣ свою программу и сдѣлались послушными рабами кадеть. А между тѣмъ эта партія, имѣвшая нѣсколько разновидностей въ Думѣ, по своей численности должна бы играть самостоятельную доминирующую роль. Къ сожалѣнію она не имѣла въ своемъ составѣ достаточно выдающихся людей, каковыми въ избыткѣ обладали кадеты. Но эти послѣдніе, несмотря на высокій интеллектуальный уровень многихъ изъ ихъ приверженцевъ, являлись превосходными критиками, но все же оказались далеко не на высотѣ, когда во временномъ правительствѣ власть попала въ ихъ руки.

Добавлю здѣсь небольшой, но чрезвычайно характерный разговоръ, который я имѣлъ у себя дома вечеромъ во время весьма довѣрительной бесѣды съ однимъ изъ наиболѣе видныхъ кадеть. Лицо это высокаго ума, громадной эрудиціи и прекрасный ораторъ. Говоря о существующихъ неладахъ между Думою и Правительствомъ, я поставилъ ему вопросъ, какъ могутъ кадеты и вообще Дума держать предсѣдателемъ столь самодовольнаго и безтактнаго челоуѣка, какъ Родзянко. Вотъ какой онъ мнѣ далъ отвѣтъ. «Для насъ», говоритъ мой собесѣдникъ, «чрезвычайно важно во-первыхъ, что предсѣдатель Думы не кадеть, онъ ок-

тябристь, а во-вторыхъ, вѣдь онъ во всемъ слушается насъ, а за нимъ идетъ и его партія».

ГЛАВА XXIV.

РАСПУТИНЪ.

Въ самыхъ первыхъ числахъ іюня 1915 г. ко мнѣ пріѣхалъ князь Мих. Мих. Андронниковъ*). Послѣ передачи гибели городскихъ сплетень самаго различнаго характера, онъ таинственно заявилъ, что пріѣхалъ ко мнѣ со специальной цѣлью просить меня о пріемѣ одного лица, которсе, по его словамъ, не рѣшается обратиться непосредственно, не зная, какъ я отнесу къ этому. Затѣмъ, послѣ длиннаго вступительнаго слова онъ объяснилъ, что это лицо «Григорій Ефимовичъ». Это имя и отчество онъ произнесъ съ какимъ-то особымъ почтеніемъ, чтобы не назвать благоговѣніемъ. Далѣе слѣдовала подробная характеристика Распутина, пояснялось, что это человекъ высоко преданный Царской Семѣ, безусловно безкорыстный, имѣющій какое-то особое вдохновеніе и даже святость.

Вопросъ этотъ чрезвычайно меня поразилъ; онъ былъ совершенно для меня неожиданнымъ. Я до этого дня не представлялъ себѣ, что мнѣ придется рѣшать вопросъ о томъ, какой взять курсъ лично по отношенію къ Распутину. Для меня было ясно, что Распутинъ можетъ имѣть то или иное отношеніе къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, но мнѣ и въ голову не приходило, что его можетъ интересовать Министръ торговли и промышленности.

Придавалъ большое принципиальное значеніе этому вопросу, и опасаясь высказать не достаточно обдуманное рѣшеніе, я отвѣтилъ Андронникову, что прошу его позвонить по телефону черезъ два дня и что я тогда сообщу ему мое рѣшеніе. На этомъ мы съ нимъ разстались.

Положеніе было крайне затруднительное. Мнѣ, конечно, была извѣстна близость Распутина къ Царской Семѣ. А сопоставляя съ тѣмъ, что я только недавно представлялся Ея Величеству, я не могъ не поставить въ связь просьбу Распутина о пріемѣ съ этимъ обстоятельствомъ. Я заключилъ, что, вѣроятно, въ Царскомъ Селѣ были разговоры обо мнѣ при Распутинѣ.

До тѣхъ поръ я видѣлъ Распутина только издали одинъ разъ въ толпѣ въ Костромѣ, во время празднованія въ 1913 г. трехсотлѣтія дома Романовыхъ. Въ бытность мою Начальникомъ Управленія внутреннихъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ, я отъ него получалъ черезъ разныхъ просителей нѣсколько записочекъ, которыя онъ раздавалъ лицамъ обратившимся къ нему

*) Князь Михаилъ Михайловичъ Андронниковъ, чрезвычайно сомнительная личность, удивительно умѣвшая втираться къ высокопоставленнымъ лицамъ. Онъ зналъ подноготную каждого, приносилъ самыя свѣжія новости и выказывалъ исключительную осведомленность.

за протекціей. Видъ этихъ записочекъ, каракулями, всѣмъ былъ извѣстенъ. Онѣ были одного и того же характера: напр., «Милой дорогой. Прими ево. Григорій».

Перспектива принять у себя лицо, пользующееся столь скверной репутацией и притомъ наносившее тяжелый ударъ престижу Монарха, вызывала у меня отвращеніе. Въ то же время я зналъ о неоднократныхъ попыткахъ многихъ почтеннѣйшихъ сановниковъ и приближенныхъ къ трону доказать Государю пагубность близости къ Царской Семѣ столь порочнаго и некультурнаго человека; зналъ я также, что всѣ эти попытки не только не увѣнчались успѣхомъ, но, наоборотъ, лишь укрѣпляли Распутина. Наконецъ, не маловажнымъ я признавалъ и то обстоятельство, что столь высокіе сановники какъ С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкинъ, гр. В. Н. Коковцовъ и многіе другіе находили правильнымъ принимать его. Все это привело меня къ рѣшенію посовѣтоваться по этому поводу съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Такое рѣшеніе я считалъ правильнымъ во-первыхъ потому, что И. Л. Горемыкинъ былъ, конечно, гораздо болѣе въ курсѣ того, что происходило за кулисами, чѣмъ я, состоявшій къ тому времени въ Правительствѣ всего четыре мѣсяца, а во-вторыхъ, я долженъ былъ отдать справедливость Ивану Логгиновичу въ его чрезвычайно спокойномъ и зачастую мудромъ отношеніи къ текущимъ событіямъ. Съ этой цѣлью я отправился на Моховую на квартиру Предсѣдателя Совѣта Министровъ и рассказалъ ему о пріѣздѣ ко мнѣ Андронникова, обо всемъ разговорѣ и о моихъ сомнѣніяхъ.

Со свойственнымъ Ивану Логгиновичу спокойствіемъ, онъ, посмотрѣвъ на меня, спросилъ: «А скажите мнѣ, князь, мало Вы прохвостовъ принимаете въ своемъ кабинетѣ?». Не дождавшись отъ меня отвѣта, онъ продолжалъ: «А скажите мнѣ, что отъ Васъ убудеть, если Вы примете однимъ прохвостомъ больше?» Дальше, послѣ паузы онъ далъ мнѣ уже болѣе опредѣленныя поясненія своей мысли. Съ его точки зрѣнія, правильная политика по отношенію къ Распутину заключается въ томъ, чтобы, по возможности, «придавать ему меньшее значеніе». Чѣмъ больше сполчаться противъ него, чѣмъ больше объявлять ему войну, тѣмъ больше это породитъ возвышеніе его. Въ заключеніе онъ рекомендовалъ мнѣ смотрѣть на связанные съ Распутинимъ вопросы «какъ можно проще». Это доподлинное его выраженіе.

Тщательно обдумывая наставленіе почтеннаго Ивана Логгиновича я не могъ также не считаться со своими личными соображеніями. Отказывая Распутину въ пріемѣ я этимъ дѣлалъ шагъ къ скрытой оппозиціи Государю и Императрицѣ не желая принять лицо, хотя и недостойное, но принимаемое ими. Это совершенно не входило въ мои виды. Я могъ съ Монархомъ не соглашаться, могъ представлять свои доводы, но становиться въ лагерь оппозиціи я не могъ по чувствамъ моей глубокой вѣрноподаннѣйшей преданности.

По изложеннымъ соображеніямъ, не останавливаясь окончательно, какъ себя поставить по отношенію къ Распутину, я рѣшилъ принять его въ своемъ личномъ кабинетѣ.

Въ назначенный часъ, въ 9 ½ ч. вечера ко мнѣ пріѣхалъ Распутинъ въ сопровожденіи князя Андронникова. Первымъ вошелъ Распутинъ. Войдя въ дверь онъ остановился, впился въ меня глазами, постоялъ и потомъ быстро, мелкими шагами пошелъ по направленію ко мнѣ не сводя съ меня глазъ. Я понялъ, что онъ хочетъ повліять на меня силою своего гипнотизма. Первое, что я ему сказалъ, что я прошу его такъ пристально на меня не смотрѣть.

Описывать его костюмъ и внѣшность я не буду. Этихъ описаній уже довольно много. Скажу только, что изъ его внѣшности больше всего меня поразили его маленькіе синіе глаза, глубоко провалившіеся и несомнѣно имѣвшіе гипнотическую силу. Зная это онъ зачастую старался пускать ее въ ходъ, но я опредѣленно понялъ, что никакого вліянія на себѣ отъ его взгляда я не ощущалъ. Разговоръ на первый разъ туго клеился. Говорилось о Царскомъ Селѣ и Царской Семѣ, о Ставкѣ, о возможности новыхъ призывовъ въ первую очередь ратниковъ ополченія второго разряда, о городскихъ сплетняхъ. Все это было изложено отрывочно, непонятно, не фразами, а какими то клочками фразъ. Андронниковъ видя что я ихъ не понимаю, старался разъяснить и такъ сказать игралъ роль переводчика, что явно не нравилось Распутину.

Просидѣвъ у меня около часа, Распутинъ вдругъ началъ торопиться. Быстро вынулъ изъ кармана брюкъ пять-шесть сложенныхъ и смятыхъ бумажекъ, положилъ ихъ изъ горсти передо мною на письменный столъ со словами: «это тебѣ», распрощался и уѣхалъ. Всѣ эти записочки, написанныя самыми различными почерками, оказались ходатайствами о повышеніи по службѣ, о приѣмѣ на службу и проч. Я ихъ сложилъ въ «архивъ», т. е. въ правый нижній ящикъ письменнаго стола.

За этимъ первымъ посѣщеніемъ послѣдовало довольно скоро недѣли черезъ двѣ второе. На этотъ разъ онъ уже обратился не черезъ Андронникова, а кто то другой телефонировалъ отъ него, заявляя, что Григорій Ефимовичъ проситъ назначить ему время для приѣма.

Послѣдующіе визиты Распутина были уже совсѣмъ рѣдкими въ три четыре мѣсяца разъ. Всѣ они носили одинаковый характеръ. Сперва по поводу текущихъ политическихъ вопросовъ, за симъ о Царской Семѣ, конечно называя Государя Папой, Императрицу Мамой, а Великаго Князя Николая Николаевича — Николашкой. Про этого послѣдняго онъ даже говорилъ, что Николашка хочетъ стать Николаемъ III.

Онъ обычно изумительно коверкалъ фамиліи. Такъ, напр., однажды онъ что то рассказывалъ про В. Н. Воейкова, и такъ по своему переименовалъ фамилію, что я не могъ понять про кого онъ

говорить. Я его переспросилъ, на что онъ съ удивленіемъ спросилъ, «какъ такъ, ты не знаешь «Фавейку»? Затѣмъ, однимъ изъ вопросовъ, которымъ всегда интересовался Распутинъ, это судьбой «Сухомлинихи», какъ онъ называлъ жену бывшего Военнаго Министра, и которой онъ явно покровительствовалъ.

Каждое его посѣщеніе кончалось всегда одинаково — передачей мнѣ кучи различныхъ записокъ и ходатайствъ.

Самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляю, что ни одно изъ этихъ ходатайствъ не получило ровно никакого движенія дальше праваго нижняго ящика моего письменнаго стола. Къ удивленію моему онъ почти никогда и не вспоминалъ о нихъ. А если объ отдельныхъ прошеніяхъ онъ и повторялъ ча словахъ, спрашивая почему я не исполнилъ, то получалъ отъ меня всегда тотъ же отвѣтъ: «не могъ», на что онъ, нисколько не сбижаясь, отвѣчалъ: «не могъ, такъ не могъ».

Если выше я не далъ никакихъ описаній внѣшности и костюма Распутина, то я сдѣлалъ это потому, что эти описанія сдѣланы и въ общемъ удовлетворительно цѣлымъ рядомъ лицъ. Но я не могу того же сказать про передаваемые въ печати разговоры Распутина, которые дѣлали многія лица. Ихъ въ большинствѣ случаевъ передавали, какъ обыкновенную рѣчь. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Ни одной фразы онъ никогда не произносилъ ясной и понятной. Всегда отсутствовали либо подлежащее, либо сказуемое, либо и то и другое. Поэтому точно передать его рѣчь абсолютно невозможно, а записанная дословно она не можетъ быть понята. Между тѣмъ мнѣ неоднократно приходилось читать приписываемые Распутину разговоры и разсужденія, передаваемые даже въ ковычкахъ, чтобы показать точность передачи. Категорически рекомендую къ этимъ передачамъ относиться съ большою осторожностью.

Даже въ обстоятельнѣйшихъ мемуарахъ графа В. Н. Кокцовца, мы находимъ стройныя фразы Распутина. Графъ Кокцовъ, очевидно, передаетъ эти разговоры ни на «ты», ни на «Вы», потому что въ Распутинскомъ лексиконѣ слова «Вы» не существовало. Начиная съ Царя и Царицы, онъ всѣмъ говорилъ «ты». Отъ его собесѣдника зависѣло обращаться къ нему на ты или на Вы. Что касается лично меня, то, нисколько не претендуя на его обращеніе ко мнѣ на ты, я не считалъ для себя удобнымъ говорить ему Вы.

Тутъ я коснусь вопроса о томъ, чѣмъ же объяснялась такая оригинальность «старца», какъ въ отношеніи его внѣшности, одежды, рѣчи и обращенія съ людьми.

По моему глубокому убѣжденію, эта оригинальность была искусственно дѣланной. Онъ притворялся. При его несомнѣнномъ умѣ и исключительной прощпательности, ему ничего не стоило отшлифовать себя. Онъ, наоборотъ, стремился не перенимать ничего городскаго, ничего европейскаго; онъ дорожилъ остаться въ глазахъ у всѣхъ тѣмъ же сѣрымъ сибирскимъ мужикомъ, да-

вая понять, что онъ имѣеть какой то особый даръ ясновидѣнія и даже исцѣленія.

Нѣкоторый интересъ можетъ представить мой разговоръ по поводу Распутина въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ Ставку съ милѣйшимъ Лейбъ-хирургомъ, Профессоромъ С. П. Федоровымъ, домашнимъ врачомъ Царской Семьи и весьма приближеннымъ лицомъ, съ которымъ я былъ въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ.

Онъ мнѣ сказалъ, приблизительно, слѣдующее:

Подумайте сами. Я изучилъ болѣзнь Наслѣдника самымъ основательнымъ образомъ. Нѣтъ научнаго труда во всемъ мірѣ по поводу этой болѣзни, который не былъ мною изученъ. Я былъ въ сношеніяхъ и перепискѣ съ цѣлымъ рядомъ авторитетовъ въ этой области. И тѣмъ не менѣе во время бывшаго однажды обильнаго кровотеченія у Наслѣдника, я никакими извѣстными наукѣ методами не могъ его остановить. Представьте, приходитъ Распутинъ, подошелъ къ больному, посмотрѣлъ на него и плюнулъ. Черезъ самый короткій срокъ кровотеченіе остановилось. Чему это приписать: случайности или принятымъ раньше медицинскимъ мѣрамъ? Не знаю, но это фактъ. Какъ же Императрицѣ не имѣть довѣрія къ Распутину послѣ этого!

Раньше чѣмъ закончить эту главу, я долженъ привести отрывокъ изъ письма Императрицы отъ 12 іюня 1915 г. о моемъ свиданіи съ Распутинымъ и дать по этому поводу нѣкоторыя поясненія.

Императрица пишетъ: **«нашъ другъ обѣдалъ (кажется) опять съ Шаховскимъ, который ему нравится. Онъ можетъ на него повліять въ хорошую сторону»...**

Слово «кажется» даетъ мнѣ возможность объяснить, что, какъ я уже выше излагалъ, рѣчь Распутина была чрезвычайно непонятна. Никакого совмѣстнаго съ Распутинымъ обѣда у меня никогда не было и я никогда его къ себѣ не приглашалъ. Характеръ моихъ аудіенцій Распутину **точно** изложенъ выше. Но у меня было принято, что, если у меня въ кабинетѣ посѣтитель остается позже 10 часовъ вечера, то намъ подавали чай съ печеньями. Такъ было и съ Распутинымъ. Очевидно, онъ не ясно выразился, что онъ что-то ѣлъ и у Императрицы осталось впечатлѣніе, что быть можетъ онъ обѣдалъ, чѣмъ и вызвано слово «кажется».

Изъ изложеннаго выше съ полной откровенностью моихъ отношеній съ Распутинымъ видно, что я ровно ничего не сдѣлалъ въ угоду ему, ни разу не исполнилъ ни одного его ходатайства, но зато и самъ никогда не пользовался имъ для проведенія какихъ бы то ни было дѣлъ ни служебныхъ, ни личныхъ.

Теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, я продолжаю считать, что принятый мною способъ дѣйствій по отношенію къ Распутину былъ совершенно правильнымъ.

ОСОБЫЯ СОВѢЩАНІЯ.

Въ концѣ апрѣля 1915 г. М. В. Родзянко испроисль разрѣшеніе Великаго Князя Николая Николаевича пріѣхать въ Ставку, причемъ выговорилъ себѣ право взять съ собою нѣсколько необходимыхъ ему лицъ для дачи разъясненій. Разрѣшеніе это онъ получилъ; его сопровождали: предсѣдатель правленія Русско-Азіатскаго банка А. И. Путиловъ, предсѣдатель правленія Международнаго банка А. И. Вышнеградскій и В. П. Литвиновъ-Фалинскій, тотъ самый, котораго я уволилъ изъ министерства тотчасъ по вступленіи въ управленіе вѣдомствомъ торговли и промышленности. Цѣлью этой поѣздки было созданіе спеціальнаго органа для снабженія арміи необходимымъ снаряженіемъ.

Они уговорили генерала Янушкевича учредить особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ военнаго министра, въ то время генерала Сухомлинова.

Великій Князь согласился съ этою мыслью и, пользуясь присутвіемъ въ это время въ Ставкѣ Государя Императора, испросилъ на это Высочайшую санкцію.

Въ результатѣ Предсѣдатель Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинъ получилъ телеграмму о томъ, что по Высочайму повеленію образуется особое совѣщаніе для снабженія арміи подъ предсѣдательствомъ военнаго министра, въ которое членами должны войти Предсѣдатели Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, по пяти членовъ отъ каждой изъ законодательныхъ палатъ, и промышленники Путиловъ, Вышнеградскій и Литвиновъ-Фалинскій.

Необходимо здѣсь пояснить, что ни одно изъ трехъ поименованныхъ лицъ промышленниками отнюдь не можетъ считаться. Первые два являлись банковскими дѣятелями и руководителями двухъ наиболѣе грюндерскихъ банковскихъ учреждений, а третій изгнанный изъ министерства чиновникъ, бывшій управляющій отдѣломъ промышленности.

Совершенно ясно, что вся эта комбинація была инспирирована Литвиновымъ-Фалинскимъ, являющимся своимъ человѣкомъ у Родзянки и состоявшимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Сухомлиновымъ.

Ко времени созыва Государственной Думы 19-го іюля 1915 года оказался рядъ учреждений, установленныхъ безъ одобренныхъ законодательными учрежденіями актовъ. Таковыми учрежденіями были: 1) Особое Совѣщаніе по обезпеченію дѣйствующей арміи предметами снабженія — подъ предсѣдательствомъ военнаго министра, 2) Главный продовольственный комитетъ — подъ предсѣдательствомъ министра торговли и промышленности и 3) Совѣщаніе по распределенію топлива при министерствѣ путей сообщенія.

Правительству предстояло внести соотвѣтствующее пред-

ставленіе въ законодательныя палаты для легализаціи всѣхъ этихъ учрежденій, но къ этому времени выяснилось, что въ Думскихъ кругахъ былъ рядъ нареканій на нихъ. Прежде всего члены Думы претендовали, что въ военномъ совѣщаніи участвовали не избранные члены законодательныхъ палатъ, а случайные, указанные Родзянкой; затѣмъ справедливо отмѣчалось, что дѣло продовольствія логичнѣе поручить главноуправляющему земледѣліемъ, чѣмъ министру торговли; наконецъ, угольное дѣло должно находиться въ рукахъ министра торговли и промышленности, а не министра путей сообщенія. Но кромѣ всего этого раздавались голоса о томъ, что, для регулированія перевозокъ, аналогичный органъ долженъ быть созданъ при министрѣ путей сообщенія.

При обсужденіи этого вопроса Совѣтъ Министровъ принялъ во вниманіе, что составленіе такого законопроекта, который съ одной стороны удовлетворилъ бы законодательныя учрежденія, а съ другой не слишкомъ стѣснилъ бы дѣятельность министровъ въ ихъ областяхъ, представлялъ серьезныя затрудненія. При выборѣ лица для составленія такого представленія въ Думу, въ которомъ надо было проявить извѣстную изворотливость, взоры всего Совѣта устремились на П. А. Харитонова, который обычно умѣлъ находить дипломатичные выходы изъ создавшихся трудныхъ положеній. Присущая ему хитрость и ловкость сдѣлали то, что въ Совѣтѣ его называли «лейбъ-акушеромъ».

Не могу сказать, чтобы на этотъ разъ достопочтенный Петръ Алексѣевичъ Харитоновъ хорошо справился со своей задачей. Во-первыхъ онъ чрезмѣрно подпалъ въ этомъ дѣлѣ подъ вліяніе А. А. Поливанова, который, въ качествѣ военного министра, воздѣйствовалъ на него, чтобы забрать все, что возможно, въ свои руки, а во-вторыхъ, тѣ акушерскіе приемы, на которые такъ рассчитывалъ Совѣтъ Министровъ, вовсе примѣнены не были, и контрольные чиновники, выполнявшіе порученіе Харитонова, широко использовали клей и ножницы, сдѣлавъ чисто компелятивную работу. Суть законопроекта заключалась въ томъ, что вмѣсто трехъ вышеупомянутыхъ совѣщаній, проектировалось лишь одно, подъ предсѣдательствомъ военного министра, съ весьма широкимъ участіемъ членовъ законодательныхъ палатъ и представителей обществности.

Особыхъ преній въ Совѣтѣ Министровъ по этому вопросу и не было, все равно Дума должна была его переработать на свой ладъ въ зависимости отъ появившихся тамъ новыхъ теченій. Харитоновская редакція законопроекта и была внесена въ Государственную Думу.

19 іюля, въ день первой годовщины со времени объявленія войны, состоялось открытіе новой сессіи законодательныхъ палатъ. Послѣ рѣчи Предсѣдателя Думы, отъ Правительства выступали Горемыкинъ, Поливановъ, Григоровичъ, Сазоновъ и Баркъ. Рѣчь Горемыкина была хорошо составлена, но произнесенная безъ подъема старцемъ съ весьма глухимъ неслышнымъ голосомъ,

произвела неблагоприятное на слушателей впечатлѣніе. Въ рѣчи, между прочимъ, было отведено видное мѣсто и вышеупомянутому законопроекту. Послѣ рѣчи Поливанова ему была устроена бурная овація.

Засимъ законопроектъ объ Особомъ Совѣщаніи былъ переданъ на разсмотрѣніе соединенныхъ комиссій бюджетной и военно-морской. Скоро оказалось, что кадеты выступили со своимъ контръ-проектомъ о созданіи, вмѣсто Особаго Совѣщанія, самостоятельнаго Главнаго Управленія снабженія.

Октябристы съ своей стороны вводя цѣлый рядъ измѣненій въ Правительственный законопроектъ, выставили: 1) необходимость учрежденія второй должности помощника военного министра съ порученіемъ ему дѣла снабженія и 2) выдѣленія изъ компетенціи проектированнаго совѣщанія вопросовъ угольнаго, продовольственнаго и перевозокъ съ образованіемъ особыхъ при соотвѣтствующихъ министрахъ совѣщаній.

Докладчикомъ по этому дѣлу былъ Н. В. Савичъ, который въ засѣданіи 23-го іюля высказалъ нѣсколько соображеній, на которыхъ нельзя не остановиться. Несмотря на то, что Савичъ былъ однимъ изъ наиболѣе уравновѣшенныхъ членовъ Думы, все же онъ сдѣлалъ нѣсколько удивительныхъ предложеній, которыя, въ случаѣ ихъ принятія, могли внести полную дезорганизацию въ дѣло снабженія. А именно, онъ предложилъ, чтобы, во-первыхъ, проектируемый помощникъ военного министра являлся окончательной рѣшающей инстанціей при отсутствіи разногласій, а, во-вторыхъ, чтобы онъ входилъ въ составъ Совѣта Министровъ на правахъ министра. Тутъ ясно стремленіе Родзянки черезъ Савича выдвинуть на этотъ постъ Литвинова-Фалинскаго, т. е. осуществить то, что проектировалось Ставкой по отношенію къ Министру Торговли и Промышленности, и противъ чего я такъ категорически возсталъ черезъ двѣ недѣли послѣ назначенія меня.

Самъ Родзянко, передавъ предсѣдательство товарищу, выступилъ съ длинной рѣчью по поводу разсматриваемаго законопроекта и поддерживалъ предложеніе октябристовъ.

Кадеты долго стояли на своемъ проектѣ объ учрежденіи особаго вѣдомства снабженія. Милюковъ самъ выступалъ по этому поводу и настаивалъ, чтобы въ это вѣдомство, предназначенное для снабженія были привлечены представители техническихъ и **рабочихъ** организацій. Такое же предложеніе о привлеченіи рабочихъ высказывали Аджемъвъ, Керенскій и даже Пуришкевичъ.

Поливановъ выступалъ, какъ и всего умно, срывалъ одобренія и аплодисменты и не могъ не пустить фразъ занграванія съ думцами, объясняя имъ, что «присутствіе въ особомъ совѣщаніи членовъ законодательныхъ палатъ даетъ увѣренность въ успешной борьбѣ съ установившейся рутинной».

Въ концѣ конновъ думская редакція законопроекта была основана на схемѣ октябристовъ, т. е. образовывались четыре особые совѣщанія, но въ совѣщаніи о снабженіи предсѣдателемъ

опредѣленъ Военный Министръ безъ учрежденія для этой цѣли новой должности помощника воен. м-ра.

Къ сожалѣнню, не только дѣловыя соображенія склонили Думу на учрежденіе четырехъ совѣщаній, что по существу, конечно, правильно. Но тутъ въ громадной степени выступало стремленіе членовъ Думы получить какъ можно больше мѣстъ для себя въ высшихъ правительственныхъ органахъ. При учрежденіи четырехъ совѣщаній получалось 34 мѣста для членовъ Думы плюсъ 10 для замѣстителей и столько же для членовъ Государственнаго Совѣта.

Но кромѣ этого въ Думскій законопроектъ включена особая статья, согласно которой, въ случаѣ роспуска законодательныхъ учреждений, полномочія членовъ избранныхъ въ совѣщанія, должны оставаться въ силѣ впредь до созыва новыхъ законодательныхъ палатъ.

Правительство не нашло возможнымъ возражать противъ этой, совершенно нелѣпой статьи. Выходить, что въ случаѣ роспуска Думы, члены состоящіе въ Особыхъ Совѣщаніяхъ остаются носителями полномочій несуществующей Думы. Молчаніе Правительства объясняется тѣмъ, что не только Дума, но и Государственный Совѣтъ, всецѣло поддержали бы эту статью и произошла бы лишь задержка важнаго законопроекта.

Думская редакція законопроекта была немедленно передана въ Государственный Совѣтъ, который съ неимоверной быстротой одобрилъ Думскую редакцію большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного Николая Алексѣевича Маклакова, бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы отмѣтить, что и въ этотъ разъ Николай Алексѣевичъ оказался вѣренъ себѣ и, несмотря на то, что онъ лишь только три мѣсяца тому назадъ былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта, тѣмъ не менѣе онъ произвелъ явную демонстрацію въ Государственномъ Совѣтѣ на почвѣ протеста противъ широкаго привлеченія общественности.

Нельзя при этомъ не отмѣтить, что, по предложенію М. М. Ковалевскаго, Государственный Совѣтъ принялъ пожеланіе о томъ, чтобы во вновь образованныя совѣщанія въ число избранныхъ военно-промышленнымъ комитетомъ представителей были приглашены къ участию уполномоченные отъ рабочихъ, ученыхъ и техническихъ организацій. Рабочихъ — на первомъ мѣстѣ.

17 августа 1915 г. утвержденный Государемъ Императоромъ законъ о Совѣщаніяхъ былъ опубликованъ въ Собр. Узак.

Гос. Совѣтъ и Гос. Дума приступили къ выборамъ своихъ представителей въ новыя Совѣщанія. Закулисные споры и интриги въ Думѣ достигли апогея. Всѣмъ хотѣлось попасть членами Совѣщаній и, главнымъ образомъ, въ военное, какъ наиболее важное.

21 августа, подъ Личнымъ Предсѣдательствомъ Государя Императора, состоялось въ Зимнемъ Дворцѣ торжественное засѣданіе всѣхъ четырехъ Совѣщаній.

Присутствовали избранные въ совѣщанія Члены Государственнаго Совѣта, Государственной Думы и Правительство.

Чрезвычайно владѣя собой, Государь Императоръ скрывалъ свое волненіе и совершенно медленно, спокойнымъ голосомъ прочелъ рѣчь, приготовленную ему генераломъ Поливановымъ. Вотъ ея текстъ:

«Дѣло, которое поручено Особому Совѣщанію по оборонѣ, — самое теперь главное и самое теперь важное. Это усиленное снабженіе арміи боевыми припасами, котораго только и ждутъ наши доблестныя войска, чтобы остановить иноплеменное нашествіе и вернуть успѣхъ Нашему оружію.

Созванныя Мною законодательныя учрежденія твердо и безъ малѣйшаго колебанія дали Мнѣ тотъ единственный, достойный Россіи отвѣтъ, котораго Я ждалъ отъ нихъ: война до полной побѣды. Я не сомнѣваюсь, что это голосъ всей Русской земли.

Но принятое великое рѣшеніе требуетъ отъ насъ и величайшаго напряженія силъ. Это стало уже общею мыслью. Но мысль эту надо скорѣе воплотить въ дѣло, и къ этому прежде всего призвано ваше Совѣщаніе. Въ немъ объединены для общаго дружнаго труда и Правительство и избранные законодательными и общественными учрежденіями и дѣятели нашей промышленности, словомъ представители всей дѣловой Россіи.

Съ полнымъ довѣріемъ предоставляя вамъ исключительно широкія полномочія, Я все время буду съ глубокимъ вниманіемъ слѣдить за вашей работой и въ необходимыхъ случаяхъ Самъ приму личное бѣ ней участіе.

Великое дѣло передъ нами. Сосредоточимъ на немъ однимъ одушевленныя усилія всей Страны. Оставимъ на время заботы о всемъ прочемъ, хотя бы важномъ государственномъ, но не насущномъ для настоящей минуты. Ничто не должно отвлекать мысли, воли и силъ нашихъ отъ единой теперь цѣли: изгнать врага изъ нашихъ предѣловъ.

Для этой цѣли мы должны прежде всего обезпечить дѣйствующей арміи и создаваемымъ новымъ войскамъ полноту боевого снаряженія. Эта задача отнынѣ ввѣрена вамъ, господа. И Я знаю, что вы вложите въ ея исполненіе всѣ свои силы, всю любовь къ родинѣ.

Съ Богомъ, за дѣло!».

Фраза о томъ, что, въ необходимыхъ случаяхъ, Государь Самъ приметъ личное участіе въ работахъ Совѣщаній была крайне неосторожно включена Поливановымъ въ рѣчь Государя. Въ февралѣ 1917 г. она дала поводъ революціонной Думѣ и Совѣщанію по оборонѣ требовать созыва всѣхъ Совѣщаній подъ Предсѣдательствомъ Государя, чего выполнить, конечно, было невозможно въ виду весьма остраго момента.

Засимъ были произнесены рѣчи Предсѣдателями Государь-

ственного Совѣта и Государственной Думы, послѣ чего засѣданіе было закрыто, и всѣ перешли въ другой залъ, гдѣ Государь обходилъ собравшихся и достаивалъ многихъ милостивыми разговорами.

Совершенно для всѣхъ неожиданно открылась дверь и вошла Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Величественная фигура Императрицы и рядомъ худенькій, болѣзненный Наслѣдникъ въ солдатской гимнастеркѣ; онъ произвелъ на всѣхъ большое и, скажу, тяжелое впечатлѣніе. Государыня обходила собравшихся и тоже со многими разговаривала.

Всѣ мы министры были крайне озабочены читалъ ли уже Государь наканунѣ написанное нами письмо, о которомъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ. Оказалось, что письмо еще не было передано.

По окончаніи церемоніи Царская Семья вернулась въ Царское Село, а вечеромъ въ тотъ же день Государь отбылъ для принятія въ Ставкѣ въ Могилевѣ Верховнаго командованія.

23 августа 1915 г. послѣдовалъ Высочайшій Приказъ по Арміи и Флоту:

«Сего числа Я принялъ на Себя предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Съ твердою вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимой увѣренностью въ конечной побѣдѣ, будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины и не посрамимъ земли Русской». *)

«НИКОЛАЙ».

ГЛАВА XXVI.

ПРИНЯТІЕ ГОСУДАРЕМЪ ВЕРХОВНАГО КОМАНДОВАНІЯ.

Около 10 августа 1915 г. И. Л. Горемыкинъ конфиденціально освѣдомилъ Совѣтъ Министровъ, что Государь рѣшилъ встать во главѣ армій и взять на себя Верховное командованіе.

Извѣстіе это глубоко потрясло всѣхъ министровъ. Тутъ не было никакихъ разногласій, никакихъ споровъ, всѣ какъ одинъ считали это рѣшеніе гибельнымъ и для династіи и для Россіи.

На наши вопросы Иванъ Логгиновичъ отвѣтилъ одно. Рѣшеніе это непреклонно и его предотвратить невозможно. Тогда мы всѣ просили Предсѣдателя доложить Государю нашу усердную просьбу собрать насъ подъ Его Предсѣдательствомъ въ экстренное засѣданіе Совѣта Министровъ для выслушанія нашихъ соображеній.

Нѣсколько времени спустя Государь командировалъ Военнаго Министра Поливанова въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго съ собственноручнымъ письмомъ на имя Великаго Князя Николая Николаевича, въ которомъ Онъ увѣдомлялъ его о сво-

*) Послѣднія три строки были написаны Собственноручно Государемъ.

емъ рѣшеніи и о предстоящемъ назначеніи Великаго Князя Намѣстникомъ на Кавказъ; а вслѣдъ за симъ было дано распоряженіе Главнокомандующему Юго-Западнымъ фронтомъ генералу Алексѣеву отправиться въ Могилевъ, куда было рѣшено перевести Ставку.

Только 20-го августа, т. е. за два дня до отъѣзда Государя въ дѣйствующую армію, Его Величеству было угодно собрать насъ въ Царскомъ Селѣ. Въ засѣданіи всѣми министрами были высказаны мнѣнія о крайне опасныхъ послѣдствіяхъ Его рѣшенія. Всѣ кромѣ И. Л. Горемыкина горячо просили Его Величество не приводить въ исполненіе Его намѣренія и при этомъ нѣкоторые, въ томъ числѣ Кривошеинъ и Сазоновъ, давали понятъ о существующей въ Совѣтѣ Министровъ рознѣ съ Предсѣдателемъ по поводу направленія работъ Совѣта Министровъ. Кривошеинъ даже заявилъ, что онъ считаетъ, что въ военное время предсѣдателемъ долженъ быть военный министръ. Какъ я потомъ узналъ, между нѣсколькими министрами, въ томъ числѣ Харитоновымъ, Кривошеинымъ, Сазоновымъ, Баркомъ, Игнатьевымъ и Поливановымъ, состоялось рѣшеніе проводить этого послѣдняго въ предсѣдателя. Меня въ это конспиративное засѣданіе не пригласили; всѣмъ была извѣстна моя рознѣ съ Поливановымъ.

Государь, выслушавъ эти сужденія, сказалъ: **«Господа, Я выслушалъ ваши возраженія, но Я остаюсь при своемъ рѣшеніи!»**.

21-го августа 1915 г., т. е. на слѣдующій день послѣ экстреннаго засѣданія въ Царскомъ Селѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, гдѣ Его Величество опредѣленно заявилъ о Его рѣшеніи вступить въ Верховное командованіе, собрались мы въ очередное засѣданіе Совѣта Министровъ на Елагиномъ островѣ. Всѣ присутствовавшіе были въ весьма нервномъ напряженіи. Рѣшеніе Государя признавалось нами крайне опаснымъ и чрезвычайнымъ трагическими послѣдствіями. Наша армія въ полномъ отступленіи, начиналось уже паденіе дисциплины. Страна была объята недовольствомъ не только Правительствомъ, но и существующимъ строемъ. Государь въ этотъ моментъ оставлялъ заботы объ управленіи страной, смѣшая хотя и совершенно негоднаго, но все же пользовавшагося какимъ то непонятнымъ довѣріемъ общества, Верховнаго Главнокомандующаго, бралъ въ Свои руки верховное командованіе арміями, т. е. ставилъ все Свое существованіе на карту.

А тутъ еще рознѣ въ Совѣтѣ Министровъ съ Предсѣдателемъ, который не желалъ даже дѣлать опредѣленныхъ шаговъ, чтобы доказать Государю рискованность его рѣшенія. Въ началѣ же засѣданія нервное настроеніе начало выливаться наружу, и нѣкоторые изъ Министровъ укоряли старика Горемыкина, что онъ ничего не сдѣлалъ наканунѣ, дабы повліять на Государя. Мнѣ въ этотъ день былъ назначенъ всеподданнѣйшій докладъ, и я вынужденъ былъ уѣхать изъ Совѣта Министровъ въ Царское Село.

Государь казался спокойнымъ. По окончаніи: официальной части доклада, когда зашелъ разговоръ о вчерашнемъ засѣданіи, я высказалъ свое крайнее удивленіе по поводу предложенія А. В. Кривошеина о назначеніи Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Поливанова, объяснивъ, что едва ли вообще военный генераль подходитъ къ этой роли, что военный министръ, будучи крайне обремененъ вопросами снабженія арміи, не можетъ заниматься вопросами управленія страной, и что, наконецъ, въ частности Поливановъ, является столь невѣрнымъ человѣкомъ, что онъ уже никакъ не подходитъ къ этой роли. При этомъ я не могъ не указать на его дружбу съ крайне опаснымъ Гучковымъ. Государь внимательно выслушалъ, все время одобрительно кивалъ головой и подтвердилъ мнѣ, что это не возможно и этого не будетъ.

Вернувшись послѣ доклада, я телефонировалъ П. А. Харитонову, чтобы узнать, чѣмъ кончилось обѣщавшее быть очень бурнымъ, засѣданіе Совѣта Министровъ. Въ прежнее время я конечно спросилъ бы объ этомъ С. В. Рухлова, но теперь, когда онъ по болѣзни уѣхалъ на Кавказъ, я рѣшилъ, что правильнѣе всего говорить съ Харитоновымъ, наиболѣе спокойнымъ и бывшимъ въ то время замѣстителемъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ. П. А. Харитоновъ отвѣтилъ мнѣ, что рѣшено вечеромъ собраться у С. Д. Сазонова для обсужденія создавшагося положенія и что онъ проситъ меня непременно приѣхать туда. За послѣднее время такихъ частныхъ Совѣщаній Министровъ было много: чаще всего они устраивались по инициативѣ Кривошеина у него на дачѣ на Аптекарскомъ островѣ.

Въ служебномъ кабинетѣ С. Д. Сазонова на Дворцовой площади оказался весь составъ Совѣта Министровъ, кромѣ Предсѣдателя, Министра Юстиціи А. А. Хвостова, не приглашеннаго, такъ какъ онъ считался личнымъ другомъ И. Л. Горемыкина, и Министра Пут. Сообщ. С. В. Рухлова, находившагося по болѣзни на Кавказѣ.

Оказывается, днемъ, при выходѣ изъ засѣданія, Министры рѣшили написать письмо Государю. Проекты были составлены двумя лицами: Кривошеиннымъ и Самаринымъ. Сперва былъ прочитанъ Кривошеинскій проектъ, потомъ Самаринскій, послѣ котораго Александръ Васильевичъ, со свойственной ему экспансивностью заявилъ, что онъ отказывается отъ своего, назвавъ его бюрократическимъ. Самаринскій проектъ встрѣтилъ всеобщее сочувствіе. Въ него были внесены лишь незначительныя измѣненія, изъ которыхъ одно, по моему предложенію. Въ проектъ было высказано ходатайство, чтобы Великій Князь Николай Николаевичъ не былъ устраненъ отъ верховнаго командованія. Я же предложилъ проредактировать эту фразу такъ, «чтобы Великій Князь Николай Николаевичъ не былъ устрненъ отъ участія въ верховномъ командованіи». Мотивировалъ я то тѣмъ, что я допускалъ возможность, чтобы Государь, вступивъ въ командованіе, могъ оставить въ какой-нибудь роли при себѣ Великаго Князя. Оказы-

вается, эта мысль была и у нѣкоторыхъ лицъ въ окруженіи Государя, и, какъ потомъ стало извѣстно, она обдумывалась и въ Ставкѣ. Мое предложеніе было принято.

Оставалось переписать письмо. Для этой работы избрали П. Л. Барка, имѣвшаго лучшей почеркъ. П. Л. Баркъ (а не Самаринъ, какъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ Поливановъ), тутъ же въ кабинетѣ Сазонова переписалъ письмо, а мы его подписали.

Вотъ точный текстъ письма:

«Всемилоствѣйшій Государь,

Не поставьте намъ въ вину наше смѣлое и откровенное обращеніе къ Вамъ. Поступить такъ насъ обязываетъ вѣрноподданнической долгъ, любовь къ Вамъ и Родинѣ и тревожное сознание грознаго значенія совершающихся нынѣ событий.

Вчера въ засѣданіи Совѣта Министровъ, подъ Вашимъ Личнымъ предсѣдательствомъ, мы повергли передъ Вами единодушную просьбу о томъ, чтобы Великій Князь Николай Николаевичъ не былъ устраненъ отъ участія въ Верховномъ командованіи Арміей. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и смѣемъ думать всей вѣрной Вамъ Россіи.

Государь, еще разъ осмѣливаемся Вамъ высказать, что принятіе Вами такого рѣшенія грозитъ, по нашему крайнему разумѣнію, Россіи, Вамъ и Династии Вашей тяжелыми послѣдствіями. На томъ же засѣданіи воочию сказалось коренное разномысліе между Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и нами въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри страны событий и въ установленіи образа дѣйствій Правительства.

Такое положеніе, во всякое время недопустимое, въ настоящіе дни гибельно.

Находясь въ такихъ условіяхъ, мы теряемъ вѣру въ возможность съ сознаниемъ пользы служить Вамъ и Родинѣ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные
Петръ Харитоновъ, Александръ Кривошеинъ, Сергѣй Сазоновъ, Петръ Баркъ, кн. Н. Шербатовъ, Александръ Самаринъ, графъ Павелъ Игнатьевъ, князь Всеволодъ Шаховской.

21 августа 1915.

Такимъ образомъ изъ присутствовавшихъ подъ этимъ письмомъ не было лишь подписей военного и морского министровъ. А между тѣмъ оба они не только привѣтствовали и принимали горячее участіе, но всей душой одобряли это письмо, Поливановъ же наслаждался каждымъ словомъ. По объясненіямъ Поливанова и Григоровича, они, вопліи раздѣляя рѣшеніе Министровъ, воздерживаются отъ подписанія, такъ какъ по военному уставу, военно-служащіе не имѣютъ права подавать по начальству никакихъ коллективныхъ ходатайствъ.

Когда письмо было готово, то Сазоновъ взялся, черезъ де-журнаго флигель-адъютанта, доставить его Государю Императору.

Описанное мною частное совѣщаніе нашло мѣсто и въ нѣкоторыхъ другихъ мемуарахъ, въ частности у С. Д. Сазонова и А. А. Поливанова, не считая разныхъ газетныхъ фельетоновъ, въ которыхъ авторы дополняютъ неизвѣстное имъ собственнымъ во-ображеніемъ. Къ сожалѣнію и въ мемуарахъ участниковъ есть существенныя неточности, особенно у С. Д. Сазонова. Так, напр., онъ на стр. 364 пишетъ: «отчаявшись добиться толку законнымъ путемъ, Совѣтъ Министровъ заявилъ Горемыкину, что вручить, помимо него, Государю коллективное обращеніе». Это абсолютно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Такого заявленія не только Совѣтъ Министровъ, но ни одинъ Министръ, Горемыкину не дѣлалъ. Иванъ Лигиновичъ ясно видѣлъ, что между нимъ и составомъ Совѣта происходилъ разрывъ, но онъ не ожидалъ коллективнаго письма. О письмѣ этомъ онъ узналъ лишь черезъ нѣсколько дней въ Совѣтъ Министровъ, гдѣ Кривошеинъ заявилъ ему, что нѣкоторые министры обратились къ Государю съ письмомъ.

Столь же невѣрно заявленіе Сазонова въ его мемуарахъ, что «21 авг. у меня собрались всѣ министры, за исключеніемъ военнаго и морского, которымъ мундиръ не позволяетъ принимать участіе въ подобныхъ шагахъ, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ выразили сочувствіе нашему почину».

Не точно это потому, что, вопреки его утвержденію, и Военный и Морской Министры не только присутствовали на этомъ совѣщаніи, но и принимали дѣятельное участіе въ редактированіи письма. Не присутствовали только, какъ я указалъ выше, А. А. Хвостовъ, который не былъ приглашенъ, какъ личный другъ Горемыкина и С. В. Рухловъ, отсутствовавшій изъ Петрограда.

Въ мемуарахъ Поливанова имѣется объясненіе о причинѣ, по которой онъ и Григоровичъ не подписали письма. По словамъ Поливанова: «относительно насъ было принято постановленіе, что въ эту тяжелую минуту войны военный и морской министры не имѣютъ права дѣлать шаги и рисковать увольненіемъ ихъ отъ должностей по причинѣ политическаго характера». Объясненіе это совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Во-первыхъ никакого «постановленія» на эту тему не было, а во-вторыхъ ими была выставлена чисто формальная причина, а именно, что по уставу военные и морскіе чины не имѣютъ права подавать по начальству коллективныхъ заявленій.

Теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, я ставлю себѣ вопросъ: правильно ли было обращеніе Министровъ къ Государю съ вышеприведеннымъ письмомъ. Отвѣтъ я даю отрицательный, только потому, что это письмо было явно не **своевременнымъ**. Оно запоздало на цѣлыхъ двѣ недѣли. Если бы оно было отправлено и раньше, все же оно не возымѣло бы никакого результата въ виду твердаго рѣшенія Государя, но оно имѣло бы полный смыслъ

какъ **своевременное** и **официальное** предупрежденіе о неизбѣжныхъ тяжкихъ послѣдствіяхъ такого рѣшенія. Отправлять же его почти въ самый моментъ принятія вѣрховнаго командованія, когда всѣ распоряженія уже были сдѣланы, было съ моей точки зрѣнія неправильнымъ. Если же, благодаря послѣдней фразѣ, считать, что оно носило характеръ коллективной отставки, то и въ этомъ случаѣ оно запоздало. Нельзя Совѣту Министровъ просить объ отставкѣ въ моментъ, когда Государь садится въ поѣздъ. Это сознаніе явилось у меня весьма скоро послѣ отправки письма, хотя я и былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ рѣшенія Государя. Я даже въ одномъ изъ засѣданій Совѣта Министровъ заявилъ, что мы должны **умолять** Государя отказать отъ этой мысли.

Черезъ два-три дня состоялось новое засѣданіе Совѣта Министровъ на Елагиномъ островѣ. Кривошеинъ, по собственной инициативѣ или по соглашенію съ нѣкоторыми министрами, заявилъ И. Л. Горемыкину, что нѣкоторые министры написали Государю письмо, охарактеризовавъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе его. Наружно Предсѣдатель Совѣта принялъ это сообщеніе спокойно, но оно видимо его сильно взволновало. Онъ немедленно поѣхалъ въ Царское Село къ Императрицѣ, рассказалъ ей все и получилъ отъ Нея полную поддержку и успокоеніе.

Съ тѣхъ поръ отношенія въ Совѣтѣ Министровъ сдѣлались чрезвычайно неестественными и натянутыми. Да оно и понятно. Съ одной стороны всѣ мы чувствовали себя неловко передъ старикомъ Горемыкинымъ, а съ другой ему было очень трудно сдерживать свое недоброжелательство къ намъ.

Такъ длилось до середины сентября, когда Государь вызвалъ всѣхъ министровъ въ Ставку въ Могилевъ. Горемыкинъ былъ вызванъ на двое сутокъ раньше. Произошло историческое засѣданіе Совѣта Министровъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора.

Послѣ блеска Зимняго и Александровскаго дворцовъ — больше, чѣмъ скромная обстановка. Захудалый губернаторскій домъ съ весьма скверной, потертой меблировкой, — вотъ помѣщеніе, гдѣ прожилъ Государь все время Своего Вѣрховнаго командованія вооруженными силами и гдѣ Онъ провелъ послѣдніе часы послѣ отреченія отъ престола.

Государь былъ очень сухъ со всѣми нами и до чрезвычайности взволнованъ. Рѣчь его была, какъ всегда въ такого рода собраніяхъ, какъ будто спокойная, но по выраженію лица было видно, насколько Ему было трудно сдерживать себя. Не торопясь Его Величество высказалъ приблизительно слѣдующее. Я пишу приблизительно потому, что рѣчь эта не была никѣмъ записана и я возстановилъ ее довольно точно по памяти, но нѣсколько короче, чѣмъ она была въ дѣйствительности.

«Господа. Передъ отправленіемъ въ Ставку, я получилъ отъ нѣкоторыхъ министровъ письмо. Я долженъ высказать

министрамъ, подписавшимъ его, крайнее Свое неодобрение. Въ предыдущемъ засѣданіи Совѣта Министровъ уже достаточно выяснился взглядъ министровъ по поводу Моего рѣшенія принять Личное Верховное командованіе вооруженными силами, а потому совершенно непонятно новое повтореніе того же послѣ того, какъ Я окончательно заявилъ о Своемъ рѣшеніи. Насколько по существу вопроса министры ошибались, видно теперь. Истинная Россія думаетъ иначе. Я получаю со всѣхъ концовъ многочисленныя телеграммы съ выраженіемъ восторга по поводу принятія Мною командованія.

Думаю, что всѣ ваши сужденія происходили изъ-за страшно нервной атмосферы Петрограда. Я здѣсь, въ тишинѣ и спокойной обстановкѣ, смотрю совсѣмъ иначе на вещи, чѣмъ онѣ Мнѣ казались тамъ, и я увѣренъ, что если бы и вы побыли нѣкоторое время внѣ Петрограда, то и всѣ вы успокоились бы».

Затѣмъ Государь перешелъ на вопросъ о Предсѣдателѣ:

«Я очень дорожу, сказалъ Государь, опытомъ Ивана Логгиновича и желаю ему на много лѣтъ силъ и здоровья, чтобы продолжать свою дѣятельность».

Покончивъ это тяжелое наставленіе, Государь коснулся нѣкоторыхъ мелкихъ текущихъ вопросовъ и очень скоро закрылъ засѣданіе.

Затѣмъ мы были приглашены къ обѣду. Какъ мы потомъ узнали, сперва было рѣшено насъ не приглашать.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого началась постепенная смѣна министровъ. Изъ подписавшихъ письмо уцѣлѣло трое: Баркъ, Игнатьевъ и я.

ГЛАВА XXVII.

ПЕРЕРЫВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХЪ СЕССИЙ И МОСКОВСКІЕ СЪѢЗДЫ.

Открытіе очередной сессіи Государственной Думы состоялось 19 іюля 1915 года. Интенсивная работа законодательныхъ учреждений продолжалась лишь нѣсколько дней. Уже въ первыхъ числахъ августа Милюковъ поднялъ въ Совѣтѣ старѣйшинъ вопросъ о начавшемся сильномъ разѣздѣ членовъ Думы, причемъ депутаты брали отпускъ «до конца сессіи». По мнѣнію Милюкова, Думѣ грозитъ остаться безъ кворума, и, слѣдовательно, явится невозможность продолжать законодательную дѣятельность въ столь тяжелое время. Поэтому Милюковъ предложилъ не разрѣшать дальнѣйшихъ отпусковъ. Родзянко и Дмитрюковъ нашли, что такая мѣра будетъ бесполезна, такъ какъ члены Думы все равно будутъ уѣзжать. Въ результатѣ, было рѣшено поручить фракціямъ воздѣйствовать на разѣзжающихся депутатовъ «въ порядкѣ внутренней дисциплины».

Въ двадцатыхъ числахъ того же августа въ справочномъ ли-

ствъ Гос. Думы опубликованъ списокъ депутатовъ, не представившихъ объясненій о причинахъ отсутствія на засѣданіяхъ съ 19-го іюля по 18- августа. Оказывается, что 5 депутатовъ не посѣтили за это время ни одного засѣданія, а 41 депутатъ пропустили безъ всякихъ причинъ по нѣскольکو засѣданій.

За это время среди многихъ депутатовъ явно замѣчалось благоразумное стремленіе, чтобы сессія была возможно кратковременной, и обсуждался усердно вопросъ о томъ, чтобы скорѣе справиться со срочными законопроектами и разойтись.

Однако, наиболѣе оппозиціонная часть, во главѣ съ Родзянкой, явно сознавая, что Думѣ дѣлать больше нечего и что все время тратится главнымъ образомъ на зажигательныя рѣчи, держалась того мнѣнія, что никакого акта со стороны Верховной власти для установленія официальнаго перерыва не надо, а слѣдуетъ, чтобы Родзянко, по постановленію Думы, назначилъ слѣдующее засѣданіе, примѣрно, черезъ мѣсяць и такимъ образомъ вышелъ бы перерывъ, который самъ Родзянко могъ сократить, когда это ему заблагоразсудилось бы.

Правительство, конечно, не могло идти ни на безконечное продленіе думскихъ оппозиціонныхъ рѣчей, ни на то, чтобы прерогативы Верховной Власти были замѣнены распоряженіями Родзянки.

Поэтому 3 сентября послѣдовалъ Высочайшій указъ о перерывѣ занятій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы съ назначеніемъ срока возобновленія не позже ноября 1915 г., въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ представилъ Государю на подпись Указъ о перерывѣ занятій Государственной Думы безъ обсужденія этого вопроса въ Совѣтѣ Министровъ, что весьма оскорбило всѣхъ членовъ Совѣта. Въ ближайшемъ засѣданіи А. В. Кривошеинъ, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, заявилъ это Предсѣдателю и высказалъ, что принятіе имъ единолично рѣшенія столь важнаго вопроса не правильно, и что актъ этотъ можетъ привести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ.

Со своей стороны я объясняю себѣ поступокъ Горемыкина слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, онъ явно будировалъ Министровъ за посланное Государю письмо, а во-вторыхъ онъ имѣлъ основаніе предполагать, что по означенному вопросу нѣсколько министровъ окажутся въ оппозиціи (Кривошеинъ, Поливановъ, Сазоновъ, гр. Игнатьевъ), и тогда Государю придется выбирать рѣшеніе. Между тѣмъ элементарное благоразуміе требовало прервать такъ или иначе зажигательныя рѣчи съ Думской трибуны.

Негодваніе оппозиціонныхъ Думскихъ элементовъ достигло высокой степени. По существу всѣ находили перерывъ необходимымъ, но хотѣли его сдѣлать не по Высочайшему повелѣнію, какъ то полагается, а по собственному усмотрѣнію.

Подъ такимъ впечатлѣніемъ открылись въ Москвѣ одновременно два съѣзда: Общеземскій, подъ предсѣдательствомъ князя

Львова, и Городской, подъ предсѣдательствомъ Московскаго городского головы Челнокова.

Тонъ Общеземскаго сѣзда опредѣлился сразу рѣчью кн. Львова. Восхваляя дѣятельность общественныхъ организаций и всячески порицая Правительство, онъ заявилъ: «мы уже сошли съ нашихъ позицій пассивно управляемыхъ» и дальше: «мы не видимъ единенія Правительственной власти со страной и мы должны твердо сказать это власти».

На городскомъ сѣздѣ атмосфера была не менѣе сгустившейся. Напримѣръ, Астровъ даже высказывалъ опасенія о сепаратномъ мирѣ.

Въ заключеніе, оба сѣзда, явно согласовавъ свои постановленія, требовали немедленнаго созыва законодательныхъ палатъ и замѣны Правительства людьми, которымъ довѣряетъ страна. Въ концѣ концовъ каждый сѣздъ избралъ по депутаціи для представленія этихъ постановленій Государю Императору. Однако обѣ эти депутаціи приняты Государемъ не были, хотя за выраженные чувства онѣ получили благодарность.

Родзянко, тоже испрашивавшій докладъ, не былъ принятъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ то, что даже сѣздъ выборщиковъ въ члены Государственнаго Совѣта отъ Торговли и Промышленности, задача котораго была совершенно конкретная: произвести выборы четырехъ членовъ Государственнаго Совѣта, тоже сталъ на почву аналогичныхъ политическихъ резолюцій.

ГЛАВА XXVIII.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Я особенно настаиваю на томъ, что Государственная Дума **четвертаго** созыва сыграла **весьма трагичную** роль въ судьбѣ нашего Отечества. Дѣловыми вопросами она почти не интересовалась. Законодательный аппаратъ, начиная съ 1915 года, почти бездѣйствовалъ. На полкахъ канцеляріи Гос. Думы покоились не рассмотрѣнные законопроекты, вносимые правительствомъ. Думу интересовала исключительно **политическая борьба**.

Насколько у многихъ членовъ Думы не было дисциплины и сознанія долга, доказательствомъ служитъ то, что коммисіонная работа почти не существовала. Назначалось засѣданіе коммисіи. Къ назначенному времени собирались представители вѣдомствъ для дачи объясненій и столь ничтожное число членовъ Думы, что не могли составить кворума. Потомъ стали примѣнять такой приемъ: члены Думы забѣгали, чтобы считаться присутствующими, расписывались и немедленно исчезали. Нѣкоторые предсѣдатели коммисій открывали засѣданія, не дождавшись кворума, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день пополнить списокъ присутствующихъ необходимымъ числомъ фиктивныхъ подписей.

Въ общихъ собраніяхъ ораторы всѣхъ платформъ конкурировали въ рѣзкости своихъ рѣчей, направленныхъ къ осужденію правительства и режима.

Я могъ бы привести изъ стенограммъ засѣданій Думы безконечный рядъ чисто революціонныхъ выступленій «лучшихъ людей», какъ ихъ было принято называть, но я ограничусь только однимъ. Кадетскій лидеръ, знаменитый Миллюковъ, съ трибуны, говоря про Предсѣдателя Совѣта Министровъ Штюрмера, заявилъ: «что это глупость или измѣна?» Къ порядку онъ не былъ призванъ Предсѣдателемъ Думы. А вѣдь теперь, слѣдовало бы спросить г. Миллюкова про его поведеніе: что это было **съ его стороны**: «глупость или измѣна?»

**

До конца стараго режима не была, къ сожалѣнію, выяснена очень важная сторона дѣла. А именно, въ маѣ 1917 года предстояло окончаніе полномочій членовъ Думы четвертаго созыва. Вопросъ о томъ, будутъ ли продлены полномочія четвертой Думы, чрезвычайно занималъ членовъ всѣхъ платформъ.

Правительство неоднократно обсуждало этотъ вопросъ, но никогда не приходило къ опредѣленному рѣшенію, въ значительной степени изъ-за частой смѣны Предсѣдателей Совѣта Министровъ, и главное, Министровъ внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ необходимо было заблаговременно, переговорами съ лидерами партій, войти въ соглашеніе о томъ, что, въ случаѣ продленія полномочій, они будутъ сдерживать рѣзкія выступленія, или ничего не говоря заранѣе, просто распустить Думу, назначивъ новые выборы. Но при этомъ необходимо было имѣть въ виду, что организовать выборы во время войны, крайне трудно, если не невозможно, особенно потому, что громадная территория была занята непріателемъ. Держать же членовъ Думы въ невѣдѣніи было неправильно. Въ ожиданіи новыхъ выборовъ депутаты своими крикливыми, революціонными и до крайности рѣзкими рѣчами старались производить впечатлѣніе на оппозиціонно настроенныхъ выборщиковъ, дабы обезпечить себѣ переизбраніе.

Во всемъ этомъ первостепенную роль сыграло и то обстоятельство, что Россія не имѣла во время войны надлежащей гражданской цензуры, которая была бы въ состояніи не пропустить въ печать думскихъ эксцесовъ. Между тѣмъ во Франціи, по свидѣтельству Пуанкаре, въ первыя же засѣданія по объявленіи войны, законодательныя учрежденія приняли **безъ преній** весьма серьезные ограниченія свободы печати.

**

Слѣдуетъ особо отмѣтить, что Государь, несмотря на невольнительное поведеніе Государственной Думы, первый сдѣлалъ опредѣленный шагъ къ успокоенію и умѣренію Думскихъ страстей.

9 февраля 1916 г., въ день открытія сессіи законодательныхъ учреждений и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ успѣха Русскаго оружія и взятія Эрзерума Кавказскими войсками, Государь посѣтилъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ. Въ Думскомъ

залъ былъ отслуженъ торжественный молебенъ и Его Величество произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Мнѣ отраднo было вмѣстѣ съ вами вознести Господу Богу благодарственныя молитвы за дарованную Имъ нашей дорогой Родиной и нашей доблестной Арміи на Кавказѣ славную побѣду.

Счастливы также находиться посреди васъ и посреди вѣрнаго Моего народа, представителями котораго вы здѣсь являетесь.

Призывая благословеніе Божіе на предстоящіе вамъ труды, въ особенности въ такую тяжкую годину, твердо вѣрю, что всѣ вы, и каждый изъ васъ, внесете въ основу отвѣтственной передъ Родиной и Мною вашей работы весь свой опытъ и все свое знаніе мѣстныхъ условій и всю свою горячую любовь къ нашему Отечеству, руководствуясь ею въ трудахъ своихъ. Любовь эта всегда будетъ помогать вамъ и служить путеводительной звѣздой въ исполненіи вашего долга передъ Родиной и Мною.

Отъ всей души желаю Государственной Думѣ плодотворныхъ трудовъ и всякаго успѣха».

Къ великому прискорбію, этотъ примирительный шагъ Монарха вліянія не оказалъ.

**

Настроеніе въ Думѣ съ самаго открытія сессіи, состоявшагося 1 ноября 1916 г. было столь агрессивное, что предсѣдатель Совѣта Министровъ Штюрмеръ нашелъ неумѣстнымъ оглашать заготовленную имъ декларацию Правительства. Присутствовавшіе на открытіи засѣданія Министры, по окончаніи рѣчи Родзянко, уѣхали во главѣ со Штюрмеромъ изъ Думы, такъ какъ были намѣчены очень рѣзкія выступленія. Свѣдѣнія Правительства оправдались, и члены Думы перешли всѣ предѣлы въ своихъ революціонныхъ рѣчахъ. Обсуждая положеніе и изобрѣтая способы мирнаго воздѣйствія на настроеніе Думы, Совѣтъ Министровъ принялъ во вниманіе лозунгъ Думы — «война до побѣдоноснаго конца». Лозунгъ, который вполне совпадалъ и съ горячими стремленіями Царскаго Правительства. И вотъ Совѣтъ Министровъ хотѣлъ, по мысли Григоровича, попробовать сговориться съ Думой черезъ морского и военнаго министровъ, попросивъ ихъ выступить въ Гос. Думѣ, призывая Думу къ единенію съ Правительствомъ на время войны. Дѣло было въ пятницу 4-го ноября. Какъ разъ въ это время шло засѣданіе Думы. По общей просьбѣ Совѣта Министровъ, адмиралъ Григоровичъ и генералъ Шуваевъ оставили засѣданіе и проѣхали въ Думу, гдѣ сдѣлали выступленіе, крайне благопріятно принятое членами Думы. Какъ оказалось, члены Думы, совершенно не подготовленные къ такому выступленію, приняли его не какъ желаніе Правительства, а какъ опредѣленный **расколъ** въ составѣ Совѣта. Такое предположеніе побудило ихъ сдѣлать бурную овацию Морскому и Военному Ми-

нистрамъ. Вскорѣ, впрочемъ, они узнали, въ чемъ дѣло, и пыль ихъ спала.

Въ цитированномъ трудѣ французскаго посла Мориса Палеолога это выступленіе излагается неправильно. Онъ представляетъ себѣ, что былъ какой-то расколъ, и выступавшіе министры говорили лично отъ себя.

Насколько возможно довѣрять сообщеніямъ русской заграничной прессы, явно свидѣтельствуемъ сумбурная и мало понятная статья, подъ страннымъ заголовкомъ, помѣщенная въ одномъ изъ номеровъ «Послѣднихъ Новостей». Авторъ, говоря объ упомянутой выше рѣчи адмирала Григоровича, заканчиваетъ такъ: «Можно ли забыть овацію, которую устроила адмиралу Григоровичу вся Дума, отъ праваго до лѣваго сектора... И за это поведеніе, за эту овацію — Григоровичъ долженъ былъ уйти въ отставку».

Автору статьи пришлось фантазировать. Онъ, очевидно, не зналъ, что Григоровичъ выступалъ по просьбѣ Совѣта Министровъ, что въ отставку онъ не выходилъ, и что онъ оставался на своемъ посту до самой революціи.

ГЛАВА XXIX.

ОСОБОЕ СОВѢЩАНІЕ ПО ТОПЛИВУ (ОСОТОП.).

Послѣ описаннаго выше торжественнаго соединеннаго засѣданія всѣхъ четырехъ совѣщаній подъ Личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора въ Зимнемъ Дворцѣ, каждое изъ совѣщаній приступило къ работѣ. Предстояло и мнѣ организовать совѣщаніе по топливу.

На основаніи опубликованнаго 17 августа 1915 г. положенія, Особое Совѣщаніе по топливу состояло подъ предсѣдательствомъ Министра Торговли и Промышленности. Оно являлось Высшимъ Государственнымъ Установленіемъ и никакое правительственное мѣсто или лицо не могло требовать отъ него отчета.

Составъ Совѣщанія былъ довольно многочисленный со включеніемъ семи членовъ Государственнаго Совѣта и семи членовъ Государственной Думы.

Вся власть принадлежала Предсѣдателю, т. е. Министру Торговли и Промышленности, а самое Совѣщаніе носило исключительно совѣщательный характеръ. Оно являлось замѣной учрежденнаго въ мартѣ того же года Комитета по распредѣленію топлива при Министерствѣ Путей Сообщенія.

Права Предсѣдателя новаго Совѣщанія были чрезвычайно широки. Ему предоставлялось: налагать секвестръ на предприятия, устранять членовъ правленія, директоровъ и управляющихъ предприятиями, назначать общія и частныя реквизиціи топлива, устанавливать предѣльныя цѣны на всѣ виды топлива, устанавливать размѣръ заработной платы и т. д.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ положеніи имѣлось и ограниченіе, состоявшее въ томъ, что Предсѣдатель Особого Совѣщанія по топ-

ливу былъ обязанъ сообщать Военному Министру свои постановленія, причѣмъ этому послѣднему, какъ Предсѣдателю Особаго Совѣщанія по оборонѣ, предоставлялось собственной властью приостанавливать всѣ распоряженія Предсѣдателя Особаго Совѣщанія по топливу и вносить вопросъ, вызвавшій его возраженія, на обсужденіе Особаго Совѣщанія по оборонѣ съ приглашеніемъ въ таковое Предсѣдателя и членовъ Особаго Совѣщанія по топливу. При недостиженіи соглашенія вопросъ долженъ былъ вноситься въ Совѣтъ Министровъ на его разрѣшеніе.

Здѣсь же считаю нужнымъ отмѣтить, что на практикѣ случаевъ приостановки моихъ распоряженій не было.

Предстоявшая Совѣщанію, а тѣмъ болѣе мнѣ лично, задача была чрезвычайно трудная. Дѣйствительно, съ объявленіемъ войны положеніе въ Россіи съ топливомъ оказалось весьма острымъ.

До войны весь Петроградскій и Прибалтійскій районы получали англійскій уголь морскимъ путемъ черезъ порты С.-Петербургскій, Ревельскій и Рижскій. Въ этихъ районахъ фабрики и заводы работали почти всецѣло на англійскомъ углѣ и весьма мало на Бакинской нефти.

Съ объявленіемъ войны всякій подвозъ угля изъ заграницы прекратился. Вскорѣ Домбровскій районъ, снабжавшій всю западную Россію, былъ занятъ непріателемъ. Такимъ образомъ въ распоряженіи Россіи остался только Донецкій Бассейнъ, доставлявшій въ мирное время 75% общаго потребленія.

Справедливо существовало убѣжденіе, что, съ развитіемъ заводовъ, изготовляющихъ снаряженіе, въ самомъ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, въ концѣ зимы 1915-1916 г.г. наступитъ угольный кризисъ, послѣдствіемъ чего окажется необходимымъ сократить желѣзнодорожное движеніе не только пассажирскихъ, но и товарныхъ поѣздовъ и значительно ограничить дѣятельность заводовъ, работающихъ на оборону. Такое положеніе было-бы катастрофическимъ, особенно если принять во вниманіе крайнюю недостаточность снабженія нашей арміи и полное отсутствіе военныхъ запасовъ.

Съ самыхъ первыхъ шаговъ Совѣщанія, было рѣшено подраздѣлить его на три секціи соотвѣтственно родамъ топлива: угольную, нефтяную и дровяную. По моему предложенію, единогласно принятому Совѣщаніемъ, предсѣдателемъ первой секціи былъ избранъ мой товарищъ Д. П. Коноваловъ, второй — членъ Государственнаго Совѣта А. А. Макаровъ, въ третьей Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы А. Д. Протопоповъ. При этомъ было рѣшено, что крупные вопросы, послѣ секціонной разработки должны рѣшаться въ пленарныхъ засѣданіяхъ, а мелкіе текущіе въ соотвѣтствующихъ секціяхъ.

Впослѣдствіи, видя, что работа неимоверно разрастается я предложилъ Совѣщанію выдѣлить изъ своего состава небольшой распорядительный комитетъ для ежедневныхъ засѣданій, въ составъ котораго вошли тоже два члена Государственной Думы:

Ратьков -Рожневъ и Протопоповъ. Однако, скоро въ Государственной Думѣ, главнымъ образомъ въ партійныхъ собраніяхъ, согласіе этихъ двухъ членовъ было сильно осуждено и они оба должны были покинуть вновь образованный распорядительный комитетъ.

Конечно для каждого ясно, что мое предложеніе о порученіи предсѣдательства въ нефтяной секціи члену Государственного Совѣта, а въ дровяной товарищу предсѣдателя Государственной Думы было чисто тактическимъ шагомъ. Я хотѣлъ втянуть членовъ законодательныхъ палатъ какъ можно больше въ реальную работу, такъ какъ, оставаясь лишь рядовыми членами, они могли направить свои силы исключительно на критику дѣйствій и мнѣхъ и всего Совѣщанія.

Засимъ Совѣщаніе, въ точномъ согласіи съ Военнымъ вѣдомствомъ, выработало очереди постепенности удовлетворенія нуждъ различныхъ потребителей угля.

Въ I очередь вошли: флотъ, желѣзныя дороги, всѣ казенные заводы военного и морскаго вѣдомствъ, арсеналы, казенные и частные заводы изготовляющіе взрывчатые вещества, патроны, снаряды, металлургическіе заводы, желѣзные рудники и коксовые печи.

II очередь: прочіе частные заводы, работающіе на оборону (кроме интендантскихъ), заводы обслуживающіе желѣзныя дороги.

III очередь: заводы, работающіе на интендантство, мукомольныя мельницы, соляныя копи, важнѣйшія предпріятія городскихъ управленій.

IV очередь: зернохранилища Государственного Банка, военно-учебныя заведенія, госпиталя, лазареты.

V очередь: прочіе потребители.

Конечно въ томъ положеніи, въ которомъ мы находимъ, потребители, отнесенные въ V очередь, удовлетворялись лишь въ мѣрѣ возможности.

Организація всѣхъ мѣстныхъ органовъ и подборъ мнѣхъ Главноуполномоченныхъ и уполномоченныхъ представляли не легкую задачу. Какъ и всегда подборъ надлежащаго высшаго состава былъ чрезвычайно труднымъ. Въ этотъ вопросъ я отнюдь не вмѣшивалъ Совѣщаніе; онъ составлялъ мою единоличную прерогативу.

При выборѣ лица для выполненія столь сложныхъ и важныхъ работъ я придерживался того же принципа, какъ и въ управленіи вн. водныхъ путей и шосс. дорогъ, т. е. выбиралъ наиболѣе цѣнныхъ, дѣльныхъ и честныхъ сотрудниковъ, не считаясь съ ихъ политическими взглядами и настроеніями. Для яркаго примѣра укажу, что Главноуполномоченнымъ по Московскому району я выбралъ профессора Новгородцева, дѣваго кадета, осужденнаго за подписаніе извѣстнаго Выборгскаго воззванія. Онъ оказался выше всякой похвалы и пользовался въ Москвѣ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ во всѣхъ слояхъ. Дѣятельность

его была такъ полезна, что я, желая чѣмъ нибудь отмѣтить его заслуги, однажды предложѣлъ выхлопотать ему черезъ Министра Юстиціи Высочайшее повелѣніе о нечисленности его судимости. Къ моему удивленію, поблагодаривъ меня, онъ отъ этой награды категорически отказался по принципиальнымъ соображеніямъ. Онъ считалъ, что это для него не удобно по отношенію къ его единомышленникамъ. А между тѣмъ мнѣ было извѣстно, что многіе выборгцы воспользовались этою Милостію Монарха.

Выборъ моего Главноуполномоченнаго по Донецкому Бассейну особенно тревожилъ меня. На него должно было лечь не только распредѣленіе топлива между потребителями, но еще и это главное — принятіе мѣръ къ поддержанію и къ развитію добычи угля. Здѣсь нуженъ былъ, во-первыхъ, отлично знающій мѣстныя условія горный инженеръ. во-вторыхъ, лицо, пользующееся полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ дѣятелей района и, наконецъ, безупречная честность и неподкупность.

Будучи лично не достаточно знакомъ съ обширнымъ кругомъ горныхъ инженеровъ, я обратился за совѣтомъ къ самымъ различнымъ дѣловымъ промышленнымъ кругамъ и, конечно, къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ по горному дѣлу. Мнѣ было указано нѣсколько возможныхъ кандидатовъ, но главнымъ образомъ съ разныхъ, заслуживающихъ довѣрія сторонъ, настойчиво упоминалось имя горнаго инженера Павла Сергѣевича Сергѣева, Директора Ауэрбаховскихъ копей, принадлежавшихъ Азовско-Донскому Банку. Провѣривъ тщательно разными путями эту рекомендацію, я остановилъ на немъ свой выборъ и телеграфировалъ ему съ просьбой прибыть ко мнѣ.

Не безъ нѣкотораго смущенія началъ я съ нимъ переговоры. Я зналъ, что его вознагражденіе въ частномъ крупномъ предпріятіи было весьма высокимъ, достигающимъ 150 тыс. рублей въ годъ. Предоставить ему изъ казенныхъ средствъ аналогичное вознагражденіе я, конечно, не могъ. Даже высшее въ Имперіи должностное лицо — Предсѣдатель Совѣта Министровъ далеко не имѣлъ столь высокаго оклада. Я долженъ былъ базироваться на существовавшихъ примѣрныхъ нормахъ. Я не могъ идти выше того оклада, который былъ присвоенъ товарищу министра, т. е. 15-18 тысячъ рублей.

Однако это обстоятельство нисколько его не смутило. Онъ сразу заявилъ, не колеблясь, что для него, при столь важной задачѣ государственнаго значенія, какъ руководство всей дѣятельностью Донецкаго Бассейна, матеріальный вопросъ не имѣетъ значенія, но онъ пожелалъ до окончательнаго отвѣта, посоветоваться съ находившимися въ Петроградѣ горнопромышленниками.

Черезъ сутки я получилъ отъ него утвердительный отвѣтъ, однако съ весьма серьезной оговоркой. Мнѣ было поставлено условіе, чтобы, для полноты власти и обезпеченія успѣха, я под-

чинилъ своему Главноуполномоченному всю обширную мѣстную горную инспекцію.

Понимая, какой ударъ такимъ распоряженіемъ я наношу всѣмъ заслуженнымъ и почтеннымъ Инспекторамъ, но все же, сознавая справедливость поставленнаго мнѣ условія, я его принялъ.

До отъѣзда инженера Сергѣева на новую дѣятельность я собралъ у себя на дому совершенно частное совѣщаніе исключительно изъ нѣсколькихъ специалистовъ дѣла. Послѣ обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ связанныхъ съ предстоящей дѣятельностью Главноуполномоченнаго, я предложилъ обсудить мое личное, чрезвычайно простое по структурѣ, предложеніе, которымъ я заранѣе подѣлился съ П. С. Сергѣевымъ, для избѣжанія ожидавшагося кризиса. Это было тогда новинкою — теперь этотъ методъ широко примѣняется во всѣхъ областяхъ, гдѣ является недостатокъ продукта.

Я предложилъ сдѣлать подсчетъ абсолютно необходимаго количества угля на зимніе, наиболѣе критическіе мѣсяцы. Далѣе, зная настоящую и возможную при напряженіи производительность каждой копи, распределить всю потребность между рудниками, вмѣнивъ директорамъ предпріятій въ обязанность выполнить эту задачу подъ ихъ личной отвѣтственностью.

Предложеніе это члены моего частнаго совѣщанія определенно отвергли, во главѣ съ Тов. М-ра Д. П. Коноваловымъ и директоромъ горнаго департамента В. И. Арондаренко, и признали его абсолютно не выполнимымъ. Послѣднимъ я предоставилъ слово моему Главноуполномоченному. Къ удивленію всего собранія, онъ нисколько не колеблясь, кратко заявилъ, что онъ беретъ выполнить этотъ планъ. Тогда я добавилъ, что циркуляръ по этому поводу, съ обозначеніемъ обязательной для рудника добычи, долженъ быть составленъ въ спокойныхъ выраженіяхъ, съ призывомъ къ патріотизму, но въ концѣ должно быть добавлено, что неисполненіе программы поведетъ къ неисчислимымъ бѣдствіямъ страну, и виновные въ невыполненіи заданія понесутъ серьезныя кары, вплоть до увольненія отъ должностей.

Въ Донецкомъ бассейнѣ циркуляръ этотъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Стоялъ вопль о невозможности выполнения назначенныхъ нормъ. Меня и Главноуполномоченнаго засыпали протестами. Павелъ Сергѣевичъ вновь пересмотрѣлъ нормы. Нѣкоторыя ходатайства, которыя онъ считалъ справедливыми, онъ удовлетворилъ нѣсколько сокращая заданія, другимъ оставилъ ихъ безъ измѣненія.

Въ результатѣ программа была выполнена, и висѣвшій надъ нами кризисъ избѣгнуть, безъ примѣненія, къ счастью, какихъ либо строгихъ мѣръ.

Вся дальнѣйшая работа Инженера Сергѣева была образцовой, заслужившей полное довѣріе не только у меня, но и у всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ. Совмѣстная наша съ нимъ, крайне отвѣтственная работа, основанная на обоюдномъ довѣріи и ува-

женіи, заложила фундаментъ нашей съ нимъ исключительной дружбы.

Далѣе я перейду къ изложенію нѣсколькихъ сторонъ дѣла, легшихъ всею тяжестью всецѣло лично на меня, отнимавшихъ много времени и требовавшихъ постоянного нервнаго напряженія. При этомъ надо принять во вниманіе, что, кромѣ громаднаго дѣла топлива, на мнѣ лежало все управленіе большимъ вѣдомствомъ съ весьма разносторонними интересами.

Излагая мои затрудненія и заботы, на первое мѣсто я долженъ, конечно, поставить конспиративно-революціонную дѣятельность военно-промышленныхъ комитетовъ, стремившихся всѣми силами скомпрометировать правительственную власть. Но на этомъ пунктѣ я останавливаться не буду, потому что этой организациіи я посвятилъ отдѣльную главу, изъ которой ясно, что нѣтъ отрасли въ которой пагубность ихъ дѣятельности и пропаганды не внесли бы затрудненій.

Здѣсь же я коснусь только тѣхъ вопросовъ, по которымъ мнѣ пришлось особенно настойчиво расходиться во взглядахъ съ нѣкоторыми членами правительства. Я далекъ отъ мысли укорять ихъ за это, но своими стремленіями вѣдомственнаго характера, они ставили мнѣ серьезныя затрудненія въ выполненіи моей задачи. Этими вѣдомствами были Министерства Путей Сообщенія и Военное, т. е. два вѣдомства, особо заинтересованныя въ правильной работѣ Осотопа.

Недоразумѣнія съ Министромъ Путей Сообщенія.

Однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ являлся дисциплинированіе мѣстныхъ органовъ желѣзныхъ дорогъ, дабы достигнуть точнаго выполненія нарядовъ и распоряженій моихъ и Главноуполномоченныхъ. По этимъ вопросамъ мнѣ постоянно приходилось договариваться съ А. Ф. Треповымъ какъ лично, такъ и въ особо важныхъ случаяхъ въ Совѣтѣ Министровъ. Треповъ былъ чрезвычайно настойчивъ, зачастую даже рѣзокъ. Онъ всячески оправдывалъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ. Однако несмотря на это мнѣ удалось ни разу не уступить ему.

Какъ я изложилъ выше въ началѣ этой главы, желѣзныя дороги были естественно поставлены въ первую категорію потребителей, наравнѣ съ флотомъ и самыми главными заводами, работающими на оборону. На каждый мѣсяць составлялась точная программа, которую мои органы должны были выполнить во что бы то ни стало. Между тѣмъ выполненіе ея зачастую нарушалось начальниками дорогъ, которые, по своему усмотрѣнію, направляли въ свои склады груженные для другихъ потребителей поѣзда и выгружали ихъ у себя, внося полную дезорганизацию во всю программу снабженія. Долго центральное управленіе министерства п. с. отрицало эти факты, затѣмъ объясняло ихъ срочностью пополненія запасовъ. Мѣстные же органы зачастую доставляли и въ мои организациіи и своему центральному начальству явно ложныя данныя, особенно при заявленіяхъ своихъ по-

требностей на слѣдующій мѣсяць. Къ счастью, моя организація могла доказать цѣлый рядъ злоупотребленій такого рода, и мнѣ удалось, послѣ неимовѣрныхъ пререканій съ А. Ф. Треповымъ, настоять, чтобы начальникамъ дорогъ въ этомъ отношеніи были даны строжайшія инструкціи и категорически воспретить имъ примѣнять самоуправство.

Далѣе, до войны желѣзныя дороги пользовались почти исключительно коксовыми углями высшаго качества. Съ развитіемъ во время войны работы заводовъ на оборону, потребовалось громадное количество металла, слѣдовательно, усиленная работа доменныхъ печей, для которыхъ необходимы исключительно коксовые угли. Естественно, что мнѣ пришлось отдать значительную часть этого драгоценнаго топлива металлургіи, и это, конечно, въ извѣстной степени за счетъ уменьшенія его для желѣзныхъ дорогъ, замѣняя его все же наилучшими сортами.

Это породило цѣлую бурю среди мѣстныхъ и центральныхъ органовъ. Кричали о пониженіи качества угля, о порчѣ сѣрой паровозныхъ котловъ и даже о предстоящей изъ за этого остановкѣ движенія! Конечно, всѣ эти крики были значительно преувеличенны, но у меня другого исхода не было.

По этому поводу новыя препирательства съ Министромъ Путей Сообщенія.

Между прочимъ я привлекъ специалистовъ для выясненія вопроса, нѣтъ ли возможности утилизировать для паровозныхъ топковъ антрацитъ. Ихъ заключеніе было вполне опредѣленно въ положительномъ смыслѣ, съ указаніемъ, что антрацитъ надо для этой цѣли смѣшивать въ извѣстной пропорціи съ бурыми углями и произвести нѣкоторыя передѣлки топки, но на это желѣзныя дороги упрямо не соглашались, даже въ видѣ опыта, кромѣ частныхъ Юго-Восточныхъ дорогъ, которыя перешли всецѣло и съ полнымъ успѣхомъ на антрацитъ.

Разъ я коснулся антрацита, то я долженъ отмѣтить, что къ этому превосходному топливу у насъ относились съ какимъ то пренебреженіемъ, а между тѣмъ Донецкій антрацитъ превосходитъ по качеству англійскій. Цѣны у насъ на антрацитъ были значительно ниже, чѣмъ на бурые угли; крупная промышленность сравнительно мало шла на разработку антрацитовыхъ слоевъ и добыча антрацита производилась, главнымъ образомъ, или мелкими, слабо оборудованными промышленниками или даже кустарями. Между тѣмъ развить добычу антрацита много легче, чѣмъ добычу бурыхъ углей; пласты его залегаютъ менѣе глубоко, чѣмъ пласты другихъ сортовъ и даже иногда выходятъ на поверхность.

Съ цѣлью увеличенія добычи угля Главноуполномоченный настоялъ, чтобы всѣ заброшенныя крестьянами шахты были пущены въ ходъ. Для этого онъ выдалъ владѣльцамъ ихъ ссуды, которыя были весьма скоро погашены.

Засимъ онъ убѣдилъ сахарозаводчиковъ приспособить ихъ топки къ работѣ на антрацитѣ. Сперва они отнеслись къ этому

скептически, а засимъ, послѣ опытовъ произведенныхъ экспертами, командированными Главноуполномоченнымъ, всѣ сахарозаводчики перешли на антрацитъ и были весьма довольны этимъ топливомъ.

По мѣрѣ развитія военной промышленности, особенно послѣ начала дѣятельности военно-промышленныхъ комитетовъ, началась невѣроятная скачка цѣнъ на всѣ продукты военной промышленности. Нѣкоторое повышеиіе, конечно, вполне оправдывалось обстоятельствами военного времени, повышеиіемъ стоимости матеріаловъ и вздорожаніемъ рабочихъ рукъ. Но львиная доля обнаружившагося несоразмѣрнаго подъема цѣнъ была чисто спекулятивнаго характера и вызвана, съ одной стороны преступной дѣятельностью военно-промышленныхъ комитетовъ, размѣщавшихъ заказы военного вѣдомства, не считаясь съ цѣной, а съ другой попустительствомъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія, во главѣ котораго стоялъ генераль А. А. Маниковскій, всячески заискивавшій предъ революціонной общественностью.

Я твердо рѣшилъ всѣми силами бороться съ этимъ пагубнымъ вліяніемъ въ той области, которая была ввѣрена моему непосредственному и единоличному руководству. Съ этой цѣлью, въ полномъ согласіи съ рѣшеніемъ Особаго Совѣщанія по топливу, приступилъ къ назначенію обязательныхъ предѣльныхъ цѣнъ на всѣ виды минеральнаго топлива.

Задача эта представляла серьезныя затрудненія по условіямъ самага производства. Можно имѣть изъ двухъ разныхъ шахтъ уголь одного и того же качества. Естественно, что расцѣнка должна быть одинаковая. Однако себѣстоимость предпринимателя могла быть совершенно разная въ зависимости отъ степени оборудованія рудника, залеганія пласта, его мощности, его паденія, потребныхъ водоотливныхъ средствъ и т. д. Такимъ образомъ, при установленіи общей цѣны для опредѣленнаго сорта угля одинъ предприниматель могъ работать съ хорошимъ барышемъ, а другой еле-еле сводить концы съ концами, и, слѣдовательно, стремиться къ ограниченію производительности. Индивидуализировать же цѣну для каждаго рудника, конечно, было абсолютно невозможно.

Поэтому я опредѣленно держался того, чтобы при исчисленіи и установленіи предѣльныхъ цѣнъ принимался во вниманіе нѣкоторый коэффициентъ для поощренія интенсивной выработки, избѣгая, все же, чрезмѣрности расцѣнки. Конечно, устанавливаемые цѣны зачастую не удовлетворяли многихъ предпринимателей, сравнивавшихъ мои цѣны на угли съ тѣми бѣшенными цѣнами, которыя практиковались въ военной промышленности. Вполнѣ естественно, что установленныя цѣны зачастую пересматривались и, по мѣрѣ хода событій и условій производства, осторожно повышались мною.

Въ отношеніи установленныхъ мною цѣнъ на минеральное топливо я опять былъ въ полномъ разногласіи съ Министерствомъ

Путей Сообщенія. Сперва оно утверждало, что оно имѣеть съ рудниками договоры на нѣсколько лѣтъ съ точно опредѣленной цѣной, а потому мои цѣны не примѣнимы къ поставкамъ на желѣзные дороги. Это возраженіе мнѣ было легко отпарировать въ Совѣтъ Министровъ. Я указалъ, что договоры были заключены до войны, въ предвидѣніи мирнаго времени. Съ началомъ войны, вслѣдствіе *force majeure*, рудники естественно освобождаются отъ этихъ обязательствъ, тѣмъ болѣе, что распредѣленіе ихъ выработки зависитъ уже не отъ нихъ, а отъ меня.

Тогда Министръ Путей Сообщенія внесъ мотивированное представленіе въ Совѣтъ Министровъ, утверждая, что мои цѣны слишкомъ высоки. Опять мнѣ приходится выдерживать новое сраженіе въ Совѣтъ Министровъ. Я категорически заявилъ, что ни подъ какимъ видомъ я не понижу утвержденныхъ мною цѣнъ. Я озабоченъ возможнымъ повышеніемъ добычи угля и нефти, и лучший способъ уменьшить добычу состоитъ въ назначеніи цѣны, которая не будетъ давать умѣреннаго, но достаточнаго заработка предпріятіямъ.

И на этотъ разъ А. Ф. Треповъ вынужденъ былъ уступить, что совсѣмъ не соотвѣтствовало его характеру. Естественно, что отношенія наши постепенно охладились.

Въ отношеніи планомѣрности и успѣшности добычи угля играетъ важную роль своевременность и регулярность подачи на рудникъ вагоновъ для немедленной погрузки и вывозки добытаго угля, а такъ же для доставки необходимаго для рудниковъ лѣса, главнымъ образомъ изъ Могилевской и Минской губерній. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи Донецкій бассейнъ чрезвычайно страдалъ въ то время, которое характеризовалось названіемъ: «разстройство транспорта». Винить, конечно, въ этомъ некого; явленіе это было стихійное, вызванное цѣлымъ рядомъ послѣдствій военныхъ дѣйствій, изъ которыхъ два надо отмѣтить особо: это массовыя и постоянныя отступленія нашихъ войскъ подъ давленіемъ непріятели и истерическое распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго Вел. Кн. Николая Николаевича о немедленной высылкѣ изъ прифронтовой полосы всѣхъ евреевъ. Это послѣднее распоряженіе было имъ сдѣлано безъ какого бы то ни было согласованія и соглашенія ни даже сношенія съ Правительствомъ. Министерство Путей Сообщенія и Внутреннихъ Дѣлъ принимали всѣ мѣры къ урегулированію волны еврейскаго переселенія и возможной планомѣрности желѣзнодорожнаго движенія, но я не могу не отмѣтить этого явленія, которое въ значительной мѣрѣ отражалось и на успѣшности выработки угля и на своевременной доставкѣ его потребителямъ.

Вслѣдствіе этого разстройства транспорта, вмѣсто ежедневной планомѣрной подачи опредѣленнаго числа вагоновъ на рудникъ, длительно не подавалось вовсе вагоновъ. Добытый уголь скапливался на копяхъ, загромождалъ склады, стѣснялъ работу и грузчики бездѣйствовали. Затѣмъ совершенно неожиданно,

безъ всякаго предупрежденія, начиналась усиленная подача вагоновъ въ нѣсколько разъ больше нормы. Погрузочная способность рудника не позволяетъ трузить столь большого количества вагоновъ, часть которыхъ убираютъ не груженными, слѣдовательно, отмѣчается отказъ рудниковъ отъ погрузки, что ставится въ вину руднику.

Въ связи съ этимъ я долженъ указать на проявляющуюся зачастую крайнюю медлительность въ уплатѣ желѣзнодорожнымъ вѣдомствомъ за поставленный уголь, что значительно нарушаетъ финансовые расчеты предприятий.

Эти два явленія, т. е. нерегулярная подача вагоновъ и задержки платежей, вынудили меня входить въ постоянныя сношенія съ П. С. Сергѣевымъ для налаженія дѣла, но для временной и быстрой помощи Особое Совѣщаніе по топливу организовало покупку у рудниковъ обременяющихъ запасовъ. Эти покупки совершались въ очень ограниченныхъ количествахъ лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ; операція эта не получила широкаго распространенія.

Недоразумѣнія съ Военнымъ Вѣдомствомъ.

Теперь я изложу причины моихъ довольно частыхъ настоячивыхъ пререканій съ Военнымъ Министерствомъ, какъ съ генераломъ Поливановымъ, такъ и съ его преемниками генералами Шуваевымъ и Бѣляевымъ, причемъ съ этими двумя послѣдними у меня были самыя лучшія отношенія, и пререканія наши носили совершенно иной, чисто дѣловой, характеръ и даже не доходили до свѣдѣнія Совѣта Министровъ, а разрѣшались между нами. Вотъ ихъ сущность.

Успѣшность добычи угля зависитъ прежде всего отъ количества и качества рабочихъ на копяхъ. Въ нормальное время наибольшее число рабочихъ бывало осенью и зимою благодаря такъ называемымъ сезоннымъ рабочимъ. Голый и холодный рабочий охотно спускался въ теплую шахту. Съ наступленіемъ тепла онъ уходилъ на сельскую работу, и удержать его въ шахтѣ было невозможно. Въ страдную пору обычно бывалъ минимумъ рабочихъ на шахтахъ. Съ наступленіемъ морозовъ начинался новый приливъ рабочихъ. Планомѣрность такого періодическаго прилива и отлива рабочихъ была неизмѣнна. Въ военное время эта планомѣрность, конечно, ослабѣла, но, въ добавокъ къ этимъ естественнымъ колебаніямъ, появился новый факторъ — призывъ въ войска. Призывы эти производились недостаточно осмотрительно и положительно нарушали правильный ходъ не только государственной, но и промышленной жизни страны. Цѣннаго квалифицированнаго рабочаго снимали съ его работы и посылали рядовымъ въ войска. Такъ поступали и съ рабочими угольной промышленности. Приходилось для спасенія рудниковъ съ полной дезорганизациіи постоянно настаивать передъ Военнымъ Министерствомъ, представляя списки совершенно необходимыхъ для правильного хода предприятия специалистовъ. Зачастую этого

удавалось достигнуть уже послѣ состоявшагося призыва, когда рабочій снятъ съ дѣла, отправленъ въ войска и когда его даже почти невозможно отыскать для возвращенія. Такъ постепенно убывалъ кадръ опытныхъ рабочихъ специалистовъ и заполнялся съ трудомъ лицами, не приспособленными къ дѣлу. Естественно, что при такихъ условіяхъ средняя производительность рабочаго падала болѣе быстро, чѣмъ если бы соответствующія власти въ должной мѣрѣ оцѣнивали, какъ легко нарушать налаженное дѣло и какъ трудно его возсоздать.

Видя, что живая сила постепенно убываетъ и что ее надо въ мѣрахъ возможности замѣнить машинами, я въ концѣ 1916 г. рѣшилъ выписать изъ Америки разнаго рода машины и механическія приспособленія для модернизациі хотя бы части нашихъ рудниковъ. Проведя этотъ вопросъ черезъ Особое Совѣщаніе, я испросилъ Совѣтъ Министровъ отпускъ мнѣ кредита въ 10 милл. рублей изъ военнаго фонда для этой цѣли.

Выполненіе этихъ закупокъ въ Америкѣ я рѣшилъ не поручать медленно работающимъ комитетамъ или комиссіямъ и, конечно, не командированной подъ предсѣдательствомъ профессора Бахметьева организациі военно-промышленнаго комитета, о которой я пишу въ моей главѣ по поводу дѣятельности военно-промышленныхъ комитетовъ.

Я обратился къ хорошо мнѣ извѣстному, весьма энергичному норвежцу, коммерческому дѣятелю и директору распорядителю Сибирскаго пароходнаго общества, принявшаго русское подданство Юнасу Лиду, блестяще выполнившему мои порученія по покупкѣ и доставкѣ пароходовъ для сибирскихъ рѣкъ, въ бытность мою начальникомъ водныхъ путей. Этому лицу, совмѣстно со специалистомъ по угольнымъ шахтамъ горнымъ инженеромъ Крыжановскимъ, я далъ полномочія въ расчетъ на быстрое выполненіе этой срочной задачи. Ко времени прибытія ихъ въ Америку уже совершился нашъ государственный переворотъ, нарушившій выполненіе задуманнаго мною дѣла.

Вторичная поѣздка въ Харьковъ.

10-го января 1917 г., послѣ того какъ Государь Императоръ не согласился удовлетворить мое настойчивое ходатайство объ освобожденіи меня отъ должности Министра Торговли и Промышленности, я доложилъ Государю, что я считаю необходимымъ вновь отправиться въ Харьковъ для совѣщанія съ горнопромышленниками, такъ какъ за послѣднія недѣли я усмотрѣлъ нѣкоторое пониженіе кривой добычи угля и я хотѣлъ личными переговорами въ Харьковѣ установить причины этого тревожнаго явленія и намѣтить мѣры къ восстановленію понижавшейся добычи. Предположеніе мое было одобрено Государемъ, но сразу отправиться въ поѣздку я не могъ, такъ какъ въ январѣ было назначено Совѣщаніе союзниковъ, и я былъ въ составѣ членовъ Совѣщанія.

Тотчасъ по окончаніи этого Совѣщанія я уѣхалъ въ Харь-

ковъ. Меня поразили тамъ удивительно подавленное настроеніе и пессимистическій тонъ, которые царили среди горнопромышленниковъ. Открыто говорили о предстоящемъ дальнѣйшемъ ухудшеніи съ углемъ и невозможности устранить это явленіе. Ярко чувствовались пониженіе энергіи и усталость отъ войны. Главной жалобой былъ износъ инвентаря и не только невозможность его возобновить, но даже невозможность сдѣлать нѣкоторыя наиболѣе кричащія исправленія. Все это было по объясненіямъ горнопромышленниковъ слѣдствіемъ того, что для всякаго исправленія требуется металлъ, которымъ распоряжается Военное вѣдомство, не соглашающееся уступить даже небольшое количество на нужды горнопромышленности.

Лично я въ тотъ моментъ такъ пессимистично настроенъ не былъ. Вѣдь я только что присутствовалъ на Совѣщаніи союзниковъ въ Петроградѣ. Было ясно, что намѣченныя на весну совмѣстныя согласованныя дѣйствія союзниковъ должны были нанести противнику сокрушительный ударъ и что война не могла продлиться дальше начала осени 1916 г. Неразумное хозяйничаніе военного вѣдомства въ области металловъ я рассчитывалъ преодолѣть, во первыхъ благодаря моимъ добрымъ отношеніямъ съ Военнымъ Министромъ генераломъ Бѣляевымъ, а во вторыхъ потому что въ количественномъ отношеніи надобность горнопромышленности въ металлѣ была не такъ велика.

Наконецъ я рассчитывалъ, что предпринятыя мною шаги о пріобрѣтеніи новѣйшихъ машинъ въ Америкѣ тоже могутъ оказать серьезное вліяніе на увеличеніе добычи.

По возвращеніи въ Петроградъ я вступилъ немедленно въ переговоры съ тѣми лицами, съ которыми вообще мнѣ часто приходилось имѣть сношенія по военному вѣдомству, а именно съ генераломъ Маниковскимъ, начальникомъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія, и генераломъ Мышлаевскимъ, председателемъ металлургическаго комитета. Мнѣ было крайне трудно ихъ убѣдить, но подъ конецъ я понялъ, что они склонились на мою сторону. Послѣ этого я обратился къ генералу Бѣляеву. Къ моему удивленію я встрѣтилъ въ немъ прямое противодѣйствіе. Я долженъ повторить, что я былъ съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, считалъ и продолжаю считать его высоко порядочнымъ и умнымъ человекомъ, но въ данномъ случаѣ у него повидимому взяло верхъ болѣзненное чувство самолюбія, потому что я договаривался съ подчиненными ему лицами раньше, чѣмъ съ нимъ.

Въ февралѣ на моемъ ближайшемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднемъ докладѣ Государю, отдавая Его Величеству отчетъ о моей поѣздкѣ въ Харьковъ, я упомянулъ, что еще не договорился съ Военнымъ Министромъ по поводу металла, но, что въ виду нашихъ съ нимъ хорошихъ отношеній, я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Если же я съ нимъ, паче чаянія, не договорюсь, то я сдѣлаю соотвѣтствующее представленіе въ Совѣтъ Министровъ о нашемъ разногласіи.

Сдѣлать этого мнѣ не пришлось. Насъ смела революція...

Когда я вернулся изъ второй поѣздки въ Харьковъ, настроеніе Особаго Совѣщанія по оборонѣ было очень агрессивное. Во что бы то ни стало хотѣли добиться соединеннаго засѣданія всѣхъ совѣщаній подъ предсѣдательствомъ Государя. Между тѣмъ было ясно, что изъ такого засѣданія ничего, кромѣ скандала, не могло выйти, а подвергать риску Особу Государя Правительство согласиться не могло.

Поэтому было принято среднее рѣшеніе, заключающееся въ томъ, что, благодаря затрудненіямъ съ продовольствіемъ, перевозками и топливомъ, всѣ предсѣдатели совѣщаній сдѣлаютъ въ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ докладъ о положеніи дѣлъ. Такимъ образомъ Риттихъ, Войновскій-Кригеръ и я продефилировали передъ Совѣщаніемъ по оборонѣ.

Мой докладъ длился почти два часа. Онъ былъ обстоятельно разработанъ и снабженъ массой діаграммъ. Общая мысль — легкое паденіе выработки, незначительное ухудшеніе качества угля, но далеко не такое, какъ кричали желѣзныя дороги и возможность нѣкотораго недостатка топлива, что впрочемъ я надѣялся устранить.

Подъ самый конецъ моего доклада появился Гучковъ. Онъ всячески старался доказать необстоятельность моего доклада, котораго онъ почти не слышалъ. Самъ онъ выступилъ по вопросу о горящихъ сланцахъ, модному въ то время вопросу. Выступилъ онъ съ прямой цѣлью скомпрометировать труды тѣхъ научныхъ силъ, которымъ я поручилъ изученіе этого дѣла. Кажется это было послѣднее засѣданіе Ос. Сов. по оборонѣ при старомъ режимѣ.

Нефтянсе топливо.

Удѣливъ довольно много мѣста дѣятельности Осотопа и моей въ области угольной промышленности и принимая во вниманіе, что затрудненія и распоряженія по нефтяному и дровяному топливу были въ томъ же направленіи, какъ и по углю, я не буду долго останавливаться на подробномъ изложеніи мѣропріятій по этимъ двумъ видамъ топлива, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ пришлось бы повторять то, что было сказано про уголь. Я изложу лишь нѣкоторыя особенности, касающіяся этихъ областей.

Первое, что я долженъ отмѣтить, это то, что съ прекращеніемъ привоза англійскаго угля въ Петроградъ его пришлось въ значительной степени замѣнить нефтью. Въ то время какъ до войны Петроградъ потреблялъ менѣе 100 тыс. тоннъ нефти, въ 1915 г. было доставлено почти 400 тыс. тоннъ, а въ 1916 — 550 тыс. тоннъ. Доставка эта почти исключительно произволилась водными путями.

Какъ я упоминалъ про уголь, среди заинтересованныхъ лицъ было постоянное неудовольствіе недостаточно будто бы высокой расцѣнкой нефтяныхъ продуктовъ, причемъ неудоволь-

ствіе это въ нефтяныхъ кругахъ выражалось болѣе настойчиво, чѣмъ въ средѣ угольныхъ предпріятій. А между тѣмъ при установкѣ цѣнъ на нефтяное топливо былъ принятъ тотъ же посшрительный принципъ, какъ и на уголь, но, конечно, эти цѣны были далеки отъ тѣхъ спекулятивныхъ, которыя были бы при отсутствіи регламентаціи.

Мнѣ пришлось изыскивать способъ умѣрить чрезмѣрные аппетиты нефтепромышленниковъ. Я принялъ рѣшеніе, вызвавшее бурю негодованія въ Бакинскихъ кругахъ.

Будучи принципиальнымъ противникомъ казенной эксплуатаціи промышленныхъ предпріятій, я тѣмъ не менѣе рѣшилъ организовать на участкѣ Бакинскаго района добычу нефти казеннымъ распоряженіемъ, и этимъ способомъ имѣть возможность точно устанавливать себѣстоимость, которая должна была быть ниже, чѣмъ въ частныхъ предпріятіяхъ.

Особое совѣщаніе по топливу, а затѣмъ и Совѣтъ Министровъ одобрили эту мѣру, и вѣдомство Торговли и Промышленности должно было, если бы не произошла революція, приступить къ выполненію намѣченнаго мѣропріятія. Проектъ этотъ существовалъ и до меня, но подъ вліяніемъ нефтянниковъ, онъ лежалъ подъ сукномъ.

Дровяная секція.

Дровяная секція потребовала отъ меня не мало напряженія. Какъ я изложилъ выше, предсѣдателемъ ея былъ избранъ А. Д. Протопоповъ. Онъ чрезвычайно горячо взялся за дѣло, хотѣлъ показать, что онъ можетъ успѣшно работать и въ то же время на каждомъ шагу доказывалъ свое полное неумѣніе взяться за дѣло. Сперва онъ чуть не каждый день являлся ко мнѣ, какъ онъ самъ называлъ «съ докладомъ» и отнималъ у меня много времени. Въ секціи ясно поняли, что Протопоповъ наладить дѣла не можетъ, и пошли нелады, что побудило меня ближе взяться лично за это дѣло, устранять засѣданія секціи у себя, мирить и направлять. Скоро Протопоповъ сталъ «улавывать» и все болѣе и болѣе манкировать, что дало мнѣ возможность постепенно его устранить, и, несмотря на чрезмѣрное обремененіе меня дѣлами, удѣлять время на направленіе дѣла, вплоть до отъѣзда его за границу въ качествѣ Предсѣдателя делегаціи отъ законодательныхъ учреждений. По возвращеніи онъ скоро получилъ назначеніе Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Я не привожу особыхъ деталей дѣятельности этой секціи, но укажу только въ общихъ чертахъ въ чемъ она заключалась.

Въ виду необходимости срочной заготовки дровъ для обезпеченія нуждъ населенія, были приняты двѣ слѣдующія мѣры.

Во-первыхъ, испрошены черезъ Совѣтъ Министровъ крупныя ассигнованія, распредѣленныя въ видѣ ссудъ городскимъ самоуправленіямъ для заготовки дровъ для населенія, а во вторыхъ болѣе или менѣе крупныя заготовки дровъ производились распоряженіемъ Осотопа, главнымъ образомъ, черезъ подрядчиковъ.

При этомъ всѣмъ мѣстнымъ властямъ были даны указанія, что реквизиціи дровъ и лѣсовъ никто не имѣлъ права дѣлать безъ разрѣшенія Управленія Осотопа. Распоряженіе это пришлось сдѣлать потому, что, зачастую, чрезмѣрно усердныя мѣстныя власти, заготовители дровъ слишкомъ легко шли на нарушеніе справедливыхъ интересовъ лѣсовладѣльцевъ и уплачивали имъ вознагражденіе много низшее, чѣмъ дѣйствительная ихъ стоимость.

Заключеніе главы.

Въ заключеніе настоящей главы я долженъ отмѣтить, что дѣятельность Особаго Совѣщанія по топливу рѣзко отличалась отъ дѣятельности Особаго Совѣщанія по оборонѣ. Это послѣднее Совѣщаніе, конечно, являлось главнымъ изъ всѣхъ четырехъ совѣщаній. Оно было чрезвычайно многолюднымъ и предсѣдатель его, Военный Министръ генераль Поливановъ весьма легко допускалъ присутствіе и участіе въ немъ постороннихъ лицъ, будто бы необходимыхъ для разъясненій. Это обстоятельство нарушало секретность преній и постановленій и легко могло быть полезнымъ для непріятельскаго шпіонажа. Но самое главное это то, что помимо дѣловыхъ сужденій, оно являлось политической говорильней.

Никто изъ произносившихъ политическія рѣчи никогда не былъ призванъ Поливановымъ къ порядку.

Совѣщаніе по топливу обсуждало исключительно вопросы, касающіеся его прямой задачи. Никакихъ политическихъ выступленій не было. Оно работало въ полномъ со мною согласіи, всѣ члены вносили свою посильную дѣловую лепту и, такимъ образомъ, мнѣ за все время ни разу не пришлось воспользоваться моимъ правомъ поступить не въ соотвѣтствіи съ рѣшеніемъ Совѣщанія; мои предначертанія въ громадномъ большинствѣ случаевъ получали единогласное одобреніе, или въ рѣдкихъ случаяхъ серьезное большинство голосовъ.

Результаты дѣятельности Осотопа до самаго дня революціи были слѣдующіе.

Во первыхъ, при всей трудности задачи, ожидавшійся въ зиму 15-16 г. кризисъ топлива былъ избѣгнутъ; **во вторыхъ**, добыча угля, несмотря на всѣ изложенныя выше неблагопріятныя условія, увеличилась въ первый же годъ на 34% противъ довоенной, а слѣдовательно, достигла той цифры, которая была до войны вмѣстѣ съ Домбровскимъ райономъ и привознымъ англійскимъ углемъ, а увеличеніе въ 1916 г. достигло 41%; **въ третьихъ**, ни одинъ изъ заводовъ, работающих по изготовленію матеріаловъ военнаго снабженія, не былъ ни на одинъ день остановленъ изъ за недостатка топлива; **въ четвертыхъ**, на рудникахъ не было ни одного дня забастовки во время войны, тогда какъ на заводахъ таковыхъ было много и, **наконецъ**, исключительно благодаря чрезвычайно твердой политики цѣнъ на минеральное топливо, только двѣ отрасли военной промышленности, т. е. угольная и нефтяная, не были захвачены въ спекулятивный водоворотъ бѣшеной скачки цѣнъ.

Казалось бы, нельзя не признать, что дѣятельность Особого Совѣщанія по топливу была, по меньшей мѣрѣ, удовлетворительна.

ГЛАВА XXX.

ГЕНЕРАЛЬ ПОЛИВАНОВЪ.

Цензура.

Первое время послѣ замѣны Сухомлинова Алексѣемъ Андреевичемъ Поливановымъ я относился къ этому послѣднему съ большой симпатіей и довѣріемъ, полагая, что онъ представляетъ изъ себя тотъ желательный элементъ, котораго такъ жаждали въ Сухомлиновскія времена.

Долженъ сказать, что, дѣйствительно, А. А. Поливановъ былъ весьма умный и образованный человекъ, скончившій двѣ академіи, генеральнаго штаба и военно-инженерную, обладавшій громадной работоспособностью. Этому оспаривать никто не можетъ; но скоро я понялъ, что его отрицательныя стороны настолько вредны и для Правительства, и для страны, и даже для самого Государя, что мнѣ пришлось круто измѣнить мое отношеніе къ нему. Я ясно понялъ, что главнѣйшая его цѣль была культивированіе отношеній съ тою общественностью, которая не можетъ быть иначе названа, какъ революціонная общественность.

На первыхъ же порахъ Поливановъ приобрѣлъ симпатію Совѣта Министровъ и мою личную по слѣдующему обстоятельству. До его назначенія всѣ военныя дѣйствія были сокрыты отъ Совѣта Министровъ, мы ихъ узнавали изъ газетъ наравнѣ съ публикой. Происходило это, во первыхъ, изъ за полной оппозиціи Ставки, или вѣрнѣе Главнокомандующаго, Правительству, а, во вторыхъ, потому, что и самъ военный министръ Сухомлиновъ не допускался даже во время его пріѣздовъ въ Ставку, къ какимъ бы то ни было стратегическимъ вопросамъ. Съ назначеніемъ Поливанова, его впервые допустили присутствовать при докладѣ Начальника Штаба Государю Императору военнаго положенія. Съ тѣхъ поръ Поливановъ почти каждое засѣданіе Совѣта Министровъ сталъ дѣлать намъ, въ секретной части засѣданія, сообщенія, освѣщавшія намъ военное положеніе.

Дѣлалъ онъ это, надо ему отдать справедливость, кратко и толково.

Въ Совѣтѣ Министровъ я сидѣлъ противъ Поливанова. Какъ то разъ, во время весьма трагичнаго сообщенія о нашемъ положеніи, я замѣтилъ какое то странное выраженіе его лица. Казалось, что онъ былъ удовлетворенъ. Это настолько меня поразило, что я уже въ слѣдующіе разы его сообщеній сталъ внимательно всматриваться въ его лицо. При сравнительныхъ улучшеніяхъ дѣлъ на фронтѣ такого выраженія я не замѣчалъ, но это, какъ бы удовлетвореніе повторялось при ухудшеніяхъ. Я былъ настолько пораженъ, что, спускаясь изъ Совѣта Министровъ по лѣстницѣ Маріинскаго Дворца вмѣстѣ съ С. В. Рухловымъ, я въ

виду нашихъ дружескихъ съ нимъ отношеній, рѣшился подѣлиться съ нимъ моимъ впечатлѣніемъ. Сергѣй Васильевичъ, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: «а развѣ это для Васъ новость?» Я былъ ошеломленъ и не зналъ, чѣмъ объяснить такое странное явленіе. Не хотѣлъ-ли онъ самъ занять крупное положеніе въ Ставкѣ и проводить тамъ свою стратегію? Не знаю.

Дальнѣйшее поведеніе Поливанова еще болѣе заставило меня призадуматься.

Передъ самой войной вышло положеніе о военной цензурѣ. Положеніе это совершенно не предусматривало какихъ бы то ни было цензурныхъ ограниченій обще-политическаго характера, а давало только полномочія военному начальству не допускать печатаніе газетами тѣхъ данныхъ, которыя могутъ считаться военными секретами. Однако, при сколько нибудь благопріятномъ отношеніи Военнаго Министра къ обще-государственнымъ интересамъ, ему ничего не стоило войти въ такое соглашеніе съ Правительствомъ, при которомъ обще-политическая цензура была бы вполнѣ достигнута при посредствѣ военныхъ цензоровъ, усиленныхъ гражданскими специалистами этого дѣла. Такая постановка была бы тѣмъ болѣе правильна, что толкованіе закона о цензурѣ могло быть совершенно свободно расширено безъ всякаго искаженія смысла его. Военное же министерство совершенно не обладало сколько нибудь подготовленными кадрами цензоровъ. Не разъ приходилось наблюдать анекдотическіе курьезы того, какъ неумѣло справлялись съ дѣломъ командированные для этой цѣли прапорщики, оказавшіеся, по какимъ либо соображеніямъ, негодными для службы въ войскахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ зачастую зараженные противоправительственными теченіями.

Между тѣмъ оставленіе прессы въ столь тяжелое время безъ должнаго надзора и руководства оказывалось пагубнымъ. Даже наиболѣе либеральныя страны — наши союзники, Англія и Франція, ввели у себя столь строгія правила цензуры, что пресса оказалась всецѣло въ рукахъ Правительства.

Вопросъ этотъ крайне озабачивалъ Совѣтъ Министровъ при всѣхъ его составахъ. Было ясно, что издавать новый законъ по 87 статьѣ невозможно, такъ какъ Государственная Дума, при первомъ же созывѣ, его отмѣнила бы. Не оставалось ничего другого, какъ войти въ соглашеніе съ Военнымъ Министромъ. Совѣтъ Министровъ твердо останавливался на необходимости установленія согласованной работы военной и общеполитической цензуры подъ военнымъ флагомъ. И вотъ трудно себѣ представить большую молчаливую оппозицію Правительству, чѣмъ та, которая была оказана Военнымъ Министромъ по той причинѣ, конечно, что мѣра эта оказалась бы для него не популярной; вѣдь вся его дѣятельность была направлена исключительно къ исканію популярности не только въ средѣ членовъ законодательныхъ палатъ, но и вообще въ широкихъ либеральныхъ кругахъ и даже въ самыхъ лѣвыхъ слояхъ.

Открыто въ засѣданіяхъ Совѣта онъ не возражалъ, наоборотъ, какъ бы соглашался, но, когда дѣло подходило къ осуществленію, то имъ употреблялись всѣ усилія, чтобы возможно затянуть дѣло. Наконецъ, не добившись результатовъ, Предсѣдатель Совѣта И. Л. Горемыкинъ составилъ соотвѣтствующій журналъ Совѣта Министровъ, представилъ его на утвержденіе Государю Императору и передалъ къ исполненію Военному Министру. Но и послѣ этого журналъ этотъ долго не выходилъ изъ портфеля Поливанова, а засимъ измышлялись всякія затрудненія для примѣненія его.

Затѣмъ Поливановымъ было сдѣлано представленіе въ Государственную Думу о новомъ законѣ о цензурѣ, причемъ своимъ представителямъ въ Думской комиссіи онъ далъ указанія идти на всякія уступки Думѣ.

Дѣятельность Поливанова въ Особомъ Совѣщаніи по Оборонѣ.

Учрежденное по закону 17-го августа 1915 г. Особое Совѣщаніе по оборонѣ состояло подъ предсѣдательствомъ Военнаго Министра. Въ него входили Предсѣдатели Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, по десять членовъ отъ каждой изъ законодательныхъ палатъ, цѣлый рядъ представителей отъ различныхъ вѣдомствъ и организаций. Цѣлью совѣщанія было обезпеченіе арміи необходимымъ снабженіемъ. Изъ четырехъ образованныхъ по вышеупомянутому закону совѣщаній Особое Совѣщаніе по оборонѣ было главнѣйшимъ. Это уже видно изъ того, что Предсѣдатели трехъ другихъ совѣщаній топлива, продовольствія и по перевозкахъ обязаны были сообщать Военному Министру свои постановленія, при чемъ этому послѣднему предоставлялось собственною властью пріостанавливать распоряженія предсѣдателей другихъ совѣщаній. При этомъ законъ предусматривалъ порядокъ, въ которомъ пріостановленныя постановленія должны были разрѣшаться. Практически ни одно изъ постановленій пріостановлено не было.

Вышеупомянутое совѣщаніе было чрезвычайно многолюдно и громоздко. Въ него могли попадать, подъ видомъ специалистовъ и консультантовъ, цѣлый рядъ лицъ нежелательныхъ, имѣвшихъ цѣлью полученіе освѣдомленій по вопросамъ, которые должны были бы держаться въ строжайшей тайнѣ. Предсѣдатель Совѣщанія допускалъ свободно обсужденіе политическихъ вопросовъ, которые возбуждались, главнымъ образомъ, Родзянкой и Гучковымъ, и, такимъ образомъ, мало по малу совѣщаніе это обратилось въ новую политическую говорильню. Для примѣра укажу, что, напр., Гучковъ заявилъ въ засѣданіи, что если бы Россіей управлялъ германскій генеральный штабъ, то онъ дѣлалъ бы именно то, что дѣлаетъ наше Правительство. И, несмотря на такія выходки, Предсѣдатель ни разу не остановилъ такого рода выступленія и не призвалъ къ порядку. Его главные помощники, генералы Маниковскій и Лукомскій, такъ же какъ и онъ самъ, заискивали передъ разнузданной общественностью, для которой военное министерство открыло всѣ двери.

А между тѣмъ три другихъ совѣщанія (изъ которыхъ топливнымъ предсѣдательствовалъ я) работали исключительно по вопросамъ касающимся ихъ прямого назначенія безъ всякой примѣси политики.

Но если Поливановъ такъ искалъ популярности черезъ Особое Совѣщаніе, то уже въ Государственной Думѣ онъ переходилъ всякіе предѣлы. Тутъ уже не было только желаніе работать въ согласіи съ общественностью; тутъ было стремленіе получить какъ можно больше приверженцевъ, все равно какою цѣной. И этого онъ достигалъ весьма успѣшно. Для примѣра его выступленій съ трибуны, я приведу двѣ его фразы. При разсмотрѣніи проекта закона объ особыхъ совѣщаніяхъ онъ, чтобы понравиться массѣ, заявилъ: «присутствіе (въ особ. совѣщаніяхъ) членовъ законодательныхъ палатъ даетъ увѣренность въ успѣшной борьбѣ съ установившейся рутинной». Въ одномъ изъ закрытыхъ засѣданій Думы онъ произнесъ слѣдующее: «Ни минуты не сомнѣваюсь, что наша армія идетъ къ побѣдѣ, ибо за ея спиной стоитъ несокрушимая стѣна русской общественности».

Конечно, эти выкрики, что называется для «райка», вызывали бурю аплодисментовъ.

Лѣтомъ 1915 г., если не ошибаюсь въ іюль, я лично поѣхалъ къ Поливанову и рассказалъ ему положеніе снабженія желѣзомъ. Я ему далъ цифровыя выкладки, указывавшія, что потребность въ металлѣ съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивается, благодаря громаднымъ артиллерійскимъ заказамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выплавка чугуна уменьшилась. Онъ къ этому вопросу отнесся довольно спокойно. Два или три разговора съ нимъ на эту тему дали мнѣ понять, что онъ боится вмѣшательства моего министерства въ это дѣло.

Наконецъ, въ октябрѣ вопросъ обострился, и на мое новое предупрежденіе Поливановъ просилъ, чтобы я занялся этимъ вопросомъ. Къ тому времени уже существовало совѣщаніе по топливу, къ которому я и рѣшилъ приурочить вопросъ о черномъ металлѣ.

Выработанное положеніе внесено было въ особое совѣщаніе по топливу, которое его одобрило, и я представилъ по этому предмету записку въ Совѣтъ Министровъ, предварительно одобренную Поливановымъ.

Дѣятели особаго совѣщанія по оборонѣ заявили, что это дѣло ихъ совѣщанія, и, основываясь на этомъ, Поливановъ, не предупредивъ меня, просилъ Совѣтъ Министровъ передать мою записку на разсмотрѣніе его Совѣщанія, гдѣ все уже было подготовлено, и моя записка отвергнута. Только въ декабрѣ 1915 г. при Поливановскомъ Совѣщаніи образуется металлургическій комитетъ подъ предсѣдательствомъ генерала Мышлаевскаго.

Такое рѣшеніе было болѣе, чѣмъ дико: выработка угля и его расходованіе и выплавка чугуна настолько близко связаны между собою и такъ переплетаются другъ съ другомъ, что вѣдать

этими вопросами въ двухъ разныхъ министерствахъ безсмысленно, тѣмъ болѣе, что всѣ матеріалы и данныя комитетъ Мышлаевскаго могъ черпать, главнымъ образомъ, въ моемъ министерствѣ и у моихъ уполномоченныхъ по топливу, которымъ я, конечно, далъ инструкціи объ оказаніи полнаго содѣйствія. Образованіе металлургическаго комитета при особомъ совѣщаніи по оборонѣ нисколько меня лично не задѣло, такъ какъ я былъ настолько перегруженъ тяжестью лежавшихъ на мнѣ обязанностей, что я далеко не былъ расположенъ расширять дальше компетенцію ввѣреннаго мнѣ вѣдомства. Но въ этомъ вопросѣ ярко выразилась двойная игра Поливанова, одобвившаго мою записку въ Совѣтъ Министровъ и засимъ круто перемѣнившимъ мнѣніе въ угоду общественности.

Пермскій Заводъ.

Наиболѣе острое мое столкновеніе съ военнымъ министромъ было на почвѣ, въ угоду частнымъ промышленнымъ дѣятелямъ, погубить Пермскій казенный заводъ.

Я никогда не былъ сторонникомъ эксплуатаціи промышленныхъ предприятий казной. Но въ самый разгаръ войны надо было мобилизовать всѣ силы, въ частности, казенные заводы для полученія отъ нихъ максимума возможной продуктивности. Поэтому, тотчасъ по вступленію въ должность министра, я, прежде всего обратилъ свое вниманіе на недостаточное использованіе казенныхъ заводовъ.

Мнѣ стоило громадныхъ усилій, чтобы развить и увеличить до максимума продуктивность горныхъ заводовъ. Задача была трудная. Съ одной стороны казенныя формальности затрудняли быстрое проведеніе реформъ, съ другой ужасающая рутина горнаго вѣдомства.

Лично я ѣздилъ дважды на Уралъ.

Однимъ изъ первыхъ рѣшеній моихъ было выдѣленіе управленія горными заводами изъ компетенціи горнаго департамента, назначеніе спеціальнаго для этого дѣла лица и подчиненіе его непосредственно мнѣ.

Одновременно, какъ я уже упомянулъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, я испросилъ черезъ Совѣтъ Министровъ, усиленный кредитъ изъ военнаго фонда на расширеніе заводовъ.

Далѣе, громаднымъ затрудненіемъ были низкіе оклады инженерному составу, не допускавшіе привлеченія талантливыхъ силъ. Послѣ долгихъ и настойчивыхъ переговоровъ съ Министромъ Финансовъ и Государственнымъ Контролеромъ, мнѣ удалось установить дополнительное процентное вознагражденіе изъ операціонныхъ кредитовъ инженерамъ, дававшее возможность доводить оклады, хотя, конечно, не до размѣровъ частныхъ заводовъ, но все же достаточныхъ для привлеченія надлежащаго состава.

Результаты оказались весьма благопріятными. Продуктивность сильно возрасла, качество издѣлій было превосходное, а цѣны весьма низкія.

Напримѣръ, Пермскій заводъ изготовлялъ трехдюймовую пушку за 1.200 руб. тогда какъ цѣна Путиловскаго завода была, насколько я помню, около 5.000 руб. Снаряды на казенныхъ заводахъ изготовлялись тоже въ 4 и 5 разъ дешевле частной промышленности.

Удерживать цѣны казенныхъ заводовъ, съ постепенными увеличеніями лишь вызванными удорожаніемъ рабочихъ рукъ и матеріаловъ, было трудно въ то время, когда шель страшнѣйшій ажіотажъ частныхъ предпріятій, спекулянтовъ и въ особенности военно-промышленныхъ комитетовъ. Всѣ эти учрежденія чувствовали, что имъ крайне мѣшаетъ такая несообразность ихъ цѣнъ съ цѣнами казенныхъ заводовъ.

И вотъ стали изобрѣтаться всевозможныя мѣры къ тому, чтобы дискредитировать и погубить казенные заводы. Сперва старались сдѣлать это всевозможными нападками. Затѣмъ усвоивъ себѣ тотъ убійственный вредъ, который приносили всякія коміссіонныя обслѣдованія на мѣстѣ заводовъ, промышленники и центральный военно-промышленный комитетъ стали предлагать въ особомъ совѣщаніи по оборонѣ производство обслѣдованій казенныхъ горныхъ заводовъ. Всякое такое предложеніе принималось съ восторгомъ. Коміссіи одна за другой ѣздили на мѣста, мѣшали работѣ высшаго техническаго персонала, подыгрывались къ рабочимъ, смущали ихъ и составляли доклады съ указаніемъ на всевозможные дефекты. Приходилось дѣлать возраженія, доказывать, что критикующій или не понимаетъ о чемъ говорить, или слишкомъ тонко понимаетъ цѣль этихъ обслѣдованій. Въмѣсто продуктивной работы техническому персоналу было необходимо отбиваться отъ критикующихъ, цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы нанести ударъ казеннымъ заводамъ и подтолкнуть частную промышленность на дальнѣйшій ажіотажъ. А все это вызывало восторгъ Редзянки, Гучкова и Пеливанова.

Несмотря на всѣ затрудненія кривая производительности казенныхъ заводовъ неукоснительно чертила вверхъ. Кривая цѣнъ, естественно тоже подавалась слегка кверху, но умѣренно, плавно, и ничего не имѣла общаго съ цѣнами частныхъ заводовъ.

Время отъ времени я представлялъ Государю Императору на моихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ вышеупомянутыя діаграммы.

Наконецъ былъ придуманъ такой шагъ, который долженъ былъ въ корнѣ подрѣзать казенные заводы, а именно, построить въ Перми, мѣстонахожденія крупнѣйшаго казеннаго завода, новый частный заводъ для изготовленія снарядовъ, конечно, по наивысшимъ цѣнамъ частныхъ заводовъ. Для осуществленія этого явился частный предприниматель (Лесснеръ), просившій дать ему немедленно громадный заказъ на снаряды, выдать ему въ счетъ на постройку завода авансъ въ 75% всей суммы заказа и, не помню черезъ сколько лѣтъ, онъ обѣщалъ приступить къ слачѣ сна-

рядовъ. Всякому ясно, что въ случаѣ осуществленія такого завода паденіе Пермскаго завода неизбежно.

По секрету отъ меня разрабатывается весь вопросъ и вносится въ артиллерійскую комиссію, состоящую подъ председательствомъ моего предмѣстника С. И. Тимашева. Несмотря на протесты моего представителя, Старынкевича, проектъ одобряется и съ неимоверной быстротою проводится черезъ Особое совѣщаніе по оборонѣ.

Узнавъ объ этомъ постановленіи, я 24 декабря 1915 г., немедленно лично просилъ Поливанова не утверждать постановленія и не выдавать заказа и подтвердилъ мою просьбу письмомъ. Тѣмъ временемъ, по частнымъ свѣдѣніямъ, заказъ былъ выданъ.

Одновременно я обратился къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ съ просьбою внести на обсужденіе Совѣта Министровъ вышеизложенный вопросъ.

Положеніе достигло такой остроты, что я счелъ долгомъ доложить его Государю и былъ принятъ въ Ставкѣ 5 января 1916 года. Послѣ моего подробнаго доклада я получилъ полное одобреніе Его Величества и Его моральную поддержку.

Въ Совѣтѣ Министровъ я упорно возражалъ Поливанову. Сперва онъ хотѣлъ отвести вопросъ въ сторону, заявивъ, что это не дѣло Совѣта, а его личное право, на что я ему отвѣтилъ, что, значитъ, онъ не признаетъ себя членомъ объединеннаго Правительства, а стоитъ внѣ его. Въ концѣ концовъ большинство министровъ согласилось съ моею точкой зрѣнія.

Путиловскій Заводъ.

Путиловскій заводъ, расположенный въ самомъ Петроградѣ, на берегу устья Невы почти при впаденія ея въ Финскій заливъ, въ такъ называемую Маркизову лужу, былъ старѣйшимъ и крупнѣйшимъ заводомъ всего Петроградскаго района. Начало его было положено устройствомъ казеннаго ядро-литейнаго завода, за симъ переданнаго морскому офицеру Н. И. Путилову, который для эксплуатаціи его образовалъ акціонерное Общество. Въ концѣ концовъ, послѣ иѣлаго ряда измѣненій въ періодъ грюндерскій дѣятельности нѣкоторыхъ частныхъ банковъ, заводъ этотъ оказался въ рукахъ Международнаго и Русско-Азіатскаго Банковъ. Предсѣдателемъ перваго былъ А. И. Вышнеградскій, сынъ знаменитаго министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго, а второго — Алексѣй Ивановичъ Путиловъ — племянникъ учредителя этого завода.

Какъ Вышнеградскій, такъ и Путиловъ, все свои стремленія естественно направляли на биржевые спекулятивные цѣли и зачастую другъ съ другомъ конкурировали. Но надо отдать справедливость этому заводу: со времени открытія военныхъ дѣйствій въ 1914 г. и съ полученіемъ этимъ заводомъ весьма крупныхъ заказовъ артиллерійскаго вѣдомства, онъ началъ сильно развивать свою производительность и достигъ въ этомъ отношеніи прекрасныхъ техническихъ результатовъ, но въ финансовомъ отношеніи былъ накануне банкротства.

Вопросъ объ этомъ заводѣ неоднократно вносился въ Совѣтъ Министровъ. Первый разъ это было въ апрѣлѣ 1915 г. еще при военномъ министрѣ Сухомлиновѣ. Испрашивалась выдача заводу казенной ссуды въ 12 милл. руб. Къ удивленію Совѣта Министровъ, я высказался противъ этого и предложилъ иную форму вспомошествованія.

Путиловскій заводъ зарвался. Банки хотять втянуть казну въ заводъ, чтобы дальнѣйшее его существованіе было не только обезпечено, но и дало бы возможность банкамъ, главнымъ образомъ Международному, получить обратно то, что имъ затрачено. Такой ссудой достигалась цѣль. Деньги давала казна, а слѣдовательно, обезпечивалась не только дѣятельность завода, но и дальнѣйшія ссуды. Банки постепенно могли выйти безъ потерь. Я предложилъ ничего не давать въ ссуду, а приобрести за счетъ военнаго фонда не выпущенную часть акцій на ту же сумму, которую хотѣли дать въ ссуду. При такомъ положеніи государство дѣлалось соучастникомъ дѣла. Оставляя всѣ преимущества частнаго предпріятія, выборное правленіе, работая на частныхъ основаніяхъ безъ казенныхъ формальностей, Правительство приобрѣтало бы могущественное вліяніе въ предпріятіи, такъ какъ правительственные директора были-бы въ правленіи наравнѣ съ акціонерными. Мысль моя была отвергнута, ссуда выдана, значить дальнѣйшее предрѣшалось: новыя и новыя ссуды.

Раньше чѣмъ приступить къ описанію дальнѣйшей судьбы Путиловскаго завода я долженъ пояснить чрезвычайную неудачность расположенія его **во время войны** въ самой столицѣ: онъ былъ слишкомъ далеко отъ того, что ему было необходимо и слишкомъ близокъ ко всему тому, что ему было вредно и пагубно. Дѣйствительно, съ одной стороны, онъ былъ за двѣ тысячи верстъ отъ угля, нефти, чугуна и металла и рабочіе его жили въ столицѣ. Конечно такое положеніе въ значительной степени удорожало производство. Съ другой стороны, близость къ Особому Совѣщанію по оборонѣ, къ центр. военно-пром. к-ту и наконецъ къ Государственной Думѣ представляла громадный вредъ: заводъ слишкомъ привлекалъ къ себѣ вниманіе тѣхъ, которыхъ надо было держать подалеже отъ заводовъ.

И вотъ эта близость къ Петрограду повела за собою неоднократно обслѣдованія, главнымъ образомъ со стороны Особого Совѣщанія по оборонѣ и привела къ мысли секвестра завода.

Вопросъ этотъ, особо поддерживаемый Родзянкой, былъ внесенъ на обсужденіе Особого Совѣщанія по оборонѣ подъ предсѣдательствомъ Пливанова. Большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного — представителя Министерства Торговли и Промышленности, вопросъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Къ сожалѣнію представитель мой вмѣсто того, чтобы развить и обосновать причины, по которымъ не желательно производить секвестръ, ограничился заявленіемъ, что онъ имѣеть указаніе отъ Министра возражать противъ секвестра. Конечно, ре-

зультаты въ отношеніи постановленія Особаго Совѣщанія были бы тѣ же, если бы мой представитель развилъ мысль, но мое положеніе было бы несравненно удобнѣе, такъ какъ оно было бы вопросомъ моего убѣжденія и не имѣло бы характера какого-то оппозиціоннаго Совѣщанію возраженія, какъ это можно было понять при простомъ заявленіи о несогласіи.

Конечно, послѣ этого я счелъ необходимымъ предупредить Совѣтъ Министровъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя я ожидаю отъ секвестра, а именно значительнаго затрудненія съ рабочими, вздорожаніе стоимости работъ и даже уменьшеніе производительности.

И то и другое не замедлило случиться. Первой мѣрой оказалась смѣна правленія, что повело за собой уходъ ряда старшихъ руководителей, и конечно неблагопріятно отразилось на производствѣ.

Новое правленіе оказалось составленнымъ изъ неподходящихъ лицъ, не имѣющихъ ничего общаго съ заводскимъ управленіемъ.

Наиболѣе вліятельнымъ оказался генераль-майоръ профессоръ Кривошеинъ. Личность его мнѣ близко извѣстна и описана въ части моихъ воспоминаній, касающихся моихъ поѣздокъ на фронтъ по дѣламъ шоссейныхъ дорогъ.

Слѣдующимъ лицомъ въ правленіе былъ назначенъ бывший директоръ Петроградскаго Политехническаго Института кн. Ггаринъ, уволенный еще бывшимъ министромъ Философовымъ.

Наконецъ, Профессоръ Алексѣй Николаевичъ Крыловъ. Этотъ послѣдній представлялъ изъ себя очень крупную научную величину и математика міровой извѣстности, но совершенно не пригоднаго для практической дѣятельности

Увольненіе Поливанова.

Послѣднее выступленіе генерала Поливанова въ Государственной Думѣ было по вопросу о забастовкахъ на Путиловскомъ заводѣ. Сдѣлано это было съ обычнымъ заискиваніемъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, причемъ многія его заявленія не шли въ соотвѣтствіи съ политикой другихъ вѣдомствъ по рабочему вопросу. Въ такихъ случаяхъ необходимо было предварительно войти въ соглашеніе съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, съ Министромъ Торговли и Промышленности, и съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Получивъ стенограмму этой рѣчи, я рѣшилъ переговорить со Штюрмеромъ. Онъ былъ крайне пораженъ, прочитавъ этотъ документъ, и заявилъ, что онъ немедленно пошлетъ въ Ставку всеподданнѣйшій докладъ и пресилъ меня дать по этому поводу кое какія справки, которыя я поручилъ составить моему товарищу Ланговому, какъ большому знатоку и автору рабочаго законодательства. Помощ. Упр. дѣл. Совѣта М-ровъ А. С. Путилову было поручено составленіе всеподданнѣйшаго доклада.

Докладъ этотъ не успѣлъ дойти до Ставки, какъ былъ полу-

ченъ указъ объ увольненіи Поливанова отъ должности военнаго министра. Это ожидалось давно, но, повидимому, вопросъ шелъ о томъ, кому поручить военное вѣдомство.

Общественные дѣятели ознаменовали уходъ Поливанова устройвѣ ему торжественный обѣдъ въ одномъ изъ ресторановъ. Мнѣ передавали, что на обѣдѣ Поливановъ рассказывалъ совершенно невѣроятные мотивы его отставки, напр., отказъ его предоставить Распутину автомобиль и какая-то записка М-ра Торговли и Промышленности. И то и другое конечно ложь! Никакихъ записокъ я не подавалъ, но на своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ я представлялъ нѣсколько разъ о моихъ неладахъ съ нимъ.

Для того чтобы закончить настоящую главу, я хочу упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ дѣятельность генерала Поливанова послѣ революціи.

Достаточно указать, что Временнымъ Правительствомъ, вѣрнѣе сказать Гучковымъ, бывшимъ въ то время военнымъ и морскимъ министромъ, ему было поручено председательствовать въ комиссіи по выработкѣ знаменитой «декларации правъ солдата». Всѣмъ извѣстно, что это произведеніе, шедшее вразрѣзъ всей дисциплинѣ и здравому смыслу, хотя и введенное послѣ ухода Гучкова изъ состава Временнаго Правительства, явилось однимъ изъ главнѣйшихъ импульсовъ полной дезорганизаціи арміи и флота во время войны.

Наконецъ, послѣ большевической революціи, ген. Поливановъ явился однимъ изъ главнѣйшихъ консультантовъ Совѣтскаго Правительства по военнымъ вопросамъ; онъ занялъ мѣсто члена законодательнаго совѣта и сособаго совѣщанія при Главнокомандующемъ, и въ 1920 г. ѣздилъ въ качествѣ эксперта на конференцію въ Ригу для заключенія мира съ Польшей, гдѣ онъ и умеръ.

Насколько онъ пользовался въ это время почетомъ, видно изъ газетъ. Его хоронили по православному обряду въ Александро-Невской Лаврѣ. Церемоніаль погребенія былъ весьма торжественный; гробъ сопровождалъ совѣтъ петроградской коммуны, во главѣ съ Зиновьевымъ, и всѣ красноармейскія части, расположенныя въ Петроградѣ.

ГЛАВА XXXI.

ПРИТЯЗАНІЯ АНГЛИИ НА РУССКОЕ ЗОЛОТО.

Съ объявленіемъ войны Государственный Банкъ естественно приостановилъ золотое обращеніе. Послѣдовавшіе громадныя расходы на войну и снаряженіе потребовали сильнѣйшаго напряженія государственныхъ средствъ. Для производства этихъ расходовъ Правительству пришлось неоднократно увеличивать эмиссіонное право Государственнаго Банка (*relever le plafond*),

что, естественно, вызывало паденіе покупательной способности рубля, такъ какъ онъ все мѣе и мѣе имѣлъ обезпеченіе золотымъ запасомъ.

Въ концѣ іюля 1915 г. въ секретной части засѣданія Совѣта Министровъ на Елагиномъ островѣ, лѣтней резиденціи Предсѣдателя, Министръ Финансовъ, П. Л. Баркъ, сдѣлалъ Совѣту Министровъ сообщеніе о полученной имъ отъ агента министерства торговли и промышленности въ Лондонѣ, секретной телеграммѣ.

Здѣсь я долженъ пояснить, что министерство финансовъ не имѣло въ Англійи собственнаго агента, а свои порученія исполняло черезъ агента министерства торговли и промышленности Рутковскаго.

Ко времени назначенія меня министромъ, Рутковскій игралъ въ Англійи довольно видную роль. Онъ состоялъ тамъ во главѣ совѣщанія вѣдовавшаго заказами нашего военнаго вѣдомства. Однако организація эта далеко не удовлетворяла предъявляемымъ къ ней требованій. Путаница въ этомъ дѣлѣ была невѣроятная. Разобравшись съ этимъ вопросомъ я рѣшилъ смѣнить Рутковскаго и высказывалъ пожеланія, чтобы военное вѣдомство назначило своего уполномоченнаго. Долженъ отмѣтить, что С. Д. Сазоновъ оказывалъ всегда свое покровительство Рутковскому, который былъ агентомъ и въ то время, когда Сергѣй Дмитриевичъ служилъ секретаремъ Лондонскаго посольства.

Возвращаюсь къ телеграммѣ Рутковскаго министру финансовъ. Онъ сообщалъ, что министры финансовъ Англійи и Франціи рѣшили сдѣлать заемъ въ Америкѣ съ привлеченіемъ къ нему въ равной долѣ и Россію, причемъ Россія должна, для гарантіи платежей, перевести въ Англійю 250 милліоновъ золотыхъ рублей. Рутковскій просилъ телеграммою отвѣта Барка о согласіи Русскаго Правительства на предложенную комбинацію.

Баркъ уже заготовилъ и прочиталъ проектъ своего отвѣта съ принципиальнымъ согласіемъ, спрашивая лишь только разъясненія нѣкоторыхъ деталей. При этомъ Баркъ просилъ Совѣтъ Министровъ одобритъ его отвѣтъ. Какъ ни странно, но члены Совѣта отнеслись къ этому дѣлу крайне равнодушно и были готовы одобрить.

Тогда я выступилъ рѣшительно противъ этого предложенія.

Во первыхъ, я выразилъ крайнее изумленіе по поводу условій займа, по которому Россія должна вывозить отъ себя золото. Заемъ я понимаю въ томъ смыслѣ, что на основаніи «довѣрія» къ странѣ подъ ея «поручительство» даютъ ту или иную сумму. Извѣстны случаи, когда, благодаря некредитоспособности страны, займы даютъ подъ гарантію тѣхъ или иныхъ доходныхъ статей, напр., Турція получила заемъ подъ гарантію таможенныхъ пошлинъ. Дошли ли мы до той же степени довѣрія въ глазахъ союзниковъ, какъ была Турція?

Во вторыхъ, я доказывалъ, что такое мѣропріятіе патубно отразится на курсѣ рубля, выпускаемаго въ соотвѣтствіи съ

опредѣленнымъ запасомъ золота. Хотя мы уже нѣсколько разъ увеличивали эмиссионное право Государственнаго Банка, а, слѣдовательно, того обезпеченія, которое существовало въ мирное время уже нѣтъ, тѣмъ не менѣе вывозъ такого количества золота несомнѣнно сильно отразится на курсѣ.

Наконецъ я указалъ, что я совершенно не понимаю, какъ можно вопросы такой первостепенной важности вести черезъ второстепеннаго агента. Со стороны Франціи и Англій участвуютъ въ переговорахъ Министры финансовъ, а мы представлены Рутковскимъ, агентомъ ввѣреннаго мнѣ министерства, оказавшимся не на высотѣ и внесшаго въ порученныя ему дѣла чрезвычайную путаницу. Военное министерство, дающее ему серьезныя порученія, постоянно мнѣ на него жалуется, и, разобравшись съ дѣломъ, я рѣшилъ въ самомъ близкомъ будущемъ его смѣнить.

Въ концѣ концовъ я высказалъ убѣжденіе, что въ виду предстоящей поѣздки Петра Львовича въ Лондонъ и Парижъ, всѣ эти вопросы должны быть отложены до его личныхъ переговоровъ съ союзными министрами финансовъ.

Мнѣ горячо возражали Баркъ и Сазоновъ.

Къ удивленію моему, въ числѣ мотивовъ за заемъ въ предложенномъ видѣ, Баркъ утверждалъ, что вывозъ золота не можетъ отразиться на курсѣ рубля. Это было бы такъ, по мнѣнію Министра Финансовъ, если бы у насъ существовало золотое обращеніе, но оно прекращено и уменьшеніе золотого запаса никакой роли не окажетъ на цѣну рубля.

Сазоновъ же далъ самую лучшую аттестацію Рутковскому, очевидно, какъ своему старому сослуживцу.

И. Л. Горемыкинъ приступилъ къ голосованію. Напротивъ меня сидѣлъ А. В. Кривошеинъ, который очень хорошо понялъ серьезность моихъ доводовъ, но, поддерживая всегда Барка, онъ и на этотъ разъ не пожелалъ идти противъ него. Присоединиться прямо къ мнѣнію Барка было неловко: слишкомъ мои доводы были ясны. Онъ вышелъ изъ этого положенія тѣмъ, что заявилъ: «Я не финансистъ, я право въ этихъ вопросахъ не разбираюсь».

Когда баллотировка оказалась небольшимъ числомъ голосовъ въ пользу предложенія Барка о посылкѣ согласительной телеграммы, то я рѣшилъ употребить послѣдній доводъ, который произвелъ эффектъ разорвавшейся бомбы.

Я заявилъ слѣдующее: «Прошу Совѣтъ Министровъ имѣть въ виду, что я въ сегодняшнемъ постановленіи не участвую, а кромѣ того, что на такого рода мѣру Совѣтъ можетъ еще пойти только три раза». Фраза эта не сразу была понята, но когда я разъяснилъ, что предполагаемое къ высылкѣ золото составляетъ почти 1/4 часть нашего золотого запаса, то старикъ Горемыкинъ понялъ первый серьезность только что вынесеннаго постановленія и предложилъ самъ Совѣту: «А правда, Господа, не подождать ли поѣздки Петра Львовича за границу?»

Возраженій не послѣдовало, и, такимъ образомъ, этотъ пер-

вый порывъ союзниковъ начать транспортировку нашего золота въ свои кладовыя былъ отпарированъ. Впрочемъ они скоро его возобновили съ успѣхомъ для нихъ.

По вопросу о нашихъ денежныхъ отношеніяхъ съ англичанами я всегда былъ въ рѣзкомъ разногласіи и съ Баркомъ и съ Сазоновымъ. Оба они были подъ какимъ-то обаяніемъ передъ англичанами и опасались ихъ неудовольствія.

Передъ отъѣздомъ П. Л. Барка за границу для займовъ Совѣтъ Министровъ обсуждалъ различные вопросы, связанные съ его поѣздкой. И вотъ здѣсь я высказалъ вполнѣ рѣшительное мнѣніе о томъ, что денежная помощь англичанъ должна быть самая широкая. Фактически вели войну въ то время Россія и Франція. Англія не принимала почти участія, кромѣ морской блокады. Зато Англія была завалена военными заказами и для насъ и для Франціи по весьма высокимъ цѣнамъ и наживала деньги. Мы же лили не щадя русскую кровь и разорялись.

По поводу указанной выше теоріи Барка о томъ, что вывозъ изъ страны золота не вліяетъ на курсъ денежной единицы, я долженъ привести еще одинъ оригинальный эпизодъ.

Черезъ годъ, въ 1916 г. новое засѣданіе Совѣта Министровъ подъ предсѣдательствомъ Штюрмера. Большинство Министровъ новаго состава. Изъ старыхъ остались Григоровичъ, Игнатъевъ, Баркъ и я. И вотъ Баркъ совершенно опредѣленно доказываетъ о соотвѣтствіи курса денежной единицы съ тѣмъ запасомъ золота, который ее обезпечиваетъ, т. е. именно то, противъ чего онъ такъ возражалъ мнѣ въ іюль 1915 г. Я своимъ ушамъ не вѣрилъ. Сосѣдъ мой, графъ П. Н. Игнатъевъ толкнулъ меня и спросилъ: «а помните засѣданіе на Елагиномъ?»

Указанныя выше пререканія мои съ Баркомъ сдѣлали то, что я оказался для него нежелательнымъ элементомъ, хотя наружныя отношенія наши были вполнѣ корректныя.

Но вотъ примѣръ нерасположенія его ко мнѣ.

Какъ извѣстно, для обсужденія самыхъ важныхъ вопросовъ финансоваго свойства имѣлся особый Комитетъ Финансовъ. Сперва онъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ графа Витте, а послѣ его кончины подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

До назначенія меня министромъ, мой предмѣстникъ С. И. Тимашевъ состоялъ членомъ этого комитета. Члены назначались Высочайшею властью по докладу Министра Финансовъ. За послѣднее время Баркъ, ища поддержки думскихъ круговъ, провель въ члены Финансоваго Комитета цѣлый рядъ лицъ, напр., предсѣдателя Финансовой Комиссіи Государственной Думы профессора Алексѣенко, докладчика по финансовой смѣтѣ Шингарева и цѣлый рядъ другихъ членовъ. Шагъ этотъ надо считать, конечно, правильнымъ.

Какъ то, въ моемъ присутствіи, А. В. Кривошеинъ указалъ Барку, что естественнымъ членомъ Финансоваго Комитета дол-

женъ быть Министръ Торговли и Промышленности. Баркъ немедленно согласился съ этимъ и сказалъ, что, конечно, онъ доложить Государю о включеніи меня въ составъ Комитета. Однако онъ никогда этого не сдѣлалъ. Зная его, я очень хорошо понялъ, что онъ ждалъ, чтобы я самъ попросилъ его о включеніи меня въ составъ Финансоваго Комитета, я же не хотѣлъ поставить себя въ зависимое отъ него положеніе въ Комитетѣ Финансовъ и быть связаннымъ въ свободномъ высказываніи своихъ взглядовъ.

ГЛАВА XXXII.

НѢКОТОРЫЕ МИНИСТРЫ.

С. В. Рухловъ.

26 октября 1915 г. произошла чрезвычайно чувствительная для меня перемѣна въ составѣ Совѣта Министровъ. Ушелъ М-ръ П. С. Сергѣй Васильевичъ Рухловъ, ссылаясь на свое крайне разстроенное здоровье. Государь далеко не сразу рѣшилъ отпустить его и далъ ему, несмотря на военное время, продолжительный отпускъ для леченія на Кавказѣ. Сергѣй Васильевичъ уѣхалъ не задолго до принятія Государемъ верховнаго командованія. Только когда, вернувшись изъ этого отпуска, Рухловъ вновь сталъ доказывать, что здоровье его продолжаетъ ухудшаться, Государь освободилъ его отъ должности Министра въ весьма почетной формѣ. Ему былъ данъ чрезвычайно милостивый рескриптъ, пожалованы брилліанты на Александра Невскаго, портретъ Государя и кромѣ того, зная, что Рухловъ не располагаетъ матеріальными средствами, Государь пожаловалъ ему изъ своихъ личныхъ средствъ сто тысячъ рублей.

Какъ я неоднократно отмѣчалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, насъ связывали тѣсныя искреннія отношенія. Въ качествѣ его долготѣняго сотрудника и искренняго друга покойнаго, я считаю своимъ долгомъ отдать дань свѣтлой памяти этого чисто русскаго человѣка, кристалльной честности и глубскаго патріота, много потрудившагося въ бытность его М-ромъ П. С. на приведеніе въ порядокъ этого вѣдомства. Жена его, Екатерина Ефимовна, смотрѣла на все глазами мужа, и единственной цѣлью ея жизни были мужъ и семья. Вспоминая Сергѣя Васильевича, нельзя обойти молчаніемъ эту прекрасную женщину.

Недюженныя способности Сергѣя Васильевича, скоро по окончаніи университета, выдвинули его по службѣ. Онъ служилъ сперва по тюремному вѣдомству, а затѣмъ перешелъ въ Государственную Канцелярію, гдѣ дошелъ до крупнаго положенія Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта. Уже оттуда онъ былъ приглашенъ Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ (повидимому, по рекомендаціи графа Сольскаго) на должность Товарища Главноуправляющаго Торговымъ Мореплаваніемъ и Портами, къ каковому времени и относится мое знакомство съ нимъ.

При софрмированіи кабинета графа Витте и оставленіи Вел. Кн. Александромъ Михайловичемъ поста Главноуправляющаго, Рухловъ былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта.

Засимъ, получивъ въ Кабинетѣ Столыпина въ 1909 году постъ Министра Путей Сообщенія, Рухловъ задался цѣлью искоренить царившій въ вѣдомствѣ злоупотребленія, улучшить поставку хозяйства желѣзнодорожнаго вѣдомства и, наконецъ, развить рѣчное строительство и реорганизовать водное и шоссейное хозяйство. На этомъ послѣднемъ пунктѣ я здѣсь останавливаться не буду; этой темѣ мною посвящено нѣсколько главъ въ предыдущей части моихъ воспоминаній.

Злоупотребленія на желѣзныхъ дорогахъ были извѣстны всѣмъ. Они происходили и въ стѣнахъ самаго Министерства среди нѣкоторыхъ крупныхъ чиновъ и доходили до самыхъ низкихъ степеней.

И вотъ, со вступленіемъ въ должность, Сергѣй Васильевичъ имѣлъ мужество открыть самую въ этомъ отношеніи ожесточенную борьбу. Имъ были произведены черезъ членовъ Совѣта Министра П. С. полныя ревизіи всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учреждений. Ревизіи эти составили богатый матеріалъ для преданія суду или увольненію ряда служащихъ, какъ изъ высшаго, такъ и изъ низшаго персонала.

Но въ то же время, С. В. самымъ внимательнымъ образомъ отнесся къ честнымъ и трудолюбивымъ служащимъ М-ва, не запятнавшимъ себя участіемъ въ дѣлахъ, проводимыхъ въ личныхъ интересахъ. Во вступительной рѣчи къ чинамъ вѣдомства, онъ особо подчеркнул выдающуюся роль главнаго контингента служащихъ — инженеровъ путей сообщенія, — назвавъ ихъ «сливками русской интеллигенціи».

Мѣропріятія въ области хозяйства желѣзныхъ дорогъ скоро дали себя знать. Прежде всего всѣмъ памятно то ужасное зло, которое повторялось ежегодно во время вывоза урожая. Залежи хлѣбныхъ грузовъ, со всѣми ихъ ужасными послѣдствіями до уничтоженія гнившихъ запасовъ включительно, было обычнымъ явленіемъ. Зло это, правильной политикой Сергѣя Васильевича, было совершенно уничтожено. Достигъ онъ этого главнымъ образомъ улучшеніемъ оборота вагоновъ, увеличеніемъ скорости поѣздовъ и увеличеніемъ нагрузки вагоновъ. Всѣ эти мѣры по первому виду просты и не представляютъ ничего новаго, однако ни одинъ изъ его предшественниковъ не имѣлъ характера и силы воли, чтобы добиться надлежащихъ результатовъ. Правда, увеличеніе нагрузки вагоновъ было начато при К. С. Немѣшаевѣ, который нашелъ возможность увеличить подъемную силу вагоновъ съ 650 пудовъ до 900 пудовъ, но Сергѣй Васильевичъ пошелъ въ этомъ отношеніи еще дальше. Послѣ тщательнаго техническаго изученія вопроса черезъ спеціалистовъ, выяснилось, что съ самыми ничтожными передѣлками, товарные вагоны, даже стараго типа, могли быть приспособлены къ перевозкѣ груза

въ 1.000 пудовъ. Одна эта мѣра сразу увеличила на 11% количество перевозимаго груза и дала экономію Государству въ 30 милліоновъ рублей.

Такимъ образомъ зерно трехъ урожайныхъ годовъ выпавшихъ, во время пребыванія Рухлова Министромъ П. С., было вывезено безъ всякихъ скопленій.

Что касается скорости пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ, то результаты тоже оказались громадными. Достаточно указать на то, что между Петербургомъ и Москвой началъ функционировать особо скорый поѣздъ, названный «молніей».

Изложенныя мѣропріятія, а равно и значительное улучшеніе хозяйства желѣзныхъ дорогъ, привело къ тому, что крупный дефицитъ желѣзныхъ дорогъ сперва значительно уменьшился, и засимъ почти совершенно исчезъ.

Особо я долженъ отмѣтить тотъ блестящій порядокъ въ дѣятельности желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ произошла съ объявленіемъ войны мобилизація. Успѣхъ этотъ поразилъ и нашихъ союзниковъ и нашихъ враговъ. Только безупречно точная работа желѣзныхъ дорогъ, состоявшая подъ личнымъ надзоромъ министра, обеспечила столь исключительно блестящее выполненіе всего мобилизаціоннаго плана.

На Сергѣя Васильевича были обычно со всѣхъ сторонъ нападки за его борьбу съ инородческимъ элементомъ. Особенно по указанію многихъ, главнымъ образомъ лѣвыхъ элементовъ, казалось это евреевъ и поляковъ. Однако, въ моихъ откровенныхъ съ нимъ разговорахъ, я ясно усвиль себѣ его взглядъ. Онъ вовсе не былъ противъ поляковъ. Но, по его наблюденіямъ, поляки чрезвычайно умѣло группировались, составляя совершенно обособленныя управленія. Достаточно, по словамъ С. В., поляку стать во главѣ какого нибудь учрежденія, чтобы онъ подбиралъ себѣ сотрудниковъ исключительно изъ поляковъ. И вотъ, главной его цѣлью было обеспечить преимущество движенія по службѣ лицамъ русскаго происхожденія и огражденіе государственныхъ учреждений отъ организованныхъ польскихъ сообществъ. А между тѣмъ на желѣзныхъ дорогахъ вообще, а на частныхъ въ особенности (Владикавказская) преобладаніе польскаго элемента было очевиднымъ.

Лично я не испытывалъ никакихъ давленій со стороны моего главнаго начальника при назначеніяхъ и выборѣ своихъ сотрудниковъ. На одно изъ замѣчаній С. В. о томъ, что я вновь представилъ къ назначенію на крупную должность поляка, я отвѣтилъ, что я знаю его взглядъ, что не слѣдуетъ допускать, чтобы поляки подбирали себѣ составъ изъ поляковъ же, что за этимъ я буду лично слѣдить, въ чемъ я даю ему слово, но, что я убѣдительно прошу его не дѣлать мнѣ въ этомъ отношеніи какихъ либо ограниченій. Это поставило бы меня въ большое затрудненіе при бѣдности Управленія водныхъ путей талантливыми ра-

ботниками. Съ тѣхъ поръ мнѣ была предоставлена полная свобода, а я твердо держалъ свое слово.

Меня неоднократно укорялъ Сергѣй Васильевичъ, что я ежегодно во время лѣтнихъ отпусковъ ѣздилъ за границу. Онъ указывалъ мнѣ, зачастую горячась, что это не патриотично, что, если я хочу хорошаго климата, то вѣдь у насъ есть Кавказъ и Крымъ. Я всячески старался его убѣдить, что поѣздки мои за границу имѣютъ для меня даже образовательное значеніе, не говоря уже о томъ, что онѣ обходятся дешевле, чѣмъ поѣздки въ Россіи, но все это было тщетно, и онъ твердо стоялъ на своемъ: «не слѣдуетъ вывозить русскихъ денегъ за границу».

Въ Совѣтъ Министровъ Сергѣй Васильевичъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. При баллотировкахъ онъ обычно примыкалъ къ группировкѣ Кривошеина, съ которымъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, раздѣлялъ взгляды на вопросы экономической и финансовой политики. Однако подъ конецъ, уже, когда я вступилъ въ Совѣтъ Министровъ, онъ увидалъ, что Кривошеинъ серьезно полѣвѣлъ подъ вліяніемъ прогрессивныхъ элементовъ, что и заставило Серг. В-ча незамѣтно отойти отъ него.

Къ сожалѣнію, и прежняя долготѣнная дружба съ В. Н. Коковцовымъ нарушилась еще до вступленія Коковцова въ должность Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Произошло это вслѣдствіе несогласія его со взглядомъ Коковцова о необходимости строжайшей бюджетной экономіи, тогда какъ, по мнѣнію Рухлова, необходимо было широко вести производительные расходы для развитія Россіи и въ частности на желѣзнодорожное и водное строительство. Такимъ образомъ, постоянныя пререканія Министра П. С. съ Министромъ Финансовъ сильно охладили личныя отношенія между этими двумя лицами. Рѣшающимъ же поводомъ окончательно испортившимъ ихъ отношенія, былъ проектъ постройки Черноморской ж. д., о которой Коковцовъ и слышать не хотѣлъ.

Вскорѣ послѣ революціи С. В. Рухловъ переѣхалъ на Кавказскія минеральныя воды; онъ, повидимому, не отдавалъ себѣ отчета въ той ужасной опасности, которая ему угрожала.

Его кончина отъ руки большевицкихъ убійцъ потрясаетъ своей трагичностью. Онъ былъ зарубленъ саблями въ группѣ 32 человекъ, въ числѣ которыхъ находился и генераль Ружскій. Несчастныхъ заставили сперва вырыть могилу, а потомъ поочередно убивали. По общимъ отзывамъ С. В. принялъ смерть спокойно и съ полнымъ достоинствомъ, ободряя всѣхъ обреченныхъ... Миръ его праху.

За нимъ постепенно сошло со сцены почти все его семейство. Несчастливая Екатерина Ефимовна, въ полной нищетѣ, лишившаяся разсудка, все поджидала возвращенія Сергѣя Васильевича!.. Въ концѣ концовъ и она была убита.

С. Д. Сазоновъ.

Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ, въ бытность его Предсѣда-

телемъ Совѣта Министровъ, явно не ладилъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Извольскимъ, который, пользуясь статьей 16 Учрежденія Совѣта Министровъ, всячески отстранялъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ Столыпина отъ иностранной политики. Послѣ ряда недоразумѣній, Петръ Аркадьевичъ настоялъ на томъ, чтобы товарищемъ м-ра иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ С. Д. Сазоновъ, занимавшій постъ м-ра резидента при Ватиканѣ. Въ скоромъ времени онъ настоялъ, на назначеніи Извольскаго посломъ въ Парижъ, и на его мѣсто онъ провелъ Сазонова. Этотъ послѣдній былъ близкій Столыпину человекъ, такъ какъ они были женаты на родныхъ сестрахъ. Шагъ этотъ былъ сдѣланъ, очевидно, для того, чтобы въ обходъ вышеупомянутой ст. 16 имѣть возможность быть въ полномъ курсѣ и даже руководителемъ не только внутренней, но и иностранной политики.

Съ назначеніемъ, послѣ убійства Столыпина, Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ В. Н. Коковцова, Сазоновъ продолжалъ вести иностранную политику болѣе или менѣе по соглашенію съ Предсѣдателемъ, но засимъ, мало по малу старался эмансипироваться. Съ назначеніемъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина, онъ почти явно сталъ его negliжировать и, все больше и больше, подпадалъ подъ вліяніе Милюкова, съ которымъ у него установились самыя дружескія отношенія. Иначе говоря, онъ всецѣло подпалъ подъ вліяніе кадетской партіи, почти оставляя въ невѣдѣніи Совѣтъ Министровъ о международныхъ событіяхъ.

Съ первыхъ же дней моего участія въ Совѣтѣ Министровъ, я былъ пораженъ, въ какой мѣрѣ нѣкоторые изъ министровъ, главнымъ образомъ Сергѣй Дмитріевичъ, относились скажу съ подобострастіемъ къ нашей союзницѣ Англии, далеко не питавшей къ намъ такихъ же симпатій.

Никогда не забуду, какъ, возвращаясь въ автомобиль съ обѣда отъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина, мы съ женой съ пораженіемъ и негодованіемъ, обмѣнивались впечатлѣніями о томъ удивительно занскивающемъ приниженіи съ которымъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Великой въ то время Россійской Державы, разговаривалъ съ союзными послами съ сэромъ Джоржемъ Бьюканенъ въ особенности. Этотъ же послѣдній холодно и, какъ должно, принималъ ухаживаніе Сазонова.

А, какъ я впоследствии узналъ отъ Сербскаго посланника Сполайковича, Сазоновъ держалъ себя чрезвычайно важно и надменно съ посланниками мелкихъ славянскихъ державъ.

При Б. В. Штюрмерѣ поведеніе Сазонова было въ сущности нетерпимое для Совѣта Министровъ. Приведу яркій примѣръ.

Графъ Игнатьевъ, возвращаясь изъ Царскаго Села со всеподданнѣйшаго доклада, сидѣлъ въ томъ же вагонѣ, гдѣ былъ одинъ изъ польскихъ тузовъ, съ которымъ онъ былъ лично знакомъ. Этотъ вельможа рассказалъ ему, что Сазоновъ выработалъ текстъ манифеста Польшѣ, который на-дняхъ долженъ быть представленъ Государю на подпись. Въ манифестѣ этомъ провозглашается по-

сль войны, полная автономія Польши подъ скипетромъ Дома Романовыхъ.

Крайне пораженный тѣмъ, что вопросъ этотъ не былъ предметомъ обсуждения въ Совѣтъ Министровъ, гр. Игнатьевъ не замедлилъ сообщить это намъ.

Весь Совѣтъ Министровъ единогласно (за исключеніемъ Сазонова) просилъ Предсѣдателя доложить Государю нашу просьбу поручить Совѣту Министровъ подвергнуть этотъ вопросъ, и главное текстъ манифеста, обсужденію въ Совѣтѣ, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ касается не только министра иностранных дѣлъ, но всѣхъ министровъ и даже на основаніи статьи 16-ой подлежить обсужденію въ Совѣтѣ. Конечно, Государь согласился съ нами и далъ соотвѣтствующія указанія Сазонову. Негодованіе Сазонова было неопишемое.

Въ срочномъ секретномъ засѣданіи былъ рассмотрѣнъ этотъ вопросъ. Не возражая по существу, что предоставленіе автономіи Польшѣ желательно, Совѣтъ не обсуждалъ подробно редакцію проектированнаго манифеста, считая, что въ тотъ моментъ, когда нѣмецкія войска находились подъ самой Варшавой и паденіе ея ожидалось со дня на день, не тактично объявлять такой манифестъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней вся Польша оказалась въ рукахъ германскихъ войскъ.

Этотъ примѣръ я привелъ для того, чтобы показать въ какой мѣрѣ С. Д. Сазоновъ велъ себя неправильно, совершенно не считаясь съ Совѣтомъ и ея Предсѣдателемъ.

Въ довѣрительныхъ бесѣдахъ съ А. Ф. Треповымъ мы неоднократно обмѣнивались взглядами о поведеніи Сазонова. Онъ ставилъ Сазонову въ вину кадетскую оріентацію, близость къ этой партіи и опредѣленно заявлялъ, что такое поведеніе министра иностранных дѣлъ по отношенію къ Правительству совершенно недопустимо. Эта точка зрѣнія всецѣло совпадала съ моимъ убѣжденіемъ. Имѣя на Штюрмера громадное вліяніе, Треповъ естественно вселялъ и ему нашъ взглядъ. Подготовляя себѣ дорогу на постъ Предсѣдателя, Треповъ очевидно употребилъ всѣ усилія, чтобы еще при Штюрмерѣ освободить Совѣтъ Министровъ отъ Сазонова и это непопулярное дѣло не дѣлать своими руками.

Такимъ образомъ состоялось увольненіе Сазонова и назначеніе Штюрмера Министромъ Иностранныхъ дѣлъ съ оставленіемъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

Въ своихъ мемуарахъ г. Палеологъ приписываетъ увольненіе Сазонова Штюрмеру и Распутину. Какъ видно изъ изложеннаго, ссылка на Распутина не имѣетъ ровно никакого основанія. Насколько роль Александра Федоровича въ этомъ дѣлѣ оказалась неизвѣстной французскому послу, видно изъ его восторженныхъ отзывовъ о томъ лицѣ, которое было главнымъ участникомъ въ паденіи его друга.

Н. Н. Покровскій.

Съ уходомъ Государственнаго Контролера П. А. Харитонова,

который оставил свой постъ, несомнѣнно по болѣзни, и умеръ черезъ два мѣсяца, Государственнымъ Контролеромъ былъ назначенъ членъ Государственнаго Совѣта Николай Николаевичъ Покровский. До назначенія его членомъ Государственнаго Совѣта, онъ былъ Товарищемъ Министра Финансовъ В. Н. Коковцова. По всѣмъ даннымъ слѣдуетъ заключить, что Покровский былъ рекомендованъ Государю уходившимъ Харитоновымъ.

Выборъ этотъ былъ прекраснымъ. Большой знатокъ финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ онъ былъ цѣннымъ приобретениемъ для Совѣта Министровъ. Спокойный, уравновѣшенный, сладкій въ обращеніи, ладившій съ «общественностью», онъ сразу занялъ видное положеніе въ Совѣтѣ Министровъ.

Лично я особенно цѣнилъ его, такъ какъ онъ обычно весьма сильно поддерживалъ мои выступленія въ Совѣтѣ Министровъ по предметамъ моего вѣдомства.

Въ 1916 г. въ Парижѣ состоялось экономическое Совѣщаніе союзниковъ. Французское Правительство прислало приглашеніе Россіи участвовать на этомъ совѣщаніи и черезъ Министерство Иностраннхъ Дѣлъ передало мнѣ личное приглашеніе, какъ Министру Торговли и Промышленности. Конечно принять это приглашеніе я никакъ не могъ, имѣя на своихъ плечахъ и большое Министерство и особое совѣщаніе по топливу. Поэтому я заявилъ Совѣту Министровъ, что я ни въ какомъ случаѣ не могу отлучиться и просилъ Сазонова сообщить объ этомъ французскому М-ву Ин. Дѣлъ. Сазоновъ не скрывалъ своей радости по поводу моего отказа. На этотъ разъ мы съ нимъ сошлись.

Совѣтъ Министровъ остановился на Г. Н. Покровскомъ какъ на старшемъ делегатѣ отъ Россіи. Съ нимъ отправился, кромѣ второстепенныхъ чиновъ, по моему настоянію и съ одобренія Покровскаго мой товарищъ Прилежаевъ.

Парижское совѣщаніе выработало мѣры, которыя союзники должны были принять по окончаніи войны для взаимнаго экономическаго сближенія и для ослабленія Германіи. Въ сущности постановленія этого совѣщанія слѣдовало охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: рѣшили по окончаніи войны начать новую ожесточенную экономическую войну противъ центральныхъ державъ.

Постановленіе это, привезенное Покровскимъ вносилось нѣсколько разъ въ Совѣтъ Министровъ. Однако А. Ф. Треповъ жестоко возсталъ противъ того, чтобы Совѣтъ Министровъ дѣлалъ постановленія по существу рѣшеній Экономическаго междусоюзнаго совѣщанія. Онъ указывалъ на то, что рано говорить объ экономической дѣятельности послѣ войны, когда война далеко не кончена и достаточно, что официально назначенные Правительствомъ делегаты подписали постановленіе: незачѣмъ Совѣту Министровъ связывать себя неисполнимыми обязательствами. Онъ настоялъ на томъ, чтобы съ этимъ вопросомъ тянули и такимъ образомъ каждый разъ снимали его съ очереди. Такъ ратификаціи со стороны Россіи и не послѣдовало до конца, несмотря на неоднократ-

ныя напоминанія Французскаго Правительства и самого Покровскаго.

Съ увольненіемъ Штюмера и назначеніемъ Трепова Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ освободилось два портфеля: Министра Иностранныхъ Дѣлъ, котораго совмѣщаль Штюмеръ и Министра Путей Сообщенія. На этотъ послѣдній постъ очень скоро былъ назначенъ Управляющимъ Министерствомъ Кригеръ-Войновскимъ, постъ же Министра Иностранныхъ Дѣлъ пустовалъ и Министерствомъ временно управлялъ товарищъ министра Нератовъ.

Мы всѣ министры старались себѣ объяснить, чѣмъ вызывается задержка въ назначеніи Министра Иностранныхъ Дѣлъ.

Лично я предполагалъ, что Треповъ желалъ выждать, чтобы нѣсколько окрѣпнуть и взять по примѣру его предшественника, и постъ М-ра Ин. Дѣлъ, дабы не зависѣть отъ статьи 16-ой Учрежденія Совѣта Министровъ, о которой я уже писалъ выше.

Тѣмъ не менѣе, всѣ мы сознавали, что оставлять во время войны открытымъ этотъ вопросъ невозможно и что союзныя послы не имѣли къ кому обращаться, достаточно авторитетному, то серьезнымъ вопросамъ.

Это послѣднее соображеніе многіе изъ насъ приводили Трепову, который, наконецъ, представилъ Государю о назначеніи Министромъ Ин. Дѣлъ Н. Н. Покровскаго, въ корректности котораго по отношенію къ нему, онъ не могъ сомнѣваться.

И въ этой новой для него роли Покровскій скоро сумѣлъ освоиться и приобрести полное довѣріе Союзныхъ Пословъ.

ГЛАВА XXXIII.

НѢМЕЦКОЕ ЗАСИЛІЕ.

Мѣропріятія Правительства.

Нѣмецкіе дѣятели и нѣмецкіе капиталы до войны играли видную роль въ нашей промышленности и нашей торговлѣ. Поэтому, съ объявленіемъ войны, Правительствомъ были приняты мѣры для надзора и обезвреживанія этого рода предпріятій. Обязанность эта была возложена на Министерство Финансовъ. Явленіе это совершенно не нормально и, вѣроятно, объясняется инертностью моего предшественника, такъ какъ обязанность эта, конечно, должна была быть поручена ему.

Особо активной дѣятельности въ вопросѣ о такъ называемомъ «нѣмецкомъ засиліи» Министерство Финансовъ не проявило. Правда, были устранены и высланы германскіе подданные, руководители и владѣльцы предпріятій, нѣкоторыя предпріятія были закрыты, аннулированы патенты, выданные нѣмцамъ. Сверхъ того во многія предпріятія были назначены правительственные инспектора, главнымъ образомъ, изъ числа чиновъ Кредитной Канцеляріи. За cadaго инспектора предпріятіе должно было вносить известное отчисленіе въ Кредитную Канцелярію.

Всего этого было далеко не достаточно для осуществленія дѣйствительнаго надзора.

Въ одномъ изъ засѣданій Совѣта Министровъ, вскорѣ послѣ назначенія меня министромъ, при представившемся мнѣ удобномъ случаѣ, я категорически заявилъ о ненормальности надзора за торговыми и промышленными предпріятіями М-вомъ Ф-совъ, тогда какъ имѣется специальное министерство Торговли и Промышленности. Приведенные мною доводы, убѣдили Совѣтъ Министровъ, и весь надзоръ былъ порученъ мнѣ, причемъ очень скоро послѣ этого я получилъ въ этой области широкія полномочія.

Конечно, я давалъ себѣ отчетъ въ сложности этого дѣла. Принимая во вниманіе, что значительный процентъ предпріятій такъ или иначе скомпрометированъ участіемъ до войны нѣмцевъ, всякіе эксперименты съ этими предпріятіями представлялись опасными. Они должны были повлечь за собой нарушеніе правильности жизни предпріятія, уменьшеніе производительности, что недопустимо во время войны и, наконецъ, могли вызвать даже волненія рабочихъ. Поэтому всякую мѣру слѣдовало принимать крайне «осторожно», и, гдѣ нужно, устанавливать строгій финансовый и техническій надзоръ.

Разнузданная пресса всячески старалась доказать, что Правительство не принимаетъ достаточныхъ мѣръ для борьбы съ «нѣмецкимъ засиліемъ». Особенно въ этомъ отношеніи отличалось «Вечернее Время», которое чуть не ежедневно печатало статьи горнаго инженера Осендовскаго, подъ псевдонимомъ «Мзуры», гдѣ одно за другимъ перебирались предпріятія и доказывалась ихъ связь съ нѣмцами. Осендовскій набилъ себѣ руку въ этомъ отношеніи и чрезвычайно хлестко (зачастую ложно), въ духѣ бульварныхъ газетъ, громилъ и промышленныя, и торговыя предпріятія, доказывая ихъ заинтересованность нѣмецкимъ участіемъ и обвинялъ правительственные органы, осуществлявшіе надзоръ.

Особую роль въ антинѣмецкомъ промышленномъ движеніи сыграла Москва. Въ маѣ 1915 г. тамъ были устроены погромы. Громадныя толпы народа ходили по улицамъ и сплошь громили всѣ склады, магазины и предпріятія, принадлежавшіе лицамъ, носившимъ нѣмецкую фамилію, не разбираясь, дѣйствительно ли они громятъ нѣмцевъ или лицъ съ нѣмецкими фамиліями, которыхъ было очень много въ Россіи, начиная съ прибалтійскихъ губерній. Продолжалось это безобразіе цѣлыхъ три дня, повидному, подъ руководствомъ весьма подозрительнаго вновь возникшаго «Общества 1914 г.» и поддржаннаго громадною хулиганскою массой грабителей.

Общество 86 года.

Электрическое Общество 86 года было предпріятіемъ, значительное большинство акцій котораго, принадлежало германскимъ подданнымъ. Всѣ нѣмецкіе директора и служащіе, вскорѣ

послѣ объявленія войны, были высланы изъ предѣловъ Россіи.

Общество это имѣло три весьма крупныхъ станціи: въ Петроградѣ, Москвѣ и Лодзи. Эта послѣдняя вскорѣ оказалась въ непріятельскихъ рукахъ. Остальныя двѣ на 85% работали на оборону, давая энергію всей московской и петроградской промышленности, которая почти всецѣло были заняты изготовленіемъ военнаго снаряженія. Съ началомъ военныхъ дѣйствій, въ виду громаднаго увеличенія спроса на энергію, обѣ станціи, безъ всякаго давленія Правительства, быстро развили свою мощность, затративъ большія средства и сдѣлавъ рядъ новыхъ установокъ.

Тѣмъ не менѣе Правительство признавало необходимымъ принять рѣшительныя мѣры, которыя обезпечили бы полную безопасность въ правильномъ функционированіи столь необходимыхъ для войны предпріятій. Вопросъ этотъ подвергался всестороннему изученію тѣмъ болѣе, что не подлежало сомнѣнію, что нѣмецкіе капиталисты чрезвычайно умѣло замаскировали свое участіе. Въ Петроградѣ неоднократно пріѣзжали директора швейцарскихъ банковъ и доказывали, что преобладающій пакетъ акцій Об-ва 86 г. принадлежитъ швейцарскимъ акціонерамъ и находится въ швейцарскихъ банкахъ. При этомъ они привозили оффиціальныя гарантіи и сертификаты банковъ относительно того, что находящіяся у нихъ акціи стянуты не теперь, а за нѣсколько лѣтъ до войны. Всѣмъ этимъ завѣреніямъ ни я, ни другіе министры, которымъ представляли швейцарскіе банкиры свои доказательства, не придавали значенія и мы оставались увѣренными, что истинныя владѣльцы предпріятія нѣмцы.

Одновременно съ этимъ московскій городской голова М. В. Челноковъ велъ усиленную пропаганду о томъ, что московская часть предпріятія должна быть передана въ собственность Московскому городскому управленію. Помимо представленія всѣмъ министрамъ подробныхъ записокъ по этому поводу, онъ широко пользовался прессой, которая сильно его поддерживала. При этомъ во всѣхъ запискахъ приводились подсчеты, по которымъ явствовало, что Москва желаетъ за каждый рубль уплатить двугривенный и то не наличными, а облигаціями города.

Мой взглядъ, который вполнѣ раздѣлялся Совѣтомъ Министровъ, заключался въ слѣдующемъ.

Москва доказывала опасность оставлять это предпріятіе въ нѣмецкихъ рукахъ, такъ какъ можно ожидать всегда самыхъ невѣроятныхъ катастрофъ въ смыслѣ злой воли, упуская, конечно, изъ вниманія о тѣхъ шагахъ, которые предприняты Правительствомъ и о которыхъ будетъ сказано ниже. Съ моей же точки зрѣнія передача предпріятія Москвѣ, т. е. городскому управленію столь мощнаго аппарата, какъ силу движенія главнѣйшихъ заводовъ, работающихъ на оборону и освѣщеніе всей Москвы, было бы весьма неосторожнымъ.

Дѣйствительно, городское общественное управленіе Москвы, состоящее почти сплошь изъ лѣвыхъ элементовъ, явно враждеб-

ныхъ Правительству, будетъ стремиться, главнымъ образомъ, къ живнѣ городскаго управленія и можетъ даже воспользоваться для усиленія борьбы съ ненавистнымъ Правительствомъ.

Всѣ изложенныя соображенія привели меня къ убѣжденію, что съ предпріятіемъ этимъ надо быть сугубо осторожнымъ, всѣми доступными средствами и силами сохранить его цѣлость и не дѣлать съ нимъ экспериментовъ.

Поэтому я, съ одобреніемъ, конечно, Совѣта Министровъ все управленіе дѣломъ передалъ Особому Правленію, большинство членовъ котораго и предсѣдатель назначались мною. Предсѣдателемъ я назначилъ, съ согласія военнаго министра, генерала Свѣнторжешкаго, большого авторитета въ этой области. Засимъ былъ установленъ, конечно, за счетъ предпріятія, серьезный техническій надзоръ правительственными чинами. Наконецъ, былъ предрѣшенъ Совѣтомъ Министровъ, по моему представленію, дополнительный выпускъ акцій, оставшихся въ рукахъ Правительства и представлявшій изъ себя такой пакетъ, который могъ усиленно вліять на ходъ дѣла безъ устраненія формы управленія предпріятія, которая гарантировала ему наибольшій успѣхъ, т. е. форму акціонернаго предпріятія.

Къ большому моему сожалѣнію, этого послѣдняго шага мнѣ осуществить не удалось, хотя планъ этотъ и надлежащее ассигнованіе было проведено мною черезъ Совѣтъ Министровъ.

Надзоръ за частными банками.

Изъ изложеннаго видно, до какой степени было трудно вести дѣло надзора за предпріятіями. Хотя съ объявленіемъ войны нѣмецкіе распорядители были такъ или иначе устранены, но необходимо было исключить и всякое вліяніе нѣмцевъ, не губя столь необходимыхъ для жизни страны предпріятій. Моя задача была тѣмъ болѣе трудной, что Совѣтъ Министровъ, настраиваемый нападкамии прессы, былъ всегда готовъ идти на какія угодно экзекуціи съ торгово-промышленными предпріятіями.

Видя такое настроеніе, я однажды заявилъ, что считаю, что мною дѣлается все возможное для строжайшей борьбы съ нѣмецкимъ засиліемъ, но, по моему убѣжденію, ея недостаточно. Корень зла въ сущности лежитъ не столько въ торгово-промышленныхъ организаціяхъ, сколько въ частныхъ коммерческихъ банкахъ, многіе изъ которыхъ были тѣсно связаны съ нѣмецкими интересами и не подвергались никакому надзору. При этомъ я освѣтилъ Совѣту Министровъ дѣятельность нѣкоторыхъ банковъ: съ одной стороны — связь съ нѣмцами, а съ другой — яркое грюндерство.

Умѣстно коснуться здѣсь взаимоотношеній банковъ и промышленныхъ предпріятій. Въ сущности нормальнымъ слѣдуетъ признать взаимоотношеніе ихъ, основанное на кредитѣ. Наиболее распространенная операція въ этомъ отношеніи есть учетъ векселей. Однако, у насъ (какъ теперь, впрочемъ, и на Западѣ)

было совсѣмъ иное. Банки занимались тѣмъ, что, учреждая новое предпріятіе или входя въ существующее, обезпечивали себя такимъ пактомъ акцій, который давалъ имъ возможность всецѣло хозяйничать въ предпріятіи. А хозяйничаніе нѣкоторыхъ банковъ, въ связи съ возможностью спекулировать на военныхъ заказахъ, вело предпріятіе не къ нормальному развитію и процвѣтанію, а вносило ту нездоровую атмосферу, которая влекла за собою и неисполненіе предпріятіемъ взятыхъ на себя обязательствъ и даже забастовки рабочихъ. Кромѣ того, въ такого рода банкахъ была тѣсная связь съ нѣмецкими капиталами.

Мои выступленія по этому поводу въ Совѣтъ Министровъ помогли. Министръ Финансовъ П. Л. Баркъ внесъ въ Совѣтъ Министровъ записку о надзорѣ за банками. Я привѣтствовалъ. Но каково же было мое удивленіе, когда Министръ Финансовъ всякими мѣрами сперва старался оттянуть составленіе журнала, а затѣмъ онъ сталъ вносить въ него такія поправки, противъ первоначальныхъ предположеній, которыя значительно сводили на нѣтъ намѣченный надзоръ. Тутъ произошло разногласіе со мною, которое еще больше затянуло осуществленіе надзора.

Я старался объяснить себѣ такое поведеніе Петра Львовича. Оказывается, что, узнавъ о внесенномъ проектѣ въ Совѣтъ Министровъ, банкиры явились къ нему и такъ на него нажали, что онъ обѣщалъ имъ «все смягчить».

Такимъ образомъ Высочайшее утвержденное постановленіе Совѣта Министровъ было опубликовано въ «смягченномъ видѣ».

ГЛАВА XXXIV.

РАЗНЫЕ КОМИТЕТЫ. НОРМАЛЬНЫЙ УСТАВЪ.

Золотопромышленный Комитетъ.

Въ январѣ 1915 г. состоялся въ Петроградѣ съѣздъ золотопромышленниковъ, просившихъ графа Витте быть предсѣдателемъ съѣзда.

Въ числѣ пожеланій съѣзда было постановленіе, сдѣланное, повидимому, по мысли графа Витте, объ учрежденіи при М-вѣ Торг. и Пром. особаго постояннаго золотопромышленнаго комитета для изысканія мѣръ развитія этой необходимѣйшей для государства отрасли промышленности, которая была у насъ особенно отставшей, по сравненію съ другими отраслями промышленности, несмотря на имѣвшіяся въ Россіи весьма богатые золотыя мѣсторожденія.

Крайне сочувствуя этому постановленію, я въ 1916 г. провель черезъ Совѣтъ Министровъ мое по этому поводу представленіе, которое было Высочайше утверждено.

Комитетъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ товарища министра и въ него, кромѣ представителей вѣдомствъ, были включены видные въ этой отрасли дѣятели, а равно нѣкоторые техники этой области.

Конечно, въ виду военного времени было совершенно невозможно принять немедленно къ исполненію цѣлый рядъ весьма серьезныхъ указаній комитета, но нельзя не отмѣтить здѣсь же, что, несмотря на краткій срокъ дѣятельности Комитета, имъ была выработана весьма срѣзная и дѣловая программа.

Прежде всего отмѣчалось, что средняя годовая добыча драгоцѣннаго металла составляла приблизительно 50.000 килограммъ, что совершенно не соотвѣтствуетъ количеству имѣвшихся у насъ не использованныхъ золотыхъ россыпей. По мнѣнію Комитета, быстрое увеличеніе добычи золота, при надлежащей организаціи, могло легко въ краткій срокъ удесятириться, но для этого необходимо было произвести рядъ указанныхъ имъ мѣропріятій.

Комитеты нѣкоторыхъ отраслей промышленности.

Съ началомъ войны всѣ предпріятія текстильной промышленности получили столь громадныя заказы отъ интендантства, что явилось сильное затрудненіе въ полученіи ими необходимаго сырья, главнымъ образомъ, шерсти и хлопка. Цѣны на эти продукты стали бѣшено скакать, и мнѣ пришлось устанавливать предѣльныя для нихъ цѣны. Однако, мѣра эта не имѣла достаточнаго дѣйствія, такъ какъ промышленники другъ передъ другомъ конкурировали, давая продавцамъ негласныя прибавки.

Зная, что центръ этой спекуляціи былъ въ Москвѣ, я командировалъ туда инспектора Котельникова съ бухгалтерами и поручилъ ему обревизировать отчетность крупнаго текстильщика С. Н. Третьякова. Право требовать открытія бухгалтерскихъ книгъ мнѣ было, по моему ходатайству, предоставлено Совѣтомъ Министровъ по 87 статьѣ.

Ревизія выяснила, что Третьяковъ къ установленной мною цѣнѣ за хлопокъ дѣлалъ серьезныя надбавки, которыя онъ проводилъ отдѣльно по своимъ книгамъ.

На слѣдующій день послѣ ревизіи ко мнѣ явился Третьяковъ и умолялъ не возбуждать дѣла въ судебномъ порядкѣ. Я его прердержалъ довольно долго подъ угрозой, но засимъ согласился не давать хода дѣлу при условіи, что онъ дастъ мнѣ честное слово строго соблюдать установленную мною таксу. Но видя, что все же уничтожить обходы таксы невозможно, я рѣшилъ учредить по каждой отрасли промышленности комитеты съ тѣмъ, чтобы промышленники не имѣли права закупать сырье самостоятельно, а дѣлали бы это исключительно черезъ свой комитетъ, созданный для содѣйствія имъ во всѣхъ затрудненіяхъ и нуждахъ. Такимъ образомъ закупки комитета распредѣлялись имъ между фабриками.

Такіе комитеты были учреждены по слѣдующимъ отраслямъ: сукошной, хлопчато-бумажной, кожевенной, бумажной, льняной и джутовой. Членами комитета были главы промышленныхъ предпріятій и членъ отъ министерства торговли и промышленности.

Предсѣдатели назначались мною. Я ихъ выбиралъ не изъ промышленниковъ и не изъ чиновниковъ, а изъ крупныхъ авторитетныхъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ соотвѣтствующей отраслью промышленности. Такъ, одинъ былъ выборнымъ членомъ государственнаго совѣта и профессоромъ, одинъ членомъ государственной Думы, другіе профессорами и т. д.

Комитеты эти сразу пріобрѣли симпатію и довѣріе заинтересованныхъ, и цѣны на сырье вошли въ нормы моихъ предѣльныхъ цѣнъ.

**

Совѣтскій изслѣдователь, профессоръ Бухшпанъ*) по поводу этихъ комитетовъ пишетъ слѣдующее:

«Министерство торговли и промышленности на основаніи уже бывшаго къ этому времени опыта въ регулированіи рынка понимало, что бороться съ повышеніемъ цѣнъ при помощи однихъ лишь мѣропріятій запретительнаго характера бесполезно. Мѣры эти не достигали цѣли, такъ какъ подвергавшіеся нормировкѣ предметы скрывались, а повышение цѣнъ проводилось при помощи всякихъ обходовъ. Министерство своей политикой созданія комитетовъ стало на путь объединенія промышленниковъ, потребляющихъ сырье и полуфабрикаты. Промышленники же, подъ влияніемъ этихъ мѣропріятій, создали цѣлый рядъ торгово-промышленныхъ организацій и объединеній, не имѣвшихъ мѣста до войны. Такимъ образомъ Комитеты дали толчекъ самостоятельности предпринимателей»... «Хлопчато-бумажный комитетъ пользовался большой поддержкой торгово-промышленныхъ, которые считали его какъ бы своей организаціей»...

**

Въ январѣ 1948 г. по радіо В.В.С. я узналъ слѣдующее. Во время второй войны въ Англіи были учреждены по разнымъ отраслямъ промышленности особые комитеты. Цѣль и задания вполне соотвѣтствовали тѣмъ комитетамъ, о которыхъ я писалъ выше; составъ въ точности соотвѣтствовалъ составу нашихъ комитетовъ съ тою разницею, что въ число членовъ были включены представители отъ рабочихъ, что у насъ было не своевременнымъ. По словамъ радіо, эти комитеты оказались настолько полезными, что дѣятельность ихъ продлена и послѣ войны.

Я слушалъ и ушамъ не вѣрилъ! Я создалъ въ «отсталой» Россіи въ 1915 г. въ первую мировую войну то, къ чему «передовая» Англія пришла въ 1940-хъ годахъ, во время второй мировой войны!

Не могу скрыть, что это сообщеніе радіо было для меня большимъ моральнымъ удовлетвореніемъ.

*) Проф. Я. М. Бухшпанъ. Военно-хозяйственная политика. Гос. Изд. 1929 г.

Нормальный акціонерный уставъ.

Въ виду длительности процедуры по разсмотрѣнію и утвержденію уставовъ акціонерныхъ обществъ, мною были приняты нѣкоторыя мѣры для ускоренія. Въ числѣ ихъ была выработка нормального устава, которымъ должны были руководствоваться вновь создаваемые предпріятія. Въ маѣ 1916 г. я внесъ этотъ проектъ въ Совѣтъ Министровъ, не включивъ въ него обычнаго ограниченія для евреевъ, согласно которому они въ нѣкоторыхъ случаяхъ не могли быть предсѣдателями правленій и директорами распорядителями. Нѣкоторые члены Совѣта высказались противъ внесеннаго мною измѣненія. Я мотивировалъ свое мнѣніе тѣмъ, что зачастую официально избираются на эти должности не евреи, которые являются лишь подставными лицами, фактически же дѣломъ руководятъ евреи. Я настаивалъ, чтобы на эти должности избирались лица, фактически руководящія дѣломъ, и не вижу никакихъ основаній къ ограниченію.

Послѣдовало голосованіе. Я остался съ нѣсколькими министрами въ меньшинствѣ. Такимъ образомъ разногласіе должно было быть представлено на Высочайшее благовоззрѣніе. Журналъ вернулся съ резолюціей Государя: **«Согласенъ съ мнѣніемъ меньшинства»**. Не могу не отмѣтить этого факта.

ГЛАВА XXXV.

ПОѢЗДКА НА КАВКАЗЪ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля 1916 г. я собирался проѣхать еще разъ на казенные горные заводы, чтобы убѣдиться въ интенсивности ихъ работы, затѣмъ осмотрѣть кавказскія минеральныя воды и отдохнуть тамъ съ недѣлю, на что послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Положеніе свое въ это время я считалъ не прочнымъ, какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторые другіе моменты. Работа общественныхъ организацій противъ меня, въ особенности военно-промышленныхъ комитетовъ, энергично продолжалась, и къ ней еще прибавились интриги Протопопова, только что вернувагося изъ заграничной поѣздки. Онъ очень сошелся съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Штюмеромъ. Цѣлый рядъ случайныхъ недомолвокъ Штюмера со мною, заставилъ меня передъ отъѣздомъ переговорить съ нимъ. Сдѣлалъ это я въ его лѣтней резиденціи на Елагиномъ Островѣ. Я прямо сказалъ ему, что я вовсе не допущу своимъ министерскимъ положеніемъ, особенно если Предсѣдатель Совѣта имѣетъ что либо противъ меня или имѣетъ своего кандидата для замѣненія меня. Штюмеръ самымъ категорическимъ образомъ опровергъ это и въ частности про Протопопова отозвался такъ, что, во-первыхъ, онъ его не достаточно знаетъ, а во-вторыхъ, вообще онъ не находитъ возможнымъ поручить ему какой бы то ни было министерскій постъ.

До отъѣзда миѣ еще предстояло одно засѣданіе пяти мини-

стровъ по военнымъ вопросамъ, назначенное на 29 или 30 іюля днемъ.

Передъ самымъ засѣданіемъ ко мнѣ пріѣхалъ на квартиру Предсѣдатель Правленія Брянскихъ заводовъ Н. Н. Кокшаровъ, который мнѣ разсказалъ о новыхъ мѣропріятіяхъ Начальника главнаго артиллерійскаго управленія генерала Манниковскаго, вносящихъ дальнѣйшій развалъ въ работу заводовъ.

Желая усилить чрезвычайно недостаточное производство крупныхъ снарядовъ, въ которыхъ армія крайней нуждалась, онъ рѣшилъ назначить новый видъ премій по слѣдующему принципу. За снаряды, изготовляемые сверхъ того количества, которое было сдано въ предыдущемъ мѣсяцѣ, заводъ получаетъ премію. Между тѣмъ положеніе было таково. Заводы заключили съ артиллерійскимъ Управленіемъ договоры на изготовленіе опредѣленнаго числа снарядовъ, со сдачей помѣсячно тоже опредѣленнаго числа ихъ. Задачу эту они не выполняли и поставляли самый небольшой процентъ контрактной сдачи. Происходило это потому, что военно-промышленные комитеты внесли невѣроятный развалъ и развратъ въ промышленность. Заключали договоры не на то количество, которое могъ фактически изготовить заводъ, а на то количество, на каковое казенное учрежденіе соглашалось. Заводъ никогда и не думалъ исполнить въ срокъ, а дѣлалъ все это для того, чтобы получить при заказѣ авансъ, доходившій зачастую 75% договорной суммы. Авансъ этотъ теоретически предназначался на дополнительное оборудованіе завода, а фактически зачастую обращался на другія надобности.

Итакъ, для заказчика-казны, съ которой нѣкоторые заводы выдѣлывали такія вещи, естественно было примѣнять строжайшія кары, а Гл. Арт. Упр. вмѣсто этого рѣшаетъ премировать. Такимъ образомъ, заводъ, далеко не выполнившій своего обязательства, вмѣсто кары, получаетъ премію только за то, что поставилъ снарядовъ болѣе, чѣмъ въ прошломъ мѣсяцѣ.

Въ засѣданіи пяти министровъ, въ которомъ присутствовали Штюмеръ, Треповъ, Гаринъ (отъ воен. м-ва) и я, мною было сдѣлано объ этомъ заявленіе, съ указаніемъ на уродливость такой формы поощренія.

На этомъ я уѣхалъ въ свою поѣздку.

По возвращеніи съ Кавказа я узналъ, что вышеизложенное мое заявленіе произвело громадный шумъ и негодованіе въ Особомъ Совѣщаніи по Оборонѣ. Начинается цѣлый рядъ новыхъ интригъ и выступленій.

Черезъ нѣсколько времени я получилъ частнымъ образомъ копіи писемъ, которыя Гучковъ отправлялъ въ Ставку генералу Алексѣеву, и въ одномъ изъ нихъ, жестоко нападалъ на меня. Какъ я уже излагалъ въ другой главѣ, посвященной моимъ посѣщеніямъ Императрицы, я рѣшилъ поставить Ее въ курсъ дѣятельности Гучкова и Алексѣева. Не буду повторять здѣсь подробности, но Ея Величество сообщила Государю обо всемъ мною доло-

женномъ и такимъ образомъ значительно облегчила мой ближайшій докладъ Государю. «Разскажите все это Алексѣеву», сказала мнѣ Государь. «Онъ такъ золъ на Васъ, какъ я никогда не видѣлъ его. Въ разговорѣ со Мною онъ даже бросилъ на письменный столъ передо Мною карандашъ со словами: «такъ работать нельзя».

Не знаю, усвоилъ ли все это генераль Алексѣевъ, когда я ему разъяснилъ нелѣпость дѣятельности Гл. Арт. Упр., или сдѣлалъ лишь видъ, что согласенъ со мною, но этотъ вопросъ послужилъ предметомъ переписки между Штюмерсомъ и Алексѣевымъ, который въ концѣ концовъ призналъ, что это дѣло «основано на недоразумѣннн». Вѣрнѣе было бы сказать «основано на ложныхъ сообщенiяхъ Гучкова».

Интересно для характеристики личности Гучкова отмѣтить, что черезъ мѣсяцъ или полтора, когда онъ увидалъ, что его интрига не удалась онъ прѣхалъ ко мнѣ съ цѣлымъ рядомъ ходатайствъ относительно тѣхъ предпрiятiй, въ которыхъ онъ принималъ участiе. Любезность, предупредительность и стремленiе понять, знаю ли я про его ложные доносы, явно вытекала изъ нашихъ разговоровъ. Въ концѣ концовъ онъ даже просилъ помочь ему устроиться на вкавказскихъ минеральныхъ водахъ, куда онъ ѣхалъ отдохнуть, а вѣрнѣе продолжать свои интриги на Кавказѣ, гдѣ почва была достаточно подготовлена.

Испрашивая разрѣшенiе Государя на поѣздку на Кавказъ, я поставилъ слѣдующiй вопросъ: угодно ли Его Величеству, чтобы я проѣхалъ въ Тифлисъ, представиться Намѣстнику. Я опасался, что этотъ послѣднiй, узнавъ, что я осматриваю Кавказскiя минеральныя воды, сочтетъ себя обиженнымъ, что я не потрудился его увидѣть. Государь немедленно отвѣтилъ, что Онъ находитъ необходимымъ, чтобы я оказалъ Намѣстнику это вниманiе, но при этомъ сказалъ, чтобы я не считалъ время, необходимое на поѣздку въ Тифлисъ, въ число тѣхъ нѣсколькихъ дней, которые я просилъ для отдыха.

Изъ Ессентуковъ я телеграфировалъ князю Орлову, бывшему тамъ въ роли помощника по гражданской части мою просьбу доложить Великому Князю, угодно ли ему будетъ принять меня. Отвѣтъ получился немедленно, съ указанiемъ, что Намѣстникъ находится въ лѣтней резиденцiи близъ Тифлиса и ждетъ меня въ полдень, не помню какого дня.

Великiй Князь любезно принялъ меня и сразу перешелъ на интересующiй его вопросъ о сооруженiи ж.-д. линiи Батумъ-Трапезундъ. Дѣло это онъ подробно, но безголково объяснялъ мнѣ, доказывая, что дорога эта абсолютно необходима для успѣшности военныхъ дѣйствiй противъ Турцiи, что Алексѣевъ понять этого не хочетъ и не соглашается уступить Кавказу необходимое количество рельсовъ, утверждая, что они ему нужны для западнаго фронта. Слышая это длинное и довольно не ясное сообщенiе, я никакъ не могъ понять, для чего Великiй Князь мнѣ все это излагаетъ. Оказывается, что онъ обратился ко мнѣ съ

просьбой, чтобы я все это передалъ Государю, въ надеждѣ, что Онъ согласится съ доводами Намѣстника. Фантазія довольно странная давать мнѣ такое порученіе. Лекція эта продолжалась до тѣхъ поръ, пока насъ не позвали къ завтраку.

За завтракомъ были Великія Княгини Анастасія и Мелица Николаевны, черногорки, которыхъ Императрица называла «черныя женщины» (black woman), генераль Янушкевичъ, князь Орловъ и адъютантъ Великаго Князя. Меня посадили направо отъ Вел. Кн. Анастасіи Николаевны. Сперва разговоръ былъ общаго характера. Но скоро я примѣтилъ отъ нѣкоторыхъ сидящихъ, какія-то непонятныя сперва для меня фразы; скоро я началъ ихъ понимать. Желая быть во всемъ очень точнымъ, я этихъ переговоровъ передать не могу, такъ какъ я тогда же ихъ не записалъ, но они касались всецѣло Царской Семьи и, главное, Императрицы, а иногда и Государя. Чувствовалось мало скрываемое неудовольство Государемъ. Видимо, что если бы не мое присутствіе, то разговоры были бы еще болѣе открытые.

Послѣ завтрака я ѣхалъ съ весьма тяжелымъ чувствомъ.

Въ сентябрѣ 1916 г. я имѣлъ первый послѣ моей поѣздки на Кавказъ докладъ въ Ставкѣ. Я, конечно, доложилъ Государю просьбу Великаго Князя о рельсахъ для ж. д. Батумъ-Трапезундъ.

По окончаніи доклада Государь, по обыкновенію, удостоилъ меня разговорами и спросилъ о моихъ впечатлѣніяхъ по поѣздкѣ на Кавказъ.

Посмотрѣвъ Государю въ глаза, послѣ краткой паузы, я спросилъ: «Позволите ли Ваше Величество говорить мнѣ совершенно откровенно? Я боюсь, что мой рассказъ будетъ непріятенъ Вашему Величеству, такъ какъ онъ касается чрезвычайно близкаго Вамъ лица». Отвѣтъ Государя былъ, что онъ проситъ меня быть совершенно откровеннымъ и не стѣсняться.

Тогда я передалъ то, что слышалъ за завтракомъ у Великаго Князя, и выразилъ изумленіе, что присутствующіе позволили себѣ вести такіе разговоры при министрѣ Его Величества. Закончилъ я словами: «Я считаю своимъ долгомъ доложить Вашему Величеству, что у насъ на Кавказѣ — осное гнѣздо».

Государь нисколько не удивился и сказалъ мнѣ, что Ему некуда было дѣть всѣхъ этихъ лицъ, которыхъ Онъ не могъ оставить въ Ставкѣ, но что Онъ увѣренъ, что скоро между ними произойдутъ нелады, и тогда ихъ можно будетъ разъединить.

Въ опубликованной совѣтскимъ Центроархивомъ перепискѣ Государя съ Императрицей имѣется письмо Государя отъ 5 сент. 1916 г. Вотъ выписка изъ него: «...Послѣ чая принималъ Шаховского и долго съ нимъ говорилъ. Онъ, дѣйствительно, хорошій, честный человѣкъ. Онъ мнѣ рассказалъ довольно интересныя вещи про Н. и другихъ на Кавказѣ, гдѣ онъ недавно былъ и всѣхъ видѣлъ»...

**

Въ виду того, что въ этой главѣ изложенъ мой докладъ Го-

сударю по поводу крупныхъ снарядовъ и рассказъ Государя о дерзкомъ поведеніи Алексѣева, вплоть до брошеннаго на столъ карандаша, я въ этой же главѣ скажу нѣсколько словъ и о генералѣ Алексѣевѣ.

При объѣздѣ моемъ въ 1914 г., по должности начальника управления, стратегическихъ прифронтовыхъ дорогъ, я проѣзжалъ черезъ г. Холмъ, мѣсто нахождения штабъ-квартиры Главнокомандующаго Юго-Зап. фронтомъ генерала Н. І. Иванова и его Начальника штаба генерала Алексѣева, гдѣ я впервые и познакомился съ ними обоими. Сочетаніе тамъ было блестящее. Во главѣ арміи — честный, богобоязненный и до конца вѣрноподданный Ивановъ. У него — подручный — опытный стратегъ, много лѣтъ работавшій въ Кіевѣ, именно на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ находился во время войны, — надъ вопросомъ войны съ Австріей. Никакой политикой ни Ивановъ, ни Алексѣевъ не занимались.

Другая картина представилась, когда, въ Царской Ставкѣ въ Могилевѣ, Алексѣевъ былъ Начальникомъ Штаба, а по существу верховнымъ главнокомандующимъ. Постоянныя личныя и письменныя сношенія съ Родзянкой, Гучковымъ, Поливановымъ и другими «общественными» дѣятелями, скоро натолкнули его на политическую дѣятельность. Онъ увлекся войной внутренней, между тѣмъ, какъ онъ былъ призванъ Монархомъ исключительно для войны внѣшней.

Чрезмѣрная близость къ Государю привела къ тому, что, вмѣсто того, чтобы, узнавъ и изучивъ всѣ многочисленныя положительныя и нѣкоторыя, быть можетъ отрицательныя стороны, безъ которыхъ не существуетъ на землѣ человѣка, использовать эти обѣ стороны для общаго блага, онъ очевидно вѣрилъ своимъ либеральнымъ единомышленникамъ стремившимся дискредитировать Монарха.

Благодаря этому онъ чрезвычайно быстро приобрѣлъ авторитетъ и довѣріе въ революціонно настроенныхъ сферахъ.

Насколько онъ игралъ своими чувствами къ Государю съ тѣми лицами, которыхъ онъ зналъ за глубоко вѣрноподданныхъ, служить примѣромъ слѣдующій фактъ, достовѣрность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію. Я знаю это лично отъ генерала Бѣляева, который мнѣ это рассказывалъ послѣ выпуска его изъ тюрьмы осенью 1917 года.

На Пасху 1916 г. генераль Алексѣевъ получилъ званіе Генераль-Адъютанта. Генераль Бѣляевъ написалъ ему поздравительное письмо и получилъ отвѣтъ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Не знаю, поможетъ ли мнѣ Господь отслужить нашему обожаемому Монарху за всѣ тѣ милости, которыми незаслуженно Онъ меня осыпаетъ». Вотъ и отслужилъ!

Указынная выше невѣрность генерала Алексѣева Государю, чувствовалась мною при каждомъ моемъ пріѣздѣ въ Ставку. Со-

вершено ясно, что онъ уже не могъ скрыть свою принадлежность къ пртивуправительственному лагерю.

ГЛАВА XXXVI.

А. И. ГУЧКОВЪ.

Невѣроятно тяжело для меня всякое воспоминаніе объ Александрѣ Ивановичѣ Гучковѣ. Тѣмъ не менѣе я долженъ сказать и о немъ, такъ какъ онъ представлялъ изъ себя одну изъ самыхъ видныхъ фигуръ, сыгравшихъ въ нашей революціи столь трагичную роль.

Съ Гучковымъ я познакомился кажется въ 1907 г., когда онъ былъ избранъ членомъ совѣта Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Въ то время я состоялъ членомъ ревизіонной комиссіи этого общества, а засимъ членомъ совѣта. Избраніе Гучкова объясняется, конечно, желаніемъ установить вліятельную связь съ Государственной Думой, гдѣ Александръ Ивановичъ былъ лидеромъ партіи октябристовъ.

Отъ Гучкова ожидали многого; въ то время онъ имѣлъ крупное имя среди общественныхъ дѣятелей. Цѣлый рядъ промышленныхъ предпріятій стремились привлечь его въ составъ своихъ правленій или совѣтовъ. Такимъ образомъ, помимо званія члена Государственной Думы, онъ состоялъ въ громадномъ числѣ предпріятій въ широко оплачиваемыхъ должностяхъ.

Понемногу въ Р.О.П. и Т. въ немъ всѣ разочаровались, увидавъ, что онъ ни разу не поинтересовался ни однимъ дѣловымъ вопросомъ. Первымъ имѣлъ мужество объ этомъ сказать одинъ изъ нашихъ сочленовъ по ревизіонной комиссіи, а затѣмъ по совѣту. Постепенно и другіе стали приходить къ тому же заключенію, и послѣднимъ это призналъ Предсѣдатель правленія общества А. Е. Молчановъ, все ожидавшій отъ Гучкова проявленія его талантовъ.

Въ Третьей Государственной Думѣ Гучковъ прославился главнымъ образомъ своей очень хлесткой и смѣлой рѣчью, направленной противъ Великихъ Князей, такъ или иначе стремившихся къ административной дѣятельности. Суть рѣчи заключалась въ томъ, что нельзя отвѣтственные должности поручать безотвѣтственнымъ лицамъ. Слѣдствіемъ этой рѣчи было постепенное устраненіе нѣкоторыхъ Великихъ Князей. Такая рѣчь не могла не произвести большого впечатлѣнія на широкіе круги тѣмъ болѣе, что она произносилась не ораторомъ съ лѣвыхъ скамей, а лидеромъ центра — октябристомъ. Къ ней относились сочувственно даже правые элементы, считая, что дѣятельность Великихъ Князей далека отъ того, чтобы служить укрѣпленіемъ монархическихъ чувствъ, а скорѣе она подрывала авторитетъ Государя.

Въ качествѣ предсѣдателя военно-морской комиссіи Государственной Думы Гучковъ специализировался на борьбѣ съ воен-

нымъ министромъ генераломъ Сухомлиновымъ. Онъ весьма близко сошелся съ генераломъ Поливановымъ, помощникомъ Сухомлинова, получалъ отъ него всякія секретныя справки и, разоблачая ихъ въ комиссіи, требовалъ объясненій отъ самого военного министра, или отъ представителей вѣдомства.

Мнѣ лично онъ всегда казался типичнымъ политиканомъ, весьма умнымъ, но совершенно неспособнымъ къ спокойной созидательной работѣ. Проявленія его были чрезвычайно импульсивны и не послѣдовательны. Достаточно указать на его сраженія въ рядахъ Бурской арміи или на дуэль съ гр. Уваровымъ. Въ конфликтѣ съ Уваровымъ поведение его было крайне безтактнымъ; во время дуэли онъ стрѣлялъ первымъ и ранилъ Уварова. За эту дуэль онъ, уже будучи предсѣдателемъ Думы, былъ присужденъ къ мѣсячному тюремному заключенію, къ отбыванію какового онъ явился во время перерыва занятій Думы. Кажется, фактически онъ этого наказанія не отбывалъ.

Засимъ много шума надѣлала его дуэль съ Мясоѣдовымъ, впоследствии во время войны казненнымъ на фронтѣ по обвиненію въ измѣнѣ.

8 марта 1910 г., послѣ отказа Хомякова отъ предсѣдательства Государственной Думы, Гучковъ былъ избранъ на этотъ постъ. Въ своей первой рѣчи, произнесенной 12 марта, онъ между прочимъ, сказалъ слѣдующее: «...Господа! я убѣжденный приверженецъ конституціонно-монархическаго строя и притомъ не со вчерашняго дня. Въ формѣ конституціонной монархіи, **а отнюдь не парламентаризма**, я не могу мыслить мирнаго развитія современной Россіи...» Красивыя слова, которыя, вѣроятно, онъ забылъ въ періодъ 1915-1917 г.г.

Предсѣдателемъ Государственной Думы Гучковъ оставался недолго, всего одинъ годъ до 19 марта 1911 г. Слухи о его уходѣ распространялись задолго до этого. Въ качествѣ Предсѣдателя онъ не имѣлъ никакого авторитета въ Думѣ, несмотря на личную дружбу съ П. А. Столыпинымъ. Повидимому онъ сознавалъ это и искалъ удобнаго случая уйти. Случай не замедлил представиться и столь удобный, что онъ могъ снова вернуть себѣ утраченную популярность. Тотчасъ по изданіи, въ порядкѣ 87 статьи, положенія о введеніи Земства въ Юго-Западномъ краѣ, онъ заявилъ, что уходитъ съ поста Предсѣдателя Думы, «вслѣдствіе несогласія съ Правительствомъ», и тотчасъ же 19 марта уѣхалъ на Дальній Востокъ.

Такимъ образомъ цѣлый рядъ шаговъ Гучкова дѣлали ему серьезную рекламу въ общественномъ мнѣніи. И выступленіе противъ Великихъ Князей, и нападки на Сухомлинова, и дуэль съ Мясоѣдовымъ, и даже оставленіе поста Предсѣдателя Государственной Думы «вслѣдствіе несогласія съ Правительствомъ» — все это создавало ему славу борца за правду.

Все изложенное представляетъ показную сторону медали. Надо взглянуть и на оборотную сторону.

Не было ни одного революціоннаго движенія за границей, которое не поѣхалъ бы лично изучать Гучковъ. Послѣ боксерскаго движенія Гучковъ устремляется въ Китай; послѣ убійства Драги Машинной, онъ отправляется въ Бѣлградъ въ качествѣ члена Правленія страхового общества Россія для освященія тамъ новаго зданія общества; во время движенія младотурокъ онъ торопился въ Константинополь подѣ предлогомъ осмотра въ качествѣ члена совѣта Р.О.П. и Т. агентства общества. По словамъ служащихъ общества въ Константинополь, онъ; за все время своего пребыванія тамъ, зашелъ одинъ разъ въ агентство, но не интересовался ни однимъ коммерческимъ вопросомъ, касающимся общества, а исключительно вертѣлся во всевозможныхъ мѣстныхъ политическихъ кружкахъ. Не даромъ, послѣ возвращенія въ Петербургъ, за нимъ, съ легкой руки Меньшикова*), укрѣпилась кличка младотурка.

Съ началомъ военныхъ дѣйствій онъ отправился въ дѣйствующую армію въ качествѣ главноуполномоченнаго Кр. Креста. Я неоднократно въ это время встрѣчался съ нимъ, при моихъ поѣздкахъ на фронты, въ Бристоль-отель въ Варшавѣ, гдѣ мы оба останавливались. Тамъ мы зачастую подолгу бесѣдовали съ нимъ. Онъ мнѣ очень откровенно рассказывалъ свои весьма интересные впечатлѣнія о ходѣ войны и конечно, осуждалъ жестоко все, что дѣлалось у насъ на фронтѣ, восхваляя то, что дѣлали наши противники. Но иначе и быть не могло, я самъ видѣлъ въ какой степени нѣмцы были лучше снабжены и оборудованы, чѣмъ наши войска.

Въ своихъ разговорахъ со мною Александръ Ивановичъ упоминалъ мнѣ, что изъ состава Правительства онъ находится въ особо дружескихъ отношеніяхъ съ Кривошеиннымъ, съ которымъ онъ зачастую переписывается. Отъ цѣлага ряда лицъ я слышалъ его крайне благопріятные отзывы обо мнѣ да и я самъ чувствовалъ его несомнѣнное расположеніе. Но стоило мнѣ попасть въ ряды Правительства, чтобы его отношеніе ко мнѣ круто измѣнилось.

Въ роли Главноуполномоченнаго Краснаго Креста онъ тоже оставался недолго, всего одинъ годъ. Однако, онъ использовалъ это время чрезвычайно успѣшно для того, чтобы близко сойтись съ высшимъ и среднимъ команднымъ составомъ, усердно сѣя въ немъ недовольство Династіей и Правительствомъ.

Въ августѣ 1915 г. онъ возглавилъ центральный военно-промышленный комитетъ, самую оппозиціонную общественную организацію, стоявшую гораздо лѣвѣе земскаго и городского союзовъ. Здѣсь онъ развернулся вполне широко, используя свои прежнія отношенія съ генераломъ Поливановымъ, который въ это время былъ военнымъ министромъ, и направилъ всѣ свои силы къ дискредитированію Правительства, насажденію революціи и къ борьбѣ съ Династіей.

*) Ф. Меньшиковъ — фельетонистъ «Новаго Времени».

Взоры свои Гучковъ направилъ на тѣ слои, которые могли дать наилучшіе всходы тѣхъ плевель, которые онъ сѣялъ. Съ одной стороны онъ сталъ работать въ области рабочаго вопроса, содѣйствуя организаціи рабочей секціи в. пр. комитета, которая явилась ячейкой совѣта рабочихъ депутатовъ а съ другой, онъ всячески старался сблизиться съ профессорами высшихъ учебныхъ заведеній, считая, что они могли оказать прямое вліяніе на зараженіе молодежи революціонными идеями.

Въ то же время онъ не только не оставилъ своихъ связей съ команднымъ составомъ, но всячески ихъ культивировалъ, начиная съ генерала Алексѣева. вмѣстѣ съ Родзянко онъ ложно освѣщаль ему дѣятельность Правительства. Приписывая военно-промышленнымъ комитетамъ заслуги, которыхъ не было, онъ возводилъ на Государя и Правительство явно ложныя обвиненія въ такихъ дѣяніяхъ, которыя граничили съ измѣной.

Обо всемъ этомъ читатель найдетъ болѣе подробныя свѣдѣнія въ другихъ главахъ моихъ воспоминаній.

Ненависть Гучкова къ Государю особенно обострилась, когда, уже послѣ оставленія имъ поста Предсѣдателя Думы, Государь, принимая членовъ третьей Думы, спросилъ Гучкова, не подавая руки. «Вы вѣдь, кажется, отъ Москвы»? Возвращаясь съ этого пріема въ придворной каретѣ съ очень близкимъ мнѣ лицомъ, членомъ Думы, Гучковъ былъ такъ возмущенъ, что не стѣснялся выраженіями.

Однажды Самъ Государь рассказывалъ мнѣ, до какой степени Гучковъ неприлично держалъ себя на докладахъ въ качествѣ Предсѣдателя Думы и, какъ послѣ этого, на одномъ изъ пріемовъ Онъ не подалъ ему руки.

«Замѣчали ли Вы, сказалъ мнѣ Государь, «что Гучковъ никогда не смотритъ въ глаза, когда онъ разговариваетъ»? Это же Онъ говорилъ про князя Львова, который тоже избѣгалъ смотреть въ глаза. «Такъ и знайте», продолжалъ Государь, «если одного изъ этихъ лицъ, которыя не смотрятъ въ глаза, Я когданибудь назначу министромъ, — значитъ, я сошелъ съ ума».

При отреченіи отъ Престола, Ему пришлось сдѣлать то, что такъ противорѣчило и Его волѣ, и Его чувству. Самая форма назначенія князя Львова Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ свидѣтельствуешь, до какой степени Государь былъ взволнованъ, и какъ было ужасно Его моральное состояніе. Государь отлично зналъ форму назначеній. Сперва увольненіе предшественника, затѣмъ назначеніе новаго лица. вмѣсто всего этого, безъ увольненія кн. Голицына, былъ назначенъ кн. Львовъ.

Послѣдній разъ мнѣ пришлось видѣть Гучкова 27 февраля 1917 г. вечеромъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Я и нѣсколько другихъ министровъ стояли въ полуосвѣщенномъ залѣ Маріинскаго дворца въ ожиданіи засѣданія Совѣта Министровъ, которому суждено было собраться въ послѣдній разъ.

Мимо насъ быстрыми шагами прошелъ Гучковъ, не останав-

ливаясь около насъ. Видъ его былъ торжествующій, глаза горѣли: революція началась!..

Черезъ два дня онъ уже мчался въ экстренномъ поѣздѣ въ Псковъ съ членомъ Государственной Думы Шульгинымъ (націоналистомъ) требовать отъ Государя отреченія отъ престола.

Съ моей точки зрѣнія, это его самый гнусный шагъ. Чувство мести, чувство ненависти личной взяли верхъ надъ чувствомъ долга и патриотизма. Если Родзянко не понималъ, что во время страшной внѣшней войны и во время внутренней смуты нельзя мѣнять строй государства, Гучковъ, хотя и оппозиціоннаго лагеря, не могъ не понимать всего трагизма гибели Россіи. Всякій изъ причастныхъ къ революціи членовъ законодательныхъ палатъ могъ взять на себя порученіе поѣхать къ Государю съ требованіемъ отреченія, но не Гучковъ, завѣдомо пристрастный, личный врагъ Государя.

Итакъ своего снѣ добился. Онъ вступилъ въ ряды не Царскаго, а революціоннаго Правительства, захвативъ сразу два портфеля и военнаго, и морскаго министровъ. Достаточно извѣстна его дѣятельность за краткое время состоянія у власти. Всѣ его мѣропріятія, при активномъ содѣйствіи генерала Поливанова, были направлены къ разложенію арміи и флота. При немъ, во время войны погибли и армія, и флотъ. Иначе и быть не могло. Начиная съ опубликованія приказа № 1, затѣмъ выработка комиссіей деклараціи правъ солдата, войсковые комитеты, снятіе погонъ съ морскихъ офицеровъ..., отдача изъ Москвы полякамъ знаменъ, обогранныхъ русской кровью, все было направлено къ оскорбленію русскаго патриотическаго чувства, къ угрожденію плебсу, подыгрыванію къ озвѣрѣлой солдатской и матросской толпѣ...

Невольно вспоминается мнѣ то прозвище, которое давалъ ему Протопоповъ: «Великій разрушитель». Слова эти оказались пророческими.

ГЛАВА XXXVII.

ВЕЛИКОСВѢТСКІЕ САЛОНЫ. СОЮЗНЫЕ ПОСЛЫ. ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ.

Распущенность, которая царила во многихъ интеллигентныхъ кругахъ, психозъ, который заражалъ атмосферу и втягивалъ въ геену революціи, особенно ярко сказывались въ такъ называемыхъ «великосвѣтскихъ салонахъ». Однимъ изъ источниковъ распространенія ложныхъ слуховъ о Царской Семьѣ и, въ частности, объ Императрицѣ, служили именно эти салоны, гдѣ велись постоянно самые непростительные разговоры, даже не стѣсняясь присутствіемъ иностранныхъ дипломатовъ. Побывавшіе въ этихъ салонахъ гости разносили по городу всѣ разговоры и сплетни, зачастую усугубляя слышанное и пополняя своимъ воображеніемъ.

Эти жалкія сплетни и пересказы изъ устъ въ уста кончались

тѣмъ, что производили впечатлѣніе на общество, и вранье, постоянно передаваемое, приобрѣтало видимость правды.

Французскій посоль, Морисъ Палеологъ, чрезвычайно дорожилъ вращаться въ высшемъ свѣтскомъ кругу, и въ своемъ трудѣ посвящаетъ много мѣста вышеизложенному печальному явленію. Не называя фамилій, онъ описываетъ разговоры графини В., г-жи С., графини К., княгини П., и т. д., и даже пишетъ: «Depuis 10 mois que je fréquente la société Russe, une des choses qui m'ont le plus surpris, est la liberté ou pour mieux dire la license avec, laquelle on parle de l'Empereur et de l'Empératrice»...*) Далѣе тотъ же Палеологъ, по поводу Императрицы, которую въ какомъ-то салонѣ называли «нѣмкой», пишетъ слѣдующее: «La malheureuse femme ne mérite en aucune manière de cette inculpation, qu'elle connaît et qui la désole. Alexandra Feodorovna n'est allemande ni d'esprit, ni de cœur et ne l'a jamais été... Le fond de sa nature est devenu entièrement russe... je ne doute pas de son patriotisme... Elle aime la Russie d'un fervent amour... Elle a pris en personnelle aversion l'Empereur Guillaume»...*)

Особо Морисъ Палеологъ останавливается на Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, которая, какъ извѣстно, была чрезвычайно настроена противъ Императрицы, но пользовалась симпатіями Палеолога, въ виду ея особаго умѣнія свѣтскаго обращенія со свѣтскимъ представителемъ Французской республики. Она усердно выставяла свою ненависть къ Германіи, будучи сама Мекленбургской уроженкой. Даже при всей симпатіи Палеолога къ Великой Княгинѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, упоминаетъ, что ея завѣтной мечтой являлось видѣть одного изъ своихъ сыновей на Россійскомъ Престолѣ.

Оба союзныхъ посла, французскій и великобританскій, явно сочувствовали не только либеральному, но въ концѣ даже революціонному движенію, хотя они все же, до извѣстной степени, затушевывали это въ своихъ мемуарахъ. Тѣмъ не менѣе, для подтвержденія моего убѣжденія, я долженъ сослаться на ихъ мемуары.

Прежде всего, я коснусь Мориса Палеолога. Какъ видно изъ его воспоминаній, къ нему пріѣхалъ московскій промышленникъ, французъ Гужонъ, заявившій, что рядъ видныхъ московскихъ промышленниковъ поручилъ ему узнать, правда ли, что придворные круги колебались рѣшеніе Государя продолжать войну до полного разгрома Германіи. Эти самые московскіе промышленники просятъ Палеолога принять ихъ. Крайне тактично, французскій посоль, категорически опровергая этотъ нелѣпый слухъ, просилъ передать, что онъ считаетъ неудобнымъ принимать ихъ по такому вопросу.

*) Maurice Paléologue. La Russie des Tzars pendant la grande guerre. Vol. I, page 190.

*) Maurice Paléologue. La Russie des Tsars pendant la grande guerre. Vol. I, page 249.

Поддерживая, тѣмъ не менѣе, постоянныя сношенія съ лѣвыми партіями Думы, первое время посоль былъ чрезвычайно въ этомъ остороженъ, и разсуждалъ такъ: «Si je developpe trop mes relations avec les milieux libéraux, je deviens suspect au parti gouvernemental et à l'Empereur; je fournis de plus une arme terrible aux réactionnaires»...*)

Очевидно, руководствуясь этимъ мудрымъ принципомъ, еще въ сентябрь 1915 г. Палеологъ для разговоровъ съ кадетскими лидерами, М. М. Ковалевскимъ, Милюковымъ, В. А. Маклаковымъ и Шингаревымъ, которыхъ онъ называетъ: *état majeur et l'élite du parti libéral***) избираетъ нейтральный домъ. Но уже скоро послѣ этого тѣ же лица стали постоянными гостями Палеолога, какъ въ частныхъ свиданіяхъ, такъ и на обѣдахъ въ посольствѣ.

Переходя къ дѣятельности Великобританскаго посла, сэра Джоржа Бьюканена, я, прежде всего, отмѣчу, что онъ сперва пользовался исключительнымъ вниманіемъ при Дворѣ. Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить то, что супруга его, лэди Джоржина Бьюканенъ, 29 августа 1915 г. «была принята въ число Дамъ меньшаго креста Императорскаго ордена Св. Великомученицы Екатерины». Это считалось совершенно исключительнымъ фактомъ. Не знаю, были ли вообще примѣры награжденія женъ иностранныхъ пословъ этимъ высокимъ орденомъ (съ лентой черезъ плечо).

Самъ посоль былъ спокойный, сдержанный и имѣлъ большое вліяніе на Палеолога. Повидимому, онъ вообще поддерживалъ не только либеральныхъ, но и крайне лѣвыхъ дѣятелей. Ему особенно сочувствовала Москва. Главнѣйшая оппозиція Правительству исходила оттуда.

Большую активность, въ отношеніи ложныхъ слуховъ и въ обсужденіи вопроса о перемѣнѣ режима, проявляло московское купечество. Виднѣйшія лица собирались періодически въ извѣстномъ особнякѣ Морозова, для свѣихъ секретныхъ засѣданій, и туда, обычно, пріѣзжали изъ Петрограда руководители кадетской партіи.

Не знаю, черезъ кого изъ присутствовавшихъ, но подробности этихъ собраній получались Департаментомъ полиціи, который разсылалъ, въ сугубо секретныхъ пакетахъ, намъ, главнымъ министрамъ, получаемые имъ отчеты объ этихъ собраніяхъ.

Челноковъ, Астровъ, Четвериковъ, Третьяковъ и другіе, другъ друга старались опередить въ либерализмѣ. Многіе изъ московскихъ толстосумовъ давали крупныя суммы на революціонную дѣятельность. Въ началѣ этого противуправительственнаго вихря Московское городское управленіе приглашаетъ сэра Джоржа Бьюканена посѣтить Москву. Ему устраивается небывалый, чрезвычайно нарядный пріемъ. Онъ избирается почетнымъ гражданиномъ

*) Maurice Paléologue; op. cit. Vol. I, page 235.

***) Idem. Vol. II, page 72.

Москвы, ему подносят Образъ XV вѣка и громадную сереоряную братину, изображающую шлемъ русскаго богатыря. (Братину эту я самъ видѣлъ у Бьюканена на обѣдѣ). Спрашивается, какая цѣль этого поступка Москвы? Я думаю и увѣренъ, что все это дѣлалось для поддержки посломъ политическихъ стремленийъ Москвы. Изъ дальнѣйшихъ приводимыхъ мною выписокъ изъ его мемуаровъ подтвердится моя увѣренность.

Теперь же я укажу два поступка этого дипломата, которые не могли не повліять на переѣну отношеній къ нему Государя.

Во-первыхъ, онъ позволилъ себѣ вмѣшиваться въ рѣшеніе Государя о смѣнѣ С. Д. Сазонова, прося Государя по телеграфу (правда, въ очень почтительной формѣ) о сохраненіи С. Д. Сазонова на его посту.

Во-вторыхъ, онъ, въ угоду лѣвымъ организаціямъ, испросилъ у Государя приѣмъ. Оказывается, Государю стала заранѣе извѣстна цѣль его посѣщенія, состоявшая во вмѣшательствѣ во внутреннюю политику и въ поддержаніи «кабинета общественнаго довѣрія». Государь его принялъ, но не въ своемъ кабинетѣ, а въ пріемной, среди зала, стоя, не предложивъ ему сѣсть.

Обращаюсь вновь къ воспоминаніямъ Великобританскаго посла. Говоря о кадетскихъ дѣятеляхъ, онъ выражается такъ: «Je ne me reproche aucunement d'avoir cultivé l'amitié de ces hommes. Il est vrai que je fus désappointé lorsque au moment de la crise, je vis qu'ils étaient incapables de prendre la direction des événements»...*)

Но здѣсь же я долженъ добавить выписку изъ Мемуаровъ сэра Бьюканена: ... «combien on est mal fondé à m'accuser d'avoir prêté la main à cette révolution... Et même depuis mon retour en Angleterre... cette accusation a pesé sur moi sans que j'aie jamais parvenu à le rejeter»...**)

Въ заключеніе свѣдѣній о великобританскомъ послѣ, я приведу отрывокъ его рѣчи въ іюнѣ 1917 г., т. е. черезъ 3½ мѣсяца послѣ революціи:

«Я всегда былъ глубоко увѣренъ въ благопріятномъ результатѣ русской революціи для общаго союзнаго дѣла. Я ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что окрыленный гражданской свободой русскій солдатъ сумѣетъ постоять за демократическіе идеалы всего міра. Даже въ тревожные дни, которые намъ пришлось пережить, меня никогда не покидала надежда. Я счастливъ, что мое знаніе русскаго народа меня не обмануло»...

Полагаю, что этихъ выписокъ изъ мемуаровъ достаточно, чтобы судить, принималъ ли великобританскій посолъ участіе въ революціонномъ движеніи.

Въ бытность мою въ Даніи, я встрѣтился въ Копенгагенѣ, 3 мая 1920 года, съ голландцемъ Сандерсъ, котораго я давно лично зналъ по Петрограду. Онъ былъ со мною въ хорошихъ отно-

*) Mémoires de Sir George Buchanan (trad. par Thiebaud), page 181.

**) Idem. Page 177.

шеніяхъ, и разсказаль мнѣ весьма заинтересовавшее меня свѣдѣніе, которое я полагаю желательнымъ отмѣтить здѣсь. Но заранее подтверждаю, что я не могу гарантировать точности сообщаемого факта, хотя лично отношусь къ нему съ извѣстнымъ довѣріемъ.

Во время поѣздки Сандерса въ Японію, онъ встрѣтилъ англичанина, нѣкоего Кука, который, при пріѣздѣ въ январѣ 1917 г. въ Россію лорда Мильнера, состоялъ при немъ. Какъ извѣстно, лордъ Мильнеръ возглавлялъ британскую делегацію на совѣщаніи союзниковъ въ Петроградѣ. Кукъ, принявши Сандерса за англичанина, и будучи увѣренъ, что въ Россіи этотъ послѣдній состоялъ въ англійской развѣдкѣ, разсказаль ему, что Мильнеръ устроилъ въ Москвѣ конспиративное совѣщаніе, съ приглашеніемъ нѣкоторыхъ кадетскихъ дѣятелей. Изъ фамилій присутствовавшихъ Сандерсъ запомнилъ только Шингарева. На совѣщаніи этомъ Мильнеръ почему-то убѣдился, что Русское Правительство склонно идти на сепаратный миръ, и это послужило поводомъ для рѣшенія о поддержкѣ Англійей революціи въ Россіи.

**
*

Наконецъ, съ глубокимъ прискорбіемъ, я долженъ упомянуть и о Великихъ Князьяхъ. И въ ихъ среду проникла зараза тѣмъ повальнымъ психозомъ, который вольно и невольно распространился во всѣхъ слояхъ. Въ ихъ средѣ, до извѣстной степени и болѣе или менѣе успѣшно, работаль и пользовался авторитетомъ Родзянко, заглазно ходившій у нихъ подъ кличкой «дяди Миши».

Оказалась даже секретная организація, подъ названіемъ дворцоваго переворота. Я о ней ничего не пишу, не будучи съ ней достаточно знакомъ, но все же я знаю, что въ ней активно участвовали Великіе Князья. Организація эта была, повидимому, открыта органами М-ва Вн. Дѣлъ и, можетъ быть, это обстоятельство и послужило поводомъ къ утвержденію въ послѣднихъ числахъ декабря 1916 г. Протопопова Министромъ; до тѣхъ поръ онъ былъ управляющимъ министерствомъ. Въ связи съ этимъ, наканунѣ Новаго Года, Великій Князь Николай Михайловичъ былъ высланъ изъ Петрограда въ его имѣніе Грушевку, близъ Херсона.

Поистинѣ, поведеніе Великихъ Князей во время смуты является непонятнымъ. Неужели они представляли себѣ, что такими поступками они спасутъ Россію! Вмѣстѣ съ тѣмъ, они упускали изъ вида, что сами они держатся и многими почитаются не собственными заслугами и собственнымъ вѣсомъ, а тѣмъ, что они принадлежатъ къ Семѣ Монарха. Своимъ же поведеніемъ они сами рубили вѣтку, на которой сидѣли.

ГЛАВА XXXVIII.

А. Ф. ТРЕПОВЪ — ПРЕДСѢДАТЕЛЬ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ.

10 Ноября 1916 г. я заѣхаль къ Главноуправляющему Собственной Его Величества канцеляріей, А. С. Танѣеву. У него въ

кабинетъ сидѣлъ А. Ф. Треповъ, пріѣхавшій къ нему прямо съ поѣзда изъ Ставки. въ путейской тужуркѣ съ зелеными отворотами. Видъ его былъ торжественный. Танѣевъ немедленно пригласилъ меня въ кабинетъ и показалъ на новаго премьера. Оказывается, Треповъ привезъ изъ Ставки, куда онъ ѣздилъ вмѣстѣ со Штюмеромъ, подписанный Государемъ бланкъ, съ порученіемъ Танѣеву записать выше о назначеніи Штюмера Оберъ-Каммергеромъ, а Трепова — Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Черезъ нѣсколько минутъ принесли готовый указъ. Оба внимательно прочли его и остались удовлетворенными. Треповъ собрался уѣзжать; мы съ нимъ условились, что въ тотъ же день, вечеромъ въ 11 ч., я пріѣду къ нему переговорить.

Въ назначенное время я былъ у него. Поздравивъ вторично новаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ, я отмѣтилъ, что наши отношенія съ нимъ были порою очень хороши, а порою у насъ съ нимъ были серьезныя размолвки по важнымъ вопросамъ. Не зная того направленія, котораго будетъ держаться Треповъ, я выразилъ желаніе сейчасъ же оставить министерскій постъ и тѣмъ самымъ дать возможность ему подобрать себѣ составъ по своему выбору и усмотрѣнію. Треповъ горячо противъ этого возсталъ. Онъ объяснилъ бывшія между нами недоразумѣнія чисто вѣдомственными треніями и выразилъ полнѣйшее желаніе работать вмѣстѣ. Разстались мы по-хорошему.

На слѣдующее утро былъ опубликованъ указъ, и Треповъ немедленно поѣхалъ къ Родзянкѣ устанавливать связь. Вечеромъ весь городъ говорилъ объ этомъ свиданіи: по требованію Родзянки, Треповъ обѣщалъ смѣнить четырехъ министровъ: Бобринскаго, Протопопова, меня и Раева.

Узнавъ объ этомъ, я внесъ завѣтъ съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ разговоръ по поводу даннаго имъ Родзянкѣ обѣщанія и моего опредѣленнаго желанія самому подать прошеніе объ отставкѣ. Треповъ категорически отвергъ этотъ слухъ и просилъ меня болѣе не возобновлять этотъ разговоръ.

Гр. Бобринскій безъ всякихъ разговоровъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, и былъ замѣненъ Риттихомъ. Я же изъ совершенно достовѣрныхъ источниковъ узналъ, что Треповъ настойчиво добивался у Государя увольненія не только Протопопова, но и меня, но согласія Государя не получилъ. На одномъ изъ Всеподданнѣйшихъ докладовъ Государь подтвердилъ мнѣ, что Треповъ настаивалъ на моей отставкѣ. Зачѣмъ же понадобилось Трепову это вранье мнѣ?!

Дальнѣйшая борьба сосредоточилась исключительно на Протопоповѣ. Треповъ настойчиво требовалъ увольненія Протопопова, Государь сперва отвѣчалъ неопредѣленно, а затѣмъ категорически отказалъ.

Хотя я, послѣ изложеннаго, Треповскимъ увѣреніямъ не довѣрялъ, все же я приведу то, что онъ мнѣ рассказывалъ. По его словамъ, получивъ отказъ о смѣнѣ Протопопова, снѣ, будто бы,

просилъ своей отставки, но, получивъ и на это отказъ, сказалъ Государю, что если онъ не будетъ освобожденъ отъ должности, то ему остается только покончить самоубійствомъ. Правда ли это, или нѣтъ, не знаю, но я слышалъ это изъ его устъ.

По вступленіи въ новую должность Треповъ круто повернулъ свое направленіе. Въ то время, какъ при Штюмерѣ онъ всячески настаивалъ на непримиримой съ либералами позиціи, онъ вдругъ повелъ совершенно иную политику и явно началъ искать поддержку въ этихъ кругахъ. Конечно, эта новая позиція Предсѣдателя Совѣта Министровъ являлась гораздо болѣе правильной, чѣмъ то, что онъ же проводилъ при Штюмерѣ. Въ частности, неоднократно въ разговорахъ со мною онъ подчеркивалъ лѣвизну Гр. Игнатьева. Съ перваго дня назначенія — крутой поворотъ. Игнатьевъ въ особомъ почетѣ у Трепова, постоянно у него бываетъ и является посредникомъ между нимъ и прогрессивными элементами.

Черезъ нѣсколько дней происходитъ скандалъ въ Государственной Думѣ, — чрезвычайно рѣзкое выступленіе противъ Протопопова. Это было при чтеніи программы Трепова. Какъ быть? Протопоповъ заявляетъ, что онъ хочетъ немедленно выступить для объясненій. Настроеніе было такое, что отъ этого выступленія полусумасшедшаго человѣка нельзя было ожидать ничего добраго, скандалъ былъ бы неизбѣженъ. Немедленно было устроено совѣщаніе министровъ въ министерскомъ павильонѣ, и Протопопову было запрещено выступать. Родзянко все время бѣгалъ между Думой и павильономъ. Во всемъ этомъ Протопоповъ держалъ себя истерично и недостойно.

На слѣдующій день, въ кабинетѣ Трепова, Совѣтомъ обсуждается создавшееся положеніе. Протопоповъ чрезвычайно помпезно заявляетъ, что если понадобится, то онъ сумѣетъ ликвидировать инцидентъ и готовъ во всякій моментъ драться на дуэли или покончить самоубійствомъ. Ему объяснили, что ни того, ни другого не надо.

Послѣ долгихъ разговоровъ, слово взялъ Н. Н. Порковскій. Онъ чрезвычайно прямо и убѣдительно изложилъ, что ему очень тяжело высказать свою мысль, но онъ считаетъ это своимъ долгомъ, и поэтому рѣшется. Онъ заявилъ, что не видитъ другого исхода, кромѣ отставки Протопопова. Рекомендуетъ ему сейчасъ же сѣсть въ поѣздъ, ѣхать въ Ставку и тамъ просить и умолять Государя уволить его. Такой поступокъ докажетъ, насколько Протопоповъ имѣетъ гражданское мужество и жертвуетъ собой для общаго блага. Сказано было сильно и убѣдительно. Это единственный разъ, когда я видѣлъ отъ Покровскаго такое прямое и твердое выступленіе; обычно, онъ высказывался горяздо мягче и закругленными фразами.

Весь составъ Совѣта единогласно согласился съ Н. Н. Покровскимъ. Нѣкоторые даже заявили, что Протопоповъ можетъ еще поспѣть на поѣздъ сегодня.

Протопоповъ изъявилъ согласіе и разстроенный вышелъ. Спѣшность придавалась потому, что было желательно, чтобы къ слѣдующему засѣданію Думы Протопоповъ не былъ Министромъ.

Оказалось, что въ этотъ день онъ не выѣхалъ, а отправился въ Царское Село, и только на слѣдующій день выѣхалъ въ Ставку. Вернувшись оттуда, онъ дипломатически заболѣлъ, и пребывалъ въ этомъ состояніи вплоть до назначенія новаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Тѣмъ временемъ происходитъ убійство Распутина. Я узналъ объ этомъ изъ вечерней газеты. Вечеромъ я былъ у Трепова. Онъ задержалъ меня въ пріемной потому, что у него сидѣлъ съ докладомъ Директоръ Департамента Полиціи. На мой вопросъ о Распутинѣ, Треповъ почему-то сказалъ мнѣ, что это не навѣрно, что говорятъ будто бы у Юсупова стрѣляли въ какую-то собаку. Зачѣмъ понадобилось это новое вранье, я такъ и не понялъ, когда весь городъ зналъ объ этомъ.

На слѣдующій же день въ кабинетѣ Трепова было засѣданіе Совѣта Министровъ, и Министръ Юстиціи Макаровъ подробно рассказывалъ о его поѣздкѣ на острова, чтобы лично осмотрѣть слѣды преступленія.

За кратковременное пребываніе Трепова Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ въ составѣ Совѣта произошли слѣдующія перемѣны. Съ уходомъ Штюрмера, освободился постъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ. По какимъ-то непонятнымъ соображеніямъ Треповъ не спѣшилъ его замѣстить. Большинство изъ насъ указывали ему, что совершенно невозможно, чтобы, во время войны, столь важный постъ оставался вакантнымъ и акредитованные союзные послы не имѣли возможности бесѣдовать съ достаточно авторитетнымъ лицомъ. По общему мнѣнію, было совершенно не достаточно, чтобы, хотя временно, Товарищъ Министра Нератовъ управлялъ вѣдомствомъ. Повидимому, Треповъ призналъ наши доводы серьезными, и просилъ Государя назначить Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Н. Н. Покровскаго, занимавшаго постъ Государственнаго Контролера. Назначеніе это многихъ удивило, считая, что Покровскій, специализировавшійся на финансовыхъ и экономическихъ вопросахъ, не достаточно освѣдомленъ въ вопросахъ иностранной политики. Съ своей стороны, я настолько высокаго мнѣнія объ этомъ лицѣ, что, зная его тактичность, осторожность и высокій умъ, я былъ увѣренъ, что онъ окажется твердымъ и достойнымъ руководителемъ нашей иностранной политики.

На освободившійся постъ Государственнаго Контролера Треповъ провелъ Θεодосьева, совершенно молодого человека, способнаго и тактичнаго. Это послѣднее назначеніе П. Л. Баркъ истолковалъ въ томъ смыслѣ, что Θεодосьевъ готовится Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ для замѣщенія поста Министра Финансовъ. Въ Ставкѣ, гдѣ мы встрѣтились съ нимъ, онъ высказывалъ мнѣ о непрочности своего положенія

22 декабря былъ опубликованъ указъ объ утвержденіи Про-

топопова Министромъ; до сего времени онъ былъ управляющимъ министерствомъ. Одновременно послѣдовало увольненіе Министра Юстиціи Макарова и замѣщеніе его Добровольскимъ. Этотъ послѣдній по телефону спросилъ Трепова, когда онъ можетъ ему представиться, на что получилъ отвѣтъ, что онъ можетъ не трудиться; это, конечно, означало, что Треповъ ожидаетъ указъ объ отставкѣ.

Утромъ, въ день опубликованія указа объ утвержденіи Протопопова, Гр. Игнатьевъ и я были со Всеподданнѣйшимъ докладомъ. Первымъ былъ мой докладъ. Игнатьевъ, съ которымъ я ожидалъ въ пріемной, былъ страшно возбужденъ, и рѣшилъ подать въ отставку. Онъ привезъ, его рукой написанное, длинное прошеніе съ мотивами, между прочимъ, ссылаясь на сыновей, которымъ онъ долженъ подать примѣръ. Отставка его была принята.

Черезъ 2-3 дня Треповъ былъ смѣненъ.

Трепова, какъ извѣстно, замѣнилъ Кн. Голицынъ. Весьма приличный человекъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ былъ Архангельскимъ губернаторомъ, а затѣмъ получилъ назначеніе Члена Государственнаго Совѣта, гдѣ не игралъ особой роли.

Покровский и Баркъ тотчасъ же заявили ему просьбу объ отставкѣ. 29-го декабря я тоже сказалъ ему, что на ближайшемъ Всеподданнѣйшемъ докладѣ я буду просить Государя объ освобожденіи меня, и объяснилъ ему какъ то, что для меня невозможно ладить съ революціонной общественностью, также и то, что состояніе моего здоровья было въ очень скверномъ видѣ. Поэтому я просилъ его не препятствовать моему уходу.

Кн. Голицынъ усердно просилъ меня «не огорчать Государя» новой заботой о смѣнѣ Министра торговли и промышленности. Заговоривъ о Протопоповѣ, къ которому весь кабинетъ относился отрицательно, онъ заявилъ, что еще не можетъ высказать о немъ своего мнѣнія, совершенно его не зная. Мнѣніе свое онъ выскажетъ, когда самъ узнаетъ его. Не поздно ли будетъ это?

Я счелъ необходимымъ посѣтить и Покровскаго и Барка, чтобы поставить ихъ въ извѣстность о предпринятыхъ мною шагахъ. Оказывается, оба они отставки не получили, и, вернувшись послѣ Всеподданнѣйшаго доклада, слегли въ постель, повидимому, отъ потрясенія. Мамѣ Баркъ сказала мнѣ, что ея мужъ въ такомъ видѣ, что не можетъ поднять головы, и увѣряла, что у него на всемъ тѣлѣ нарывы, какъ слѣдствіе чрезмѣрнаго нервнаго напряженія. Лично я долженъ подтвердить это; черезъ два мѣсяца, при арестѣ въ Государственной Думѣ, ему при мнѣ дѣлали перевязку бедра.

Мой ближайшій Всеподданнѣйшій докладъ былъ 2-го января 1917 г. Доложивъ Государю текущіе дѣла, я просилъ разрѣшенія коснуться личнаго вопроса. И тутъ я просилъ Его милости — смѣны. Я подробно развилъ мотивы этой просьбы: во-первыхъ, я не могу ладить съ современной общественностью, которая ко мнѣ относится не благопріятно, и смѣна меня произведетъ на нее

хорошее впечатлѣніе; во-вторыхъ, я изложилъ о состояніи моего здоровья, которое находилось въ очень дурномъ видѣ, я чрезмѣрно усталъ, и, наконецъ, всѣ министры смѣнились при мнѣ по нѣсколько разъ, и это еще больше затрудняетъ мою работу.

Государь долго на это не соглашался; я всячески Его уговаривалъ, и пояснилъ, что мнѣ самому чрезвычайно трудно идти на этотъ шагъ, но я положительно не въ силахъ вынести такую борьбу и такой трудъ. Въ концѣ концовъ, Государь, повидимому, склонился, и сказалъ, что Онъ обдумаетъ этотъ вопросъ, но, что если Онъ смѣнитъ меня, то, во всякомъ случаѣ, назначить меня членомъ Государственнаго Совѣта.

На этомъ я уѣхалъ и считалъ, что вопросъ конченъ и что я больше не министръ. Я немедленно поставилъ объ этомъ въ курсъ М. М. Рейнике (правая рука А. С. Танѣева) и просилъ его дать мнѣ знать, когда будетъ получена отъ Государя записка для изготовленія указа о смѣнѣ меня, дабы узнать объ этомъ хоть за нѣсколько часовъ до всего Петрограда. По министерству я сталъ воздерживаться отъ рѣшеній по серьезнымъ вопросамъ, и съ часу на часъ ожидалъ указа.

Такъ длилось до 8-го января, когда я вновь послалъ Всеподданнѣйшую записку Государю съ просьбою принять, и весьма быстро получилъ отвѣтъ, съ назначеніемъ доклада на 10 января.

Обычный докладъ. Кончивъ его, я сложилъ бумаги и просительно смотрю на Государя. Тогда Онъ заговорилъ Самъ: «Вы прошлый разъ просили Меня уволить васъ. Я очень много думалъ, и пришелъ къ заключенію, что никакъ не могу сдѣлать этого». Далѣе слѣдовала, въ очень лестной формѣ, мотивировка этого и указаніе, что въ такое тяжелое время я не долженъ отказываться, и кончилъ тѣмъ, что просилъ меня остаться.

Мнѣ ничего не оставалось сдѣлать, какъ безмолвно подчиниться.

Тогда мнѣ пришлось доложить, что, если Его Величеству не благоугодно меня смѣнить, то я считаю, что положеніе угольного дѣла, т. е. замѣчаемое уменьшеніе добычи угля, требуетъ моей поѣздки въ Харьковъ, для принятія необходимыхъ мѣръ по усиленію выработки топлива. Государь это одобрилъ.

Вернувшись домой, мы съ женой обсуждали положеніе. Она взяла съ меня слово, что эта отсрочка будетъ не дальше, какъ до Пасхи, послѣ которой я обязательно уйду.

Событія предупредили...

ГЛАВА XXXIX.

ВЫСОЧАЙШИЙ ВЫХОДЪ 1 ЯНВАРЯ 1917 г.

Къ концу декабря 1916 г. возбужденная атмосфера въ Петроградѣ дошла до апогея. Не прекращавшіеся толки по поводу убійства Распутина, рассказы о неудавшемся дворцовомъ переворотѣ, революціонныя рѣчи въ Государственной Думѣ, возбуждавшія общественное мнѣніе, неустройство Правительства, гдѣ толь-

ко что былъ назначенъ князь Голицынъ Предсѣдателемъ, утвержденіе Протопопова Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, уходъ любимца либераловъ графа Игнатьева, — все это создавало столь насыщенную атмосферу, что можно было предвидѣть каждый моментъ неожиданныхъ вспышекъ.

Повидимому, это обстоятельство и заставило Государя назначить на 1 января Высочайшій выходъ въ Большомъ Царско-сельскомъ Дворцѣ по случаю Новаго Года. Петроградъ къ этому времени уже отвыкъ отъ дворцовыхъ пріемовъ и парадныхъ мундировъ, а они обычно хорошо вліяли на настроеніи публики. Великолѣпіе Дворцовъ, придворный блескъ, все это занимало не только участниковъ дворцоваго выхода, но весь городъ съ интересомъ пересказывалъ различныя детали дворцоваго выхода.

На вокзалѣ въ Царскомъ Селѣ я встрѣтилъ И. Г. Щегловитова. Въ этотъ день было опубликовано назначеніе его Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и сверхъ того онъ получилъ Высочайшую награду. Видъ у него былъ восторженный, казалось, что онъ леталъ на крыльяхъ. Я подошелъ поздравить его съ Монаршими милостями. Онъ мнѣ отвѣтилъ: «да, на меня такъ и сыпятся». Если бы онъ могъ предвидѣть, что черезъ два мѣсяца онъ будетъ заключенъ въ крѣпость и что это заключеніе такъ ужасно кончится. Онъ былъ разстрѣлянъ.

Въ ожиданіи во Дворцѣ Высочайшаго выхода, всѣ приглашенные (какъ называлось въ официальныхъ приглашеніяхъ по формулѣ Петра Великаго «особы обоего пола пріѣздъ ко Двору имѣющія»), занимали свои мѣста, тѣпились кучками и разговаривали. Въ одной изъ группъ стояла грузная фигура Родзянки. Къ нему подходитъ съ обычной сладкой улыбкой Протопоповъ и, поздравляя съ Новымъ Годомъ, протягиваетъ руку. Грубый Родзянко не пошевеливая своимъ туловищемъ, зычнымъ голосомъ произноситъ: «прочь! — ко мнѣ не прикасаться». Я стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ, видѣлъ все это своими глазами и слышалъ своими ушами.

Эпизодъ этотъ немедленно распространился по всему дворцу, а вечеромъ про него говорилъ весь Петроградъ.

Этотъ скандалъ во дворцѣ еще больше наэлектризовалъ городскую атмосферу. Многие даже сочувствовали Родзянкѣ, а между тѣмъ элементарное приличіе требуетъ не дѣлать скандала въ чужомъ домѣ въ гостяхъ, а тѣмъ болѣе у такого Хозяина. Какъ бы велико неудовольство Протопоповымъ ни было, все же такой способъ борьбы не допустимъ. И что же, эта выходка, эта грубость дѣлаетъ новый ореолъ Родзянкѣ и считается въ революціонныхъ кругахъ проявленіемъ гражданскаго мужества! Если бы Министръ Императорскаго Двора проявилъ бы сколько нибудь рѣшительности, то не трудно было бы доказать Государю необходимость снять съ Родзянки придворное званіе камергера за неумѣніе держать себя при Дворѣ. Между тѣмъ все это прошло совершенно безнаказанно. Къ сожалѣнію, Родзянко поль-

зовался какимъ то довѣріемъ среди нѣкоторыхъ приближенныхъ Государя.

ГЛАВА XL.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ СЛАВНОЙ, ВЕЛИКОЙ, ЦАРСКОЙ РОССИИ.

Наканунѣ революціи.

Въ концѣ февраля 1917 г. настроеніе сильно сгустилось. Вездѣ дебатировался продовольственный вопросъ. Управляющій Министерствомъ Земледѣлія Риттихъ давалъ Думѣ обстоятельныя и подробныя объясненія по продовольственному вопросу, а Дума, руководимая кадетами и лѣвѣе ихъ стоящими, оказывала ему явное противодѣйствіе. Между тѣмъ, принятый Риттихомъ и энергично проводимый имъ планъ снабженія, былъ весьма цѣлесообразный и сразу сталъ давать болѣе, чѣмъ благопріятные результаты. Если и были кое-гдѣ недочеты, то они проявлялись лишь въ тѣхъ районахъ, гдѣ кадетская и соціалистическая пропаганда стремились подорвать успѣхъ правительственныхъ мѣропріятій.

Нѣкоторыя губерніи рѣзко протестовали. Размѣръ ихъ повинности пересмотрѣли, въ случаѣ убѣдительныхъ данныхъ нѣсколько уменьшили нарядъ, другимъ оставили безъ измѣненія. Благопріятные результаты этого плана были налицо и сразу явилось планомѣрное и усиленное поступленіе зерна.

Со середины февраля агитація на заводахъ среди рабочихъ довела до того, что постепенно заводы Петроградскаго района одинъ за другимъ начали бастовать, а вожаки стали усердно распространять слухи о недостаткѣ хлѣба для питанія населенія. У всѣхъ булочныхъ и хлѣбопекаренъ образовались хвосты, закупали хлѣбъ въ прокъ и сразу опустошали хлѣбопекарни, отказывавшія затѣмъ хлѣбъ тѣмъ, которые оказались въ концѣ хвоста. Такимъ образомъ, несмотря на вполне достаточное ежедневно выпекаемое количество хлѣба, получалось впечатлѣніе полного его недостатка въ виду неправильнаго распредѣленія его между населеніемъ столицы. Тутъ ясна ошибка, заключавшаяся въ томъ, что своевременно не были введены хлѣбныя карточки. Этимъ воспользовались агитаторы, чтобы вывести толпу на улицу.

Въ виду осложненія политическаго положенія и обостряющихся отношеній съ Думой, которая сдѣлалась очагомъ контр-правительственной пропаганды съ Думскою трибуною, было устроено засѣданіе Совѣта Министровъ съ участіемъ нѣсколькихъ членовъ Думы. Были привлечены Родзянко, Шингаревъ, Некрасовъ и нѣкоторые другіе. Родзянко велъ себя возмутительно и заявлялъ: «Вы побѣдить не можете».

Въ концѣ засѣданія Некрасовъ сдѣлалъ заявленіе, заключавшееся въ томъ, что рабочіе элементы до чрезвычайности возбуждены арестомъ Протопоповымъ дѣятелей рабочей секціи военно-промышленнаго комитета. Аресты этихъ лицъ, по словамъ Некрасова, не имѣютъ подъ собою равно никакихъ основаній. Поэтому

онъ заявилъ, что если Правительство хочетъ произвести благопріятное впечатлѣніе, то оно должно выпустить арестованныхъ товарищей Гвоздева и К-о, о дѣятельности которыхъ я подробно описалъ въ главѣ о военно-промышленныхъ комитетахъ. Заявленіе это осталось безъ обсуждения, такъ какъ Совѣтъ Министровъ былъ въ курсѣ революціонной работы этой организаціи.

Между тѣмъ уличные беспорядки продолжали усиливаться. Дума съ каждымъ днемъ увеличивала свою агрессивность. Совѣтъ Министровъ имѣлъ неоднократныя совѣщанія съ командующимъ войсками Петроградскаго Округа генераломъ Хабаловымъ и далъ ему опредѣленные указанія о необходимости принятія крутыхъ мѣръ военного характера. Хабаловъ вывелъ войска на улицу и думалъ этимъ утѣшить, а между тѣмъ этой мѣрой онъ только вызвалъ братанія съ толпой разнузданной военной силы, созданной изъ новобранцевъ. Онъ проявилъ удивительную нерѣшительность и нераспорядительность.

Въ субботу 25 февраля вечеромъ Совѣтъ Министровъ имѣлъ длительное совѣщаніе на квартирѣ у Предсѣдателя. Было установлено, что уличные беспорядки и забастовки заводовъ поддерживаются Думой, которая держитъ себя изъ рукъ вонъ вызывающе. Общее мнѣніе сводилось къ необходимости прервать занятія Государственной Думы. Однако опубликованіе указа въ воскресенье не имѣло значенія въ виду назначенія ближайшаго засѣданія Думы въ понедѣльникъ. Рѣшено было воспользоваться воскреснымъ днемъ и попробовать черезъ Риттиха и Покровскаго позондировать у благоразумныхъ элементовъ Думы о царящихъ во фракціяхъ настроеніяхъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы смягчить эти настроенія.

Вечеромъ на слѣдующій день въ воскресенье 26-го февраля лица эти сдѣлали Совѣту Министровъ сообщеніе о томъ, что многіе члены Думы полагаютъ перерывъ занятій полезнымъ, если одновременно будетъ произведена смѣна Правительства, съ постановкою во главѣ его кого либо изъ популярныхъ военныхъ генераловъ и всѣ сходились на генералѣ Алексѣевѣ!.

Изъ дальнѣйшихъ преній выяснилось, что возражающихъ пріостановкѣ занятій Государственной Думы не было. Всѣ держались мнѣнія, что больше медлить невозможно. Баркъ даже приводилъ примѣръ, какъ Кривошеинъ боялся перерыва, сдѣланнаго Горемыкинымъ 3 сентября 1915 г. и какъ все обошлось благополучно. Послѣдовало единогласное рѣшеніе.

Тогда кн. Голицынъ вынулъ подписанные Государемъ на этотъ предметъ бланки и указы были написаны.

Восторгу Протопопова не было границъ; онъ даже не могъ его скрывать и всячески торопился уѣхать. Ему совмѣстно съ Хабаловымъ было поручено принятіе мѣръ по охранѣ порядка въ районѣ Думы.

Въ теченіе этого засѣданія пріѣхали три представителя правой группы Государственнаго Совѣта: Треповъ, Н. А. Маклаковъ

и кн. Ширинскій-Шахматовъ, передавшіе Предсѣдателю Совѣта Министровъ, отъ имени своей группы, крайнее опасеніе о томъ, что агитация Думы переходитъ всякіе предѣлы. Они находили, что Правительство обязано принять рѣшительныя мѣры.

Революція.

Слѣдующій день 27-го февраля былъ фатальный. Утромъ я телефонировалъ Протопопову, чтобы узнать о положеніи и получить отъ него отвѣтъ, что въ войскахъ безпорядки и возстанія.

Утромъ же я не надолго уѣхалъ по личному дѣлу. Мой автомобиль останавливали нѣсколько разъ, начиная съ Троицкаго моста, гдѣ были патрули.

Вернувшись домой, я узналъ, что меня вызывали по телефону въ засѣданіе Совѣта Министровъ на квартирѣ у Предсѣдателя на Моховой. Я немедленно отправился туда. Вездѣ слышалась стрѣльба, которая была особенно напряженной въ Литейной части города. Стоявшій у воротъ дома Предсѣдателя сторожъ сдѣлалъ знакъ шоферу не останавливаться у подъѣзда, а вѣзжать во дворъ. При входѣ я встрѣтилъ А. С. Путилова, который мнѣ сказалъ, что засѣданіе прервали въ виду опасности оставаться здѣсь и что всѣ Министры постепенно переѣдутъ въ Маринскій Дворецъ. Мы съ Путиловымъ поѣхали туда въ моемъ автомобиле.

Когда министры собрались, началось засѣданіе. Каждую минуту приходили все болѣе и болѣе тревожныя свѣдѣнія. По телефону изъ Таврическаго Дворца чиновникъ канцеляріи Совѣта Министровъ, спеціально присутствующій въ Думѣ для освѣдомленія Правительства о засѣданіяхъ Думы, Куманинъ сообщалъ намъ о положеніи. Въ это время пріѣхалъ генераль Бѣляевъ, который заявилъ, что онъ имѣетъ сдѣлать сообщеніе Совѣту. Онъ пояснилъ, что видалъ нѣсколькихъ видныхъ лицъ, которыя категорически заявляли, что происходящіе безпорядки въ значительной степени завяжутъ отъ того, что во всѣхъ общественныхъ, рабочихъ и городскихъ слояхъ существуетъ громадная ненависть къ М-ру Вн. Д. Протопопову и что, съ его точки зрѣнія озлобленіе дошло до такой степени, что нельзя уже медлить ни одной минуты и смѣна его должна произойти тотчасъ. При этомъ онъ извинился предъ Протопоповымъ, что такъ откровенно высказался.

По обсужденіи предложенія Бѣляева, Совѣтъ Министровъ призналъ необходимымъ, не дѣлая сношенія съ Государемъ, своимъ распоряженіемъ устранить Протопопова и на его мѣсто назначить кого либо изъ генераловъ. Сейчасъ же были приняты мѣры къ оповѣщенію объ этомъ.

Насколько кн. Голицынъ не былъ освѣдомленъ о настроеніи высшаго военнаго персонала, видно изъ того, что онъ спросилъ Членовъ Совѣта Министровъ не подойдетъ-ли на мѣсто Министра Внутреннихъ Дѣлъ генераль Маниковскій. Конечно, боль-

шинство изъ насъ дали о немъ далеко не удовлетворительную аттестацію въ его благонадежности.

Тѣмъ временемъ изъ Таврическаго Дворца сообщили, что образовался Комитетъ Государственной Думы, рѣшившій взять власть въ свои руки, что во главѣ стоятъ Родзянко и Керенскій, оба произносящіе зажигательныя рѣчи. Когда это было сообщено, то Покровскій, откинувшись въ креслѣ, заявилъ, что онъ не можетъ себѣ представить, чтобы Родзянко, камергеръ, могъ бы стать во главѣ революціонной шайки.

Нѣсколько минутъ спустя отъ кого то изъ членовъ Государственнаго Совѣта, насколько я помню, отъ Стишинскаго, сообщили, что Предсѣдатель Государственнаго Совѣта И. Г. Щегловитовъ арестованъ и увезенъ въ Думу.

Скоро прекратились дальнѣйшія сообщенія Куманина. Очевидно ему было это запрещено бунтарями.

Далѣе Совѣтъ Министровъ, видя полную нераспорядительность Хабалова, поручилъ военному министру генералу Бѣляеву взять на себя командованіе войсками Петроградскаго округа и борьбу съ возставшими. Одновременно Совѣтъ Министровъ телеграфировалъ Государю, что положеніе настолько ухудшилось, что необходимо, чтобы Государь выслалъ кого нибудь изъ боевыхъ генераловъ съ войсками для подавленія возстанія и безпорядковъ. Имени генерала не было названо, но Совѣтъ Министровъ подумалъ о Рузскомъ, какъ ближайшемъ главнокомандующимъ со стоящими вблизи войсками. Совѣтъ Министровъ не отдавалъ себѣ отчета о той роли, которую игралъ Рузскій. Какъ потомъ выяснилось своей настойчивостью въ Псковѣ, Генераль-Адъютантъ Рузскій заставилъ деликатнаго, обожавшаго Россію, Государя отречься отъ Престола. Онъ позволилъ себѣ даже дерзко говорить: «Ну, рѣшайтесь!»

Эти слова, послѣ стреченія, Государь передавалъ въ Ставку Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, Которая въ Даніи рассказывала мнѣ объ этомъ. Источникъ освѣдомленія безусловно достоверный.

На этомъ было рѣшено сдѣлать короткій перерывъ засѣданія и собраться вновь къ 7 или 8 часамъ.

Ко мнѣ подошелъ Протопоповъ: блѣдный, дрожащій. Онъ отвелъ меня въ сторону и спросилъ, не слѣдуетъ-ли ему застрѣлиться. Вѣдь я сумѣю покончить съ собой, заявилъ онъ. Я постарался его успокоить и сказалъ, что этимъ онъ никому не поможетъ.

Тутъ же одинъ изъ моихъ друзей подѣлился со мною своею мыслью. Онъ считалъ, что для водворенія порядка необходимо уничтожить прежде всего революціонное гнѣздо Таврическаго Дворца. Для этого по его мнѣнію надо предписать летчикамъ Царскаго Села, бывшимъ въ то время въ числѣ вѣрныхъ войскъ, сбросить ночью бомбы на Таврическій Дворецъ и не оставить тамъ камня на камнѣ. Къ сожалѣнію, Бѣляевъ не рѣшился сдѣ-

лать это, боясь громаднаго числа жертвъ. Но, пожалуй, это былъ единственный способъ эффектнаго подавленія бунта солдатскаго и бунта Думскаго.

Я уѣхалъ въ Министерство. Вдругъ мой шефферъ помчалъ съ немовѣрной быстротой, какъ я никогда не позволялъ ѣздить. Оказалось, что въ насъ стрѣляли.

Пріѣхавъ домой, я засталъ жену въ ужасномъ смятеніи. Она настояла, чтобы намъ немедленно уѣхать изъ дома. Мы поѣхали къ моему отцу. На улицахъ вездѣ были беспорядки. Приходилось выбирать наиболѣе спокойныя улицы, чтобы проѣхать.

Вечеромъ я отправился опять въ Маріинскій Дворецъ, гдѣ было назначено продолженіе засѣданія Совѣта Министровъ. Идти пришлось пѣшкомъ, чтобы не обращать на себя вниманія проѣздомъ автомобиля. Подымаясь по лѣстницѣ Маріинскаго Дворца, я встрѣтилъ спускавшихся по лѣстницѣ Родзянку, Некрасова, Дмитрюкова и Савича. Они пріѣхали къ кн. Голицыну. Оказывается Родзянко рекомендовалъ Великому Князю Михаилу Александровичу, который тоже пріѣзжалъ къ кн. Голицыну, объявить себя регентомъ. Но Великій Князь заявилъ, что не сдѣлаетъ этого безъ согласія Государя и съ этою цѣлью отправился въ домъ военнаго министра, чтобы переговорить съ Государемъ по прямому проводу.

Голицынъ сообщилъ намъ объ этихъ переговорахъ и о томъ, что онъ ждетъ согласія Государя, послѣ чего Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ придетъ въ Совѣтъ Министровъ, смѣнитъ весь составъ его и назначитъ новое Правительство. Баркъ заявилъ, что, если это произойдетъ, то онъ считаетъ, что царствованіе Государя окончилось. Я же спросилъ Голицына отдастъ ли онъ себѣ отчетъ, кто будетъ Предсѣдателемъ въ новомъ правительствѣ, если во главѣ станетъ Михаилъ Александровичъ. Голицынъ отвѣтилъ отрицательно. Тогда я объяснилъ ему, что все это устраиваетъ Родзянко, будучи убѣжденъ, что Михаилъ Александровичъ назначитъ его Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

Тѣмъ временемъ всѣ были въ тяжеломъ ожиданіи. Отвѣтъ Государя не получался. Залы Маріинскаго Дворца были еле освѣщены, образовывались кучки членовъ Государственнаго Совѣта, пришедшихъ узнать о положеніи. Въ темнотѣ нѣсколько разъ промелькнула сіяющая фигура Гучкова.

Наконецъ, по телефону передали, что Великій Князь не придетъ, такъ какъ Государь на предложенную комбинацію не согласился.

Принимая во вниманіе, что вся власть по борьбѣ съ возставшими была поручена военному министру, остальные министры разошлись, такъ какъ ожидалось, что Маріинскій Дворецъ будетъ занятъ возставшими.

Князь Голицынъ ночевалъ у Лодыженскаго, Протопоповъ въ Государственномъ Контролѣ.

Выйдя изъ Маріинскаго Дворца, я направился къ генералу

Бѣляеву въ домъ военнаго министра на Мойкѣ у Краснаго моста. Я хотѣлъ переговорить съ нимъ о положеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить себя въ помощь ему по принятію мѣръ къ борьбѣ съ революціонерами. Однако, не дойдя, я повернулъ назадъ считая, что говорить со мною въ пустую ему некогда, а предлагать свои услуги мнѣ, штатскому, болѣе чѣмъ смѣшно, когда дѣло теперь военныхъ.

На слѣдующій день я узналъ, что очень скоро послѣ моего ухода, Маріинскій Дворецъ, въ которомъ происходили наши засѣданія, былъ захваченъ революціонерами. Не всѣ министры успѣли разойтись, нѣкоторые оставались и бесѣдовали, это были Покровскій и Баркъ. Путиловъ провелъ ихъ темными ходами въ подвальное помѣщеніе къ сторожамъ, откуда они ускользнули благополучно.

Вернувшись на квартиру моего отца, я узналъ, что и въ ихъ районѣ настроеніе крайне тревожное. Опасаясь, что швейцаръ и дворники выдадутъ наше присутствіе, моя сестра посоветовала намъ не ночевать у нихъ, а перейти въ недалеко находящійся домъ, гдѣ жилъ ея очень хорошій знакомый, достойнѣйшій священникъ. Съ этой цѣлью она отправилась къ нему пѣшкомъ и получила немедленное согласіе. Хотя дорога была не далекая, но ей пришлось нѣсколько разъ прятаться подъ воротами и даже ложиться на землю, чтобы избѣжать летающихъ пуль беспорядочной стрѣльбы пьяныхъ солдатъ. Приняты мы были всей семьей священника съ распростертыми объятіями и чрезвычайно сердечно.

На слѣдующее утро мы узнали, что въ квартирѣ отца розыскивали меня вооруженные солдаты, осматривали все до чердаковъ включительно, грабили и протыкали диваны штыками.

28 февраля рано утромъ я отправился къ зданію Маріинскаго Дворца. На немъ были красные флаги. Кругомъ войска, явно революціонныя; происходила стрѣльба и бомбардировка гостиницы «Асторія», на Морской рядомъ съ Исаакіевскимъ Соборомъ, гдѣ засѣли нѣсколько десятковъ генераловъ и офицеровъ. Вездѣ летали грузовые автомобили, на нихъ пьяные солдаты и женщины съ красными повязками.

Я зашелъ въ находившійся недалеко на Мойкѣ Государственный Контроль къ Тесдосьеву. Во время нашей бесѣды его предупредили, что толпа громитъ квартиру Товарища Государственного Контролера Маликова. Мы рѣшили уйти. По Мойкѣ прошли на Невскій. Шла осада Адмиралтейства, гдѣ засѣли матросы и вѣрныя войска, охранявшія Штабъ Бѣляева, переведенный въ Адмиралтейство. Телефоны не дѣйствовали. Мы рѣшили пройти въ М-во Ин. Дѣлъ къ Покровскому. Стрѣльба изъ пулеметовъ заставляла насъ заходить въ подъѣзды и пережидать.

Отъ Покровскаго по дворцовому телефону, который еще съ грѣхомъ пополамъ дѣйствовалъ, мы соединились съ Бѣляевымъ, чтобы узнать о положеніи. Онъ сказалъ, что положеніе очень

скверное. Черезъ нѣсколько минутъ онъ соединился опять и сказалъ, что только что отъ Государя получена телеграмма, содержаніе которой онъ проситъ передать и другимъ министрамъ, кому мы сможемъ. Телеграмма гласила, что Государь послалъ генерала Иванова съ войсками для усмиренія Петрограда. Всѣмъ министрамъ предписывалось оставаться на своихъ постахъ и исполнять распоряженія Иванова. Это послѣднее извѣстіе, которое мы получили отъ Государя, могли передать только Барку.

Отъ Покровскаго я рѣшилъ пройти не надолго въ М-во Торговли и Промышленности. Путь длинный и опасный. Приходилось все время то прятаться въ подѣзды, то заходить за углы, чтобы не попасть подъ стрѣльбу пулеметовъ съ крышъ и безпорядочныхъ ружейныхъ выстрѣловъ съ мчавшихся революціонныхъ автомобилей. Наконецъ, я достигъ Троицкаго моста. Войдя на него, я увидалъ движущуюся громадную революціонную толпу солдатъ, матросовъ, рабочихъ и женщинъ, шедшихъ съ Васильевскаго Острова. Я задумался, какъ быть: продолжать дорогу или вернуться. Рѣшилъ, что менѣе опасно пойти навстрѣчу и не дѣлать вида, что испугался толпы. Итакъ мы шли навстрѣчу другъ другу. Несли красные флаги, плакаты съ надписью: «да здравствуетъ революція», пѣли революціонныя пѣсни. Когда я поравнялся съ толпой на срединѣ моста, вдругъ откуда-то былъ открытъ пулеметный огонь по толпѣ. Сказалось, что стрѣляли съ крышъ Зимняго Дворца. Толпа повернула и безпорядочно побѣжала. Мнѣ пришлось бѣжать вмѣстѣ съ ней. Многіе падали ранеными и убитыми. Наконецъ, я усталъ до того, что больше бѣжать не могъ и упалъ отъ усталости около Биржи. Пробѣгавшіе хотѣли мнѣ помочь, думая, что я раненъ.

Съ такими трудностями я добрался до Министерства на Тучковой набережной. Тамъ царило волненіе. Всѣ видѣли, что революція побѣждаетъ.

Обратно я пошелъ уже другимъ путемъ: черезъ ледъ, мимо Почтамтской улицы, гдѣ пылалъ роскошный особнякъ Министра Двора графа Фредерикса, далѣе прошелъ мимо Театровъ и Литовскаго рынка; этотъ послѣдній тоже горѣлъ. Пожары были во всѣхъ концахъ города. Сожжены и разграблены всѣ полицейскіе участки; массы бумагъ и разорванныхъ дѣлъ носило вѣтромъ по улицамъ.

1 марта я рѣшилъ пробраться на Карповку повидать одного изъ моихъ друзей А. Е. Молчанова, а затѣмъ зайти опять въ Министерство.

Путь я избралъ дальній, чтобы обходить всѣ очаги революціонной массы. Черезъ ледъ у Балтійскаго завода, по задней части Васильевскаго Острова, въ концѣ конновъ выбрался на Карповку. Но и тамъ оказалось крайне не спокойно. Вездѣ разнужданныя толпы солдатъ обстрѣливали дома, гдѣ по ихъ мнѣнію засѣлъ кто нибудь изъ вредныхъ для нихъ лицъ, вездѣ мчались автомобили съ вооруженными солдатами и пьяными дѣвками.

Наиболѣе обычная поза солдатъ — лежа на подножкѣ или на крышѣ автомобиля съ выставленной винтовкой.

Подойти съ Каменноостровскаго проспекта на Карповку оказалось невозможнымъ: нѣсколько пунктовъ обстрѣливалось. Пришлось дѣлать большой обходъ.

За разговорами съ Молчановымъ былъ затронуть вопросъ, скрывать ли мнѣ или нѣтъ. Съ одной стороны я считалъ болѣе цѣлесообразнымъ скрывать, чтобы избѣжать ареста, съ другой, какъ то совѣстно скрывать, разъ я ничего дурного не сдѣлалъ. Молчановъ далъ мнѣ совершенно невѣроятный совѣтъ. Онъ увѣрялъ меня, что революція взяла окончательно верхъ, что всѣ его симпатіи на сторонѣ Думы и что онъ находитъ наиболѣе правильнымъ для меня прямо кѣхатъ въ Думу и такъ сказать явиться этимъ революціонерамъ и такимъ образомъ и лично сдѣлаться измѣнникомъ.

Конечно, я съ негодованіемъ отвергъ такой совѣтъ, быстро съ нимъ распрощался и, несмотря на многолѣтнюю дружбу, не видался больше съ нимъ даже впослѣдствіи. Отъ него я отправился въ Министерство, чтобы только показаться и уйти.

Когда я пришелъ туда, было уже часа три дня. Я узналъ, что Думой назначены два комиссара для завѣдыванія Министерствомъ Торговли и Промышленности (Ростовцевъ и Родзянко 2-й).

Изъ Министерства я позвонилъ по телефону къ Покровскому и узналъ отъ него, что Баркъ арестованъ.

Когда я собрался уходить, ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ инженеръ Невинскій и сказалъ, что два какіе то студента явились съ солдатами въ качествѣ милиціонеровъ для завѣдыванія и охраны зданія Министерства и спросили Невинскаго, кто здѣсь находится изъ старшихъ чиновъ. Получивъ отвѣтъ, что здѣсь самъ Министръ, они заявили, что согласно имѣющихся у нихъ директивъ, они обязаны доставить меня въ Думу и выразили желаніе тотчасъ же меня повидать. Я имѣлъ полную возможность съ другого хода уйти. Никто бы меня не задержалъ, но я постѣснился, пригласилъ къ себѣ студентовъ и переговорилъ съ ними. Оба были очень милые, корректные молодые люди, держали себя по отношенію ко мнѣ въ высокой степени вѣжливо, скажу болѣе — почтительно. Они искренно думали, что доставляютъ меня въ Думу для того, чтобы охранить меня и оградить отъ толпы.

Я собрался, забралъ свой чемоданчикъ и вышелъ во дворъ, гдѣ приготавливали мой же автомобиль; арестовавшіе меня птенцы спросили меня, сколько я хочу посадить въ автомобиль солдатъ для охраны меня!.. По дорогѣ они очень мило разсуждали со мной, повидимому они стали раскаиваться, что повезли меня въ Думу. Подѣхатъ туда было очень трудно. Толпы, автомобили, солдаты все это заполняло не только дворъ Таврическаго Дворца, но и большую часть прилегающей къ Таврическому Дворцу Шпалерной улицы. Полная распушенность царила вездѣ.

Одинъ изъ сопровождавшихъ меня студентовъ пошелъ ро-

заскивать власть, которой надо было меня сдать. Видимо его задача была нелегкая, я прождалъ въ автомобилѣ добрыхъ полчаса, пока пришелъ конвой поведшій меня внутрь Дворца. Впереди шелъ приличный прапорщикъ. Видя, что у меня въ рукахъ имѣется чемоданчикъ, и не смѣя приказать солдатамъ взять его, онъ понесъ его самъ.

Что представляли изъ себя залы Таврическаго Дворца — трудно себѣ представить. Базаръ, толкучка, лагерь, не знаю какое изъ этихъ словъ наиболѣе подходящее. Ведшему меня конвою пришлось проталкиваться сквозь самую разнородную толпу. А куда идти, куда проталкиваться, они сами не знали. Я же слышалъ, что всѣхъ арестованныхъ помѣшали въ хорошо мнѣ извѣстный министерскій павильонъ. Поэтому я показывалъ своимъ конвойнымъ дорогу, къ ихъ великому изумленію.

Подѣзжая къ Думѣ и входя въ нее, я все же ожидалъ встрѣтить тамъ приличное и корректное отношеніе. Каково же было мое удивленіе, когда при входѣ въ министерскій павильонъ я, проходя черезъ большую комнату, увидалъ массу генераловъ и офицеровъ, въ числѣ ихъ генерала Бѣляева, съ исключительно трагичнымъ лицомъ, мертвецки молчавшихъ, а придя въ прихожую, я былъ подвергнутъ обыску, какъ на мнѣ, такъ и въ вещахъ, причемъ бритва была отобрана.

Меня ввели въ небольшую комнату, бывшій кабинетъ Куманина, гдѣ уже находились Баркъ, Протопоповъ, Стишинскій и Утинъ.

Начальникъ караула объявилъ мнѣ, что я арестованъ и долженъ исполнять слѣдующія правила: изъ комнаты никуда не выходить, въ уборную ходить только съ провожатымъ солдатомъ, въ комнатѣ ни съ кѣмъ не разговаривать, а безусловно молчать. Это послѣднее меня крайне поразило.

Пребываніе подъ арестомъ въ Думѣ оказалось крайне тяжкимъ. Въмѣсто охраны сановниковъ отъ толпы, какъ то объясняла и была убѣждена арестованная меня молодежь, оказался самый настоящій и суровый арестъ.

Охрана министерскаго павильона была поручена безсмѣнному караулу, составленному изъ солдатъ, которые одними изъ первыхъ подняли знамя возстанія. Во главѣ стоялъ прапорщикъ, караульный начальникъ, социаль-революціонеръ, личный другъ Керенскаго. Слѣдующимъ былъ унтеръ-офицеръ, которому, за особыя отличія въ первые часы революціи Керенскій, со свойственной ему оригинальностью и находчивостью, далъ особое не бывалое отличіе — четвертую унтеръ-офицерскую нашивку. Держалъ себя этотъ унтеръ-офицеръ крайне дерзко по отношенію къ арестованнымъ. Вотъ примѣръ: стоявшій въ прихожей солдатъ, видя, что кто-то изъ насъ надѣвая пальто никакъ не могъ попасть въ рукавъ, помогъ отѣться и поддержалъ пальто. Унтеръ-офицеръ тотчасъ въ крайней рѣзкой формѣ осадилъ его: «Ты все еще не можешь привыкнуть; думаешь, что это господа

какіе, а мы здѣсь для услугъ имъ. Помни, что это не господа, а арестанты, какъ всякіе другіе».

Въ комнатѣ, въ которую меня помѣстили, Баркъ тихо и спокойно сидѣлъ, занявъ предусмотрительно диванъ. Протопоповъ въ отчаяніи полулежалъ на боку на томъ же диванѣ, Стишинскій былъ въ креслѣ, остальные на стульяхъ. Когда открывалась дверь въ сосѣднюю комнату, были видны Штюмеръ и Горемыкинъ; этотъ послѣдній подъ пиджакомъ имѣлъ надѣтую голубую ленту и звѣзду ордена Св. Андрея Первозваннаго. Тамъ же находился раненый въ голову Н. А. Маклаковъ, получившій сильный ударъ штыкомъ отъ одного изъ сопровождавшихъ его солдатъ. Число арестованныхъ продолжало увеличиваться.

Вечеромъ намъ заявили, что горячаго обѣда не получаютъ солдаты въ Таврическомъ Дворцѣ, а потому и арестованные министры не получаютъ ничего.

Вечеромъ мы услышали какой-то ужасный шумъ и движеніе. Оказалось, что арестованнаго Сухомлинова перевозятъ въ крѣпость. Керенскій лично распоряжался этой церемоніей, а собравшаяся на подъѣздѣ громадная толпа ругала Сухомлинова и чуть не побила его.

Затѣмъ вызвали Протопопова, который имѣлъ какое-то очень длинное объясненіе съ Керенскимъ и вернулся въ нашу комнату, но не надолго. Его скоро тоже перевезли въ Петропавловскую крѣпость.

Предстояла ночь. Никакихъ приспособленій для ночевки не было. Лишь только Баркъ съ отѣздомъ Протопопова завладѣлъ однимъ диваномъ, одѣлся въ халатъ, вынулъ всѣ приспособленія и легъ. Всѣ остальные довольствовались стульями. Послѣ тяжелой ночи мы получили чай съ хлѣбомъ, а днемъ убійственный супъ съ какой-то дрянью; вечеромъ — чай съ кускомъ хлѣба. Пищу раздавали молоденькія дѣвицы-курсистки изъ красной молодежи добровольно явившіяся въ Думу.

Керенскій дважды въ день обходилъ всѣхъ арестованныхъ, которые находились въ его вѣдѣніи. Держалъ онъ себя важно. Вотъ примѣръ. Когда онъ вошелъ въ первый разъ въ нашу комнату, то Баркъ сидѣлъ на своемъ диванѣ, Стишинскій въ креслѣ, я же стоялъ у окна. Керенскій подошелъ къ Стишинскому и спросилъ его фамилію. Стишинскій отвѣтилъ: «Членъ Государственнаго Совѣта Стишинскій». Керенскій отвѣтилъ: «А, Стишинскій! Однако, Вы могли бы встать, когда съ Вами разговариваетъ Членъ Комитета Государственной Думы». Стишинскій нехотя всталъ. Баркъ осторожно послѣдовалъ за нимъ, мнѣ же не пришлось двигаться, такъ какъ я раньше его прихода стоялъ у окна.

2, 3 и 4 марта съ маленькими вариантами мы провели въ качествѣ «арестантовъ». Я говорю съ вариантами, потому что, во первыхъ, намъ дали кое какія постельныя принадлежности, а, во вторыхъ, потому, что всѣ мы стали получать изъ дома необходимое продовольствіе.

5-го марта кн. Голицынъ, Баркъ и я были вызваны вмѣстѣ къ Керенскому, который объявилъ намъ, что Государь Императоръ отрекся отъ Престола за себя и за Наслѣдника въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича и что этотъ послѣдній, въ свою очередь, отказался отъ Престола. Поэтому Керенскій спросилъ насъ тронхъ, признаемъ-ли мы временное правитель-ство, образовавшееся подъ предсѣдательствомъ князя Львова, въ составъ котораго онъ вошелъ въ качествѣ министра Юстиціи.

Съ своей стороны я заявилъ буквально слѣдующее: «Мы присягали на вѣрность Императору Николаю II. Разъ Его Величество нынѣ отрекся отъ Престола, то этимъ самымъ Онъ освободилъ насъ отъ присяги. Поэтому я не вижу оснований для отказа признать образовавшееся новое Правительство». Голицынъ и Баркъ подкивнули одобрительно.

Тогда Керенскій объявилъ, что мы освобождаемся отъ ареста.

Баркъ и я мы вышли изъ Думы пѣшкомъ и часть дороги прошли вмѣстѣ. Никакихъ другихъ способовъ передвиженія не существовало. Петроградъ опустѣлъ, вездѣ были видны страшные слѣды пожаровъ и стрѣльбы. Мой путь былъ очень длинный со Шпалерной на Тучкову набережную, гдѣ была занимаемая мною квартира въ М-вѣ Торговли и Промышленности.

Какъ выяснилось, сравнительно быстрымъ освобожденіемъ отъ ареста я обязанъ чрезвычайной энергіи моей жены, которая обратилась съ ходатайствами за меня. Зная, въ какихъ я былъ добрыхъ отношеніяхъ съ вліятельными членами Думы Шингаревымъ и Некрасовымъ, она, немедленнo по полученіи извѣстія о моемъ арестѣ, попробовала телефонировать этимъ двумъ каде-тамъ; оказалось, что ихъ дома не было и оба они ночевали и дне-вали въ Думѣ. Но ихъ жены дали твердое обѣщаніе, что, при пер-вомъ возвращеніи ихъ мужей, онѣ обѣ будутъ настойчиво предъ ними хлопотать за меня, что онѣ и исполнили добросовѣстно.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Я закончилъ свой скромный трудъ сороковой главой. Но мнѣ кажется, желательнымъ привести хоть нѣсколько разительныхъ фактовъ, почерпнутыхъ мною изъ разныхъ источниковъ, относящихся къ первымъ недѣлямъ, слѣдующимъ послѣ революціи.

Быть можетъ, приводимыя мною выписки, неизвѣстны нѣкоторымъ лицамъ, особенно молодому поколѣнію.

**

Отрекшійся отъ престола Императоръ Николай II, передъ своимъ отъѣздомъ изъ района дѣйствующей арміи, обратился къ войскамъ со слѣдующимъ прощальнымъ словомъ:

«Въ послѣдній разъ обращаюсь къ Вамъ, горячо любимыя мною войска. Послѣ отреченія мною за себя и за сына моего отъ престола Россійскаго, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія. Да поможетъ Богъ и Вамъ, доблестныя войска отстоять нашу Родину отъ злого врага. Въ продолженіе двухъ съ половиной лѣтъ Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролило крови, много сдѣлано усилій и уже близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

«Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣнникъ Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслить. Исполняйте же Вашъ долгъ, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайте вашихъ начальниковъ, помните, что всякое ослабленіе порядка службы только на руку врагу.

«Твердо вѣрю, что не угасла въ Вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ Васъ Господь Богъ и да ведетъ Васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій».

«НИКОЛАЙ».

8-го марта 1917 г. — Ставка.

Генераль Алексѣевъ счелъ необходимымъ сообщить по телеграфу военному министру Гучкову о томъ, что Государемъ напи-

сано прощальное слово къ войскамъ. Въ отвѣтъ на это пришла телеграмма съ воспрещеніемъ печатать и распространять этотъ приказъ.

**

8-го марта на платформѣ передъ поѣздомъ, увозившимъ изъ Ставки Государя, по требованію члена Государственной Думы Бубликова, черезъ посредство генерала Алексѣева, было объявлено Государю, что Онъ долженъ считать себя арестованнымъ. Алексѣевъ взялъ на себя это **позорное** порученіе.

Государь, войдя въ Свой вагонъ, подошелъ къ окну... Императрица Марія Ѳеодоровна все время стояла у своего окна, на другой сторонѣ платформы, крестила Его и платкомъ утирала слезы... Наконецъ, поѣздъ тронулся... Генераль Алексѣевъ отдалъ честь Его Величеству. Послѣдній вагонъ поѣзда былъ съ Думскими депутатами. Когда онъ проходилъ мимо Алексѣева, то онъ снялъ фуражку и **низко** поклонился!..

**

Между 1 и 2 часами ночи въ Царскосельскій Дворецъ пріѣхали Главнокомандующій войсками военного округа генераль Корниловъ, военный министръ Временнаго Правительства Гучковъ и группа сопровождающихъ лицъ. У всѣхъ были на груди огромные красные банты.

Корниловъ грубымъ голосомъ потребовалъ видѣть «бывшую Царицу», «Теперь не время спать», «Разбудите Ее». ...Когда Корниловъ, шедшій впереди, вошелъ въ гостиную, а Гучковъ остановился на порогѣ, показалась изъ противоположной двери Императрица. Она была въ пенюарѣ... Подойдя къ Корнилову и не подавая ему руки, Государыня спросила: «что вамъ нужно, генераль?» На это Корниловъ вытянулся и затѣмъ, въ крайне почтительномъ тонѣ, прерывающимся голосомъ, сказалъ: «В. И. В. Вамъ не извѣстно, что происходитъ въ Петроградѣ и въ Царскомъ... миѣ очень неприятно Вамъ докладывать..., но для Вашей безопасности я принужденъ Васъ... и замаяся.

На это Государыня, перебивъ его, сказала: «Миѣ все извѣстно. Вы пришли меня арестовать?» Корниловъ смѣшался еще больше и, наконецъ, пролепеталъ: «Такъ точно». «Больше ничего?», спросила Императрица. «Ничего», сказалъ Корниловъ.

Государыня, не подавая ему руки, повернулась и удалилась въ Свой покон.

(Краткое извлеченіе изъ «Русской Лѣтописи», книга III, стр. 193 и 194. Подпись, присутствовавшего по службѣ, поручика К. Кологривова).

**

О судьбѣ, отрекнагося отъ Престола Государя и Его Семьи, Временное Правительство не думало. Министръ иностранныхъ дѣлъ Милуковъ предпринялъ слабыя попытки къ вывозу Царской Семьи въ Англію, что ему не удалось, благодаря несогласію Ллойда Джорджа, завѣдомо явнаго врага Россіи. Попытки эти не возоб-

повлялись. Если Вильгельмъ, послѣ проигранной войны, нашелъ себѣ убѣжище въ Голландіи, то, несомнѣнно, нашлась бы гостепріимная страна, которая охотно приютила бы Русскую Императорскую Семью.

Чѣмъ же объяснить такой индеферентизмъ Временнаго Правительства? Причина заключалась не только въ полномъ отсутствіи интереса къ судьбѣ Царской семьи, но и потому, что Временное Правительство было подъ строжайшимъ надзоромъ и контролемъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, который, имѣя въ своемъ распоряженіи военную силу, не допустилъ бы выпустить Государя и Его Семью.

Подтверженіемъ этого можетъ служить, имѣющаяся у меня выписка изъ «Новаго Времени» отъ 17 мая 1917 г. Цитирую ее буквально.

Временно главнокомандующій Петроградскимъ военнымъ округомъ поручикъ Козминъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«14 мая я былъ въ Царскомъ Селѣ. Къ сожалѣнію, караульная служба въ Александровскомъ Дворцѣ стоитъ не на должной высотѣ: часовые сидятъ, курятъ, разговариваютъ съ прохожими, смѣняются безъ разводящаго. Это совершенно недопустимо. Прошу помнить, что мы охраняемъ въ Александровскомъ Дворцѣ главнаго представителя и виновника того невыносимаго гнета, произвола и насилія, который съ такимъ трудомъ сбросилъ съ себя нашъ народъ».

**

2-го марта сформировалась новая власть. Она была двоякая. Съ одной стороны — Временное правительство, съ другой — Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Связующимъ звеномъ былъ Керенскій, получившій портфель министра юстиціи во Временномъ Правительствѣ.

Составъ Временнаго Пр-ва былъ слѣдующій: Предсѣдатель — кн. Львовъ, военный и морской м-ръ — Гучковъ; иностранныхъ дѣлъ — Милюковъ; торговли и промышленности — Коноваловъ; финансовъ — Терещенко; юстиціи — Керенскій; путей сообщенія — Некрасовъ; народнаго просвѣщенія — Мануйловъ; государственнй контролеръ — Годневъ.

Совѣтомъ рабоч. и солд. депутатовъ немедленно былъ изданъ Приказъ № 1. Онъ состоялъ изъ шести пунктовъ и вносилъ полный развалъ въ армію. Тѣмъ не менѣе онъ былъ принятъ Врем. Правительствомъ и опубликованъ имъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Вр. Пр-во, по соглашенію съ Совѣтомъ раб. и солд. депутатовъ, выработало еще новое воззваніе въ восемь пунктовъ: общая амнистія, свобода слова, печати, союзовъ, забастовокъ и т. д., а въ седьмомъ пунктѣ значилось: «Войсковыя части, принявшія участіе въ революціонномъ движеніи не будутъ разоружены и не будутъ выведены изъ Петрограда!..».

**

Первый составъ Временнаго Правительства просуществовалъ

всего восемь недѣль. Первыми вышли изъ его состава Гучковъ и Милюковъ, въ виду усиленныхъ манифестацій противъ нихъ.

20-го апрѣля представитель трудовой группы въ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ произнесъ рѣчь: «...Можно было бы свергнуть Вр. Правительство и арестовать его, считая его отрыжкой стараго режима, но, товарищи, эти мѣры для насъ не примѣнимы. Наша сила велика и безъ того. Мы захотимъ, черезъ пять минутъ Вр. Пр-во перестанетъ существовать». Въ концѣ засѣданія представитель семи полковъ, бывшихъ на Марининской площади съ требованіями удалить Милюкова, передалъ аналогичное заявленіе Совѣту: «Намъ г.г. Гучковы и Милюковы не нужны, мы сами все сдѣлаемъ».

Съ уходомъ Гучкова и Милюкова 30-го апрѣля палъ первый кабинетъ. Было рѣшено образовать коалиціонное Вр. Пр-во.

Второй кабинетъ возглавлялся тѣмъ же кн. Львовымъ, но въ него вошли не только члены перваго состава, но и социалисты Скобелевъ, Церетелли, Пѣшихоновъ и... Викторъ Черновъ, которому было вручено м-во земледѣлія! Это тотъ самый Черновъ, который былъ предсѣдателемъ рабочей группы военно-пром. комитета.

Керенскій замѣнилъ Гучкова какъ военнаго, такъ и морского министра, Шингаревъ занялъ постъ м-ра финансовъ.

Черезъ нѣкоторый срокъ князя Львова замѣнилъ А. Ф. Керенскій, сдѣлавшійся главою Временнаго Правительства, оставався воен. и морскимъ министромъ.

Не могу не сказать нѣсколько словъ о кн. Львовѣ. Вся революціонизировавшая Россія выставляла его, какъ неизбежнаго и желательнаго главу Правительства. На самомъ дѣлѣ выяснилось, что онъ подходилъ къ роли предсѣдателя земскаго союза, но оказался абсолютно непригоднымъ къ той высоко ответственной роли, которая вручена была ему. Никакого авторитета въ этой роли онъ не имѣлъ. Онъ безмолвствовалъ.

**

«Новое Время» 5 марта 1917 г.

4 марта представители союзныхъ державъ посетили частнымъ образомъ Временное Правительство и выразили удивленіе и восторгъ, какъ безболѣзненно совершился въ Россіи настоящій историческій переворотъ и какъ скоро возстановился порядокъ въ странѣ!..

**

«Новое Время», 5 марта 1917 г.

Объявленіе, вновь назначеннаго Начальника Петроградскаго гарнизона, члена Гос. Думы полковника Энгельгардта: «Сего, 1-го марта, среди солдатъ Петроградскаго Гарнизона распространился слухъ, будто бы офицеры въ полкахъ отбираютъ оружіе у солдатъ. Слухи эти были провѣрены въ двухъ полкахъ и оказались ложными... ..Я заявляю, что будутъ приняты самыя рѣшитель-

ныя мѣры къ недопущенію подобныхъ дѣйствій со стороны офицеровъ, вплоть до разстрѣла виновныхъ».

«Новое Время», 12 апрѣля 1917 г.

Тотъ же Энгельгардтъ произнесъ рѣчь военно-плѣннымъ, бѣжавшимъ изъ германскаго плѣна: «...Я знаю, что вы попали въ плѣнъ по винѣ стараго правительства, которое посылало васъ противъ германцевъ, съ голыми руками и открытою грудью. Сейчасъ старая власть пала и Россія стала свободной...»

**

Всѣ министры, чувствуя свою неподготовленность къ управленію страной, и видя полный развалъ, старались оправдать себя и произносили рѣчи, сваливая все «на проклятый старый режимъ, на ужасное наслѣдство, полученное ими отъ Царскаго правительства». Они заявляли: «мы свергли старый строй потому, что въ немъ царили произволь и насиліе»... «Хаосъ, который остался послѣ стараго режима...» и т. д.

Насколько министры были легкомысленны, заявляя о положеніи русской валюты, можно судить по слѣдующимъ рѣчамъ: Мин. фин. Шингаревъ во всеуслышаніе назвалъ «кредитный рубль малостоящимъ, и сказалъ, что дальше онъ будетъ стоить еще меньше». Пѣшихоновъ-же выразилъ даже опасеніе, «что въ ближайшемъ времени наши бумажныя деньги ничего не будутъ стоить».

Мин. пут. с. Некрасовъ оправдываетъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, производившихъ самовольныя устраненія начальства и самовольный выборъ новыхъ начальниковъ, тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, въ 90 случаяхъ изъ 100 эти устраненія были, дѣйствительно, необходимы!..

Оправданіе министромъ самоуправства желѣзнодорожныхъ агентовъ вызвало заявленіе начальника упр. ж. д. объ уходѣ его со службы.

**

Скоро неурядица въ управленіи сказала на арміи. Чрезвычайно разрослись отпуска солдатъ на побывку, а засимъ началось въ невѣроятныхъ размѣрахъ дезертирство. Во второй половинѣ марта желѣзныя дороги были совершенно запружены солдатами, увозившими съ собой съ фронта и оружіе, и снабженіе. Солдатская масса безчинствовала.

**

20 мая. Крупные беспорядки въ Кронштадтѣ. Матросы требуютъ выдачи имъ «бывшаго Царя».

**

На стр. 56-ой книги первой «Русской Лѣтописи» изложено слѣдующее:

«Кстати, вспоминается: не Гучковъ-ли, будучи военнымъ министромъ, подписалъ приказъ о награжденіи орденомъ св. Георгія Побѣдоносца солдата Кирпичникова, перваго поднявшаго красный флагъ въ Волынскомъ полку и убившаго въ спину своего офицера?»

**
*

Къ сожалѣнію, всѣ политическіе дѣятели, которые кричали объ общественномъ довѣріи, были абсолютно не приспособлены къ управленію государствомъ. Какъ ни странно, но общественная дѣятельность у насъ не вырабатывала государственныхъ людей. Какъ ни странно, но бюрократическій опытъ (я говорю о высшей бюрократіи) давалъ у насъ много больше **умѣнія** въ управленіи государствомъ, чѣмъ всякаго рода общественныя и земскія организациі.

Вышеприведенныя строки были мною написаны въ Даніи. Засимъ, обрабатывая свои записи, я почти рѣшилъ исключить ихъ, чтобы не навлечь на себя обвиненіе въ чрезмѣрномъ восхваленіи бюрократіи. Однако, подробно ознакомившись съ капитальнымъ трудомъ В. А. Маклакова «Власть и общественность на закатѣ старой Россіи», я твердо рѣшилъ не только сохранить, упомянутыя выше строки, но еще усугубить ихъ выдержками изъ вышеупомянутаго труда, который представляетъ большую цѣнность.

Вотъ, что пишетъ В. А. Маклаковъ:

Стр. 601. «Представители общественности, увѣренные, что они все сами умѣютъ, что страну **они** представляютъ, что она вѣритъ **имъ**, убѣжденные, что управлять страной очень легко, что только бездарность нашей бюрократіи не давала проявиться всѣмъ талантамъ русскаго общества, неустанно въ своей прессѣ рекламировавшіе и кончившіе тѣмъ, что повѣрили сами тому, что себѣ говорили, самовлюбленные и непогрѣшимые, не хотѣли унижаться до **совмѣстной** работы съ прежнею властью; они соглашались быть только хозяевами.

Они ими стали въ 1917 году на горе себѣ и Россіи»...

Стр. 610. «Пора признаться, что эта Дума, при всѣхъ личныхъ качествахъ и достоинствахъ ея членовъ, была яркимъ образчикомъ нашей политической неумѣлости. Укрѣпленію конституціоннаго строя она не помогла, а мѣшала, въ то время, когда всякая «потеря времени» была «смерти подобна». И она приблизила насъ къ заключительной катастрофѣ»...

ТАБЛИЦА СМѢНЯЕМОСТИ МИНИСТРОВЪ

1917 г.		1916 г.		1915 г.		Годы	Мѣсяцы	Предсѣд. С. М.
Кн. Голицынъ	26-XII	Гре-повъ	10-XI	Штюрмеръ	20-I	Горемыкинъ	Февраль	Внутр. Дѣль
Протопоповъ		А. А. Хвостовъ	16-IX	Штюрмеръ	3-III	Кн. Щербатовъ	Мартъ	Иностр. Дѣль
Покровскій		Штюрмеръ	10-XI	Сазоновъ			Апрѣль	Военный
Бѣлиевъ		Щуваловъ	7-VII	Поливановъ	15-III		Май	Морской
				Григоровичъ			Іюнь	Финансовъ
Кригеръ - Войновскій		Треповъ	10-XI	Баркъ			Іюль	Цутей Сообщ.
Добровольскій	22-XII	Макаровъ	9-VII	А. А. Хвостовъ	27-X		Августъ	Юстиціи
Кульчицкій	26-XII			Гр. Игнатьевъ			Сентябрь	Народн. Пров.
Ритихъ	16-XI	Гр. Бобринскій	21-VII	Паумовъ	26-X	Кривошеинъ	Октябрь	Земледѣлія
Раевъ			17-VIII	Волжинъ		Самаринъ	Ноябрь	Обер-Прокур. Св. Синода
Феодосьевъ	30-XI	Покровскій		Харитоновъ	25-I		Декабрь	Государ. Контрол.
				Кн. Шаховской			Январь	Торговли и Промышл.
							Февраль	18-II

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стр.
П р е д и с л о в і е	5
В в е д е н і е	6
Глава I. — Закладка Либавскаго порта	8
Глава II. — Гвардейскій экипажъ	9
Глава III. — Переходъ на гражданскую службу	12
Глава IV. — Переходъ въ Министерство путей сообщенія..	17
Глава V. — Дѣтельность по управленію вн. водн. пут.	22
Глава VI. — Новыя работы и разработанные проекты	28
Глава VII. — Поѣздка Государя въ Кіевъ и Черниговъ.....	36
Глава VIII. — 300-лѣтіе царствованія Дома Романовыхъ ...	40
Глава IX. — Шоссейныя дороги	43
Глава X. — Война. Поѣздки на фронтъ	45
Глава XI. — Вызовъ въ Царское Село	49
Глава XII. — Министерство торговли и промышленности....	53
Глава XIII. — Совѣтъ Министровъ	56
Глава XIV. — Мой предмѣстникъ С. И. Тимашевъ	61
Глава XV. — Поѣздка въ Харьковъ и Донецкій бассейнъ ..	66
Глава XVI. — Главный Продовольственный Комитетъ	68
Глава XVII. — Нежелательный Министръ	74
Глава XVIII. — Земскій и Городской Союзы	77
Глава XIX. — А. Д. Протопоповъ	79
Глава XX. — Императрица Александра Феодоровна.....	84
Глава XXI. — Засѣданіе Совѣта Министровъ въ Барановичахъ	92
Глава XXII. — Военно-Промышленные Комитеты	95
Торгово-Промышленный съѣздъ.	
Организація Военно-промышл. комитетовъ.	
Финансы и дѣтельность в.-пр. комитетовъ.	
Дѣтельность заграницей.	
Рабочая секція.	
Циммервальдовская конференція.	
Заключеніе главы.	
Глава XXIII. — Прогрессивный блокъ	112

	Стр.
Глава XXIV. — Распутинъ	115
Глава XXV. — Особья совѣщанія	120
Глава XXVI. — Принятіе Государемъ Верховнаго командо- ванія	125
Глава XXVII. — Перерывъ законодательныхъ сессій и москов- скіе сѣзды	131
Глава XXVIII. — Государственная Дума	133
Глава XXIX. — Особое Совѣщаніе по топливу (СОСОП)	136
Недоразумѣнія съ Министромъ Пут. Сообщ.	
Недоразумѣнія съ Воен. Вѣдомствомъ.	
Вторичная поѣздка въ Харьковъ.	
Нефтяное топливо.	
Дровяное топливо.	
Заключеніе главы.	
Глава XXX. — Генеральъ Поливановъ	151
Дѣятельн. Поливанова въ Ос. Сов. по оборонѣ.	
Металлургическій Комитетъ.	
Пермскій заводъ.	
Путиловскій заводъ.	
Увольненіе Поливанова.	
Глава XXXI. — Притязанія Англій на русское золото	160
Глава XXXII. — Нѣкоторые Министры: С. В. Рухловъ, С. Д. Сазоновъ, Н. Н. Покровскій	164
Глава XXXIII. — Нѣмецкое засиліе	171
Мѣропріятія Правительства.	
Общество 86 года.	
Надзоръ за частными банками.	
Глава XXXIV. — Разные комитеты. Нормальный уставъ	175
Глава XXXV. — Поѣздка на Кавказъ	178
Глава XXXVI. — А. И. Гучковъ	183
Глава XXXVII. — Великосвѣтскіе салоны. Союзные послы. Великіе князья	187
Глава XXXVIII. — А. Ф. Треповъ — предсѣдатель Совѣта Ми- нистровъ	191
Глава XXXIX. — Высочайшій выходъ. 1 января 1917 г.	196
Глава XL. — Послѣдніе дни Славной, Великой, Царской Россіи	198
П о с л ѣ с л о в і е	209
Таблица смѣняемости министровъ	215

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK254
.S45
A3
1952

